ЦЕНТРАРХИВ

ПИСЬМА ПОБЕДОНОСЦЕВА К АЛЕКСАНДРУ III

ТОМ I

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

„НОВАЯ МОСКВА“
1925

Библиотека "Руниверс"

Отпечатано в 16 типографии „Мосполиграф“, Трехпрудный, 9, в количестве 2.000 экз. Мосгублит № 4534.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие М. Н. Покровского.	V—XI
Перечень писем	XIII—XVI
Письма К. П. Победоносцева.	3—400
Примечания.	401—426
Именной указатель	427—448

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Письма Победоносцева к Александру III, издаваемые Центрархивом по оригиналам, хранившимся в б. архиве Зимнего дворца, представляют собою такой же незаменимый источник для истории внутренней политики России начала 1880-х годов, каким являются письма Вильгельма к Николаю для политики внешней следующих десятилетий. К сожалению, и здесь Центрархив вынужден ограничиться письмами одной стороны, тогда как хотелось бы, а в интересах пользующихся нужно было бы дать переписку. Ответы Александра III — не на все письма — читатель найдет в издании архива Победоносцева, предпринятом Румянцовским Музеем, куда попал этот архив в дни нашей архивной неразберихи, когда все «охраняли» все от всех, а преимущественно от Главного Управления архивным делом.

Это очень досадно, что для пользования одним по существу источником придется прибегать к двум книгам, изданным по различному плану, причем из издания Румянцовского Музея соответствующий материал надо будет еще «выуживать», так как там письма Александра III перепутаны с массою документов, отчасти весьма интересных, отчасти вовсе не интересных, иного происхождения. Но с этим уже ничего

Библиотека "Руниверс"

не поделаешь. Издание Музея, явившееся для Центрархива совершенным сюрпризом, было уже готово, вплоть до верстки, когда окончилась подготовка к сдаче в типографию нашего издания. Мы должны были считаться с совершившимся фактом.

Отсутствие ответов высокопоставленного адресата, понижая значение настоящего издания писем, как источника, может быть еще усиливает впечатление от них, как от литературного памятника. Автор «Московского Сборника» был не последним русским публицистом по талантливости. Менее яркий и оригинальный, чем Константин Леонтьев, он был содержательнее и глубже Каткова, много живее и самостоятельнее Данилевского, спокойнее и уравновешеннее Достоевского - публициста. В этой семье он занимает, во всяком случае, свое определенное место, и говорить о Победоносцеве, как о литераторе, вполне возможно. Все его большие письма — а он любил писать по многу — это тщательно отделанные литературные и именно публицистические произведения — образчик своеобразной агитации, агитации, направленной не в сторону масс, а в сторону одной определенной личности, к особенностям которой агитатор и старался примениться.

Как памятник придворной агитации, «письма» едва ли имеют соперника. Победоносцев приобрел у нас, стараниями буржуазно-либеральной истории и публицистики, репутацию узкого и тупого фанатика. Конечно, он не был образцом терпимости и широты взглядов — иначе он не стал бы российским Торквемадой. Но фанатизм отнюдь не преобладающая его черта. Может быть, он совсем не был фанатиком, и возможно даже, что он вообще

Библиотека "Руниверс"

не был очень верующим человеком, хотя, конечно, этого нельзя утверждать о Победоносцеве с такою же уверенностью, как о Конст. Леонтьеве. Для последнего религия была прежде всего средством „высворить“ русский народ—по образу и подобию собачьей своры барина-охотника. Без религии нет дисциплины — его, леонтьевской, дисциплины, крепостнической (и как это было верно!). Во второй линии для Леонтьева религия была предметом эстетического любования — а религия, как таковая, то, чем она была для подлинных „фанатиков“, для протопопа Аввакума или Савонаролы, шла, во всяком случае, последним номером, если даже вообще входила в программу.

Для Победоносцева религия была средством сделать карьеру. Познакомившись близко с „царской фамилией“ на двух своих учениках, этот умный человек не мог не подметить того, на что мы начинаем обращать внимание только теперь—ханжества Романовых. Мы заметили это их наследственное качество лишь тогда, когда ему дала особенный рельеф распутинщина. Но это было лишь некоторое психопатологическое усиление родовой черты, объяснявшееся, прежде всего другого, явным вырождением семьи. Екатерина II отнюдь не страдала религиозной истерией — психопатические черты ее характера смотрели совсем в другую сторону. Но когда Дашкова, однажды, имела легкомыслие войти в алтарь Эрмитажной церкви, Екатерина сделала ей бурную сцену при всем дворе. Православие было слишком нужно самодержавию, чтобы самодержавие могло им манкировать.

Бывший профессор московского университета в период расцвета русского гегельянства если и ве-

Библиотека "Руниверс"

рил — или, в качестве приличного русского барина, старался себя уверить, что верит — то едва ли с простотой деревенской бабы. Но те, на кого его честолюбие могло опереться, почти уже спустились до этой простоты, с этого конца к ним скорее всего можно было подъехать, и Победоносцев шлет из за-границы будущему императору длинное и „умиленное“ описание открытия православной церкви в Праге. Едва ли можно хоть на секунду подумать, что политические „закулисы“ этой инсценировки не были известны Победоносцеву, как свои пять пальцев: ведь, он же был и главным машинистом. Это понимал, конечно, даже и его адресат, — Александр III был очень ограниченный и тупой человек, но в элементарной практической сметке ему отказать нельзя. Но придворный этикет требовал в данном случае „умиления“ Человек, проникнутый такими чувствами, не мог не быть оценен теми, кто, во имя политического интереса, искал „искреннего умиления“ среди своих интеллигентных слуг, днем с огнем. „Таких-то людей нам и надо!“ И письмо Победоносцева, вполне возможно, сыграло для него роль первой ступеньки к кабинету обер-прокурора святейшего синода.

Но „обрабатывать“ своего высокого корреспондента только по этой линии было бы очень плохой придворной дипломатией. Для Александра III весь мир вовсе не сходился на одной религии — он и помимо нее имел свои симпатии и интересы. Если бы Победоносцев из письма в письмо повторял все то же „искреннее умиление“ он очень скоро надоел бы. Нужно было угодить и другим сторонам будущего царя. И надо видеть, с какою ловкостью Победоносцев „кадит“ всем крупным и мелким страстишкам

Библиотека "Руниверс"

и увлечениям Александра Александровича. Тот терпеть не может своего дядю, великого князя Николая Николаевича (отца теперешнего Николая „большого“), главнокомандующего русской армией в 1877 году (об этом посте мечтал сам тогдашний „наследник цесаревич“): и вот ему сообщают из Петербурга, что там-де Николай Николаевич совершенно непопулярен. Александр, уже царь, крайне подозрительно относится к министрам, доставшимся в наследие от отца: он знает, что Лорис, Милютин Абаза умнее и опытнее его — как бы не обошли? Как бы не составили, столковавшись, камарильи, которая будет держать в руках и его, и всю империю? И вот ему сообщаются обрывки разговоров, „сторонние наблюдения“, которые показывают, что так и есть, именно сговариваются и уже сговорились, уже уверены, что держат молодого царя в руках, говорят о каком-то „соглашении“ Александр решает, что Лориса и компанию нужно немедленно прогнать, и среди той кучи ничтожеств, какая теперь остается, обер-прокуро синода законно чувствует себя первым человеком.

И все это в самом достойном тоне. Ни одного внешне-холопского угодливого штриха. Верноподданный, который режет своему царю правду-матку в глаза — подписывается сухо, без всяких холуйских извивов: „верноподданный“ — и только. Нет более тонкой лести, чем говорить своему собеседнику крайне приятные для него вещи грубым тоном. Победоносцев владел этим искусством в совершенстве. Это был законченный и, вероятно, самый сильный в России того времени придворный дипломат. Если бы какой-нибудь артист, играя Полония, загримировался Победоносцевым, это было бы не плохой вы-

Библиотека "Руниверс"

думкой. Золоченый придворный мундир не даром был на плечах этого человека. Он шел к нему больше, чем сутана Торквемады.

Победоносцев был представителем того **политического** православия, которое в XVII веке сожгло в срубе Аввакума, в XVIII гноило в тюрьмах архиереев, имевших наивность думать, что церковь имеет какое-то „самостоятельное“ существование, а в конце XIX мелкой травлей травило Владимира Соловьева — единственного „православного“, которого молодежь не считала жуликом. Это православие должно было пасть в один день с царизмом, — если оно пережило его на несколько лет, за это ему следует благодарить российскую буржуазию, заботливо его подобравшую, находя, что в ее хозяйстве всякая дрянь может дать доход. И эта черта — „доходность“ православия и связь истинно-русского „сердечного умиления“ с разными „хозяйственными статьями“ — не последнее, о чем напоминают нам издаваемые теперь письма. В самых первых перед нами появляется некая игуменья Мария, по всему судя, великолепная хозяйка, которой пришлось, на почве своих хозяйственных подвигов, вести борьбу с каким-то, обличавшим ее, провинциальным корреспондентом. Можно себе представить, сколь малую долю совершенного деловитой игуменьей мог огласить в тогдашнее время корреспондент подцензурной газеты, — тем не менее, и это слегка смутило самого Александра Александровича, в руки которого попала газетная статья. Победоносцеву пришлось инсценировать „искреннее негодование“, — кажется, с успехом столь же блестящим, какой достался в свое время „искреннему умилению“. А во второй части переписки огромное место занимает

Библиотека "Руниверс"

добровольный флот: тут Победоносцев встает перед нами неожиданно в роли делового организатора, которому могла бы позавидовать сама игуменья Мария. Эта сторона его деятельности, кажется, будет совершенной новостью для большой публики, которая, кстати, будет иметь случай убедиться, что все ходившие в свое время слухи о том, что на собранные по подписке деньги покупали за границей старый хлам, совершенно соответствовали истине. Окружавшие Победоносцева „православные русские люди“ не могли равнодушно видеть того, что плохо лежит..

М. Покровский.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ.

1865.

1. 22 ноября.

1867 г.

2. 3 апреля.
3. 15 апреля.
4. 24 ноября.
5. без даты.

1868 г.

6. 7 мая.

1869 г.

7. 27 мая—8 июня.
8. 28 октября.
9. 24 ноября.
10. 27 декабря.

1871 г.

11. 27 апреля.

1873 г.

12. (январь м.) суббота
13. 2 февраля.
14. 5 марта.
15. 21 апреля.
16. 13/25 июня.
17. 5 октября.

1874 г.

18. 20 февраля.
19. 16 марта.
20. велик. четверг.
21. 20 апреля.
22. воскресенье.
23. 13 мая.
24. 6 мая.
25. 9/21 августа.
26. 25 августа.
27. 3 декабря.
28. 29 декабря.

1875 г.

29. 20 января.
30. 25 января.
31. 29 января.
32. 3 февраля.
33. 12 марта.
34. 20 марта.
35. 28 марта.
36. 6 апреля.
37. 18 апреля.
38. 24 апреля.
39. 1 декабря.

1876 г.

40. 5 февраля.
41. 22 марта.
42. 14 мая.
43. 26 мая.
44. 25 июня—7 июля
45. 16 сентября.
46. 18. сентября.
47. 21 сентября.
48. 3 октября.
49. 12 октября.
50. 18 октября.
51. 19 октября.
52. без даты.
53. 11 ноября.
54. 16 ноября
55. 19 ноября.

1877 г.

56. 1 января.
57. 9 января.
58. 13 января.
59. 10 февраля.

Библиотека "Руниверс"

60. 26 февраля.
61. без даты.
62. 16 марта.
63. 17 мая.
64. 24 июня.
65. 17 сентября.
66. 20 сентября.
67. 24 сентября.
68. 3 октября.
69. 10 октября.
70. 28 октября.
71. 4 ноября.
72. 5 ноября.
73. 18 ноября.
74. 19 ноября.
75. 26 ноября.
76. 2 декабря.
77. без даты.

1878 г.

78. 1 января.
79. 8 января.
80. 23 марта.
81. 8 апреля.
82. 6 мая.
83. без даты.
84. 6 июня.
85. 15 июня.
86. 25 июня.
87. 14 июля.
88. 15 июля.
89. 22 июля.
90. 26 июля.
91. 28 июля.
92. 31 июля.
93. 4 августа.
94. 13 августа.
95. 22 августа.
96. 2 сентября.
97. 5 сентября.
98. 6 сентября.
99. 17 сентября.
100. 21 сентября.
101. 24 сентября.
102. 29 сентября.
103. 3 октября.
104. 7 октября.
105. 17 октября.
106. 22 октября.
107. 29 октября.
108. 3 ноября.
109. 7 ноября.
110. 8 ноября.
111. 11 ноября.
112. 16 ноября.
113. 23 ноября.
114. 25 ноября.
115. 27 ноября.
116. 29 ноября.
117. 1 декабря.
118. 4 декабря.
119. 5 декабря.
120. 6 декабря.
121. 14 декабря.
122. 19 декабря.
123. 20 декабря.
124. 21 декабря.
125. 23 декабря.

1879 г.

126. 1 января.
127. 12 января.
128. 16 января.
129. 16 января.
130. 18 января.
131. 19 января.
132. 23 января.
133. 28 января.
134. 30 января.
135. 31 января.
136. 2 февраля.
137. 4 февраля.
138. 4 февраля.
139. 9 февраля.
140. 10 февраля.
141. 11 февраля.
142. 16 февраля.
143. 19 февраля.

Библиотека "Руниверс"

144. 27 февраля.
145. 5 марта.
146. 8 марта.
147. 22 марта.
148. 25 марта.
149. 1 апреля.
150. 2 апреля.
151. 4 апреля.
152. 7 апреля.
153. 12 апреля.
154. 17 апреля.
155. 18 апреля.
156. 22 апреля.
157. 27 апреля.
158. 29 апреля.
159. 3 мая.
160. 6 мая.
161. 7 мая.
162. 10 мая.
163. 16 мая.
164. 17 мая.
165. 23 мая.
166. 24 мая.
167. 28 мая.
168. 1 июня.
169. 6 июня.
170. 26 июня.
171. 6 июля.
172. 8 июля.
173. 12 июля.
174. 12 июля.
175. 17 июля.
176. 19 августа.
177. 28 августа.
178. 4 сентября.
179. 11 сентября.
180. 12 сентября.
181. 14 сентября.
182. 23 сентября.
183. 11 ноября.
184. 12 ноября.
185. 17 ноября.
186. 18 ноября.
187. 1 декабря.
188. 4 декабря.
189. 11 декабря.
190. 12 декабря.
191. 14 декабря.
192. 17 декабря.
193. 19 декабря.
194. 22 декабря.
195. 25 декабря.
196. 30 декабря.

1880 г.

197. 1 января.
198. 1 января.
199. 2 января.
200. 6 января.
201. 7 января.
202. 14 января.
203. 20 января.
204. 20 января.
205. 27 января.
206. 31 января.
207. 5 февраля.
208. 9 февраля.
209. 14 февраля.
210. 17 февраля.
211. 6 марта.
212. 8 марта.
213. 10 марта.
214. 11 марта.
215. 15 марта.
216. 21 марта.
217. 26 марта.
218. 3 апреля.
219. без даты.
220. 12 апреля.
221. 28 апреля.
222. 29 апреля.
223. 5 мая.
224. 10 мая.
225. 12 мая.
226. 20 мая.
227. 16 июня.
228. 19 июня.
229. 17 июля.
230. 13 августа.

Библиотека "Руниверс"

231. 18 августа.
232. 19 августа.
233. 5 сентября.
234. 13 сентября.
235. 19 сентября.
236. 25 сентября.
237. 28 сентября.
238. 1 октября.
239. 31 октября.
240. 3 ноября.
241. 16 ноября.
242. 20 ноября.
243. 22 ноября.
244. 5 декабря.
245. 14 декабря.

1881 г.

246. 1 января.
247. 10 января.
248. 24 января.
249. 29 января.
250. 1 февраля.
251. 12 февраля.
252. 3 марта.
253. 6 марта.
254. 11 марта.
255. 20—21 марта.
256. 22 марта.
257. 22 марта.
258. март.
259. 7 апреля.
260. 15 апреля.
261. 17 апреля.
262. 20 апреля.
263. 23 апреля.
264. 25 апреля.
265. 26 апреля.
266. 28 апреля.
267. 29 апреля.
268. 29 апреля.
269. 4 мая.
270. 6 мая.
271. 16 мая.
272. 21 мая.
273. 26 мая.
274. 29 мая.
275. 6 июня.
276. 18 июня.
277. 10 июля.
278. 16 июля.
279. 13 августа.
280. 22 августа.
281. 12 сентября.
282. 27 октября.
283. 11 ноября.
284. 20 ноября.
285. 24 декабря.
286. 31 декабря.
287. без даты.

1882 г.

288. 5 января.
289. 16 января.
290. 22—23 января.
291. 23 января.
292. 28 января.
293. 15 февраля.
294. 2 марта.
295. 14 марта.
296. 1 апреля.
297. 1 мая.
298. 1 мая.
299. 4 мая.
300. 6 мая.
301. 14 мая.
302. 24 мая.
303. 25 мая.
304. 28 мая.
305. 5 июня.
306. 25 июня.
307. 3 августа.
308. 28 августа.
309. 6 сентября.
310. 23 ноября.
311. 14 декабря.
312. 18 декабря.
313. 31 декабря.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

1865 г. — 1882 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

1865 г.

1.

Ваше императорское высочество.

Душевно радуюсь, что снова могу служить вам, и с будущей субботы, если позволите, стану являться в назначенные вами часы, которые у меня совсем свободны. От всего сердца готов, когда бы то ни потребовалось, доказать на самом деле, что я вам также душевно предан и усерден, как был предан вашему возлюбленному брату.

Вашего императорского высочества всепокорнейший слуга

К. Победоносцев.

Ноября 22.

Библиотека "Руниверс"

1867 г.

2.

Ваше императорское высочество:

Очень прискорбно мне, что и сегодня не могу быть у вас: вчера я встал с постели, но еще слаб, и доктор не пускает выехать. Покорнейше прошу вас извинить меня и перед ее высочеством. Надеюсь, если бог даст, уже в среду явиться к великой княгине исправно; завтра же и вы сами по всей вероятности будете на церемонии 4 апреля.

Хотелось бы всеми силами послужить на пользу вашу и оправдать доброе расположение ваше. Оттого и грустно мне, когда чувствую, что сил недостает, как сегодня.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Конст. Победоносцев.

Понедельник, 3 апреля 1867.

3.

Христос воскрес. Завтра весь дом ваш придет к вашему высочеству с поздравлением: хочется, чтоб между преданными вам людьми и мой голос был слышан. Дай бог вам доброго, тихого, радостного праздника, особенно у себя дома. Когда приедете домой после утрени, пусть вам у себя дома станет так светло и тихо, как только может быть у нас, на святой Руси, в светлый праздник.

Прошу великую княгиню принять от меня мое: Христос воскрес, которое идет прямо от сердца. Завтра она в первый раз узнает, что значит это слово у нас, на Руси. Еще

Библиотека "Руниверс"

радостнее, кажется, было бы ее высочеству встретить наш праздник в Кремле, увидеть его в народе, услышать его в гуле колоколов московских; но, бог даст, и в блеске Большого дворца сердце у нее в первый раз забьется неведомой радостью.

Дай боже ей вместе с вами навсегда такого ясного чувства, чтобы все в жизни насквозь видно было. Христос воскрес!

Вашего императорского высочества верноподданный

Конст. Победоносцев.

Москва. 15 апреля 1867.

4.

Ваше императорское высочество.

Я еду сейчас в Москву с великим князем Владимиром Александровичем. Простите, ваше высочество, что, не будучи призван, беру на себя обратиться к вам с своим усерднейшим представлением. Ради бога, если есть какая-нибудь возможность, приезжайте в Москву на похороны митрополита Филарета, время еще есть,—похороны будут не ранее воскресенья. Нынешняя минута очень важна для России, для народа. Весь народ считает погребение Филарета делом всенародным: он жаждет и ждет приезда в Москву государя. Его величеству нельзя приехать,—народ будет спрашивать: отчего? Лучшим ответом на этот вопрос, лучшим удовлетворением народных желаний было бы присутствие вашего высочества. Оно засвидетельствовало бы пред всеми полноту участия, принимаемаго царским семейством в народной и государственной утрате, и заставило бы сердце народное забиться еще сильнее любовью к государю и к вам. Я думаю, все верные слуги государевы думают, что в такие исторические минуты, если народ жаждет видеть посреди себя самого государя, и государь приехать не может,—благо наследнику, который явится представителем своего государя и родителя. Вас любят в лице государя и его любят в лице

Библиотека "Руниверс"

вашем,—вы нераздельны. Ради бога, ваше высочество, не поставьте мне в вину эти слова, внушенные сердцем, горячо преданным государю, вам и России, русским сердцем, и приезжайте, если можете.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Константин Победоносцев.

24 ноября, 7 часов утра.

5.

Я не здоров и в постели, но сейчас принесли мне Ливонские письма Самарина, и я спешу их доставить к вашему высочеству. Простите за небрежное писание больного.

К. Победоносцев.

Библиотека "Руниверс"

1868 г.

6.

Ваше императорское высочество.

Примите от сердца много любящего и преданного горячее поздравление с великой радостью, которую послал вам бог. Бог благословил ваш союз, дал вам сына и всем нам дал будущего цесаревича Николая Александровича. В новорожденном великом князе повторилось и новою жизнью ожило для нас милое, незабвенное имя покойнаго цесаревича, которое мы у себя в сердце носим, и пусть новорожденный ваш будет на него похож и нравом, и умом, и тою родною любовью к России, которая всякому в нем сказывалась, всякого привлекала к нему, у всякого поднимала в душе радостную надежду. А вам обоим дай боже, чтобы навсегда процветало благодатное счастье в доме вашем, всегда тек бы у вас ключ живой воды, всегда было бы где обновить силу, которая вам больше, чем кому другому, нужна будет для трудов и забот великих. Позвольте и мне высказать вам свою радость о радости вашей и принесть вам свое поздравление.

Вашего императорского высочества верноподданный

Константин Победоносцев.

7 мая 1868.

Библиотека "Руниверс"

1869 г.

7.

Ваше императорское высочество.

Всем сердцем спешу поздравить вас и ее высочество великую княгиню с сыном, которого послал вам бог. Дай боже вам обоим полным домом радоваться. Дай боже детям вашим вырасти в полную силу на счастье и радость вам, на утешение августейшим родителям вашим, на благо целой России.

Добрую весть о благополучном рождении великого князя Александра Александровича довелось мне узнать в Лондоне, и узнать очень скоро. Вчера утром явился я с письмом государыни цесаревны к принцессе Валлийской, которая любезно приняла меня и тут же сообщила мне только что полученное по телеграфу известие. Мне было вдвойне приятно, что здесь, на чужой стороне, я один из первых,—и, конечно, первый из русских,—узнал о радостном событии, и что это известие передано мне лично сестрой ее высочества. Теперь буду ожидать с нетерпением письма от Ф. А. Ома, который обещал извещать меня о здоровье государыни цесаревны.

В Лондоне пробыли мы два дня; все, что я видел в этом изумительном городе, до того любопытно, что я не могу еще опомниться от своих впечатлений. Особливо поражает меня здесь история, которая в каждом углу, на каждом камне, в каждом учреждении положила могучие следы свои. Сегодня мы добрались, наконец, до острова Уайта и теперь наслаждаемся на самом берегу моря такою тишиною, какой только могли желать себе для отдыха после петербургской усталости. Дышу не надышусь сладким воздухом, любуюсь чудным морем,

Библиотека "Руниверс"

которое всякую минуту перед глазами, и вижу перед собой на песчаном берегу кучки детей, здоровых и веселых, и взрослых, которые наслаждаются, как дети, здешнею благословенною природою.

Будьте здоровы и счастливы, ваше высочество, и радуйтесь с государыней цесаревной и со всем вашим домом. Примите еще раз горячие мои поздравления и желанья от полноты любящего сердца. Благослови боже вас и все вокруг вас, что вы любите.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Константин Победоносцев.

J. of Wight. Shanklin, Palestine-House.
Вторник, 27 мая - 8 июня 1869.

8.

Ваше императорское высочество.

Профессор московского университета Нил Попов осмеливается представить вам от своего усердия прилагаемый при сем экземпляр изданной им книги „Россия и Сербия". Так как и он достойный человек, и книга его хорошая, то я и принял смелость быть его посредником у вашего высочества.

Попов, занимающий в университете кафедру всеобщей истории, быв по болезни за границею лет 8 тому назад, об'езжал славянские страны, прилежно изучал их, близко познакомился со многими из местных жителей и с тех пор с любовью посвятил себя на изучение истории и быта славянских племен. Имя его стало очень известно в тех краях, и теперь у нас, в России, можно сказать, двое русских ученых, которые считаются специалистами по славянству: Попов—в Москве и Гильфердинг—в Петербурге.

Сербское дело во многих отношениях имеет важность для России, и книга Попова весьма обстоятельно знакомит с внутренним бытом и с историей сербского княжества за последнее 50-летие. Без сомнения, ваше высочество, не имеете

Библиотека "Руниверс"

достаточно времени для чтения этого большого сочинения, но я позволю себе обратить внимание ваше на краткое предисловие автора, на последнюю главу 2-го тома, о восточной войне, и на последние страницы книги, на которых извлечены автором основные мысли и положения из всего сочинения.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Константин Победоносцев.

28 октября 1869.

9.

Ваше императорское высочество.

Зная, что вы интересуетесь остзейским вопросом, дозволяю себе обратить внимание ваше на прилагаемую при сем книжку, только что мне доставленную из Москвы от автора М. П. Погодина.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

24 ноября 1869.

10.

Ваше императорское высочество.

Зная, что вы интересовались делом бывшего ростовского головы Байкова, почитаю не лишним представить вашему высочеству для прочтения прилагаемое при сем письмо Байкова, в котором он излагает обстоятельства своего смещения. Я знал Байкова еще в училище правоведения,—вот причина, почему я желал знать отзыв его самого, как случилась с ним беда, и что справедливого во возведенных на него обвинениях. Без сомнения, сам Байков представляет одну интересованную сторону в этом деле, и мне неизвестны причины, побудившие министерство внутренних дел к принятию против него меры столь чрезвычайной и так явно выходящей из установленного порядка. Но если подлинно справедливо, как уверяет Байков, что само министерство не открыло в его

Библиотека "Руниверс"

действиях ни одного важного упущения или злоупотребления, то нельзя не подивиться, как оно решилось, без особенно важного повода, представить о принятии такой меры относительно лица, выборного от города, и без всякого сношения с генерал-губернатором. Отступления от закона, не оправдываемые необходимостью, тем особенно грустны, что отнимают бодрость и деятельную силу у многих людей, способных и расположенных к общественной деятельности.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Константин Победоносцев.

27 декабря 1869.

Библиотека "Руниверс"

1871 г.

11.

Ваше императорское высочество.

Примите от преданного вам всей душою сердечное поздравление с новой радостью, которую бог послал вам и государыне цесаревне. Будьте здоровы, будьте счастливы и радуйтесь со всем вашим домом. Дай боже новорожденному великому князю возрастать вам и всем нам на благо и на утешение, в вашу семью внесть новую радость, и между вами обоими утвердить новую связь любви на многие годы.

Не еду тотчас сам поздравить вас только потому, что в первое время радостных забот вашему высочеству, верно, нет охоты принимать посетителей.

Дай боже скорого восстановления государыне цесаревне и укрепления новорожденному младенцу вашему. Сохрани вас боже.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

27 апреля 1871.

Библиотека "Руниверс"

1873 г.

12.

Ваше императорское высочество.

Вернувшись с печальной церемонии, был я очень обрадован вашею запиской, потому что в ней получил первый личный для себя признак вашего выздоровления и доброй обо мне памяти. Прилагаю при сем ответ на ваше благоусмотрение, и усерднейше прошу ваше высочество располагать мною во всех подобных случаях: я на всякий час рад и готов служить вам. Сердечно благодарен вашему высочеству за позволение притти к вам на-днях и увидеть вас, чего давно уже душа моя просит.

Слава богу, отлегла от нас тревожная забота о вашей болезни. Дай боже вам теперь поправляться с каждым днем и часом, бережно войти в совершенную силу и окончательно обрадовать всех горячо любящих и преданных.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Конст. Победоносцев.

Суббота [январь].

13.

Ваше императорское высочество.

Прошу извинения, что замедлил несколько ответом. Пришлось задуматься над этою телеграммою, как лучше отвечать на нее. В обращении к евреям необходима, мне кажется, во всяком случае, некоторая осторожность, потому что они при нынешнем своем устройстве держат себя особняком от остального общества, которое относится к ним большею

Библиотека "Руниверс"

частью несочувственно. Притом я не знаю, что за человек этот старшина синагоги Беркович, и опасаюсь,—если ответ вашего высочества будет прямо на его имя,—как бы телеграмме вашей не было придано местными евреями такое значение, которого вы, конечно, не намерены придавать ей, в виду прочих жителей Красноярска. Прочие, без сомнения, тоже сокрушались, молились и радовались, но не придумали или не посмели обратиться к вашему высочеству с телеграммой. Итак, по моему соображению, осторожнее было бы в настоящем случае послать евреям ответ через губернатора. Енисейским губернатором значится, по книжке 1872 года, тайн. сов. Лохвицкий.

Сегодня оставлена мною для вручения вашему высочеству икона федоровской божией матери, переданная мне находящеюся теперь в Петербурге игуменьей костромского девичьего монастыря Марией (Давыдовою). Вероятно, ваше высочество изволите припомнить эту умную и деятельную игуменью: в монастыре и в кельях у нее вы изволили быть в 1866 году. 23 января отслужено было у них в великолепном старинном Богоявленском соборе архиереем перед этою иконой торжественное молебствие по случаю вашего выздоровления.

Вашего императорского высочества верноприданный

Константин Победоносцев.

2 фев. веч.

14.

Ваше императорское высочество.

Вернувшаяся сюда на-днях из Минска игуменья Мария усерднейше ходатайствует о позволении еще раз представиться вам перед отъездом отсюда в Кострому. Она имеет покорнейшую просьбу к вашему высочеству.

Конечно, вы изволили уже от нее самой слышать, что она по указанию государыни императрицы приступает теперь к устройству первой сельской лечебницы для пособия крестьянам, в Костромской губернии. Это дело первой важности для

Библиотека "Руниверс"

сельского населения в России, но дело весьма трудное: не найдешь охотников жить в глуши и посвятить себя уходу за больными или найдешь людей ненадежных. Прекрасно было бы, когда б монастыри направили на этот предмет свою деятельность: из монастырского послушания делается многое, чего нельзя добыть за деньги. Игуменье Марии, женщине ревностной и практической, авось, либо бог поможет положить доброе начало этому делу через своих монахинь, которых она намерена посылать для этого на послушание в те самыя местности, откуда они сами родом.

Денежного пособия, кажется, не просит игуменья, но ей пришло на мысль просить ваше высочество, не изволите ли дать имя ваше первой сельской лечебнице, какая будет у них устроена, и принять звание ея попечителя.

Зная ее за женщину достойную уважения, я не мог уклониться от поручения, и вот причина почему решился я докучать этим письмом вашему высочеству.

Не благоволите ли принять хотя на несколько минут игуменью Марию и в таком случае дать мне знать, когда она может явиться. Я слышал от нее, что она предполагала ехать обратно в Кострому в средине или в конце этой недели.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

5 марта 1873.

15.

Ваше императорское высочество.

Графиня А. Д. Блудова, отъезжая за границу, оставила мне поручение к вам, которое теперь имею честь исполнить.

В. преосвященный Агафангел, архиепископ Волынский и Житомирский, имеющий постоянную резиденцию в Почаевской лавре, прислал графине Блудовой еще в начале февраля икону св. Николая, прося поднесть ее вашему высочеству от имени Почаевской лавры во свидетельство радостного чувства по случаю вашего выздоровления. При этом, между

Библиотека "Руниверс"

прочим, пишет он: „мы, с братиею лавры, искренно радуемся и возносим к господу богу теплые молитвы сердечной своей благодарности, что милосердый господь восстановил драгоценное здоровье его высочества. Да увеличит господь семейные радости царственного дома и да ниспосылает детям и внукам благодетельнейшого из царей земных свое благословение и небесные утешения“.

В присланной иконе пришлось сделать здесь некоторые исправления и оттого замедлилось доставление ее по назначению.

Я получил ее на-днях и спешу ее представить вашему высочеству. Если позволите, буду писать в. преосвященному Агафангелу, что приношение Почаевской лавры благосклонно принято вами.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

21 апреля 1873.

16.

Ваше императорское высочество.

Перед приходом в Вулич и у пристани мы не успели откланяться вам и государыне цесаревне и выразить вам сердечную нашу благодарность. Здесь, в Лондоне, также не решаюсь беспокоить вас своим приходом посреди праздничной суеты, покуда не настало еще тихое время. Между тем мы сами порядочно уставши от ежедневной беготни и от множества интереснейших явлений, которые здесь видим на каждом шагу, собираемся завтра ехать отдыхать на морском берегу, в Шенклине, на о. Вайте. Перед отъездом спешу принесть вашему высочеству глубокую благодарность за доставленную нам возможность доехать до Англии на „Штандарте“. Эта поездка была для нас обоих истинным наслаждением, и мы столько успели увидеть интересного, что навсегда сохраним об ней приятное воспоминание. А я, перейдя на море прямо из-за бумаг, попал точно в новый мир и отдыхал душою и телом.

Библиотека "Руниверс"

Позвольте еще передать вашему высочеству почтительнейшую просьбу здешнего моего знакомого Рольстона, о котором я имел уже случай говорить вашему высочеству во время пути. Как изволите увидеть из прилагаемого письма, Рольстон просит позволения поднесть вам две свои книги об России. Одна—о русских песнях и народных обычаях, издана в прошлом году; другая—о русских народных сказках—только что на прошлой неделе поступила в продажу. Рольстон—весьма почтенный человек, и сочинения его уважаются и в Англии, и в России. Россию он любит, знает русскую народную литературу лучше многих русских и поставил себе главным делом—знакомить с нею Европу; через Рольстона заинтересовались этим предметом не только в Англии, но и в Германии. В России он бывал и имеет приятелей между русскими учеными. Вы изволите увидеть, что он не имеет никаких особых претензий на внимание вашего высочества. Полагаю, что вы не встретите сомнения принять от него книги, очень интересные. Рольстон в настоящее время служит библиотекарем в Британском музее.

После продолжительных празднеств всякого рода не могу не пожелать вашему высочеству от всей души спокойного житья на одном месте, где-нибудь на берегу морском, в затишье, в семье своей. У всех, кто вас любит и предан вам, давно уже на душе эта мысль и это желание. Нельзя не заметить, что вы устали,—и как бы хорошо было вам пожить для себя вольною жизнью. Дай боже чтоб это скорее устроилось. Да хранит вас господь с государыней цесаревной и с милыми детьми вашими.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Конст. Победоносцев.

Charing Cross Waren Street Waren's Hôtel.
13/25 июня 1873.

Библиотека "Руниверс"

17.

Ваше императорское высочество.

Вы изволите припомнить, что я говорил вам о прелестном романе Мельникова (Печерскаго) „В лесах“ и рекомендовал прочесть его, в уверенности, что он придется вам по вкусу. Роман этот с давнего времени тянется в „Русском Вестнике“, и вам трудно было розыскивать его в разных книжках журнала. Я писал в Москву Каткову, чтоб он собрал в одну книжку все напечатанные до сих пор статьи. Сейчас получил от него эту книжку и спешу препроводит ее к вашему высочеству. Теперь, может быть, удобнее чем когда-нибудь будет вам на досуге прочесть эту повесть. Прекрасные картины русской жизни и природы, которые вы найдете в ней, будут еще ощутительнее потому, что представляют совершенную противоположность с теми картинами, которые вы теперь видите около себя в Крыму.

Дай бог, чтоб эти строки застали вас и государыню цесаревну с милыми детьми здоровых, довольных и веселых.

У нас здесь все идет по-прежнему. Осень до сих пор хороша. Она принесла нам только одну, правда, ужасно тревожную ночь, с безпрерывными выстрелами, со страшными порывами ветра, с водою на улицах. Бедные во многих местах пострадали.

В госуд. совете в понедельник будет только второе заседание; но в департаментах мы сегодня просидели до 5-го часу за делом о гербовом сборе. А впереди множество новых законов, но, право, приступаешь к ним со стесненным сердцем. Хочется верить в новых людей, а не в новые законы. Их уже столько накопилось, что люди с ними не справятся.

Будьте здоровы, ваше высочество, и да хранит вас господь до благополучного к нам возвращения.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

П. Бург. 5 октября 1873.

Библиотека "Руниверс"

1874 г.

18.

Ваше императорское высочество.

Имею честь представить при сем записку о костромских монастырских лечебницах для крестьян. Вы изволите припомнить, что в прошлом году весною игуменья Мария (Давыдова) лично имела честь объясниться об этом предмете с вашим высочеством.

Женщина эта достойна всякого уважения и делает у себя малыми средствами дела, поистине замечательные, никому притом не надоедая и ни к кому не приставая за деньгами. Но ее знают и в обществе, и в народе, и дают ей даже без просьбы, зная, что деньги в руках у нее принесут добрый плод. Она действует с замечательною энергией и благоразумием.

Записку эту надеялся представить вашему высочеству от ее имени костромской губернатор Дорогобужинов; многое в подтверждение записки мог бы добавить и на словах. Но, к сожалению, приезд его в Петербург пришелся в такую пору, когда нечего было и думать о возможности видеть ваше высочество на досуге. Он давно уже уехал обратно в Кострому; но затем и я, зная, как время ваше занято и церемониями, и гостями, и семейными событиями, стал ждать той поры, когда суета успокоится. Теперь, кажется, эта пора наступила, и я спешу представить бумагу.

Благоволите прочесть ее: вы сами изволите увидеть, какое доброе дело заведено игуменьей в Костромской губернии: до нея никто не брался еще за подобные учреждения. Дело это стоит того, чтобы всячески поддержать его.

Библиотека "Руниверс"

Беру смелость еще представить вашему высочеству письмо, которое игуменья ко мне пишет. Из него изволите усмотреть, чего желает она и чего просит от вас.

1. Икону, от вашего имени.

2. Портрет ваш.

3. Формального разрешения лечебнице,—первой, какая устроилась,—состоять под вашим попечительством.

4. Дозволение назвать первую кровать именем вашего высочества.

На-днях попытаюсь лично увидеть ваше высочество в Аничковом дворце; но заблаговременно долгом почитаю обратить доброе внимание ваше на эти бумаги.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

20 февраля 1874.

19.

Ваше императорское высочество.

В эти дни покуда не смею являться к вам в Аничков дворец, потому что у меня в доме завелась краснуха, и покуда не пройдет она совершенно, осторожнее не показываться.

Простите, что напоминаю вам об одном обстоятельстве, которое, может быть, совсем и не интересует вас и о котором сами вы позабыли. Вы как-то изволили помянуть мне про газетную статейку, которая попалась вам на глаза, с рассказом о костромском монастыре и об игуменье. Эту статейку и мне было не совсем приятно прочесть, так как я эту женщину разумею в хорошем и достойном смысле; впрочем, зная, чего стоят подобные статейки, сочиняемые ради скандала, я заранее не верил всем ее подробностям.

Теперь двоюродная сестра моя, монахиня в том же монастыре, пишет мне письмо с выражением негодования на вздор, придуманный корреспондентом.

Мне приходит на мысль, что газетная статейка могла произвесть хотя смутное впечатление на ваше высочество,

Библиотека "Руниверс"

и я позволяю себе представить вам полученное мною письмо. Извольте бросить его, если вся эта история покажется вам скучною и не стоящею внимания.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

16 марта 1874.

20.

Спешу представить вашему высочеству только что вышедшую книгу „Складчины", на которую вы изволили у меня подписаться. В ней, кажется, много интересных статей.

Вместе с сем поздравляю ваше высочество и государыню цесаревну с принятием св. тайн: дай боже, чтоб вы были здоровы со всем домом вашим и встретили в радости пасху христову.

К великому моему огорченью, срок моему карантину еще не миновал, и потому я лишен буду утешенья поздравить вас лично на второй день праздника в церкви, в Аничковом дворце.

Сам я сегодня лишь на несколько часов здесь; первые дни недели провел в монастыре и завтра опять туда же отправляюсь.

Здравствуйте и радуйтесь, ваше высочество, на многие годы.

Ваш вернопреданный

К. Победоносцев.

В. четверг 1874.

21.

Ваше императорское высочество.

Имею честь возвратить при сем присланные от вас бумаги вместе с проектом рескрипта, в котором я счел нелишним сделать небольшие изменения для лучшего склада. Извольте посмотреть, который больше вам понравится.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

20 апр. 1874.

Библиотека "Руниверс"

22.

Ваше императорское высочество.

Я уже знаком с рескриптом совету дома призрения. В начале прошлой недели Мещерский приносил показывать мне черновой, который был им написан, и я тогда же сделал в нем разные поправки и изменения, по которым бумага переписана теперь на-бело. Мне кажется, что в этом виде рескрипт достаточен и может быть подписан. Прибавлять, кажется, еще нечего. Впрочем, Мещерскому близко был известен весь ход этого дела, и потому в редакции рескрипта я мог иметь в виду только те факты, которые им были выставлены.

Сам Мещерский, говорят, уехал вчера в Москву. Кажется, у него было в виду доставать еще где-нибудь денег на поддержание своего журнала. Впрочем, из верного источника я знаю, что он перед самым отъездом внезапно решил прекратить издание и даже намерен был на-днях объявить об этом от лица Достоевского. Боюсь, как бы бедный Достоевский не пострадал от этого, потому что журнал официально числился за ним, хотя в сущности издателем был Мещерский. Все это побуждает меня только радоваться, что ваше высочество уклонилось от какого бы то ни было участия в этом деле.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Воскресенье веч.

23.

Ваше императорское высочество.

Домашнее наше горе не позволяет мне явиться самому с мрачным лицом на радостный ваш праздник.

Но примите с государыней цесаревной от нас, душою вам преданных, сердечное на письме поздравление вашему милому новорожденному Николаю Александровичу. На нем лежат и ваши, и наши всенародные надежды и радости. Дай вам боже радоваться всегда на его возрастание, дай боже ему вырости в силу всякого добра и разума, вырости в крепкую

Библиотека "Руниверс"

любовь к России, которая и вас, и всех нас связывает и привлекает к сыну вашему чувством нежной об нем заботы.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

6 мая 1874.

24.

Ваше императорское высочество.

Благоволите прочесть прилагаемую при сем статью „Московской Газеты". Из нее изволите усмотреть, как важны могут быть последствия дела, предпринятого на беду синодальным управлением—закрытие церквей и сокращение приходов, которое, к несчастью, совершается теперь по всей России и возбуждает общий народный ропот. Я свидетельствовал об нем в государственном совете, при обер-прокуроре синода, но мой голос остался гласом, вопиющим в пустыне. Дело это приводит меня в негодование: как мало нужно было знать Россию, дух народный и нужды народные, чтобы предпринять его. И не странно ли, что одною рукою, из ложно понимаемого либерализма, всячески облегчают иноверцам свободное удовлетворение духовных потребностей, заведение церквей и мечетей в каком угодно количестве,—а другою рукой закрывают православные церкви в приходах, и без того раскинутых на огромные пространства, и лишают местные населения храмов, отцами и дедами созданных.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

13 мая 1874.

Письмо игуменьи имею честь возвратить при сем.

25.

Ваше императорское высочество.

Думаю, что вы не поскучаете прочесть длинное мое послание из Зальцбурга. Знаю, что вам близко и интересно все русское, а потому хочется мне очень поделиться с вами

Библиотека "Руниверс"

своими впечатлениями, только что вынесенными из Праги. В прошлое воскресенье там освящалась русская церковь, мы с женою давно уже скучали по своей церкви, и отправились в Прагу. Там прожили мы четыре дня, как между родными, между русскими и чехами, и участвовали в торжестве, в высшей степени отрадном для русского сердца, и этих дней мы никогда не забудем.

В Прагу въезжаешь, как в родной город, особливо из немецкой стороны: повсюду слышится славянская речь, веет точно родным духом, а самый город красив необыкновенно—красотою, напоминающею Москву и Киев. Когда стоишь на высоте Градчина и видишь посреди старых памятников чешской истории внизу весь город, утопающий в зелени, со множеством башен и колоколен, невольно вспоминаешь вид на Москву из Кремля.

Только что приехав в субботу утром, я отправился в русскую церковь св. Николая. Это один из самых красивых храмов в Праге. Он существует еще с 13 столетия, но новая стройка поздняя, во вкусе Renaissance. Церковь высокая, величественная, вокруг идут высоко прекрасные хоры с галлереей. Во время 30-летней войны она перешла во владение бенедиктинцев, но при Иосифе II монастырь их упразднен, и церковь перешла сначала в частные руки, а потом во владение города, который устроил в ней архив. У города теперь нанял ее на 30 лет славянский комитет. На отделку употреблено до 60.000 гульденов, но освящение церкви замедлялось по недостатку средств до сего времени.

В церкви нашел я духовенство и несколько русских. Ожидали много гостей из Москвы и П. Бурга, но никто не приехал. Приехали только русские, проживающие за границей. Приехал священник Раевский из Вены, здешний, назначенный из П. Бурга, Лебедев, да еще трое—из Дрездена, Висбадена и Пешта.

Когда мы пришли ко всенощной, в 6 часов вечера, вокруг церкви собралась большая толпа, и церковь была наполнена народом. Как было отрадно услышать первый звук благовеста, широкого, полного, колоколов, присланных из Москвы: такого благовеста Прага еще не слыхивала. Началась

Библиотека "Руниверс"

служба; певчих привезли из П.Бурга. Выбрали их чрезвычайно удачно из почтамтских. 8 человек—каждый артист, все с чудными голосами, пели на диво,—так, как и у нас, в России, редко поют. Служили превосходно,—каждое слово слышалось явственно. Представьте себе этот народ, который у себя в католич. церкви не слышит ни одного понятного звука, и тут в первый раз в православном храме слышит молитвы—понятные, славянские, слышит такое чудное пение, видит такое благолепие служения. Причет назначен в Прагу прекрасный: священник простой, благочестивый, добросовестный человек, тип хорошего русского священника, голосистый дьякон. Видно было на лицах, как все поражены тем, что видят и слышат. Когда после евангелия священник помазывал елеем, все до единого теснились к нему целовать икону и помазываться. Можно было совсем думать, что стоишь у себя в России, между своим народом. Примечательно еще, что в нашей пражской церкви от начала не бывало богослужения на латинском языке, потому что занимавшие ее бенедиктинцы-чехи имели от папы особливую привилегию служить по-славянски [1]).

Во всем этом не было, впрочем, ничего такого, что имело бы политический оттенок. К освящению готовились было всякие демонстрации русским, готовились процессии, собирались давать праздник в честь русским гостям на Дунае; но все это было отклонено из осторожности. И то было кстати, что приехало сюда очень мало русских гостей, б. частью случайных, как я,—следовательно, явно было, что в России не придают этому событию особливого значения. Тем проще и величественнее было торжество. В день освящения дан был на счёт славянского комитета завтрак, на котором сошлись все русские и приглашены были почетные представители города. Тут говорились речи,—говорил свящ. Раевский по-русски, Браунер и старик Палацкий говорили по-чешски, но без всякого отношения к политике. Пили тосты за государя, за Франца Иосифа, за вас (ваш тост встречен был

---

[1]) Далее Победоносцев дает описание церемонии освящения церкви.

Библиотека "Руниверс"

с великим сочувствием, при чем сказано было, что и ваше высочество оказали содействие усовершению пражской церкви добрым вашим ходатайством), потом за синод, наконец, за Палацкого и Браунера. С этими двумя представительными чехами познакомился я в первый раз, и пражские мои беседы с ними надолго останутся у меня в памяти.

Итак, никаких демонстраций не было, но сколько мы русские увидели здесь и почувствовали доброго расположения и ласки,—подлинно были мы точно между братьями, и все выражения сочувствия были так просты, без малейшей аффектации, которая всякое дело портит. Вечером в день освящения всех нас пригласили в здешний клуб, под назв. „Мещанская Липа“ (Беседа), на концерт, состоявший из славянских песен. Пели тут наши певчие, вместе с чешским хором, и наши пели в таком совершенстве, что привели в изумление и чешское музыкальное ухо. Наши певцы подружились с чешскими певцами и с этого дня проводили все вечера вместе, перекликаясь друг с другом песнями и хорами. На следующее утро, в понедельник, позвали нас к одному известному здесь чеху, г. Напрстеку. Он богатый человек, употребляет все свои деньги на добрые дела и на распространение просвещения; заводит на свой счет технический музей для Праги, собрал большую библиотеку и открыл ее для собрания, куда приезжают здешние девицы читать, учиться, петь, слушать лекции. Этот добрый человек любит русских. У него встретили нас до 30 девиц—все очень милые, образованные, простые, и все тотчас стали говорить с нами по-русски, кто как умел. Все они учатся по-русски, собираются читать русские книги, поют русские песни. Усадили нас всех, принялись угощать, пили наше здоровье, пели нам прекрасным хором песни русские и чешские; наши певцы отвечали им своими песнями. Потом хозяин показывал нам свои музеи, картины, библиотеку. Чудно было сидеть тут и думать: вот люди, которых мы не видали до сей минуты, и с которыми тотчас стали так близки и просты, как с родными...

Приятно думать, что священник здешний очень хороший человек. Простая, совсем русская душа, но с достоинством.

Библиотека "Руниверс"

Он будет держать себя здесь хорошо. В понедельник, после обедни, мы зашли к нему чай пить, и сели около самовара. Тут было человека 3 еще русских и доктор Браунер, да к концу явился еще неожиданно А. А. Зеленый, только что приехавший из Баден-Бадена. Случайно я был свидетелем сцены, которая обратила мою мысль к вам,—я подумал: когда б вел. князь мог со стороны видеть и слышать, верно, у него сердце забилось бы и глаза заблестели бы чувством.

Вижу, священник вынес из другой комнаты две картины и, весь улыбаясь, с восторгом показывает гостям. Это был портрет цесаревны с Николаем Алекс. на руках,—большая прекрасная фотография в рамке,—и ваша, тоже большая. Вы не можете себе представить, с какою радостью этот простой человек любовался сам и давал другим любоваться Николаем Ал. и цесаревною, и рассказывал историю, как он приобрел эти картины. Перед отъездом в Прагу зашел в магазин к Дациаро купить портреты государя и императрицы и вдруг видит эти два, каждый еще по 10 рублей,—как он боролся и переговорил с женой и, наконец, не мог удержаться—купил все-таки, и привез сюда,—и вот эти портреты долго будет он показывать с гордостью чешским гостям своим. Весело было смотреть на доброго священника; но вот еще весело было бы вам подсмотреть, как взял у него из рук эти портреты доктор Браунер и, поставив их перед собою, смотрел долго и вглядывался, и улыбался с восторгом, и, подмигивая, указывал на вас священнику: „Этот буде страх врагам“. А потом, глядя на цесаревну (которая всем им очень нравится—нечего и говорить про Николая Александровича), говорил своим наполовину чешским, наполовину русским наречием: „а в ней есть чешская кровь—ее прабабка была дочь чешского князя Оттокара, Дагмар, названа у них Маргарита, и была она у Данов во святых поставлена“. Потом стал рассказывать, что у ней в гробнице найден был на шее такой талисман, а потом с этого талисману снята модель и сделан такой же для принцессы Дагмары, то-есть для цесаревны. Долго они сидели над вашими портретами, а я думал сам с собою: О, когда б могли вы слышать те простые сердечные слова, которые говорятся об вас

Библиотека "Руниверс"

в таких углах русской и славянской земли, от души любящей, верующей, чающей,—сколько бы прибавилось вам силы и радости, и уверенности на великое ваше звание. Скажите великой княгине, как здесь вас и ее любят.

Но пора мне и кончить длинную свою повесть. Она придет к вашему высочеству в суетливую пору всяческих праздников и церемоний, но я все-таки пишу в надежде, что послание мое не будет вам скучно и послужит хотя слабым отголоском прожитых мною ощущений.

В Зальцбурге поселился я с 6 июля очень приятно. Мы наняли дачу в окрестностях города, между живописными горами. Никогда еше не случалось мне бывать в такой живописной стороне, какова здешняя. Город сам по себе чрезвычайно интересен и наполнен старыми церквями и историческими памятниками. Возле, в получасе езды,—Бавария, и я бываю в соседнем Рейхенгалле. Там довелось мне встретить на гуляньи в. к. Николая Максимиллиановича, которого венский хирург Бильрот прислал в Рейхенгаль пользоваться ваннами. Однакоже ванны, кажется, мало помогают ему. На вид он смотрит свежее и бодрее, чем был в Петербурге, но жалуется, что чувствует страшные боли в голове, особливо в дождливую погоду, и лежит обыкновенно без движения целое утро, часов до 3-х, когда ему становится несколько легче. В это время, как он говорит, он не в состоянии ни думать, ни слушать, ни читать, от боли и отупения. Жена его, по словам его, не покидает его и ходит за ним с любовью. С ним здесь и двое детей; но ни жены, ни детей не довелось мне видеть. Жаль его очень; едва ли может он радикально поправиться. Теперь, как он говорит, может быть, придется ему прибегнуть к страшной операции—пропиливание черепа.

Дай бог, чтоб это письмо застало вас в радости, тишине и добром зроровье, вместе с государыней цесаревною и с милыми детьми вашими. Да хранит вас господь на многие лета.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Thumegger Bezirk, № 2. 9/21 августа 1874. Зальцбург.

Библиотека "Руниверс"

26.

Ваше императорское высочество.

В день вашего праздника, 30-го августа, хочу быть не в последних со своим поздравлением. Примите его с государыней цесаревной от любящего сердца, глубоко вам преданного. Пусть этот день будет для вас светел и ясен, и приведет за собой много таких же дней. Шум придворных праздников, без сомнения, не мало утомивших вас, утих теперь, и вы опять чувствуете себя дома: дай бог, чтобы в доме у вас всегда было благословенное затишье от всех внешних треволнений!

В Зальцбурге, к сожаленью, мне уже не долго оставаться. К половине сентября надобно быть в Петербурге, чистить заржавленные бранные доспехи и становиться опять в ряды на работу. Великий князь Константин Николаевич хотел еще поручить мне ехать во Фрейбург, на конгресс старокатоликов, для трактации о соединении церквей, но я, по правде сказать, уклонился от этой поездки, чтобы не принимать участие в деле, в которое не верю и которое считаю за фантазию. Притом вижу я по всему,—чего не хочет признать вел. князь,—что немцы и в этом деле относятся к нам свысока и с некоторым пренебрежением: стало быть, едва ли следует нам раскрывать им непрошенные объятия для фальшивого соединения, которое для нас ни за чем не нужно. Пусть уж лучше идут они своей дорогой, куда знают, и мы при своем останемся: в церковном деле нам у них нечего спрашивать.

Рад буду очень, когда доведется снова явиться к вашему высочеству в тихий час, в просторную пору.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Зальцбург. 25 августа 1874.

Библиотека "Руниверс"

27.

Ваше императорское высочество.

Имею честь препроводить при сем проект ответа на телеграмму Устиновича. Я поспешил бы сам явиться с ответом, но простудился и сижу дома.

Кажется, достаточно того, что в ответе сказано. Распространять его долее едва ли нужно, хотя телеграмма и длинная. Узнаю в ней известную мне композицию Устиновича. Он человек благонамеренный, но немного странный и большой охотник произносить речи в собраниях.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

3 декабря 1874.

28.

Ваше императорское высочество.

Завтра в числе других хочет просить позволения представиться вам священник наш из Праги, о. Лебедев, приехавший сюда на несколько дней. Некоторым поводом к тому может служить для него доброе участие, принятое вашим высочеством в деле открытия пражской церкви. Этот священник очень хороший человек и пользуется большим уважением. Благоволите принять его на несколько минут: когда он вернется в Прагу, многим приятно будет слышать от него, что он видел вас и говорил с вами. С ним и я теперь посылаю в Прагу д-ру Браунеру и некоторым друзьям несколько портретов вашего высочества и государыни цесаревны, зная, что им доставлю этим большое удовольствие.

Сам я все еще не умею оправиться и принужден сидеть дома безвыходно еще несколько дней.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

29 декабря.

Библиотека "Руниверс"

1875 г.

29.

Ваше императорское высочество.

Спешу на первый раз известить вас, что, прочитав письмо г. Полякова, и я пожалел об нем. Он, действительно, стал жертвою нового распоряжения о книгах, отчасти безвинно, а отчасти и по неосторожности, вследствие юношеского увлечения. Некоторые из книг, изданных им, таковы, что невозможно было и надеяться, чтоб они прошли без остановки. За всем тем, не придумаю, на первый взгляд, каким образом ваше высочество могли бы в нынешних обстоятельствах оказать Полякову помощь или вывесть его из беды. Но прошу позволения оставить еще это письмо у себя. Я соберу кое-какие сведения и затем доложу вам об этом деле обстоятельнее.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

20 января 1875.

30.

Ваше императорское высочество.

Вот книга, о которой я имел случай вчера говорить вам. Это единственный экземпляр, который я достал на пять дней у заведывающего американским посольством г. Скайлера. В ней бумажкою заложено то место, на которое я предпринял обратить внимание вашего высочества. Это донесение того же Скайлера (бывшего в Хиве вместе с экспедицией),— донесение о туркестанских делах, ясно и толково написанное. Особенно интересно показалось мне то, что он говорит в начале статьи о местной администрации.

Библиотека "Руниверс"

Книгу эту я должен возвратить в следующую пятницу и потому покорнейше прошу ваше высочество прислать мне ее в четверг на следующей неделе.

Еслиб у вас нашлась досужная минута, смею еще обратить внимание вашего высочества на интересную и живо написанную статью г. Григорьева о среднеазиатских делах. Статья эта помещена в „Сборнике государственных знаний“, который, если не ошибаюсь, был на днях представлен вам издателем, г. Безобразовым.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

25 января. Суббота.

31.

Ваше императорское высочество.

Спешу дать вам по возможности отчет по делу о Полякове. Я видел его и беседовал с ним долго вчера и сегодня. Должен сказать, что он произвел на меня благоприятное впечатление и заинтересовал меня. Вы не ошиблись, ваше высочество, доверившись доброму движению сердца и первому впечатлению, произведенному на вас письмом Полякова. Он, видимо, поражен и тронут тем вниманием, которое вы оказали письму его, и это одно чувство уже помогает ему выйти из того отчаяния, в котором он до сих пор находился. Я, с своей стороны, старался в разговоре с ним вывесть его из того замкнутого кружка мыслей и представлений, в котором он жил до сих пор. Я не нашел в нем ожесточения, но мысль о безвыходном положении крепко давила его и останавливалась на самоубийстве. Кажется, он начинает уже понимать, что поступил бы безумно во всяком случае.

Справлялся я об нем в главном управлении печати, собирал сведения об его изданиях и убедился, между прочим, что и в церберах цензурного ведомства он оставил не чувство раздражения, а, напротив того, доброе впечатление и искреннее сожаление о тех невзгодах, которым он подвергнулся.

Библиотека "Руниверс"

Мне искренно жаль его и очень хочется помочь ему, вывесть из крайности, поднять ему душу. Но как это устроить,—вот вопрос. Как бы ни было живо ваше доброе к нему движение, нельзя же серьезно предлагать вашему высочеству уплатить долги его, и он сам это понимает.

Сегодня, по моему приглашению, он принес мне список всех долгов своих. Тут много и больших, и малых. Очевидно, не все одинаковы и лишь некоторые тяготят его совесть настолько, что доводят его до отчаяния,—именно деньги, взятые у людей, которые сами отдали последнее,—долги чести и совести. Таких мы насчитали около 30.000.

Не подавая ему надежд, я отпустил его сегодня до тех пор, пока будет что сказать ему: тогда вызову его снова.

Теперь хочу прежде всего поговорить с А. Е. Тимашевым. Он мимоходом помянул мне как-то, что, может быть оказалась бы возможность сделать Полякову *некоторое* вспоможение. Но что значит слово *некоторое*, в виду такой большой суммы! Я намерен поговорить еще об этом с Тимашевым обстоятельнее: он по натуре добрый человек. Уполномачиваете ли меня, ваше высочество, заявить Тимашеву, что вы принимаете участие в Полякове. *Если нет*, благоволите дать знать мне. Поговорив с Тимашевым, явлюсь уже к вашему высочеству с докладом об этом деле.

Все эти дни хлопочу без утайки по другому делу,—о пражской церкви. Был у кн. Горчакова, у Гамбургера. Герцог Мекленбургский свел меня с Лангенау, у которого я сидел вчера утром и силился разъяснить ему, какое тяжкое впечатление произвела бы в целой России весть о закрытии пражской церкви, и как это было бы невыгодно для дружественного народного расположения к Австрии. Он, повидимому, понял меня и обещал писать в этом смысле в Вену. А учредители церкви—посылаем завтра к Новикову просьбу с обстоятельной запиской, прося его защиты и ходатайства. Что то бог даст!

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Среда, 29 янв. 1875.

Библиотека "Руниверс"

32.

Ваше императорское высочество.

Не благоугодно ли будет вам прочесть прилагаемые при сем для соображения вашего высочества копии с бумаг, отправленных нами к Новикову по делу о пражской церкви. Из них изволите усмотреть, в каком положении дело это находится, и какими аргументами оправдывается ходатайство. Не знаю, что захочет сделать Новиков сам по себе, так как кн. Горчаков устраняет себя и министерство от всякого вмешательства в это дело. В таком смысле изъясняется он и в записке, которая представлена им государю императору по запросу его величества.

С прошлого четверга я принужден остановить всякое хождение как по этому делу, так и по делу Полякова, потому что захворал. Два дня лежал в лихорадке. Вчера встал, но сегодня не решился еще выехать в государственный совет.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

3 февраля.

33.

Ваше императорское высочество.

В настоящую минуту здесь находится приехавший в первый раз в Россию из Венгрии угро-русс, старик, некто Добрянский. Я много виделся с ним в эти дни. Он примечательный человек—умный, много испытавший, интересный, русский, одного рода и одного языка с нами. В своем краю, между карпато-руссами, где он живет в своем имении, он служит главным представителем своего народа и защитником языка и православной веры от ужасных притеснений католического мадьярского правительства. В том краю он очень известен и был даже в течение 4 лет министром путей сообщения в австро-венгерском министерстве. Мне и всем узнавшим его здесь он очень понравился. Он остается еще

Библиотека "Руниверс"

несколько дней и возвращается домой через Москву и Киев. Здесь всему, что видит он, радуется; в особенности же странно ему и трогательно видеть здесь в покое и торжестве свою церковь, которую у себя привык видеть гонимою и бедною.

Случайно разговаривая с ним, узнал я, что одно из сердечных его желаний—видеть ваше высочество, и что с этою целью он высматривал по улицам, где бы вас встретить, но не успел. Разумеется, ему и на мысль не приходило искать возможности представиться вам; но мне эта мысль пришла, и я подумал, что ваше высочество верно не откажете обрадовать старого человека и оставить ему на всю жизнь светлое воспоминание. Вы увидите, что он вас не обеспокоит, если дадите ему несколько минут, и если спросите об людях и о крае, он даст вам интересные ответы. Завтра, по расчету моему, вы изволите вернуться с охоты, а в пятницу, в приемный ваш час, от 12 до 1, я позволю себе направить старика Добрянского в Аничков дворец, и смею надеяться, что вы позволите ему представиться вам. Думаю, что и вашему высочеству не безынтересно будет увидеть представителя единоплеменной и единоверной с нами Угорской Руси.

Возвращаю вашему высочеству письмо Полякова, которое у меня оставалось. Буду ждать вашего ответа на вопросы мои и решения этому делу. Как раз на этих днях он был в критическом положении, по случаю долга своего, и заходил ко мне, но я не мог дать ему никакого ответа. Покуда не услышу решительного слова от вас, не решаюсь спрашивать и у А. Е. Тимашева те 3.000 р., которые он обещал. Опасаюсь, не встретилось ли затруднения в нынешнем состоянии ваших финансов. Знаю, что под видом нужды иногда рассчитывают на доброту вашу и люди с воображаемою нуждою. Но, кажется, в этом случае нужда действительная.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

12 марта 1875.

Библиотека "Руниверс"

34.

Ваше императорское высочество.

Вам, конечно, известна книга Фадеева „Чем нам быть“, известны, конечно, и состоящие в связи с этой книгой проекты устройства всесословной волости, рассматриваемые теперь в Петербурге на дворянском собрании. Я знаю, что в некоторых кружках здесь и особливо в Москве распространяется слух (который я разумею не иначе как за сплетню, ни на чем не основанную), будто бы книга Фадеева и эти проекты пользуются особым сочувствием вашего высочества.

Книга Фадеева писана с немалым талантом, и я с своей стороны нашел много справедливого в критической ее части, то-есть в разборе существующих у нас неустройств; но там, где автор принимается сочинять основания новых рекомендуемых им порядков, предположения его, равно как и основания новых проектов, обсуждаемых ныне дворянами, оказываются очень слабыми.

Во всяком случае, кто читал книгу Фадеева и отдавал справедливость его таланту, тому необходимо ознакомиться и с возражениями на его мысли, для того, чтоб не увлечься односторонностью взгляда в таком важном предмете.

Смею рекомендовать вниманию вашего высочества прилагаемую при сем записку с опровержениями на книгу Фадеева. Она написана в виде письма к Фадееву, в Москве, Юрием Федоровичем Самариным, и появилась недавно. Написана она очень хорошо и читается с живым интересом. Смею думать, что и ваше высочество будете ею заинтересованы, когда благоволите прочесть ее. Вам, более чем кому другому, нужно ознакомиться с мнениями обеих сторон по делу, имеющему такую государственную важность: эта мысль побуждает меня представить вам записку Самарина, которая, может быть, еще неизвестна вам. Не извольте стесняться временем в чтении этой записки.

Вашего императорского высочества вернопреданный

20 марта 1875. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

35.

Ваше императорское высочество.

Я вручил Полякову от имени вашего высочества 6.000 рублей, полученные мною на половину от А. Е. Тимашева, на половину от В. В. Зиновьева. Как он тронут этим пособием, которым одолжен единственно личному участию вашего высочества в его беде,— о том пусть свидетельствует письмо его самого, при сем прилагаемое.

Но я обязываюсь в этом деле очистить перед вашим высочеством свою совесть в том, что значительная сумма, которую вы приказали выдать, употреблена не даром. Как вы сами не видали Полякова и не говорили с ним, то единственным основанием к этому распоряжению могло служить для вас, кроме впечатления, произведенного письмом Полякова, доверие к личному моему впечатлению; а личное мое впечатление могло со стороны показаться обманчивым и фантастичным. Таковым, по всей вероятности, показалось оно и Василью Васильевичу, и когда б я был на его месте, то, конечно, также рассуждал бы. Его обязанность оберегать интересы ваши от напрасных трат, и естественно, что эта трата могла показаться ему напрасною: этому его взгляду я мог противопоставить лишь очень слабый аргумент—личное мое впечатление.

Вашему же высочеству я могу прямо высказать, что по совести не считаю эту трату напрасною. Признаюсь, я опасался в начале, что мое личное впечатление при объяснении с Поляковым будет неблагоприятно, и всякий раз, при новом свидании с ним, боялся, не скажется ли в нем какая фальшивая нота. К счастью, я по совести должен сказать, что этого не случилось, и что я до последней минуты не переставал слышать в нем искренний тон и не чувствовал сомнения в этой искренности. Допрашивая себя, я решил, что сам я, когда б имел достаточные средства, не усомнился бы пособить Полякову, и на этом основании решился рекомендовать его участию вашего высочества. Думаю и теперь, что, пособив ему,

Библиотека "Руниверс"

вы сделали доброе дело и не будете иметь повода сожалеть об этом. А для него, я уверен в том, мысль об участии, принятом вами, с того высокого положения, в котором вы находитесь, послужит на целую жизнь благотворным воспоминанием и нравственной поддержкой. Горько всякому чувствовать себя отрезанным от деятельного участия человеческого; а когда оно появляется, оно оживляет и помогает человеку встать и оправиться.

При удобном случае не благоволите ли помянуть А. Е. Тимашеву об участии, с его стороны принятом в деле, ради вашего посредничества.

Слава богу, вижу до сих пор каждое утро добрые вести в доме вашем по ежедневному бюллетеню. Дай вам бог здоровья и радости, с государыней цесаревной, с детьми вашими и с новорожденной Ксенией, которую так радостно осияло перед всем народом утро благовещения.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

28 марта 1875.

36.

Ваше императорское высочество.

Имею честь представить вам полученный мною из Москвы, на этот раз полный и оконченный, экземпляр романа „В лесах".

Рольстона я известил, что он выбран по предложению вашего высочества членом-корреспондентом исторического общества. Сейчас получил ответ от него. Он очень обрадован этим известием и просит меня засвидетельствовать вашему высочеству глубокую признательность его за ваше к нему внимание. Бедный Рольстон очень болен, так что принужден оставить свою двадцатилетнюю службу в Британском музее, с пенсией в 120 фунтов, составляющей почти единственное его достояние. Он пишет, что теперь намерен предаться вполне изучению России и лето проведет в Яро-

Библиотека "Руниверс"

славле у своего приятеля профессора Капустина. При первой возможности он надеется иметь честь засвидетельствовать свою признательность вашему высочеству лично и по-русски.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

6 апреля 1875.

37.

Ваше императорское высочество.

По случаю приезда сюда г. Добрянского, я просил одного из лучших знатоков славянского мира, г. Будиловича, составить краткую объяснительную записку о нынешнем положении Руси Червонной и Угорской. Я просил составить ее для меня, но мое намерение было представить ее вашему высочеству для объяснения того дела, коего представителем служит Добрянский.

Теперь эта записка готова: она показалась мне очень любопытною. Не угодно ли будет вашему высочеству прочесть ее и оставить у себя? Записка при сем прилагается.

Сверх того, по просьбе графини Блудовой, уезжающей сегодня из Петербурга, прилагаю при сем письмо, полученное ее из Острога, о торжественном принятии пожертвованных вами икон.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

18 апреля 1875.

38.

Ваше императорское высочество.

М. Н. Катков, имевший уже честь представляться вам и объяснить дело лицея, о котором он здесь ходатайствует, просит меня представить вашему высочеству прилагаемую при сем записку об этом деле.

Библиотека "Руниверс"

Вчера он был у министра финансов и встретил со стороны его любезный прием и готовность к содействию. Конечно, дело это устроилось, еслиб вашему высочеству, как покровителю лицея, благоугодно было подкрепить с своей стороны ходатайство Каткова у министра финансов.

Вашего высочества верноподданный

К. Победоносцев.

24 апреля 1875.

39.

Ваше императорское высочество.

Имею честь представить вам от имени Славянского комитета два издания его, которые мне доставил почтенный председатель комитета Ив. Петр. Корнилов. Оба они очень интересны. Первый том Славянского сборника, в котором есть статьи очень любопытные и наших, и заграничных ученых, знатоков славянского дела.—Еще любопытная карта славянских племен, самая полная и точная, какая только до сих пор имеется. Представлением этих изданий Славянский комитет желает засвидетельствовать глубокое свое уважение к вашему высочеству и заявить себя вниманию вашему. Он выпустил в свет уже несколько подобных изданий, очень полезных и добросовестно составленных, для распространения сведений о славянском мире.

Кстати, не угодно ли будет вашему высочеству принять от меня на память о бывшем у вас Добрянском карточку с портретом его в том костюме, в котором он к вам представлялся. Я недавно получил письмо от него: старик не может вспомнить без волнения душевного той минуты, когда он видел вас, и доброго вашего приема.

Пишу эти строки, только что вставши с постели, в которой пролежал два дня с воспалением в горле, и еще

Библиотека "Руниверс"

очень слаб. Тем это несноснее для меня, что дел накопилось именно теперь очень много, и были важные заседания (по делу о паспортах), которые пришлось пропустить. А эти два—три дня совсем надобно было вычеркнуть из своего бюджета.

Вы здравствуйте и радуйтесь, ваше высочество, в доме своем, на многие годы.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

1 декабря 1875.

Библиотека "Руниверс"

1876 г.

40.

Ваше императорское высочество.

Позвольте представить благосклонному вниманию вашему и благоволите принять в вашу библиотеку только что изданную мною книгу: Исторические исследования и статьи. Может быть, в досужную минуту представит вам некоторый интерес последняя из статей „Убийство Жуковых“, в которой описано уголовное дело, получившее большую известность в начале царствования императрицы Екатерины.

Вашего высочества верноподданный

К. Победоносцев.

5 февраля 1876.

41.

Ваше императорское высочество.

По просьбе костромской игуменьи Марии имею честь представить при сем отчет ее по больницам и письмо, адресованное на имя вашего высочества. Прилагаю при сем и письмо ее ко мне, из которого изволите увидеть, на что она желала бы в особенности обратить ваше внимание. Учреждения, ею заведенные, подлинно должны служить благодеянием для края, и по ее деятельному, и распорядительному характеру я не сомневаюсь, что она держит все это дело в порядке. Мне кажется, было бы достойно и праведно, и для дела полезно, когда бы вы изволили передать через нее слово благодарности жертвователю, старику Щербакову. Если угодно будет

Библиотека "Руниверс"

вам написать непосредственно от себя игуменье ответ, то я тотчас же распорядился бы изготовить черновую бумагу. Если же предпочтете поручить мне написать ей, то не замедлю исполнить. Смею еще предложить вашему высочеству: еслиб можно было от имени вашего послать этому Щербакову вашу фотографическую карточку,—это доставило бы ему, кажется, особенную радость и произвело бы доброе впечатление для дела.

На несколько дней замедлил я представлением отчета, потому что рассчитывал подать его вам лично, но заходил все неудачно, и в последний раз, в субботу, придя в 1 час, не застал вас и узнал, что вы не скоро будете.

Не могу еще оправиться от своей печали, ваше высочество, услыхав о внезапной кончине Юрия Самарина. Вот, судил бог этому русскому человеку кончить дни свои в архинемецком городе, в немецкой больнице, посреди немцев. И всего только день хотел он пробыть в Берлине по пути в Петербург, но понадобилась операция, а от операции сделалась внезапно рожа, и все пропало.

Когда видим вокруг все маленьких людей большею частью, ужасно грустно, когда умирает б о л ь ш о й человек. А Самарин был подлинно большой человек—и великаго ума, и души великой, возвышенной, и русского сердца. Он сам собою стоял и держал своею силою многих. И перед своими, и перед немцами он был крепким и грозным представителем и русской веры, и русского ума и сердца, и, наконец, русского образования, в котором немногие могли с ним потягаться. Оттого и враги его уважали, а про друзей и говорить нечего. Он был и честен, и великодушен, и много делал добра и в городе, и в деревне. Кто теперь заменит его! Очень горько, что Самарина нет уже между нами...

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

22 марта 1876.

Библиотека "Руниверс"

42.

Ваше императорское высочество.

Теперь в Царском Селе у вас, конечно, больше досуга, чем было в Петербурге. Рассчитывая на это, позволяю себе представить вам в распоряжение ваше любопытную записку, относящуюся к вопросу, который, и по моему убеждению, имеет величайшую важность для России. Благоволите в свободный час прочесть ее: она того стоит. Автор ее, кн. Н. Н. Голицын, бывши подольским губернатором, ознакомился на месте и на практике с еврейским вопросом и, поняв всю его важность, принялся с ревностью за его изучение по делам и по книгам. Он написал большое об нем исследование в трех громадных томах, из коих покуда один только отпечатан им приватно, не для публики; а эта записка имеет вид извлечения, составлена собственно для министра внутр. дел и отпечатана тоже секретно лишь в 25 экземплярах. Кн. Голицын состоит теперь при министерстве членом еврейского комитета, посвящает этому делу все свои силы и скорбит только о том, что не все понимают важность для России вопроса об устройстве евреев.

Кроме того, позвольте еще представить вам книжку: На краю света, сочинение г. Лескова,—того самого, который написал известный вам разсказ: Соборяне. Книжка эта хорошо написана, и думаю, что она вам понравится, когда изволите прочесть ее в досужную минуту.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

14 мая 1876.

43.

Ваше императорское высочество.

Поэт Я. П. Полонский, издавший недавно новые свои стихотворения, имеет сердечное желание представить свою книгу вашему высочеству, без всякой иной цели, кроме потреб-

Библиотека "Руниверс"

ности выразить вам свое чувство. Прежнюю свою книгу он уже подносил вам несколько лет тому назад через кн. Мещерского, а теперь просит меня быть его посредником.

Зная лично Полонского за доброго, чистого и честного человека и за писателя талантливого, не могу отказать ему в этом и имею честь представить при сем книгу: Озими.

Остаюсь в неизменной надежде встретиться с вашим высочеством завтра поутру.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

П. Бург. 26 мая 1876.

44.

Ваше императорское высочество.

Не могу удержаться, чтоб не написать вам несколько слов из здешних мест. Подлинно, здесь вы каждый час у меня на мысли, и каждый номер газет будит ее. Нынешняя война устроила вам очень деликатное положение. Все партии играют каждый день вашим именем: вас без рассуждения ставят во главу русской партии действия, которая непременно бросилась бы на помощь славянам, когда бы стояла у власти. Отсюда родятся каждый день вести про вас: сейчас только прочел телеграмму, где сказано, что некто, уполномоченный от вас, приехал на сербскую границу и обещал сербам по 500 т. гульденов в месяц. Особливо после истории Милетича (в Песте), которая, конечно, вам известна, сплетни эти могут быть очень неприятны и повесть к другим, еще более неприятным сплетням. Не сомневаюсь нисколько, что вы очень осторожны и не высказываете своих мнений перед людьми, которые могли бы понесть и раздуть ваше слово, но за всем тем не взыщите, ваше высочество, за мой непрошенный, но любовью к вам внушаемый совет: ради бога, удвойте свою осторожность и опасайтесь принимать ревнителей, которые, конечно, будут искать случая видеть вас и услышать ваше слово. Дело освобождения свято, и благослови его гос-

Библиотека "Руниверс"

подь, но в теперешнем положении вашем то будет золотое слово, которое останется невысказанным.

Какие лихорадочные дни наступили здесь: два раза в день бросаемся к газетам и с трепетом ждем известий с места войны.. Русские радуются первым успехам Черняева, венгерцы скрежещут зубами от ярости. Сегодня государь император, судя по газетам, должен проехать вблизи от нас, через Эгер, в Рейхштадт. Мы тогда только успокоимся, когда он обратно переедет через русскую границу.

Я пью здесь воды вместе с женой и беру ванны. Место здесь красивое и воздух превосходный, но скучно лечиться летом и не быть на свободе. На обратном же пути отсюда хотелось бы проехать через Прагу и Киев.

Здравствуйте и радуйтесь, ваше высочество, с государыней цесаревной и с детьми. Да хранит господь бог вас и нашу Россию от всякой беды и напасти.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Marienbad. Villa Hahn. 25 июня—7 июля 1876.

45.

Князь Владимир Петрович Мещерский, уехавший наднях в Белгород, прислал мне с дороги пакет, с просьбою представить его вашему императорскому высочеству.

К. Победоносцев.

16 сентября 1876.

46.

Ваше императорское высочество.

Сегодня случилось мне иметь разговор с офицером г. Вульфертом (шурином Черняева). Он сказывал о великой нужде в оружии, которую терпит сербская армия, и от которой все теперь у них зависит. Надежды в этом возлагаются единственно на Россию и на русское правительство.

Библиотека "Руниверс"

Вульферт тихонько сказывал, что он имел вчера по этому случаю продолжительное объяснение с Баранцевым.

В военном министерстве есть резервный запас 300.000 старых ружей, из которого не было бы, и по мнению Баранцева, невозможности отпустить некоторую часть; но едва ли, по словам Баранцева, военный министр будет на то согласен, хотя Баранцев писал ему об этом и не получил еще ответа.

При этом выражалось такое мнение, что еслиб государь наследник цесаревич сказал свое слово за это дело, то оно могло бы иметь успех.

Считаю нелишним передать эти речи без всякого своего рассуждения вашему высочеству.

Вернопреданный

К. Победоносцев.

18 сентября 1876.

47.

Ваше императорское высочество.

Не прогневайтесь на меня, что я надоедаю своими письмами по делу, в котором не имею прямой обязанности участвовать. Благоволите, ваше высочество, дать себе труд прочесть прилагаемое при сем письмо, только что полученное мною от И. С. Аксакова, который, как изволите увидеть, совершенно встревожен дошедшим до него известием, что вы изволили передать все дело Фадееву. Мне кажется, что тут есть какое-то недоразумение, так как мне известно, что Фадеев своими действиями лишил себя вашего доверия. Простите, что посылаю в подлиннике не совсем разборчиво и наскоро написанное письмо Аксакова, но оно лучше объяснит вашему высочеству, в чем дело.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 21 сентября 1876.

Библиотека "Руниверс"

48.

Ваше императорское высочество.

Пользуюсь оказией, чтоб написать вам несколько слов о том, что лежит на сердце у меня и у многих русских людей, глубоко носящих в душе заботу о своем отечестве.

Вам известно, в каком возбуждении находится в эту минуту русское общество, особливо в Москве, по поводу политических событий. Возбуждение это не только не уменьшается, но с каждым днем растет. Оно усиливается тем более, что в правительстве не заметно движения. Многим уже представляется, что правительство погрузилось в какую-то апатию, в сознание внешней и внутренной своей слабости. Каждый день приносит новые известия и слухи, одинаково смутные, неопределенные: что̂ как будто решено сегодня, то завтра отменяется,—никакого решения не видно. Немудрено, что в таких обстоятельствах вместе с возбуждением возрастает недовольство и недоверие к власти, которая ни в чем явственно и определительно не высказывается. Ближайшие представители этой власти молчат, не высказываются и, повидимому, так же мало, как общество, знают о намерениях верховного правительства: некоторые из них громко ропщут, что в такую минуту оставлены без всякой инструкции от высшей власти. Центр ее находится на далеком краю России, а здесь, в столице, центральные управления сами не знают, что делать. Многие из министров еще гуляют или отсутствуют в Петербурге. Все спрашивают себя, будет ли война? И в ответ слышат друг от друга, что у нас ничего нет—ни денег, ни начальников надежных, ни вещественных средств, что военные силы не готовы, не снабжены, не снаряжены,—и потом опять спрашивают, куда же девались невероятно громадные суммы, потраченные на армию и на флот, рассказывают поразительные, превышающие всякое вероятие истории о систематическом грабеже казенных денег в военном, морском и в разных других министерствах, о равнодушии и неспособности начальствующих лиц, и проч.

Библиотека "Руниверс"

Такое состояние умов очень опасно, и силы, поднимающиеся теперь во всех слоях русского общества, таковы, что правительству необходимо решиться на что-нибудь и вообще необходимо посреди забот о внешней политике не забывать о внутренной политике правления, которая всему есть начало и опора. Что-нибудь из двух: или оно должно завладеть этим народным движением, взять его в свои руки, направить его, или это движение станет разрастаться дальше и дальше, дико, неправильно, мимо правительства, в чувстве недоверия и даже враждебности к нему. Тогда будет очень, очень худо. Народ наш способен творить чудеса всякой доблести, когда чувствует, что им правят и ведут его, а когда правящей силы нет или она отказывается править или уклоняется,—тогда можно ожидать смятения, хаоса и гибели. Минута теперь очень важная не для внешней только политики. Если все это кончится ничем или каким-нибудь смазанным миром к нашему стыду и к удовольствию так называемых союзников наших, все нынешнее возбуждение общества, выступающее теперь наружу, войдет внутрь, и между правительством и народом может возникнуть такая глубокая рознь, какой у нас еще не бывало в истории. Для России не может быть ничего гибельнее такой розни. Все наше правительство одним только и держится—верою народной в силу, правящую землею. Другой опоры нет и быть не может в такой громадной империи.

Происходит следующее. Возбуждение сильное. Поднимаются люди со всех концов и идут, не спрашивая, куда и как, на защиту православных братий, идут умирать и умирают. Собирают деньги и шлют туда же. Все эти люди ищут сборного пункта, ищут руководства и указания. В правительстве они не находят ни того, ни другого. Правительство, с одной стороны, как будто знать не хочет об этом движении, с другой стороны—косвенно и случайно как бы поощряет его. Местные власти, когда к ним обращаются, устраняют себя вовсе, ссылаясь на то, что не имеют никаких инструкций от своего начальства. И так, помимо правительства, образуются центры, сборные пункты движения, образуются руководящие

Библиотека "Руниверс"

власти. Между тем, движение это захватывает в себя такие глубокие стремления и побуждения, соприкасается с множеством таких важных вопросов жизни народной, что из него может выйти, глядя по обстоятельствам, или большая опора, или великая опасность для правительства. Неужели правительство не раздумывает серьезно, к чему все это может повести, особливо в такую минуту, когда громче, чем когда-либо, слышится ропот на тягости, толк о другом управлении и о неспособности многих лиц, составляющих администрацию, жалоба на безумные траты и на расхищение казны, собираемой с народа?

Хорошо еще, когда эти, сами собой возникшие, руководящие власти организовались и действуют на виду и в порядке, как, например, действуют до сих пор Славянские комитеты в столицах. Но уже теперь и по местам около земских управ образуются центры распорядительные. Настроение таково, жажда примкнуть куда-нибудь, услышать что-нибудь ободрительное так сильна, что люди готовы слушать всякого, кто только выставит себя руководителем и вождем во имя того дела, из-за которого загорелся теперь огонь в груди народной. Теперь и безрассудный энтузиаст, и ловкий интриган, и всякий самозванец легко может стать авторитетом и проповедывать, пожалуй, от имени правительства, которое само безмолвствует.

Ваше высочество имели уже пример Фадеева. В эту минуту у нас здесь только и речи, что о другой истории— посерьезнее Фадеевской. Некто Пороховщиков, известный в Москве прожектор, спекулянт и человек весьма сомнительной репутации, стал героем дня. Самозванно, не имея ни от кого полномочия, он поехал в Ливадию, был принят государем императором в частной, повидимому, продолжительной аудиенции и вернулся в Москву торжествующим пророком—возвещать волю монаршую и виды правительства. Он поднял все московское общество, рассказывая самые невероятные вещи, и, без сомнения, нахвастал и прибавил очень много. Но ему верят многие, хотя рассудительные люди приходят в отчаяние от возможности подобных явлений. Говорят,

Библиотека "Руниверс"

что на обратном пути из Ливадии в Москву он телеграфировал в попутные города, вызывал к себе даже представителей власти, которые выслушивали его с благоговением. Ваше высочество изволите сами рассудить, хорошо ли все это.

Истинно, надобно бы подумать серьезно об исходе настоящего движения. Здесь задумываются уже славянские комитеты, как быть и что делать впредь. Народ валом валит в Сербию, а там уже и есть нечего,—так все истощилось. Черняев присылает отчаянные телеграммы, требуя денег, ради бога, потому что ничего нет.—Но где взять денег? Никакие сборы не будут достаточны для удовлетворения требований. Между тем массу русских в Сербии надобно же содержать чем-нибудь, и рано или поздно нашему правительству придется спросить себя, что с ними делать...

Все это, ваше высочество, вы, может быть, и без меня знаете, но все-таки я не могу удержаться, чтобы не написать вам. Ей-ей, здесь душа изнывает от тоски и неизвестности у всех людей, прозирающих вперед и душою любящих свое отечество.

Сохрани боже вас и нас всех.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 3 октября 1876.

49.

Ваше императорское высочество.

С завтрашним поездом хочу еще написать вам несколько строчек о здешних делах наших. Мы здесь все ждем свету от вас, из Ливадии, но до сих пор питаемся только слухами. Министры наши съезжаются отовсюду, но и они ничего не знают. В народе начинают ходить уже разные басни о болезни государя, и тому под. Было бы желательно во всех отношениях, чтобы высшие власти наши не долго оставались в Крыму. Отъезд государыни цесаревны в Ливадию был истолкован многими в благоприятном смысле—в смысле надежды на мир. Впрочем, что̀ такое этот мир, и надолго ли он, и в чем

Библиотека "Руниверс"

он состоит,—этого, кажется, никто не знает верно. Это возможность вздохнуть свободнее в натянутом положении—и только. Между тем, возбуждение общества продолжается и растет, в виду постоянно поддерживающих его известий с театра войны. Черняевской армии что-то опять плохо приходится. Не дай бог, чтобы турки взяли верх в этом месте и пошли далее: это отзовется у нас сильным движением. И то уже не понимают, зачем это и как это Россия до сих пор не объявляет войны. Не понимают оттого, что привыкли верить в русскую военную силу и в силу правительства и, скажу еще,—в силу правды. День, в который начнут разуверяться в этом, будет ужасный день; не дай господи увидеть его.

Говорят, что вы проводите в Ливадии невеселые дни, посреди тягостных ощущений. Говорят, что теперь, в решительную минуту, оказывается,—чего нельзя уже скрыть,—явный недостаток во всем, что предполагалось существующим, на что потрачены большие деньги. Обо всем об этом говорилось и прежде, но только теперь все это явственно оказывается. Кого обвинять в этом,—не найдешь и виноватых: должно быть, виноваты все без исключения. Все это очень, очень грустно, ваше высочество, но все это поправимое еще дело, если послужит уроком на будущее время, если заставить теперь всех уразуметь прежние ошибки и оставить ложную систему. Слишком долго, надо правду сказать, все сидели сложа руки и воображали, что все само собой делается, лишь бы было создано положение, приняты новые начала и определены штаты. Нет, нигде, а особливо у нас, в России, ничто само собою не делается, без правящей руки, без надзирающего глазу, без хозяина. Таково было всегда мое убеждение, что первая наша потребность—хозяйство и добрые хозяева: а об этом у нас всего менее заботились. Вся забота направлена была к преобразованиям на новых началах, к изданию новых регламентов и положений и организаций. Все уверяли друг друга и старались уверить высшую власть, что все пойдет отлично, лишь бы принято было такое-то правило, издано такое-то положение,—и все под этим предлогом избавляли себя от заботы смотреть, надзи-

Библиотека "Руниверс"

рать и править. Так, мало-по-малу, разучались ставить и выбирать людей для дела, и дело попало всюду в руки людей ленивых, неспособных: лишь бы они казались настроенными в духе тех или других любимых начал, уставов и положений. Изо всего этого вышло множество пустых слов и рассуждений, но очень мало толку.

Не поверите, какая тоска нападает теперь иной раз, когда чувствуешь все ничтожество дел, которыми мы заняты в государственном совете. Одно положение вносится за другим, и, по правде сказать, одно несовершеннее и плоше другого, потому что составляются они очень часто не людьми дела, а чиновниками, которые готовы написать какой угодно закон для России, лишь бы он был новый. Мы разбираем все это и толкуем с важностью о правиле, в которое никто не верит, и знаем заранее, что все эти правила ни к чему не послужат или послужат только к новой путанице и к новым издержкам казны или к новому отягощению народа. Слов много, а дело между тем не делается.

Вот секрет нынешнего нашего бессилия. Сил в нас очень много, земля наша велика и обильна, народ наш молодой и свежий, подъем духовной нашей природы легок и могуч; но без управы, без хозяйства все это пропадает, как пропадают в бою богатыри-солдаты наши без способных офицеров.

Верю, ваше высочество, и понимаю, что грустно бывает вам, когда вам представляется во всей своей важности и тяжести высокое ваше призвание. Любя вас всей душой, много и часто я с грустью об этом думаю. О, какое великое бремя власть, и как счастлив, кого миновал этот тяжкий жребий. Но, с другой стороны, какое высокое и великое это дело, когда власть сознает свою силу и знает, чего хочет и разумеет, куда вести и как править. Тогда она творит чудеса и, чувствуя себя в единстве с народом, сильна великою силой. А у нас так все сложилось, что мы все с вами заодно и все инстинктивно чувствуем, что вся земля без вас пропадает, как и вы пропадаете без земли. И вот что смею сказать вам. Вся тайна русского порядка и преуспеяние—

Библиотека "Руниверс"

наверху, в лице верховной власти. Не думайте, чтобы подчиненные вам власти себя ограничили и поставили на дело, если вы себя не ограничите и не поставите на дело. Где вы себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью,—вот что значит тот союз с землею, в котором вы родились, и та власть, которая вам суждена от бога. Не верьте, когда кто станет говорить вам, что все пойдет само собою в государстве, и что на том или другом положении, или законе вы можете успокоиться. Это неправда. Придет, может быть, пора, когда льстивые люди,—те, что любят убаюкивать монархов, говоря им одно приятное,—станут уверять вас, что стоит лишь дать рускому государству так называемую конституцию на западный манер,—все пойдет гладко и разумно, и власть может совсем успокоиться. Это л о ж ь, и не дай боже истинному русскому человеку дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться.

Не осердитесь на меня за эти искренние мои речи, которые я никогда не устану говорить вам, если вы позволите. Послушайте; пока еще не так трудно слушать: придет пора, когда труднее будет сказать вам прямое слово, а вам труднее будет слышать его. Я же до сих пор, кажется, не давал вашему высочеству повода заподозрить искренность и чувства моего и моего слова.

Оканчиваю покуда, чтобы поспеть с письмом своим к отъезду ее высочества. Да хранит вас господь в радости и в мире.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Позволяю себе послать вашему высочеству книжку. Не знаю верно, любите ли вы читать по-английски, но п р о ш у в а с у с е р д н о прочесть в этой книжке первую, прекрасно написанную статью о г е р м а н с к о м ф л о т е. Она очень поучительна и любопытна,—именно в настоящих обстоятельствах она покажет, как много успели там сделать средствами, которые много меньше того, что у нас потрачено.

Петербург. 12 октября 1876.

Библиотека "Руниверс"

50.

Ваше императорское высочество.

Мы продолжаем влачить дни свои в полной неизвестности, в натянутом ожидании, в ощущении какой-то тяжести, висящей над всеми. Каждый день только усиливает эту тяжесть и не приносит ничего нового. Все дела стали: торговый рынок замер, кредита нет, безденежье полное. Внутри России нет никаких цен на хлеб в ожидании войны; здесь, на бирже, уныние и бессилие, таможни стоят без дела—нет никаких товаров и привезенные лежат, потому что не берут их и не платят пошлины; банк уже не берет в залог биржевых бумаг; ожидаются во множестве банкротства. Только еще не останавливается движение сумм, которые шлются со всех концов России в славянские комитеты на помошь несчастным: вот уже несколько месяцев, как московский Славянский комитет получает ежедневно не менее 5.000 руб.: примечательно, что все эти жертвы не от богатых, по большей части, а от небогатых и бедных; шлются со всех сторон тюки с вещами всякого рода—из такого-то села, от такой-то деревни. Поистине, это всенародная жертва от простой души и простого чувства. Но все эти суммы пропадают, как капля в море, в виду нужд громадных: теперь все русские в Сербии содержатся исключительно на средства славянских комитетов, но этот источник может скоро иссякнуть—и тогда что будет?

Но вот мысль, которая у всех на душе, вот слово, которое у всех на языке: отчего в такую минуту власть наша, от которой все зависит, не в Петербурге? Никто не может понять причины, и скажу вашему высочеству, поистине, этот говор переходит уже в ропот, которым едва ли следует пренебрегать. Все чувствуют крайнюю важность настоящей минуты для России и все спрашивают: где же правительство? В народе идут странные толки, рассказываются басни о болезни государя императора, и басни эти, без сомнения, распространятся по всей России. Ропшут купцы, ропщут военные, ропщут, наконец, и министры, которые, в свою очередь, спрашивают: где же правительство, и какая возможность

Библиотека "Руниверс"

правильного соединения правительственных сил, в таком сложном распоряжении, по телеграфу? Сейчас я видел одного чиновника минист. внутр. дел, который с воплем отчаяния жаловался на невозможность положения и описывал, какая происходит у них и в военном министерстве путаница с обменом шифрованных депеш днем и ночью, с разборкою распоряжений неполных, неясных, спешных, противоречивых по поводу таких распоряжений, которые надо делать на всю Россию и тотчас же...

Но вот сегодня в государственном совете дошло до нас известие, которое как будто обещает в скорости разрешить ожидания наши. Говорят, Игнатьеву велено потребовать от Порты решительного ответа в 48 часов. Что-то будет дальше—станем ждать. А между тем неужели погибнет несчастная Сербия? Неужели погибнут тамошние русские люди? Говорят, турки подвинулись еще вперед, и отчаяние овладело сербскою армией и Белградом. Боже мой, душа наболела видеть все это, видеть бесчеловечие и коварство английской дипломатии, ее лицемерие и обман со скрытою злобой на Россию,—видеть и знать, что мы не можем до сих пор разрубить мечем этот гордиев узел. Вы не видите и не слышите всего, а я хотел бы бросить все газеты и ни в одну не заглядывать,—но как удержаться от этого? Я слежу постоянно, особливо за английской журналистикой, и волнуюсь каждый день непомерно. Что ни говорят там ораторы народные о сочувствии к страданию славян, о негодовании против турецкого варварства,—ко всему примешивается злоба и клевета на Россию. Как давно нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку. А мы все к ним льнем, все на них глядим, все от них хотим заимствовать—и не заботимся собирать в себе свою собственную силу и готовить свои собственные средства.

Вот и теперь: какая горечь поднимается в душе, когда узнаешь вдруг, что у нас потрачено 18 миллионов на обоз,—

Библиотека "Руниверс"

и оказывается, что весь обоз никуда не годится, что наши фуры, наши ящики—все сделано премудрою комиссией по прусским образцам, рассчитано на прусские дороги, на прусских лошадей, а по нашим обстоятельствам, на наших дорогах—ничего нельзя двинуть. Рассказывают удивительные, невероятные вещи об этих повозках. Дай боже, чтоб эти отзывы были преувеличены. Вашему высочеству, конечно, все это должно быть известно.

Итак, дай нам боже в добрый час подняться и в добрый час справиться, но все чувствуют, что судьба влечет нас к войне, что без войны невозможно распутать узел, сплетенный нам дипломатией и, может быть, отчасти нашей нерешительностью, невозможно расчистить положение, достойное России. Авось либо при этих обстоятельствах и двор вскоре переедет сюда. Думается, что с близостью войны и не совсем безопасно медлить в Крыму.

Сегодня мы сидели долго в госуд. совете за положением о конской повинности. Произошло нечто странное: нам предложили обсудить его и вместе с тем заявили, что в нем ничего нельзя изменить, потому что оно во всех частях введено уже в действие. Целый почти год оно пролежало: до конца августа отвергали всякую возможность каких бы то ни было приготовлений к войне, и когда русские люди толпами ехали сражаться в Сербию, твердили, что войны не будет ни в каком случае, и что всякие приготовления к ней могут только навлечь подозрение на Россию! И вдруг в один день, в конце августа пришло приказание готовиться: полетели во все стороны телеграммы и гонцы, и поехали чиновники (слава богу!) приготовлять на местах сбор лошадей. А мы сегодня только утвердили положение об этом сборе.

Итак, будем ждать вас сюда с нетерпением. Будьте здоровы, ваше высочество, с государыней цесаревной и со всем домом вашим. Благослови вас боже на новую жизнь, на новую деятельность, которая теперь для вас открывается.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 18 октября 1876.

Библиотека "Руниверс"

51.

Ваше императорское высочество.

Сегодня отправляется в Крым и будет в Ливадии для объяснения с военным министром тайный сов. Беклемишев, член сов. министерства внутр. дел и бывший могилевский губернатор. Он человек очень живой и деятельный,—из таких, которые не спят и не сидят на месте. Он уже ездил недавно по поручению министерства в разные губернии для конской переписи и для приготовлений на местах к сбору лошадей. Теперь едет для того же в Таврическую губ. Он отлично знает быт народный и состояние разных частей, многое видел теперь и по гражданскому, и по военному ведомству, и если бы вашему высочеству угодно было принять и расспросить его, он мог бы сообщить вам довольно интересных и нужных сведений. Я же рекомендую его, как человека честного, живого и ревностного к делу.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 19 октября 1876.

Это письмо везет Беклемишев.

52.

Владимир Мещерский вернулся из Сербии со множеством рассказов. Он провел три дня в Делиграде у Черняева и дней 8 в Белграде. Белград оставил ему тяжелое впечатление. Этот город, по словам его, кипит всевозможными интригами и сплетнями, направленными, между прочим, против русских и Черняева. Правительство будто бы смотрит на Черняева крайне подозрительно и боится решительных его успехов над турками. Требований его не исполняют и оставляют его будто-бы намеренно без снарядов. В противодействие ему и его влиянию назначен будто бы в ибарскую армию Новоселов, который стремится не помогать ему, а затруднять его движе-

Библиотека "Руниверс"

ние и перенимать у него к себе прибывающих русских. Сколько во всем этом правды, не знаю.

По приезде сюда несчастного Мещерского, он тотчас открыл в газетах компанию против действий Токарева, уполномоченного в Сербии от общества попечения о раненых. Началась полемика, вследствие которой Тимашев призывал Мещерского и отдал ему на выбор—или оставить службу, или отказаться от писания статей в журналах. Мещерский избрал первое и теперь ищет себе место в другом министерстве. Впечатление своей поездки он начал печатать в „Гражданине".

Октябрь 1876.

53.

Ваше императорское высочество.

Сейчас был у меня г. Беклемишев, только что вернувшийся из своей поездки в Таврическую губернию. Он рассказывает много интересного, что сам видел. По его словам, при условиях самых неблагоприятных, какие только можно себе представить, при ужасной погоде и ужасном состоянии дорог, и мобилизация, и поставка лошадей совершена с необыкновенным успехом, с изумительною готовностью всех сословий, при всеобщем одушевлении. Удивительное дело, что этот именно край, всего более потерпевший от войны 1853 года, теперь встречает военные приготовления с наибольшим одушевлением. Большая часть лошадей поставлены добровольно, и отличные лошади. Беклемишев передает много любопытных подробностей об отдельных сценах, которые происходили по местам,—особенно в Бердянске, где городским головою какой-то черногорец, из Боки Каттарской. Когда окончилась поставка, он обратился к народу с коротенькою речью: „Любезные сограждане! Вот, слава господу богу, мы исполнили великое дело—поставили лошадей для наших войск,—чего же мы пожелаем нашим лошадкам,—они бедные не могут действовать ни ружьем, ни пушкой—пожелаем, чтоб каждая хорошенько лягнула в морду хоть одному турку". Эти слова возбудили большой энтузиазм, только в народе замечали, что

Библиотека "Руниверс"

разбить морду надо бы и англичанину, а другие отвечали: „да где его достанешь-то на корабле? Туда лошадь не достанет".

Но, по словам Беклемишева, всюду в том краю, — особенно в дельных моряках,—сильно ожесточение против морского ведомства, которое ничего не сделало для защиты. В приморских местах, особливо в Евпатории, горькие жалобы, что нет даже плохого судна, которое могло бы по крайней мере выследить появление неприятеля. О поповках толкуют, будто бы по опытам, на них после 9—10 выстрелов делается такое сотрясение частей внизу, что стрелять далее невозможно. Все ропщут, что с конца августа и до сих пор со стороны морского ведомства нет никаких мер, хотя многое можно было сделать, и теперь еще было бы время, когда бы распорядились.

Пишу об этом вашему высочеству в таких видах; не пожелаете ли вы сами расспросить Беклемишева. Разсказы таких бывших на месте и видивших все без прикрас, на ходу,— гораздо поучительнее всяких официальных докладов, а время ныне такое, что особенно нужно знать, что на местах делается и требуется. Еслиб вам угодно было видеть его, благоволите дать знать мне.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

ПБург. 11 ноября 1876.

54.

Ваше императорское высочество.

Ф. М. Достоевский просит меня представить вам при письме его к вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания „Дневник писателя"; исполняю это с охотою и притом позволяю себе обратить внимание ваше на издание Достоевского. В нем не мало статей, написанных с талантом и с чувством.

Вашего высочества вернопреданный

16 ноября 1876 г. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

55.

Ваше императорское высочество.

Позволяю себе представить вам прилагаемое при сем письмо, полученное мною от г. Рачинского, председателя земской управы в Конотопе, Черниговской губ. Он человек молодой, честный, горячий, деятельный. Письмо написано сгоряча, но я посылаю его, как оно есть, в подлиннике, со всеми его выражениями. Не могу судить, насколько верны обвинения на Анненкова, но много слышится обвинений на него за путаницу, произведенную в остановке поездов: говорят о целых грузах, напр., сахару на многие десятки тысяч, совершенно погибших от этих остановок без нужды. Конечно, и до вас слухи о том доходили. Очень жаль, если они, хотя в большей части, справедливы. Это письмо может служить образцом тех живых жалоб, которые несутся с места: вот причина, почему я позволяю себе утруждать ваше высочество его чтением.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 19 ноября 1876.

Библиотека "Руниверс"

1877 г.

56.

Ваше императорское высочество.

Здравствуйте и радуйтесь на новый год с государыней цесаревной и со всем вашим домом! У всех у нас душа замирает на этот раз при переходе из старого года в новый: нечего объяснять почему. Вы, без сомнения, так же глубоко чувствуете, что положение наше тяжкое, фальшивое: те, кто сочувствовал политике русской, в раздумье качают головами, и недруги наши радуются,—помоги нам боже выйти из этого испытания с честью и с правдой.

Позволяю себе представить вашему высочесту только что полученный номер „Московских Ведомостей“, единственной газеты, которая во все это время держится с достоинством на высоте вопроса. Прочтите прекрасную передовую статью с прекрасным письмом Екатерины. Рекомендую еще вашему высочеству прочесть во вчерашнем листке „Дневника писателя“ Достоевского (который есть у вас) две последние статьи о том же вопросе, прекрасно написанные.

Все это время ходишь с тяжелою думой, но тяжело и заговаривать о том, что лежит на душе, с кем бы то ни было. Повсюду встречаешь людей, только желающих как можно скорее успокоиться и готовых для этого уверять всех и каждого, что мы все никуда не годимся и что все у нас никуда не годится. И это говорят люди, которым надлежало бы не говорить, а действовать.

Да хранит вас господь в разуме и в силе доброй мысли и твердого намерения!

Вашего императорского высочества верноприданный

1 Января 1877. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

57.

Ваше императорское высочество.

В прилагаемом листке „Гражданина“ напечатана моя статейка о новейшей английской литературе по восточному вопросу. Если вам угодно будет просмотреть ее, может быть, вам интересны покажутся некоторые, указанные в ней факты. В этом же номере чудак Мещерский начал свой оригинальный дневник, который, может быть, позабавит вас.

Сегодня заходил ко мне Мещерский и рассказывал мне любопытную историю, слышанную им от лейтенанта Верховского. Этот Верховский изобрел какую-то подводную мину, обещающую, будто бы, очень важные разультаты, но не мог добиться содействия себе и нужных денег на применение изобретения ни в морском техническом комитете, ни у генерал-адмирала. Говорят, что он докладывал о своем изобретении и вашему высочеству. После того вдруг явился к нему один из английских механиков, состоящих при том же техническом комитете, с предложением купить у него секрет для английского правительства. Он, конечно, не решился и оставался в раздумье, что делать. На-днях неожиданно пригласил его к себе германский посланник и предложил ему деньги на поездку в Берлин, с тем, что в Пруссии испробуют его изобретение и купят у него. Конечно, он не решился и на это, но приходит в отчаяние от того, что у себя дома не находит готовности произвесть опыты. Он даже опасается, что если пойдет в морской комитет, оно кончится ничем, а состоящие при комитете англичане воспользуются рисунками и планами. Итак, он решается теперь ехать в Москву, попробовать, не дадут ли тамошние купцы денег (до 75.000 р.), с тем, чтоб он мог сам построить свою машину и ее испробовать!

При этом случае вспоминаю, что у меня в письменном столе хранятся два запечатанные пакета с проектами подводного судна, изобретенного одним чехом-механиком. Прошлым летом в Праге вручил мне их под секретом Браунер, на тот случай, не найду ли я возможности подвергнуть это изобре-

Библиотека "Руниверс"

тение техническому рассмотрению на пользу русского правительства. Не зная в морском ведомстве надежных путей к этому делу и слыша постоянно о затруднениях, я до сих пор не решался никому передать эти пакеты и храню их у себя. Жду, не сведет ли меня судьба с живым человеком, кому можно было бы передать в руки это дело.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

9 Января 1877.

58.

Не угодно ли вашему высочеству прочесть еще прилагаемое письмо, которое я только что получил. Извольте приказать подать вам вчерашний номер (№ 9—12 янв.) „Московских Ведомостей", тут очень интересна корресподенция из Праги с подробным описанием всей истории.

К. Победоносцев.

13 Янв. 77.

59.

Ваше императорское высочество.

Благоволите прочесть прилагаемую при сем записку по вопросу весьма важному, о котором, говорят, будет рассуждение в субботу на совете у государя.

Дай боже, чтобы в эту важную минуту не сделано было важной политической ошибки, чтоб не затрачен был нами сразу главный политический капитал наш, ради временного сохранения или приобретения второстепенных выгод.

Я убежден, что всякое соглашение с Австрией, соединенное с обязательным для нас признанием прав ее на какие-либо православные славянские земли,—дело гибельное для нас, для нашего нравственного значения на Востоке, грозящее нам в будущем страшными затруднениями. Отдавать славян православных Австрии—значит отдавать их и вместе себя в жертву врагу хитрому, коварному, своекорыстному.

Библиотека "Руниверс"

Ни чести нам от того не будет, ни выгоды. Когда перед Крымскою кампанией Австрия обратилась к покойному государю с подобным предложением и ценою этой уступки хотела продать деятельное свое содействие (всегда, впрочем, вредное для нас, ибо неискренное), покойный государь отверг это предложенье с негодованием, не задумываясь ни на минуту. Он был рыцарь долга, и личного, и национального, и глубоко понимал сердцем, где лежит центр тяжести русского национального интереса.

Знаю, что все нам недруги,—да, но Австрия недруг особливый и ехидный. Иные проповедуют союз с нею против Германии. Избави боже нас еще и от этой ошибки, потому что Австрия сама держится только коварством и сделкою, не имея действительной силы, и, конечно, не может ни себя, ни нас защитить, ни себе ни нам быть верною.

Долгом своим считаю представить эту записку и эти мысли вниманию вашего высочества.

Вернопреданный

К. Победоносцев.

10 Февр. 1877.

60.

Ваше императорское высочество.

Не угодно ли прочесть прилагаемый перевод любопытной корресподенции из Кишинева, появившейся дней шесть тому назад в газете „Daily News".

Автор этой замечательной по суждениям об России статьи в эту минуту в Петербурге, и я вчера познакомился с ним на рауте у Швейница. Это известный Мак Гахан,—тот самый, который ходил с Кауфманом в Хиву и потом издал прекрасную книгу о хивинской экспедиции. (Он американец). Он же прошлым летом обнаруживал в „Daily News" перед изумленною Англией болгарские ужасы и потом на месте, в американской комиссии, помогал их исследовать. Видно, что он честный человек, с сердцем и поборник по правде. Я очень рад был, что вчера встретил его. Английская газета, даже

Библиотека "Руниверс"

против его ожидания, напечатала все его суждения, не очень лестные для англичан.

Вашего высочества верноподданный

26 февраля 1877. *К. Победоносцев.*

61.

Ваше императорское высочество.

Вероятно, вы уже изволили получить от Анны Федоровны посланную вам речь Аксакова. Речь эта прекрасно написана, хотя в ней и довольно резких выражений. Не угодно ли взглянуть на прилагаемое при сем письмо Аксакова, где описан переполох, происшедший в Москве по поводу этой речи.

Не могу не подивиться распоряжению цензурного управления в таком деликатном деле. Если уже допустили выйти в свет газетам, в которых речь непечатана, то не лучше ли было оставить их в свободном и спокойном обращении, нежели производить захват газет и тем придавать самой речи преувеличенное значение? Разумеется, теперь вышло много хуже. Возбуждено сильное раздражение и придан самой речи необыкновенный интерес, так что листы газет, где она помещена, продаются теперь в Москве по 28 рублей. Конечно, теперь эта речь распространится в списках и там, где про нее и не знали бы, усилятся толки о политике правительства, полетят телеграммы во все концы Европы, и иностранным журналам дан будет новый повод играть на ноту о розни между народом и правительством в России.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Воскресенье.

62.

Ваше императорское высочество.

Позволяю себе еще утруждать вас своими присылками.

Во-первых, прилагаю записку о морском деле, присланную мне неизвестным лицом из Гродны. Тот же самый чело-

Библиотека "Руниверс"

век присылал мне и прежде записки по разным вопросам, не подписывая своего имени. Во-вторых, вот только что полученное письмо из Москвы от одного из достойнейших тамошних священников—Ключарева (его знает лично и государыня императрица). Обратите внимание на последние слова в письме. Они навели на меня тяжкое раздумье. Мое глубокое убежденье, что у нас, в России, всего более дорожить надо нравственным доверием народа, верою его в правительство. Всевозможные законные льготы и постановления —ничто перед этим чувством. Народ приходит в уныние и тоску, когда не чувствует правящей силы,—боже мой! как это важно! У нас, в России, нет другой движущей силы, кроме единства народа с правительством в нравственном сознании.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

16 марта 1877.

63.

Не угодно ли будет вашему высочеству в досужную минуту обратить внимание на прилагаемую записку, которая интересна во многих отношениях. Это отчет о прошлогодней поездке А. Е. Тимашева по белорусским губерниям.

Прилагаю еще листок „Московских Ведомостей". В нем благоволите обратить внимание на передовую статью и на рассказ о рекогносцировке Ардаганских укреплений.

К. Победоносцев.

17 мая 1877.

64.

Ваше императорское высочество.

Мы здесь в ужасном состоянии все, в невообразимом волнении и страхе, вследствие неожиданных неудач под Плевной и после того, а особенно вследствие упорного молчания

Библиотека "Руниверс"

из армии, полного отсутствия известий. Это молчание кажется каким-то зловещим, а иностранные газеты и телеграммы каждый день приносят нам слухи и вести, одна другой хуже. Не поверите, как тяжело. Воображение представляет всевозможные ужасные случайности войны в варварском краю.

Страх усиливается особенно от того, что и государь там, и вы там,—бог знает что может случиться,—дух захватывает от одной мысли! Внезапно, посреди быстрых успехов, начались неудачи,—очевидно, от ошибок, от непредусмотрительности, от неосторожности со стороны распорядительных властей. В миг доверие к этим властям потрясено, и теперь всевозможные неудачи представляются воображению... Мы ночей не спим от волнения. Да хранит вас господь!

Пишу все это затем, чтобы сказать вашему высочеству, что и здешнее положение требует внимания. Неужели нельзя убедить государя императора, что если есть долг относительно армии, то есть и относительно государства,—словом, что в такие минуты все призывают его вернуться в пределы России. Подумайте, что может у нас произойти, если,—боже избави,—с армией в Болгарии случится крупная беда! Народные умы ужасно взволнованы теперь; и теперь по случаю совершенной неизвестности и наших неудач всюду слышится ропот. А тогда может произойти взрыв, и людям неблагонамеренным, которых множество особливо в П-бурге, есть над чем поработать. И теперь уже кое-где прорываются слухи, будто государя взяли в плен и гвардию посылают выручать его. Подумайте, что может подняться в случае несчастья. Государю нужно бы здесь быть,—ах, когда б и вы здесь были, ваше высочество! А притом в П-бурге и войска не останется, когда гвардия выступит,—надобно подумать, что и здесь могут подняться бури и волнения...

Ах, как грустно нам здесь, не поверите. Мы ничего не знаем, и все худое представляем себе, когда уже пришлось нам быть битым от турок и когда известно, что у нас оказывается мало сил в решительную минуту. Ах, помогай вам боже. Ваше высочество, молимся за вас всей душою,—дай-то

Библиотека "Руниверс"

господи, чтобы скорее вас вынесло невредимо из варварского края. Ради бога, скажите, чтоб народ не оставляли в неведении о положении дел.—Это политика опасная. Да хранит вас господь и да дарует вам победу!

Ваш от всей души

К. Победоносцев.

Петербург. 24 июня 1877.

65[1]).

Ваше императорское высочество.

Сколько раз в эти тяжелые дни хотел писать к вам, но рука опускалась, духу не хватало. Думалось—тяжело должно быть и у вас. Тревожно, заботливо,—зачем же прибавлять к вашим тяготам еще подавляющую тяжесть здешних наших впечатлений. Не знаю даже, где больше ощущается тяжкое наше положение,—на месте или у нас. К нам стекаются все известия и слухи, мы читаем каждый день свои невеселые телеграммы и подробные телеграммы иностранных корреспондентов. От вас многое скрывают, стараются приходить к вам с веселыми лицами; от нас не скрывают ничего. Тяжело, ах, как тяжело теперь читать иностранные речи,—те, которые исходят от друзей, от людей всем сердцем желавших нам победы: с какой горечью, с каким негодованием они говорят о грубых, невежественных ошибках нашего главного военного начальства, о наших героях, которым достаточно надивиться нельзя и которые гибнут тысячами от неразумных, невозможных распоряжений начальства.

Эти ошибки, упорные, повторяющиеся изо дня в день теперь на устах у всех и у каждого. Приезжающие из армии не находят слов выразить горечь и негодование свое на бессмысленность планов и распоряжений. Думаешь, авось, уроков было довольно, авось, будут благоразумнее. Нет,—опять безумно бросились на штурм, послали тысячи на бес-

---

[1]) На подлиннике рукою Александра III написано: „Получено в дер. Брестовицах, в Болгарии, 24 сентября 1877 г.“

Библиотека "Руниверс"

плодную смерть, не усмотрели неприятеля, не послали подкрепления (как Скобелеву под Плевной,—это ужасно!), пропустили целый отряд неприятельский, и так далее. В нынешнее время все говорят, все читают,—и, уверяю вас, у всех душа переполнена горячью и негодованием... Может быть, до вас не доходят об этом сведения,—вот почему я и решился об этом писать вам.

Это ужасно важно, это ужасно страшно. Это грозит в будущем великою бедой целой России, если все останется в армии по-прежнему. Говорят ли об этом государю, или не смеют говорить? Или боятся тревожить его? Но ради спасения целой страны, ради целости того союза, который до сих пор неразделен между царем, домом его и Россией, что-нибудь надобно делать, чтоб растворить эту желчь, чтобы погасить это негодование.

Скажу прямо вашему высочеству, на кого оно прежде всего теперь обращается. Оно обращается на великих князей, которые, к несчастию, поставлены во главу многих управлений, имеющих решительное значение в эту войну. Вот что надо прежде всего изменить. Простых генералов, министров, правителей будут проклинать, осуждать за их ошибки,—это не беда, и это не отражается прямо на верховной власти. С великими князьями—совсем иное дело.

Прежде всего, можно себе представить, сколько горячи накопилось у всех на душе против в. к. Константина Николаевича. По милости его, говорят, мы без флота и не можем помешать туркам на Черном море,—одни только поповки, проклятые, проклинаемые всеми. А люди-то, люди-то какие,—чтоб они сделали, когда бы было на чем выступить в море. Горько,—а он между тем гуляет себе в Павловске на музыке, как ни в чем не бывало. Со всех сторон говорят громко: вот он поднял адмиральский флаг, чтобы получить на него казенные деньги в свою пользу, а флот, какой и есть еще, стоит неподвижно. Не говоря о толках вообще,—вот что говорят близкие к делу люди. Вчера я встретил Гирса, который вне себя от отчаяния.—Помилуйте,—говорит он,—к туркам со всех сторон, изо всех больших

Библиотека "Руниверс"

гаваней подвозят громадные запасы и снаряды и орудия, а мы ничего не хотим сделать против этого, что и могли бы. Генерал-адмирал спрашивал министра иностранных дел, можно ли в пределах международного права преследовать военную контрабанду. Мы ему дали категорические, обстоятельные ответы, развязали ему руки. Наши консулы выбиваются из сил, телеграфируют беспрестанно, что оттуда-то тогда-то выходят такие-то суда со снарядами, умоляют действовать,—мы сообщаем—ничего не хотят делать. На-днях еще мы сообщили ему, что из Гамбурга выходит судно со множеством снарядов, а он пальцем не хочет двинуть, ссылается на то, что не нужно раздражать дипломатию. Да ради бога, оставьте эту заботу нам, дипломатии,—мы об этом не беспокоимся,—действуйте.

Затем то, что делается на Кавказе, приводит всех в крайнее раздражение,—поникли головами в позоре, в отчаянии. Давно ни для кого не было тайною, что тамошняя администрация стала клоаком всяких нечистот, безпорядков, интриг, хищений, и все приписывали это в. князю наместнику и вел. княгине. Теперь все военные ошибки, безпорядки, все бессилие, которое там обнаружилось,—все падает на их голову. Особенно о в. к. Ольге Федоровне говорят с великой горечью. Ах, как вся эта горечь может глубоко пойти и далеко отразиться.

А что говорят о главнокомандующем, о в. к. Николае Николаевиче. Приезжие рассказывают, в письмах пишут,— ему приписывают главную вину всех несчастий, говорят, что он упорен невыразимо, что не хочет слушать разумных советов, не хочет видеть ошибок и ради упорства шлет даром на смерть полки героев. Сказывают и будто в войске распространяется уже озлобление. „Шлют людей даром умирать и в решительную минуту отказывают в подкреплениях“. Боятся уже, как бы это озлобление не перешло в решительный упадок духа. Горько жалуются на невежество, самомнение, упорство главных начальников и штабных. О Левицком и говорить нечего,—имя его произносится с проклятиями. Все говорят, первое дело надо другого—главнокомандующего.

Библиотека "Руниверс"

На вашем высочестве жалобы эти не отражаются. Скажу по правде—особливо после недавнего отступления на Янтру,—слышатся похвалы вашим распоряжениям и здесь, и от иностранцев.

Вот наше положение здесь, ваше высочество, наше настроение. Оно очень нехорошо, очень опасно. Как бы ни было больно, надо серьезно подумать, надо что-нибудь делать, надо искать других людей и другой системы. Мы, по природе своей, склонны полагаться на русское „авось“ „ничего, как-нибудь поправимся“. Но уж этому „ничего“ и „как-нибудь“ миновало время. Промахи нашей беззаботности прижали нас к стене. Одна земляная сила, одна крепкая грудь массы, грудь русского солдата, на которую мы привыкли полагаться исключительно, не выдержит, не вынесет. Надобен разум, надобно направление, распоряжение, экономия сил. Правду скажу вам, ваше высочество, я во все эти годы с ужасом думал о войне, и теперь жизни не рад, тоскую и умираю от того, что опасения мои оправдываются. Душа у меня и в прежние годы наболела страшно от всего, что я видел во внутренном управлении: от апатии, от лени, от равнодушия. Все управление шло так, как будто все само самою делается,—никакой заботы о направлении и поддержке, никакой энергии, воли и намерения, никакого разумного выбора. И люди во всех назначениях высыпались, точно из мешка, куда попало. Дело шло кое-как,—под низом копилась всякая неурядица. Если так дело шло тут, почему же можно было надеяться, что в военном деле пойдет иначе. И вот так и случилось. И вот так становится горько, что хоть и не жить бы на свете. Мать, отец, брат, жена, дети,—что все это перед отечеством, перед любовью к нему, перед радостью за него и скорбью?

Ах, ваше высочество, у вас добрая душа и честная, и вы на меня не сердитесь за всю эту правду, которая вылилась, хоть и горькая она. Очень уже стало нынче горько жить на свете русскому человеку с русским сердцем в груди. Вот, перед вами какое еще будущее—теперь в эту минуту созидается на поле брани судьба вашего царствования, все-

Библиотека "Руниверс"

вышний видит ее и знает,—сколько для вас уроков, сколько познания дел и людей. Дай бог, чтобы все это, войдя в душу к вам, утвердило в ней разум и энергию воли и осветило вперед пути ваши.

Благослови вас боже. Сохрани вас боже. Просвети вас боже. Молюсь за вас всею силою души своей, как молюсь за милую смятенную, плачущую Россию.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 17 сентября 1877.

66.

Ваше императорское высочество.

Только что отправил свое письмо к вам, как получил ваше доброе письмо от 8 сентября, которое очень меня обрадовало. Всею душой благодарю, что вы посреди бивачной жизни и военных забот обо мне вспомнили.

С тех пор вижу по газетным телеграммам, что вы ездили в Горный Студень и, вероятно, уже теперь вернулись оттуда. Что происходило и происходит там,—какие решения принимаются, какие составляются планы,—все покрыто тьмою. Мы ничего не знаем, и тревожное наше настроение растет не по дням, а по часам. Горько, очень горько, что нас оставляют в таком неведении в такую минуту. Вот уже неделя почти, как появилась в трех строках телеграмма, что турецкий отряд пробился в Плевну и что подробности неизвестны; она поразила всех новым ужасом и недоумением: до сих пор нам говорили, что Плевна совсем окружена. С тех пор ни слова более об этом событии, только явилась коротенькая телеграмма от 16 числа, что наступил холод и пошло ненастье. Что делается на Шипке, что под Плевною,—ничего мы не знаем... Своих известий нет, иностранные тоже скудны. Вот вчера принесли „Daily News". Корресподент, вообще горячо принимающий сторону России, телеграфирует с каким-то отчаянием: „11 сент. мест. Zgalinze. Раздражение и упадок духа в русской армии превосходят все, чего я мог ожидать. С кем

Библиотека "Руниверс"

из офицеров я ни говорил, все до одного убеждены, что невозможно ожидать успеха, пока личный состав главной квартиры остается в нынешнем виде. И все упали духом, потому что нет надежды на перемену. Когда армия потеряла веру в своих предводителей, можно сказать почти наверное, что она не пойдет в бой с энтузиазмом. Всякое новое развитие кампании представляет новое доказательство неспособности начальников, и в виду Европы зрелище армии, стоящей без дела за недостатком лопат, представляется сарказмом на генералов".

Судите, каково здесь наше ощущение, когда мы читаем все это, что вам, на месте, по всей вероятности, не попадается на глаза. А что рассказывают приезжающие, что пишут с мест, из армии. Вот у меня перед глазами письмо из Бухареста от 6 сент. от дамы, которая передает, что слышит без сомнения. „Qu'est-ce qui nous attendé; L'empereur pleure et se désole—avec raison! Le gr. duc héritier est digne dit-on, c'est le seul dont l'attitude n'a jamais cessé d'être à la hauteur de la tâche et de la position. On croit qu'après Plevna il faudra signer la paix à tout prix, qu'avec les chefs tels quels—on ne pourra plus avancer. Les personnalités jouent un rôle fort important: on n'envoie pas de secours à Gourko par envie, à Skobeleff parce qu'il a en trop de succés"... [1])

Вот под какими впечатлениями мы живем, ваше высочество. В такие минуты решится ли государь сделать перемены, которых все ожидают? решится ли, не взирая на тягостную необходимость, оскорбить личное самолюбие близких к нему лиц? Спрашиваем себя и не находим ответа, и остаемся

---

[1]) Что нас ожидает? Император плачет и сокрушается—и есть на это основание! Великий князь наследник, как говорят, достойный человек, это единственный, позиция которого не переставала быть на высоте звания и заданий. Полагают, что после Плевны нужно будет подписать мир какой бы то ни было ценой. С начальниками, каковы они есть, немыслимо идти вперед. Самолюбие играет очень значительную роль: из зависти не посылают подкреплений Гурко, а Скобелеву—потому, что у него много успехов.

Библиотека "Руниверс"

в тяжком неведении, между тем время идет, холод наступил, болезни умножаются, раненые и больные скопляются массами... Что ожидает бедную Россию!

Назначили Дондукова командовать корпусом. Что это значит? Здесь говорят, будто с прибытием гвардии великие князья вступят в свои должности по гвардии, и будто Дондуков должен будет заменить ваше высочество в командовании отрядом. Вызвали, наконец, славу богу, Тотлебена; здесь все очень этим довольны,—не могли понять, как до сих пор упорно оставляли в стороне такого человека, как Тотлебен,—приписывали это личным взглядам и отношениям к Тотлебену военнаго министра и главнокомандующего.

Вот какие невеселые, какие горькие мои письма—больно приносить вам такие впечатления. Но кто знает,—может быть, у вас, на месте, многое и неизвестно, что нам представляется здесь в общей картине. Чего все жадно желают, чего все требуют,—это почувствовать, что у армии нашей, у такой великой, неоцененной армии, есть вождь надежный, разумный, что есть единство воли и направления. Тогда оживилось бы доверие, поднялись бы новые живые силы с надеждой на будущие успехи.

В Царском Селе явилась гостья из Москвы—Анна Ф. Аксакова,—она приехала на неделю,— конечно, она не удерживает там языка своего и высказывает императрице все ощущения Москвы со всею их горечью. Мне уже жаловался Мориц, что она расстраивает императрицу, которой и без того много горечи. Мне неохотно ездить туда, редко видаю и вел. княгиню цесаревну,—больно подходить к ней в такие минуты и приносить лицо свое, на котором написаны тревога и забота.

Третьего дня уехал отсюда Влад. Петр. Мещерский Он отправляется через Москву в большую экспедицию на Кавказ и везет с собой большой транспорт вещей для раненых, которые хочет раздавать на дороге. Он заявил об этом в газетах, с приглашением, чтобы к нему несли и присылали деньги и пожертвования для этой цели. Собрал здесь около 5.000 рублей и будеть собирать еще в Москве. Хвалю его намерение и пылкую решимость, но на прощанье советовал ему, чтобы, ради

Библиотека "Руниверс"

бога, не забывал весть счет каждой копейке и потом дать отчет всем, от кого получил деньги. Цесаревна дала ему 100 рублей и при этом, по доброму движению души, пожелала видеть его. Мещерский был в восторге, что, наконец, хотят снять с него тяжелое бремя отчуждения, и был на-днях у ее высочества.

Здешняя машина движется как ни в чем не бывало, и странное чувство производит на душу, когда зовут в госуд. совет обсуждать проекты новых уставов и положений, отпускать деньги на новые штаты, на новые учреждения, на усиление существующих. Совсем на уме и на сердце иные мысли, иные заботы: в целое лето и теперь я не могу ни одной книги взять в руки, не могу остановиться ни на каком занятии,— душа ничего не принимает, кроме одного.

И в такую пору Тимашеву вздумалось вступить в яростное преследование газет за статьи о войне. „Голосу" дал он уже два предостережения за статьи, в сущности не содержавшие в себе ничего особенно резкого. Нельзя же в самом деле требовать, чтоб никто не дерзал иметь никакого суждения по поводу явных ошибок в ведении военных действий. Несравненно важнее то раздражение, которое произойдет в умах от совершенного прекращения журнальных статей мерами правительства. Я даже писал об этом Тимашеву, что в такую пору—плохая политика преследовать мелкие нарушения в журналах, что теперь не время весть малую войну, а надо избегать всего, что может еще раздражить мнение, и без того до крайности раздраженное. Но Тимашев не понимает этого.

Довольно. Дай-то боже, чтоб эти строки дошли до вашего высочества в добрую минуту. Дай боже вам силы душевной и решимости высказать твердое слово правды, когда оно потребуется. Храни вас боже под святым своим кровом.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 20 сентября 1877.

Сейчас принесли „Daily News". Вырезываю из него статью, на которую обращаю ваше внимание.

Библиотека "Руниверс"

67.

Ваше императорское высочество.

Вот еще неделя прошла, а добрых вестей нет как нет,— нет ничего, что оживило бы нас новою надеждой. Утром с трепетным волнением хватаешь газету и находишь почти всегда новое смущение. Сегодня всех поразила странная телеграмма с Кавказа: было блистательное дело, положили множество людей, взяли какую-то высоту,—и что же? Через день оставили ее за недостатком воды. Опять гибель людей и никакого результата.

Только тогда явится надежда, когда почуется в центре распоряжений сильная рука, крепкая и разумная воля, решимость, не взирая ни на кого и на что, взяться за дельного человека, сообщить единство действию разбросанных частей. Говорят, будто в последнем большом деле под Плевною солдаты шли в бой с уверенностью, что идут на убой. Мне сказывал приезжий оттуда человек, все видевший, что после 31 августа на дороге ночью натолкнулся он на раненого, лежавшего посреди дороги, вывез его и утешал: „ничего, голубчик, авось, поправишься". А тот отвечает: „что, ваше благородие, все вот это ничего, что ранен, а то плохо, что не видать никакого распоряжения,—ведут нашего брата на убой". Вот это всего ужаснее, что не видать никакого распоряжения,—и что если эта мысль утвердится в войске. Теперь гвардия подошла, но нас смущает и страшит мысль, что̀ если опять вздумают штурмовать Плевну таким же манером? Ведь так можно уложить целое войско! Что если, несмотря ни на что, не обращая внимание ни на какие уроки, те же люди, ослепленные, захотят настоять на своем, и некому будет воздержать их!

А раненые, а несчастные наши герои, кому не удалось умереть в бою! Сердце обливается кровью, когда очевидцы ужасных картин (которых вы не видите), вернувшись сюда, рассказывают, что видели в Зимнице, во Фратешти, под Плевною. В Зимнице, например, до 4.000 несчастных лежало

Библиотека "Руниверс"

на голой земле, без пищи, без ухода, покрытые ранами, в которых роились черви, в пыли, в жару, под проливным дождем. Санитары сидят сложа руки, потому что ни одного бинта нет. Несчастные лежат в присохших окровавленных лохмотьях,—нет ни одной рубашки для них. Из-под Плевны, за 80 верст, гнали пешком 600 раненых, и во все время— ни куска хлеба! ни перевязки! медицинское военнное управление ничего не заготовило, никаких распоряжений нет, во всех материалах крайний недостаток. Красный Крест, и один только он,—делает что может. Но в Болгарии, к несчастью, и распоряжений от Красного Креста не много видно. Там распоряжается кн. Черкасский.

Вот имя, которое становится крайне непопулярно: его произносят многие чуть не с проклятиями. Кто ни приезжает оттуда, ни от кого не услышишь доброго слова о кн. Черкасском. Все называют его человеком без сердца, жестким, высокомерным. Он взял на себя две роли,—одна роль, администратора Болгарии, оказалась невозможною; другая, роль уполномоченного по Красному Кресту, взята была, видно, между прочим, и на нее менее обращалось внимания. Бегут от него; говорят, что служить и действовать с ним невозможно. Говорят, что болгар он до такой степени раздражил и возбудил против себя своим высокомерием и бессердечностью, что на него смотрят с опасением. Будущее покажет, насколько правды и насколько преувеличения во всех этих рассказах; но то несомненно, что прежняя репутация Черкасского рухнула.

Наступил холод; здесь готовятся и отсылаются массы тулупов, одеял и пр. для раненых,—но всего будет мало, всего недостанет. Это раненые,—а каково будет войскам зимою, с невозможным интендантством! Сегодня я видел гр. Гейдена в госуд. совете,—у него лицо вытянулось от заботы, он плачется, что ничего нет, полушубков нет, нет дров, чтобы согреться на зиму,—и печально видеть, как плачется военное министерство.

И за всем тем разве возможно нам выйти, покрыть себя позором, оставить (что всего позорнее было бы) миллионное

Библиотека "Руниверс"

население, доверившееся нашему военному счастью и силе нашей, на жертву диким зверям, которые никого в живых не оставят? Нет, это было бы всего ужаснее, и на этой мысли никто у нас не хочет останавливаться...

Мы смотрим вперед каким-то тупым, бессмысленным взором, не видя конца страшному делу, нами предпринятому. Есть здесь не мало людей, особенно чиновных и важных, которые с каким-то злорадством повторяют: вот, мы говорили, что не надобно было воевать.—Но теперь не время уже оглядываться назад: что сделано, то сделано. Война эта подкралась к нам роковым образом: может быть, вначале, когда еще было время, следовало действовать иначе, следовало знать твердо, чего мы хотим и на что мы решились, и если решились на войну, следовало серьезно к ней готовиться. Но тогда все говорили: войны не будет, не может быть,—говорили это и в то время, когда происходила мобилизация нашей армии, говорили до той минуты, когда война стала уже неизбежна. Что уже теперь рассуждать об этом,—теперь не время...

Вчера я был в Царском Селе, видел цесаревну, видел милых детей ваших, завтракал с ними и грустно думал: когда-то даст бог увидеть вас вокруг этого стола полного семьею. О, дай-то господи поскорее,—жить до сих пор в такой тревоге ужасно. Теперь с двойным волнением думаю о вас: пишут, что на место Мегмета-Али прислан Сулеман-Паша,—с этим противником будет труднее. Пишут, что турки устраивают переправу через Дунай у Силистрии,—все это наводит на новые думы. Помоги вам боже!

Вот, ваше высочество, пишу вам с сердечным сокрушением и сам не знаю, хорошо ли делаю, что пишу. О, когда бы мог я принесть вам какое-нибудь слово одобрения или надежды, или мог передать вам радостное известие. Вижу по письму вашему, что вы покойны,—дай боже вам то же спокойствие и ровность духа и на будущее время! Станем надеяться на помощь божию.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Петербург. 24 сентября 1877. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

Из армии не говорят нам, но корреспондент „Daily News“ рассказывает опять жалкую историю прохода турецких подкреплений под Плевну. Опять та же история невозможных, непростительных ошибок!

68.

Ваше императорское высочество.

Дни идут за днями с страшною быстротою, не принося нам никакого результата. А между тем настали осенние холода и дожди: каково будет нашей армии? Каково бедным раненым, о которых слышишь отовсюду такие ужасные рассказы! Всякий день приезжают оттуда, и больно слушать приезжих. Ужасы рассказывают об интендантстве нашем, о нужде продовольствия, о мошенничествах одних, о равнодушии других. Говорят, что в проходящих через Румынию полках начинаются беспорядки, неповиновение, открытые возмущения по случаю нужды. Хочется верить, что многое в этих рассказах преувеличено.

Посреди этого бедствия одно утешительно,—то, что слышишь о деятельности отдельных лиц, посвятивших себя служению нуждам больных и раненых. Страшное бедствие война, но она вызывает и много скрытых в обыкновенное время доблестей, будит многие заснувшие и обленившиеся души, возбуждает благородную деятельность любви и самоотвержения. Посылаю вам копию с прелестного письма А. И. Нарышкиной (Чичериной), которая вместе с мужем своим, оставив покойную, роскошную жизнь, посвятила себя на святое служение...

Красный Крест делает что может: можно сказать, что без него положение было бы вдесятеро бедственнее. Главное управление работает изо всех сил и раздает во все стороны. К сожалению, деятельность его затрудняется немало со стороны, и особенно придворными дамами, которые, к сожалению, часто путаются не в свое дело. Красный Крест исполнил бы вполне свое призвание, когда бы военное министерство, с своей стороны, позаботилось о всем, что составляет

Библиотека "Руниверс"

его обязанность по военно-медицинской части. Но в военном министерстве оказывается по этой части во всем недостаток, и все эти недостатки в вещах оно старается взвалить на Красный Крест, который не в силах взять на себя снабжение санитарной части всем тем, чему следовало бы быть в наличности из средств военного министерства. Дошло до того, что на Красный Крест хотят здесь взвалить снабжение вещами солдат и офицеров, выписывающихся из здешних госпиталей.

Повсюду слышен большой ропот на кн. Черкасского. Удивительно, как быстро этот человек утратил остатки прежней своей популярности. Самые друзья от него уже отказываются. Говорят с негодованием об образе его действий в Болгарии: и я еще не слыхал ни от кого добрых об нем отзывов. Будущее покажет, что̀ правда во всем этом; горько думать,—неужели в этом человеке все сводится к одному только честолюбию. А теперь имя его поминается вместе с Левицким: последнего называют с проклятиями, как главного виновника всех наших бед. В последнее время, на прошлой неделе, стало как будто полегче дышать,—миновался первый, острый период нашей боли; телеграммы твердят, что все благополучно. Мы ничего не знаем, но как будто на что-то надеемся. На что,—в этом и сами не даем себе отчета. Наступает зима,—вот что ужасно, а до зимы произойдет ли что-нибудь решительное под Плевною? Люди, повидимому, остаются все те же, а в этих людей все уже изверились и не ждут от них успеха. Всего мучительнее—это неопределенность положения и утрата веры в людей, которые руководят им. Не можете себе представить, до какой степени здесь все, от мала до велика, говорят и судят о делах и об лицах: нет швейцара и дворника, и извозчика, кто бы не судил и не осуждал и не волновался... В этих рядах гораздо больше волнения, нежели наверху, где чиновные люди по-прежнему подписывают свои бумаги и получают свои деньги. За всем тем надобно сказать, что жертв собирается много,—масса их идет от людей без имени; но и высшее общество здесь и в Москве много работает и жертвует немало.

Библиотека "Руниверс"

Про Москву сочиняют здесь разные истории, все напрасно. На Москву сердятся и злобствуют здесь многие, особливо г. г. министры, за то, что будто бы Москва с ее Славянским комитетом возбудила всю эту войну, и теперь в Москве отыскивают какой-то источник смут и волнений. Рассказывали много,—в том числе и Тимашев говорил,—будто в Москве готовится какой-то адрес государю о смене главнокомандующего: все это оказалось вздором. Теперь поднимаются толки про новую речь Аксакова в собрании Славянского комитета: он, действительно, произносил речь, но я знаю, что она была очень скромная и нечего резкого в ней не высказано: он помянул только с укором тех людей, которые своими невежественными толками хотят отнять у нас единственную силу, поддерживающую нас в тяжелую минуту,—т. е. убеждение в правоте и законности настоящей войны.

Все министры наши собрались в Петербург,—последние на-днях вернулись Толстой и граф Пален. Сегодня у нас в госуд. совете было второе общее собрание. Пропускаем законы, как ни в чем не бывало, и произносим речи; сегодня долго-долго говорил барон Николаи. Совсем не ко времени подошло сегодня дело о призывании войск, для содействия гражданским властям для подавления беспорядков. Нового ничего нет в этих правилах,—предполагается только собрать и согласить старые статьи. Между тем, появление такого закона в настоящую минуту может подать повод и у нас, и за границей к толкам, что вот-де принимаются чрезвычайные меры в России от внутренних беспорядков. Я говорил, что гораздо осторожнее отложить это дело, но меня не послушали. Точно также не ко времени начнется на-днях обсуждение политического процесса—целой партии молодых людей, которых держат вот уже 4 года без суда в тюремном заключении.

Впрочем, интересно ли все это вашему высочеству в настоящую минуту? Не перестаю думать об вас и об вашем положении в виду Сулеймана-Паши и с великим волнением ожидаю известий. О, когда бы помог вам бог с честию и славой выйти из этого положения и развязать этот узел.

Библиотека "Руниверс"

Сказывают здесь, будто с приходом гвардии вы возвращаетесь к командованию своими корпусами. Что тут есть верного,— не знаю, и где вы теперь находитесь? Мы живем в неизвестности, пробавляясь коротенькими телеграммами. Как тяжко жить и думать, что там происходит теперь, в эту минуту? Воображать кровь, стоны раненых, холод, голод, нужду... Боже спаси и помилуй вас и нашу Россию.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петербург. 3 октября 1877.

69 [1]).

Ваше императорское высочество.

Прошлая неделя оживила нас известием о поражении Мухтар-Паши. Опять загремели пушки с крепости,—давно мы не слыхали их. Опять развесили по улицам мокрые от дождя флаги, но на эти флаги мы смотрели подозрительно. В начале лета выставляли их в Петербурге беспрестанно, по поводу каждого известия о дешевых успехах; и теперь каждому невольно припоминалось, что в последний раз мы видели эти флаги в грустные дни, когда возили по улицам Никопольские трофеи,—в то время, когда уже известны были ужасные результаты второй атаки на Плевну. Вот и теперь, глядя на Плевну, мы покачиваем головами. Одни говорят: „что это точно чорт заколдовал эту Плевну", а другие возражают: „нет, если уж заколдовал чорт, то не в Плевне, а в другом месте". Все радуются тому, что Тотлебен там теперь, наконец, хотя и в поздний час; говорят: авось, с Тотлебеном пойдет дело вернее. Но у всех на уме тяжкая забота о холоде и о зиме. А до зимы будет ли что? И что будет? С вашей стороны ждем важных известий с волнением, мало понимая, чего ожидать можно. Не знаем в точности, произошла ли перемена в положении вашего высочества. В газетах сооб-

[1]) На подлиннике рукою Александра III написано: „Получил в селе Брестовец, в Болгарии, 18 октября 1877 г."

Библиотека "Руниверс"

щают, только как слух, что вы уже не командуете Рущукским отрядом, а командуете по-прежнему гвардейским корпусом; лучше ли удовлетворяет вас это положение, не смею судить, знаю только, что в последнее время на вас на одного возлагали надежду! И не мудрено,—надежда ищет жадно опоры, а из числа главных начальников одно ваше имя поминалось с похвалою. А уже про самое главное начальство и говорить нечего: толки о главнокомандующем повсюду передаются самые грустные. Не дай бог, если правда, что рассказывают, будто он не слушает опытных и знающих людей, а слушает кого попало из своих приближенных.

Между тем, здесь у нас, во внутренних делах, тоже нечем тешиться. В эту минуту меня возмущает до глубины души следующее обстоятельство, которого я в голове своей не могу совместить со здравым смыслом.

В такую пору,—в пору напряженного до крайности народного чувства, такого волнения и раздражения в умах,—наше правительство придумало пустить в ход громадный политический процесс о революционной пропаганде. Он открывается здесь на этих днях, 15-го числа. Всего 196 обвиняемых. Обвинительный акт занимает не менее 300 печатных листов. Обвиняемые все из всевозможных сословий. Их держат в тюремном заключении самым нелепым образом вот уж 4-й год, и в числе их много таких, которых, без сомнения, придется освободить по суду, потому что не соберут улик или вина окажется незначительною. В этом заключении держали их массою, которая уже доведена до крайнего раздражения. Суд этот—дело очень не легкое и не безопасное в таких обстоятельствах. Этих людей свезли в Петербург с разных концов России. Каждый из них в оправдание свое ссылается на множество свидетелей; обвинительная власть тоже ссылается на множество свидетелей. Всех этих людей будут вызывать отовсюду и свозить в Петербург, в том числе множество молодых людей, отправившихся на медицинскую службу в Болгарию; многие из них, конечно, позабыли про это дело. Всех их соберут сюда, на суд, в присутствии публики. Обвиняемые, свидетели,—все, конечно, точно на сцене, постараются

Библиотека "Руниверс"

выказать себя и свое раздражение, адвокаты будут произносить речи, в обществе поднимутся толки, полетят телеграммы в Париж, в Лондон, в Берлин: „вот-де что происходит в России“,—и все это в такую пору, когда вся Россия одним сердцем бьется и волнуется за великое дело на Дунае, и когда русская кровь льется ручьями, и когда наши друзья-враги на Западе распространяют о нас всякую мерзость, какую только можно придумать...

Не правда ли, только совсем ослепленное или совсем безумное и неспособное правительство может возбудить такой процесс в такое время!

Но беда в том, что в этом деле замешано самолюбие графа Палена, запутавшего всю эту историю вместе с Потаповым и Мезенцовым, и он настаивает пустить дело во что бы то ни стало, и никто из министров не имеет духу или разума решительно возразить ему, и нет власти, которая разом рассекла бы этот нелепый узел недоумений, колебаний и личных соображений и канцелярских аргументов в таком важном деле. Итак, по всей вероятности, эта нелепость совершится.

Когда б вы знали, каким бессмысленным, невозможным манером ведено было все это дело с самого начала! Вели его две толковые головы,—гр. Пален и Потапов! К величайшему нашему несчастью, гр. Пален дошел до такой нелепой самоуверенности, в которой пропадает здравый смысл. Уже никто из порядочных людей, разумных и опытных, не может иметь на него влияния. Он слушает только своих приближенных, которые льстят ему и ловят на-лету каждое его слово, чтобы говорить с ним в его же тоне. Сколько этот человек вывел всяких бездарностей, которые им овладели и руководствуют. К великому ужасу всех честных людей, он с самого начала отдал все это дело в руки одному из своих любимцев, некоему Жихареву,—человеку, который заклеймен в общем мнении, как величайший из интриганов, и не пользуется ни малейшим уважением: к несчастью, из такого разряда людей гр. Пален по большей части выбирает своих любимцев. Агенты III отделения, особливо при Потапове, тоже не отличались ни образованием, ни здравым смыслом и тактом. Такие-то люди повели

Библиотека "Руниверс"

это страшное дело по целой России, запутывали, раздували, разветвляли, нахватали, по невежеству, по самовластию, по низкому усердию, множество людей совершенно даром, держали их в заключении целые месяцы даже без допроса, возбудили вопли раздражения в семействах. Наконец, они запутали дело до того, что (как я сам убедился в некоторых случаях) сами часто не могли дать себе отчета в том, кто у них сидит и за что посажен. Наконец, они испугались сами: оказывалось, что когда дело пойдет на суд, у них не достанет оснований для обвинения великого множества людей, и окажутся непричастными такие, о которых с великой важностью докладываемо было самому государю. Тут они принялись выпускать и должны были выпустить множество арестованных, чем не уменьшили, конечно, великого раздражения от долгого содержания их под стражей.

Остальные собраны были все здесь в следственной тюрьме и содержались беспорядочно несколько лет. Вместе с ними оставались и те, которые уже судились по Казанской и по другим историям, осуждены, но неизвестно почему оставлены сидеть тут же. Легко себе представить, до какого состояния доведена вся эта компания, собранная вместе! И из нея-то предполагается теперь устроить публичный спектакль на суде!

Говорят, что надобно же, наконец, порешить с ними. Но можно ли выбрать для этого такую минуту? И притом вообще такой суд к добру привесть не может. Есть средство покончить это печальное дело. Следовало бы немедленно произвесть разбор всех этих арестантов через комиссию, которую составить из людей честных, знающих и, главное, независящих от министра юстиции, причастного к этому делу. Эта комиссия непременно убедилась бы тотчас, что многих совсем не для чего держать, и освободила бы их; другим можно бы просто вменить в наказанье долговременное заключение и дать им прощение—в такую минуту! Затем осталось бы, может быть, очень незначительное число действительно виновных и подлежащих суду.

Но гр. Пален, конечно, не пожелает такого исхода, и не найдется никто, кто бы мог решить дело так, вопреки гр. Палену!

Библиотека "Руниверс"

Поистине говорю, это дело так возмущает меня и всех здесь людей, разумно желающих блага России, что думаешь целый день,—неужели нельзя урезонить лиц власть имеющих? Нет,—невозможно. Слышал я, что в субботу заседающая здесь правительственная комиссия рассуждала об этом деле, и вчера, не вытерпев, поехал было к в. к. Константину Николаевичу, чтобы попытаться убедить его. К сожалению, не мог видеть его вчера, но сегодня, после заседания в государ. совете, говорил с ним. Он, повидимому, разделяет мои мысли и тоже возмущается, особливо на Потапова, который, по его мнению, главный виновник всей безурядицы.

Но теперь,—говорит в. князь,—ничего уже сделать нельзя. В субботу гр. Пален восстал решительно против всякой попытки изменить направление дела. Он говорит, что теперь уже поздно, что обвинительный акт роздан уже всем обвиняемым, и вызвано и привезено сюда до 600 свидетелей! Сказывают, будто императрица, тоже встревоженная мыслью об этом деле, вызывала к себе гр. Палена, но Пален решительно стоит на своем.

Итак, нам не миновать ещё этого соблазна и волнения! Нет человека, кто бы решился объяснить государю прямо, что это невозможно. Впрочем, говорят, оттого и не решаются, что уверены в неуспехе, так как государь не захочет поступить вопреки министру юстиции...

Много здесь толкуют об этом, сокрушаются и пожимают плечами.

Немало недоумений и ропота возбудило еще другое дело,— петербургское. Оно возникло из нового столкновения Трепова с здешнею думой. Трепов несколько раз уже хотел навязать городу разные проекты, всегда имевшие вид громадной монополии. Он встречал всегда противодействие со стороны хозяйственного городского управления и обращался с докладами прямо к государю. Иногда это ему удавалось, иногда нет, но этими проектами,—всегда в пользу разных промышленников,—Трепов значительно поколебал свою репутацию. Теперь какой-то иностранец Мольо придумал распространить на Петербург способ очищения нечистот посредством пневмати-

Библиотека "Руниверс"

ческого выкачивания, сделать его обязательным для города и присвоить себе монополию на громадную, миллионную, сумму. Способ этот непомерно дорог, а между тем имеет много неудобств, и введение его сопряжено с новом, очень не легким налогом на жителей. Дума решительно воспротивилась, и Трепов, зная об этом, не повел дело через думу, а представил прямо государю. Ему удалось таким образом испросить высочайшее повеление. Тут возмутился и министр внутр. дел. Он счел долгом представить государю в особой записке всю важность этого дела для города и испрашивал разрешение рассмотреть его предварительно в комитете министров. Государь соизволил; комитет министров согласно признал, что это дело так важно, соединено с такими новыми тягостями для городского хозяйства и для жителей, что невозможно провесть его мимо думы и необходимо отдать ей на обсуждение. Журнал комитета представлен государю,—и что же? Недели две тому назад получено повеление, что государь утвердил предположение Трепова...

Вот наши крупные петербургские новости, и неотрадные. О, ради бога, пришлите нам ваши крупные всероссийские новости, и отрадные, и веселые!.. мы ждем их как манны небесной,—и прежде всего вестей о том, что явилась сильная рука, явился крепкий разум и единая воля военного дела. Тогда наверное победа наша, и русский солдат, чудо-богатырь, станет в силе мужества и уверенности. Вот на Кавказе дождались и еще какой победы! Авось, бог даст, дождемся и на Дунае. Императрица простудилась, и доктора требовали переезда ее в Петербург в конце этой недели. Сказывают, что она и согласилась было переехать, но погода вчера и сегодня стала теплее, дни яснее, и она опять раздумывает.

Но пора уже мне кончить длинное писание. Ваше высочество, здравствуйте и радуйтесь,—да хранит вас господь вседержитель. Будем молиться и надеяться на помощь божию.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

10 октября 1877.

Библиотека "Руниверс"

70.

Ваше императорское высочество.

Похоронили мы бедного Сергия Максимиллиановича. Как грустно! Плакали около гроба; всего больше жаль было Евгению Максимиллиановну и молодую Строгонову. Собор наполнился сановниками в мундирах,—похоже было на раут. Зато накануне, когда вечером, в темноте, переносили тело со станции в собор, собралось несметное множество народа,—процессия была торжественная, невыразимо печальная, и тут пролито было много искренних и бескорыстных слез. Вот где судил бог умереть цветущему жизнью юноше. Конечно, не мог он лучшим концом запечатлеть жизнь свою. Теперь вся Россия благоговеет перед его памятью и за него молится. В виду всей России и целого мира эта была жертва, принесенная от царской семьи. Все это сознают и чувствуют.

Последние известия подняли дух у нас, и мы ждем с трепетом, что решительного совершится теперь на Дунае, и молим бога о скорейшем благополучном окончании войны. Как бы ни были радостны последние наши успехи, впереди—зима, непогода, нужды, болезни, тяжкие напряжения сил, козни и интриги враждебной дипломатии, внутренее расстройство, страшные издержки,—и новые страдания больных и раненых. Правда, много делается для облегчения их участи, много работают частные лица, много жертвуют—и особливо трогательны приношения простых и бедных людей, которые собираются отовсюду. Не понимаю я, как в такую страдную пору для всего государства наши министры продолжают требовать новых денег на новые учреждения и штаты, даже без настоятельной нужды, как ни в чем не бывало, и министр финансов на все соглашается! Всякую неделю проходят у нас через государственный совет новые назначения беспрепятственно. Составлены сметы на будущий год, и в этих сметах встречаешь такие статьи, как, например, 12.000 р. министру юстиции на ремонт мебели в его помещении. Я не могу понять этого и удивляюсь, как можно допустить такие издержки в такое чрезвычайное время.

Библиотека "Руниверс"

Приятно было увидеть здесь Барятинского,—он явился точно из другого мира живым свидетелем о том, что все вы живы и здоровы. Ах, дай боже вам перейти благополучно все это время испытания и выйти из него с честью и с обновленною силой и вернуться скорее домой и на родину.

С отъезжающим Барятинским посылаю небольшую коллекцию лубочных картин нынешней войны. Может быть, они несколько минут позабавят вас. Все эти картины издаются в Москве,—каждый день выходят новые и во множестве расходятся по России. Народ раскупает их с жадностью, и стоят они от 6 до 15 копеек. Недавно я отправил множество их в госпиталь в Габрово, и воображаю, как они займут солдат. В Габрове у нас сестра жены моей вот уже три месяца ходит за шипкинскими героями. Доброе дело она сделала, и такой энергии мы сами от нее не ожидали.

Господь да хранит вас, ваше высочество, мы об вас думаем и молимся за вас непрестанно.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 28 октября 1877.

71.

Ваше императорское высочество.

Продолжаю все-таки писать вам от времени до времени. Мои письма мало интересны и не веселы, но думаю все-таки, что в нынешнем уединении вашем письма из Петербурга, какие бы то ни было, доставят вам некоторое развлечение. Иногда посылаю кое-какие вырезки из газет, хотя вам газеты и присылаются из Петербурга, но в массе их трудно отискивать то, на что можно обратить особенное внимание.

Очень отрадно слышать, что говорят об вас приезжающие из Болгарии. Привозят все добрые вести. Здесь прямые патриоты радуются, что ваша репутация от войны осталась неприкосновенною и даже растет заметно. Вот и Грейг, вернувшийся из своей поездки, говорил вчера так, что сердце радуется. Он рассказывал, что и быт, и порядок,

Библиотека "Руниверс"

и предусмотрительная распорядительность в вашей квартире и в отряде вашем резко отличаются от всего остального, что довелось ему видеть. И, по правде, других речей я ни от кого не слышал. Ваша добрая слава растет во всей России: ах, это большая сила вам на будущее, нравственный капитал, который дай боже вам сохранить и приумножить!

Прилагаю листок „Московских Вед.“ с продолжением писем Мещерского из Тифлиса. Письма эти довольно интересны. Обращаю внимание ваше на то, что он говорит о неисполнении подчиненными лицами приказаний свыше, о самовольных военных действиях и распоряжениях. Горько слышать такие вести отовсюду. Иностранные корреспонденты давно уже замечают, что это главная язва в нашем военном устройстве—фаворитизм, с одной стороны, самоволие—с другой. Серьезные люди из приезжающих рассказывают то же самое. На-днях еще видел я здесь главноуполномоченного по Красному Кресту Рихтера. Он горько жаловался, что главная причина всех затруднений по их делу—совершенная невозможность положиться на распоряжения военного ведомства и на исполнение самых строгих приказов, даваемых от военного начальства. Все приказания даются точно на ветер, никто не обращает на них внимания и при всем том не слышно, чтобы за это систематическое небрежение к своему долгу кто-нибудь подвергался серьезной ответственности. Люди, которых давно следовало бы для спасения дела отставить от места или уволить, остаются преспокойно на местах, живут спустя рукава и ничего не исполняют. Ужасно подумать, что такая распущенность господствует, как уверяют, и в более серьезных военных операциях.

Не могу не возвратиться при этом к своей мысли, что армия вообще не может составлять исключение из общего порядка: ее устройство в той же мере страдает недостаткими и пороками, в какой страдает ими общее управление. А в общем управлении у нас уже давно вкоренилась эта язва—безответственность, соединенная с чиновничьим равнодушием к делу. Все зажили спустя рукава, как будт

Библиотека "Руниверс"

всякое дело должно итти само собою, и начальники в той же мере, как распустились сами, распустили и всех подчиненных: как ублажают себя только удобствами жизни и окладами всякого рода, так поблажают тому же и в подчиненных. Нет, кажется, такого идиота и такого негодного человека, кто не мог бы целые годы благоденствовать в своей должности, в совершенном бездействии, не подвергаясь никакой ответственности и ни малейшему опасению потерять свое место. Все уже до того привыкли к этому положению, что всякое серьезное вмешательство в эту спячку считается каким-то нарушением прав.

Распущенности во взысканиях отвечает, с другой стороны, распущенность в наградах. Награды в последнее время потеряли истинную цену и приобрели фальшивую: так много их раздается во все стороны, и без разбора. Без сомнения, легко и приятно раздавать награды щедрою рукой с мыслью о том, что делаешь много счастливых. Наказывать тяжело, а награждать, повидимому, ничего ни стоит. Но, с серьезной точки зрения, как строгость во взыскании есть великий нравственный долг, так и право награждать налагает тоже нравственный долг на власть, раздающую награды. Послаблением в наградах можно произвесть такую же нравственную распущенность, как и послаблением во взысканиях. И эта распущенность у нас уже дошла до крайности. Власть у нас относительно наград поставила уже себя в положение гостеприимной хозяйки, которая заботится как бы не обнесли блюдом ни одного гостя. Всякий, как бы ни был негоден, уже обижается, когда не получает наград. И награду дают человеку для того, чтобы не обиделся, наградою прикрывают в человеке дурное, негодное дело, когда не хотят его обнаруживать, награду дают, чтобы потешить человека... Вот недавно в немецкой „National-Zeitung" была очень умная статья: отзываясь с величайшею похвалою о русской армии, замечают однако же, что в ней есть одна ужасная язва, которую надобно истребить непременно, — это погоня за наградами, за крестами, которая иногда совершенно вытесняет другие чистые побуждения воинской доблести. И сколько

Библиотека "Руниверс"

нам теперь приходится слышать рассказов о наградах, похожих на игрушки, в таком серьезном и ужасном деле, как война... Честные люди, истинные воины качают головами и глубоко сожалеют. Вот, разве не игрушка эта награда, которою взбудоражили на-днях все училище правоведения. Воспитанник 4 класса, сын генер. Геймана, был прошлым летом на каникулах у отца на Кавказе, ездил с отцом на рекогносцировки и получил какую-то царапину. Конечно, для молодого человека это была игра, а не серьезное дело, не исполнение долга. Он преспокойно вернулся осенью в училище и сам, повидимому, не придавал никакой цены своим летним военным экзерцициям. И что же! вдруг присылают ему георгиевский крест. Принц Ольденбургский в ленте отправляется в училище, торжественно вручает ему награду,—и начинаются овации молодому человеку, который сам удивлен внезапным своим триумфом.

С каким волнением ждем мы все здесь падения Плевны. Все уверяют, что ей недолго держаться, но как знать? В военном деле так много случайностей, и если Осману удастся прорваться, дело опять затянется. И если у него еще есть провиант и он станет отсиживаться, опять будет проволочка, для нас ужасная. Ах, ваше высочество, дал бы господь бог скорого исхода войне, — сердце замирает, когда думаешь о всех ее ужасах. Все можно переносить, пока дух держится в войске, но неестественные нужды, болезни и лишения зимнего времени могут сломить всякою энергию. Вот наша сестра милосердия пишет нам из Габрова в начале октября, что у них раненых почти нет, но еще ужаснее—приводят ежедневно с Шипки несчастных больных в ужасном виде, человек по 200 в день, и через несколько часов иные умирают не от ран, а оттого, что претерпели на Шипке от холоду и сырости: у многих отморожены руки и ноги. При всем том не можешь надивиться терпению, даже веселости этих страдальцев. Что за народ! Подлинно,—душа умиляется перед простотою и доблестью русского солдата.

Вот третьего дня, получили еще письмо от нее: выписываю из него слова, которые читал я с душевным волнением.

Библиотека "Руниверс"

— В первый раз еще получили от нее грустное письмо, видно, что там уже уставать начинают.

„Je suis toute triste áujourd'hui, toute impressionnée. Je viens à la minute de faire mes adieux avec mes malades. Je les ai soignée pendant plus d'un mois et je me suis attachée á eux [1]). Они все такие несчастные — кто без ног, кто без руки, все до единого ампутированные. Они меня любили, и я чуть-чуть не разревелась, прощаясь с ними. Но там, при докторах, было совестно: пришедши уже домой, горько-горько заплакала. Что-то с ними теперь будет! куда денутся. Что меня удивляет, это их постоянная веселость; они не заботятся о том, что с ними будет, чем будут жить. Дала я им каждому по кисету, по евангелию, по трубочке, простилась, перекрестила их, глаза наполнились слезами, и отошла. Они же все повторяли: „прощай, сестрица, прощай, родненькая, век тебя не забудем, кисетики эти сохраним навсегда и трогать их не станем, а то запачкаем. Утешь тебя господь, как ты нас утешила". Скучно мне теперь без них, так пусто кажется в госпитале. Сегодня уехало от нас 500 человек. Ах, когда-то все эти ужасы кончатся... Такое что-то уныние повсюду, так както нравственно все устали. Все только и бредят о мире, о доме, о семье. Доктора наши тоже стали что-то вялые. Вот один старикашка добрый, который сначала готов был днем и ночью работать, чтобы только помочь как-нибудь бедному солдатику, говорит мне вчера: „ах, если бы вы знали, как я нравственно устал! работа не идет, лечить трудно, больных множество, подвижные лазареты устроены на 80 человек, а у нас их 1100,—могут ли больные хорошо содержаться!.. Одно наше спасенье—Красный Крест, а то бы мы совсем пропали. Если бы не Красный Крест и все, что он присылает нам, тут был бы ужас!"

Ваш бедный адьютант Сергей Шереметев лечится в Москве,—сам болен и все дети у него лежат в скарлатине. Сегодня получил письмо от него из Москвы; в половине

[1]) Я сегодня крайне грустна и взволнована. Я только что простилась со своими больными. Я ухаживала за ними более месяца и я привязалась к ним.

Библиотека "Руниверс"

ноября собирается приехать сюда доканчивать леченье, с тем, чтобы, оправившись совсем, ехать обратно в армию.

Но пора уже кончить длинное свое писание. Дай боже ему дойти до вас в добрый час, в час бодрости духа и уверенности в скорой и окончательной победе. Не могу еще не пожелать, чтоб вы не подвергали себя опасности. Вам не следует. Многие вздрогнули здесь, узнав, что и вы подвергались опасности[1]) в роковой день смерти Сергея Максимиллиановича. В жизни и в смерти бог волен, но подумайте только, что ожидает Россию, если б с вами—не дай боже—что случилось. Как об этом судят горячие русские люди,—прилагаю письмо почтенного старика из Киева, Юзефовича.

Да хранит вас господь вседержитель под своим покровом.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

Петербург. 4 ноября 1877.

72.

В прилагаемом № „Голоса" рекомендую еще вашему высочеству прочесть статью о пленных турках. Содержание этих пленных в России возбуждает, надобно сказать, справедливое негодование во многих. С этими варварами няньчается правительство, как с балованными детьми. Их генералам назначено едва ли не по 10 р. на день содержания, и остальным в том же роде. Читая о тех ужасах, которые турки производят с нашими пленными, мы не можем понять этого ухода за турецкими пленными в России. Следовало бы обратить внимание на этот предмет, особливо в виду тех нужд и страданий, которым подвергаются наши раненые, и того бедственного положения, в котором находятся наши калеки, возвращающиеся домой.

5 ноября 1877.

---

[1]) Подчеркнуто Александром III. На поле рукою Александра III карандашом написано: „Откуда это взяли не понимаю, ничего подобного не было".

Библиотека "Руниверс"

73.

Ваше императорское высочество.

Погода у нас тянется мокрая, теплая, бледная, точь в точь как ожидание решительного события под Плевной. Мы к этому не привыкли, мы утомляемся и скучаем, и думаем: когда же запорошит родимый снежок, когда же грянет родимый мороз и санки захрустят по сухому снегу? Так-то и погода наша подходит под стать утомленному ожиданью. А тут, как нарочно, поднимаются и жужжат отовсюду толки о мире, о каком-то посредничестве держав, и русские люди в смущении спрашивают друг друга: неужели и теперь столько крови и усилий пропадет даром? Неужели кто-нибудь другой воспользуется каштанами, которые мы выгребали из печи? Неужели дипломатия сочинит гнилой мир? Неужели отдадим мы назад Карс, в третий раз орошаемый русской кровью? Бог знает, но я вижу по лицу и по речам Гирса, что он что-то смущается, и это смущает меня. А между тем дни идут за днями: господи, когда же это порешится дело с Плевной? Но этот вопрос праздный для нас: мы ничего не знаем, кроме того, что говорят нам краткие телеграммы и противоречивые слухи из газетных известий.

Сердечно благодарю за доброе письмо ваше от 31 октября: оно очень обрадовало меня прямою вестью об вас,—а с тех пор вот и в вашем краю турки зашевелились—было несколько дел, и одно, у в. к. Владимира Алексадровича видно, не маленькое, хотя подробностей мы еще не знаем. Помогай вам боже! В этот самый день и, может быть, в этот час мы были—увы!—без хозяина в Аничковом дворце и поздравляли цесаревну. У окна, в гостиной, стояли детки ваши, и в середине милая Ксения так ласково и приветливо улыбалась. Сколько раз эта картина представляется вам и манит вас к себе! Легко ли сказать,—сколько времени вы на чужой земле, посреди военного стана, в разлуке со своими. Тяжкое время,—и дай боже, чтобы миновало скорее, но этим временем много прибавится вам опыта и силы! Многие люди

Библиотека "Руниверс"

покажутся вам как они есть, иных в первый раз узнаете, иному поверите вновь, в иного научитесь не верить. Ах, это тяжкий опыт в жизни узнавать людей; но и какое утешенье, когда приходится видеть силу, открытую душу, простоту прямого чувства, высокий порыв мужества...

И, не правда ли, во всей этой долгой, долгой военной истории всего краше является русский солдат, во всей простоте русской души, в которой, кажется, сосредоточилось все, что мило и дорого в родной земле русскому человеку. На мой взгляд, во всей этой войне есть что-то особенное. Все дело, повидимому, выносят на плечах своих солдаты, более чем когда-либо. Они являются, кажется, на этот раз не просто пешками на шахматной доске, но одушевленными и разумными деятелями. Нарочно посылаю вам листок „Моск. Вед.“ с письмом кн. Шаховского о деле под Горным Дубняком. Меня поразила в этой корреспонденции та роль, которую играет во всем простой солдат: это удивительно и наводит на многие мысли. Сегодня обедал я у императрицы вместе с гр. Блудовой, Урусовым и Гротом, взял с собою эту корреспонденцию и читал ее после обеда, и, кажется, императрица была очень заинтересована рассказом. Тут же кстати попалась и длинная телеграмма Мещерского из Карса. Он пишет, что присутствовал при штурме, но полагают, что это написано для красоты слога.

Нового нечего передать вам о здешних делах, да я мало и слышу новостей. Несчастный политический процесс идет самым несчастным образом, как и можно было предвидеть. Каждое заседание суда преисполнено скандалов. Подсудимые шумят, бранятся, оскорбляют судей, не хотят оставаться на суде и отвечать, их выводят и т. под. Третьего дня, сказывают, эти скандалы превзошли всякое вероятие. Судьи не знают, что им делать. О том, что происходит на заседаниях, не печатается в газетах. Нужно было очень затевать суд! Чем все эти беспорядки окончатся, невозможно и предвидеть.

Целое утро провел я сегодня в заседании главного управления Красного Креста. По Красному Кресту у нас в недавнее время произошел скандал немалый, и волнение еще не

Библиотека "Руниверс"

утихло. Денег выходит много, и средства уже истощаются. Стали думать, как бы сократить издержки, но как сократить их в виду страшных нужд, которые один только Красный Крест удовлетворяет. Ему пришлось взять на себя многое, что должно бы лежать на военном министерстве, которое во многом, с своей стороны, ничего не сделало и не заготовило: пришлось в виду нестерпимой нужды Красному Кресту взяться за дело, и все свидетельствуют, что если бы не Красный Крест, ужасы войны для раненых были бы вдесятеро ужаснее. Вы знаете, какою неожиданностью в плане войны явилась вдруг Плевна. Дело велось так, как будто и нельзя было ожидать крепкого сопротивления и кровопролитных сражений. Так, бесчисленные жертвы первой, второй и третьей Плевны явились неожиданностью и в санитарном отношении. Раненых привозили тысячами в эвакуационные пункты; вы верно слышали о тех ужасах, которые там происходили во Фратештах, в Яссах, о раненых, которых тысячами клали, как скот, на сырую землю и оставляли тут сутками без перевязки, с червями в ранах, без пищи, без крова. Страдания превышали всякое вероятие,—картины были такие, что свидетели боятся вспомнить и не в силах рассказывать. Во всех этих местах скопления военное ведомство ничего не устроило и не приготовило. В горячую пору санитарные поезда не в состоянии были вывесть и десятой части того, что ежедневно подвозилось, а остающихся некуда было поместить. Притом и немногие поезда перепутал генерал Анненков до невозможности. В этом хаосе пришлось взяться за дело Красному Кресту, хотя оно совсем не входило ни в его задачу, ни в расчеты; Абаза в Кишиневе проводил адские дни и нес адскую работу,— и, поистине, если б не Красный Крест, ужас берет и думать, что бы еще было! Тяжелораненых, кого невозможно было увезти, оставляли на месте, для чего построены бараки и палатки, и леченье устроено так, что процент смертности оказался изумительно малый. Но все это дорого стоило и смущало гл. управление в виду истощения средств его. Послышались голоса, требовавшие во что бы ни стало сокращения издержек и учреждений.

Библиотека "Руниверс"

В таких обстоятельствах вдруг появилась в газете „Голос“ безымянная статья, писанная, повидимому, с места, наполненная самыми тяжкими обвинениями против Абазы,—приводились факты в доказательство того, что деньги тратятся даром, что все идет из рук вон дурно, что на напрасные постройки издерживаются громадные суммы и т. под. Эта статья возбудила сильное волнение в публике; поднялись крики, и даже пожертвования остановились.

Абаза, глубоко оскорбленнный, посреди самой тяжкой работы, приехал сюда по вызову, дал объяснения гл. управлению и документально доказал, что все написанное в статье есть ложь с первого слова до последнего. Необходимо было восстановить истину перед всею публикой от лица главного управления,—и это дело горячо приняла к сердцу императрица. Сегодня утвердили в заседании проект объяснительной статьи, которая на-днях будет напечатана от гл. управления, а затем Абаза вернется опять в свой район. У него самое горячее место—Яссы. Сердце замирает, когда подумаешь, сколько еще может проехать через этот пункт несчастных жертв предстоящих еще сражений...

О, дай боже, верный исход этой кровавой истории! Каждое утро мы ждем важных известий, ждем и надеемся, и волнуемся. Да сохранит вас господь и наставит, и даст вам крепость и совет, и разум. Мы следим за вами мыслью и сердцем. Берегите и себя, ради бога.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петербург. 18 ноября 1877.

74.

Ваше императорское высочество.

Сегодня я снес письмо свое в Аничков дворец к завтрашнему курьеру, а между тем получен номер „Московских Вед.“ со статьей о вашем отряде, спешу сегодня же вам послать его. Ваша телеграмма произвела радость в Москве.

Библиотека "Руниверс"

Я принес сегодня Николаю Александровичу коллекцию новых картинок о войне, на больших листах. Как дети обрадовались и с каким интересом принялись, вернувшись из сада, рассматривать раскрашенные листы. Дунаев едва оторвал их от стола, потому что пора была мыться и прибираться к завтраку.

Я в первый раз смотрел в подробности, в ожидании детей, помещение Николая Александровича. Очень хорошо и совсем просто. Общему впечатлению соответствует и добрая физиономия Дунаева. На туалетном столике стоит за зеркалом и болгарская баклажка, которую вы прислали Николаю Александровичу. Дунаев сказывал, что он скучает по вас и часто говорит со вздохом: „ах, когда папа приедет!“ Правда, дай бог скорее и совсем благополучно. Потом завтракал я—опять без вас!—у цесаревны, и за завтраком фельдъегерь принес письмо ваше № 50. Совестно было оставаться долго после завтрака и мешать цесаревне читать ваше письмо. Слава богу! все здоровы, все об вас думают, все вас ждут, все о вас молятся. У Николая Александровича на спальном столике лежит славянская тетрадка—молитвы о победе над врагами, которые принес ему Янышев. Дай-то боже ему выростать в силу и в разум и любить всей душою Россию, которая уже наверное его любит. Храни его боже и вас и весь дом ваш!

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 19 ноября 1877.

75.

Ваше императорское высочество.

Сегодня у вас дорогой имянинник; мысленно поздравлял вас от всего сердца, когда поздравлял сегодня цесаревну. Она была в красном бархатном платье с белым кружевом, и возле нее была необыкновенно мила и эффектна милейшая Ксения, тоже в красном платье, вся распушенная белым кружевом; и так приветливо всем улыбалась и про-

Библиотека "Руниверс"

тягивала ручку. Сам имянинник, к сожалению, болен, и доктор велел ему лежать сегодня,—завтра, по всей вероятности, он встанет. С ним произошло то же самое, что было несколько дней тому назад с Николаем Александровичем, который сегодня был уже на приеме совсем здоров и весел. Немного было. Все пошли к обедне, но я, против обыкновения, уехал, спеша в заседание. Притом на сердце у меня стало очень тяжело, и я сам не свой от сегодняшних подробностей о несчастном деле Мирского. 1.800 человек, 11 орудий, 50 офицеров. Как это должно поднять дух в Константинополе в такую решительную минуту! И всем опять приходит на мысль,—неужели нельзя было предвидеть и распознать движение турецкого войска,—а вот опять, видно, на него натолкнулся неожиданно отряд Мирского, состоящий из несчастных искалеченных под Шипкой Севского и Орловского полков! Бедного Мирского мне от души жаль,—его ставили с самого начала в невозможное положение, разбивая его дивизию, отнимая у него лучшие полки, оставляя его без подкреплений в опасных положениях. Опять с замиранием сердца ждем новых известий с театра войны, опять поднимаются те же тревожные вопросы: неужели там не принимают мер самой первой предосторожности, оставляют все на случай и на-авось, пренебрегают аванпостною службой, на что постоянно указывали с изумлением иностранные корреспонденты... И как все это отразится на Плевне, на решении Османа-Паши. Наконец, на положении вашего отряда. Я не могу быть спокоен после таких известий и одна только эта мысль на уме у меня. Сохрани вас господь и помилуй.

При сем посылаю вырезку из английской газеты, где помещена лекция, читанная в Лондоне корреспондентом Форбсом, с обозрением военных действий в нынешнюю кампанию. Тут говорится и о вашем отряде.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 26 ноября 1877.

Библиотека "Руниверс"

76 [1]).

Ваше императорское высочество.

Мы прожили здесь два тяжкие дня под впечатлением событий у Елены. Вдруг, боже мой, какая радость,—точно общее воскресение. Я проходил целый день 28-го, повеся голову, и только что собирался итти в заседание главн. упр. Красного Креста, как вдруг, в 9-м часу вечера, звонит курьер, несет от Тимашева прочесть копию с телеграммы, полученной императрицею. Мы едва опомнились от изумления и радости. По дороге, идучи в заседание, я объявлял радостную весть всем и каждому на улице: один офицер бросился мне на шею со слезами. Не поверите, какое у нас было оживление, какая радость,—ключом кипела она по всему городу целую ночь. На улицах толпы народа кричали и пели. В театрах происходили везде демонстрации без конца, пели „боже, царя храни," плакали, обнимались. В Александринском, когда, наконец, угомонилась публика и начали опять представление, вдруг кто-то вновь пришедший из райка крикнул: „что случилось?"; из партера закричали в ответ: „Плевна взята!" И опять шум, ура, крики, „боже, царя храни!" На Невском, у Гостиного двора, в часовне до 2-х часов ночи служили молебны. Словом сказать—все, точно в одной семье, ликовали от всего сердца. Этого ощущения в жизни забыть нельзя. На другой день в Зимнем дворце тоже было так тепло, так радостно, как редко бывает,—обнимались со слезами на глазах, поздравляя друг друга, а когда вышла тоже со слезами императрица и, медленно проходя, сама шептала вокруг поздравления,—все бывшие тут как будто слились с нею в одном сердечном чувстве. Николай Александрович тоже шел тут возле цесаревны, и все это, кажется, производило на него сильное впечатление,—это будет ему воспоминанием на всю жизнь!

---

[1]) На письме рукой Александра III написано: „Получил в Брестовце 15 декабря 1877 г."

Библиотека "Руниверс"

Точно вдруг прорвался нарыв, который вот уже без малого 6 месяцев томил нас и мучил, и все почувствовали себя свободными,—слава богу! слава богу!

Посреди этой радости у всякого в душе был, однако, вопрос: что же теперь будет? Казалась,—ту же минуту надо бы слать войска к Тырнову—теснить и преследовать новую армию, которая собралась в этом углу. Как бы их истребить, как бы их изловить? Неужели об этом не подумают, неужели этого не сделают?

Нет, вероятно, подумали об этом! Но вот третий день нет об этом никаких известий,—авось либо потому только, что не хотят оглашать движения наших войск. Я нарочно пошел, сегодня, в четверг, в Аничков дворец узнать, нет ли известий от вас, и—славу богу!—цесаревна сказала мне, что ваши войска отразили блистательно Сулеймана, который набросился на вас в тех же местах, около Трестеника. Слава богу!

Теперь, исполненные недежды, но наученные горьким опытом, мы уже начинаем с сомнением думать: бог даст, авось, не станут повторять прежние роковые ошибки, не станут бросаться вперед, очертя голову и не обеспечивая тыла, авось, не станут даром посылать людей на смерть тысячами: помилуй боже! Но все это—русское „авось!“ Как нам быть покойными и уверенными, особливо теперь, когда государь уезжает из армии, оставляя того же главнокомандующего, который, получив Георгия I степени, пожалуй, приобретет еще более слепой самоуверенности... Вот чего страшно,—и неужели без государя весь дальнейший ход военных действий оставлен будет в волю тому же главнокомандующему.

Не скрою от вас еще, что многие качают головами и задумываются, пробегая список получивших высшую военную награду за взятие Плевны. Чрезвычайно странно показалось встретить в первом ряду Милютина! Потом—Левицкого, которого имя, достойно или недостойно, произносится повсюду едва не с проклятьями... Потом толкуют очень много о назначении Скобелева генерал-губернатором Плевны! Не могут понять, что это значит? Неужели это значит удаление

Библиотека "Руниверс"

от военных действий генерала, которого имя приобрело такую всероссийскую известность. Говорят: верно, это дело интриг, и Скобелева хотят оттереть от военных действий. Как было бы прискорбно, если б в этом оказалось сколько-нибудь правды. Неужели в виду таких чудных подвигов, такой храбрости нашей армии, такого священного и страшного дела, в виду таких усилий и таких сраданий,—неужели язва интриги и фаворитизма может до такой степени заражать высшее военное управление.

Ах, верить не хочется, что люди, во власти сущие, падают так низко. Дай боже вам около себя не испытать таких горьких ощущений! Пусть будет окружающая вас атмосфера всегда так чиста, чтоб низкие и мелкие побуждения не могли в ней вырасти в господственную силу! Пусть взгляд ваш будет всегда так чист и ясен, чтоб мог распознать около себя всякое сплетение интриги, а воля—так пряма и решительна, чтоб могла тотчас разрубить все мерзкие, гнусные, проклятые узлы, которыми своекорыстные люди так искусно умеют опутывать власть предержащую! Аминь.

Пятница.

Сегодня появилась телеграмма о вашем деле под Мечкою; видно, дело было жаркое и успешное... Говорят, сегодня есть еще подробности, еще не опубликованные. Сказано будто бы, что вы были в опасности, и что пули близко вас летали. Ах, эти пули нехорошо звучат в ушах у нас, и хорошо было бы нам знать, что вы далеко от них. Вы не по своей воле в этом месте и, конечно, не без воли провидения и, конечно, опыт этих месяцев, проведенных в лагере с армией, будет много, много значить в вашей жизни. За всем тем думается, что не здесь ваше место, что вас надобно беречь и что вам должно беречь себя. Отрадно слышать, что ваше имя поминается у всех добром и честью; отрадно видеть, что ваше скромное, не блестящее назначение оказалось таким нужным, таким благодетельным делом в общем ходе военных операций; что всякой раз, когда требовалось дать отпор наступавшему врагу, ваша армия исполняла свое дело блестящим образом. Но все-таки как бы рад я был, когда бы вам можно было вернуться.

Библиотека "Руниверс"

Сегодня Посьет уехал за государем, и завтра, говорят, государь выезжает. Когда узнали об этом сегодня, у многих пробежала по лицу тень заботы. Говорят: боже! Чего не может там наделать без государя главнокомандующий! У всех это на мысли... Сегодня разнесся слух, будто бы в главную квартиру вызвали князя Барятинского. Здешние стратеги, в том числе Леер, толкуют, что вскоре надобно ожидать мира; уверяют, что турки пришли уже в отчаянное положение; что им остается или скрыться под защиту крепостей своих, или удалиться за Балканы. Дай бог, когда бы так, и когда бы возможно было вскоре заключить славный мир непосредственно с Турцией. Но, на мой взгляд, еще не похоже на это: было бы похоже, еслиб мы, по несчастию, не потеряли Елену; а на ней-то, по всей вероятности, утверждаются теперь главные надежды турок.

Почести, оказанные Осману-Паше по взятии Плевны, произвели здесь и за границей приятное впечатление: достойно чтить мужество и в неприятеле. Но затем невольно приходит на мысль: что же дальше будут с ним делать? Вспоминают, что тот же Осман варварски отказывал нам в уборке убитых; опасаются: неужели станут ласкать этого варвара и любезничать с ним? Вообще мы переходим всякую меру в обращении с побежденными азиатами, и снисхождение к врагу переходит у нас в угощение и любезничанье. Однако этого волка прикармливать не следует: ведь он все-таки в свой лес глядит. Сколько уже было нам горьких уроков — и в нынешнюю войну с сыном Шамиля. Да вот еще на-днях пришло известие, что варвар и зверь Худояр-хан, которого мы содержали на льготе в Оренбурге, убежал; поймать его уже нельзя, а он, без сомнения, успеет еще наделать нам хлопот немало.

Завтра, по всей вероятности, государь император будет у вас по пути в Россию. Дай-то боже доброго совета в эти минуты. Немудрено, что вследствие последних событий армия Сулеймана-паши вовсе переменит свое расположение и уйдет в другую сторону, если не удастся еще здесь прижать ее и уничтожить. Тогда совершенно изменится и положение,

Библиотека "Руниверс"

и назначение вашей армии,—и, может быть, тогда состоится ваше возвращение к нам, в Россию, домой...

Здравствуйте, ваше высочество. Да хранит вас господь!

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 2 декабря 1877.

77.

Мещерский вернулся уже с Кавказа. Вижу это по стихам его на взятие Плевны в „Московских Ведомостях".

В XI томе архива кн. Воронцова есть очень интересные письма.

На стр. 177, 186, 231 (особенно), 242, 389, 407 замечательно, что пишет Воронцов относительно обсуждения важных дел в совете государя, и о том, к какому вреду ведут единоличные доклады министров.

На стр. 359, 391, 395, 405, 422—любопытные суждения о нравах при дворе, о политике нового царствования Александра Павловича и о том, как важно значение двора для общественной нравственности.

На стр. 380, 400—о характере Павла Петровича. На 161 стр.—любопытное письмо Муравьева о ссылке гр. Панина.

На стр. 304—письмо Воронцова о том, каков должен быть гувернер у маленького в. князя Николая Павловича.

На стр. 323—о воспитании сына гр. Воронцова.

Библиотека "Руниверс"

1878 г.

78 [1]).

Ваше императорское высочество.

Давно уже я не писал вам. Слухи о приезде вашем сюда держались так упорно и повторялись так решительно, что нельзя было не верить им; все верили, и я. К сожалению, слухи эти не оправдались, и оказалось еще, что вы идете за Балканы командовать гвардией. Говорю—к сожалению, не только лично за себя, но и вообще. Я думаю, как уже и писал вам прежде, что в эту минуту лучше вам быть здесь, нежели там. Казалось бы, прежде всего, нужно, чтоб вы были в безопасности, вдали от случайностей военного времени; и кроме того, теперь, с приездом государя в Петербург, здесь сосредоточились интересы, которые вы могли бы оберегать. Трудно судить из отдаления, что решило вас остаться. Тут у нас говорят, что вам предлагали уехать, но вы пожелали остаться. Понимаю вполне, что вам тяжело было бы покинуть в такую минуту войско, которое вы знаете и которое вас знает, передать его в другие руки. Но когда спрашиваю себя, на которой стороне сильнее для вас голос долга,—не знаю, что сказать. Ваша безопаснось слишком драгоценна для всей России, ваше присутствие здесь именно теперь, более чем когда-нибудь кажется необходимо. А когда подумаешь еще, что если и теперь возможно будет повторение того же, что с вами делали и как поступали летом, то решительно становится грустно, что вас нет здесь.

---

[1]) На подлиннике рукою Александра помечено: „Получил в с. Брестовец—Болгария. 12 января 1878 г.“.

Библиотека "Руниверс"

Вы знаете, что за торжество было по всей России после взятия Плевны. Несколько дней все были точно пьяны от радости. Потом с радостью встречали государя. Но вскоре затем наступило раздумье. Я лично перешел в мрачное настроение. Похоже стало на то, как будто в Плевнинском торжестве расплываются заботы о том, что еще впереди перед нами. Как будто предержащие власти стали успокаиваться, война будто стала привычным, нормальным состоянием, которое найдет исход само собою. Притихла и деятельность к попечению о раненых и больных. А между тем там, на театре войны, вновь разгоревшейся, остался верховным распорядителем тот же главнокомандующий, о чьей неспособности громко вопиет вся Россия и с ним остались многие имена, которые горько слышать каждому патриоту, горько читать, что и они, наравне с героями или даже выше героев, удостоились высшей награды за военные доблести. Все это возбуждало горькие чувства. А потом вдруг настала зима, стали приходить отовсюду известия о новых страданиях от холода, сообщения прерывались, дороги стали, теплых вещей не заготовлено или не доставлено,— несчастные солдаты мерзнут, раненые мерзнут,—и потянулась ужасная повесть о бедствиях зимней кампании. Многого, конечно, нельзя предвидеть и предотвратить, но многое, самое большое и важное, можно было, должно было предвидеть. Признаюсь, не могу я смотреть равнодушно на военного министра, который ходит таким триумфатором, с сознанием собственного достоинства. А армия без полушубков, чуть не без одежды,—вот, пишут мне из Бухареста, из склада Красного Креста, что у них сердце разрывается от жалости, в каком виде проходят в страшный мороз и вьюгу маршевые команды. У них недостает и на раненых, а целые батальоны слезно, на коленях молят, чтоб дали им из склада полушубки, и говорят: лучше бы нас ранили или убили, а не гнали в дырявых сапогах, без чулок, по морозу. У иных не оказывалось вовсе рубашек! Из Тырнова пишут офицеры: вся кавалерия 11 корпуса без сапог, без рубах, без штанов, без полушубков. Впрочем, все это, без сомнения, вам близко известно и близко принимается к сердцу.

Библиотека "Руниверс"

А что за люди, которыми вы едете командовать! После будут рассказывать,—с трудом будут верить,—что преодолевали эти люди при переходе через Балканы с Гуркою. Спаси боже храброе, истинно христолюбивое воинство. Эти на виду,— весь мир на них смотрит. А сколько подвигов неизвестных, совершавшихся в тишине или вовсе без славы? Вот, в деле под Еленою, для которого покамест нашли только одно название—несчастного дела, говорят, орловцы и севцы показали себя героями выше всякой похвалы,—5.000 держались против 30.000. Подлинно, дело это несчастное и в том смысле, что показывает язвы нашего военного управления. Сколько раз Мирский просил и умолял о подкреплении, и ему как нарочно не присылали и еще отвечали, что не надо, а потом готовы были обвинять его же. Здесь много говорят об этом деле,—уверяют, будто производится исследование. Дай бог, чтобы оно обнаружило истинную правду.

Но перейду к другому предмету, приятнее этого: сегодня видел я милых детей ваших. Заходил к Николаю Александровичу с новыми лубочными картинами о войне; он всегда ждет их с нетерпением и спрашивает, нет ли еще новых. Всех их нашел я в детской с елками: две маленькие елки стоят по углам, и за одною из них сидели оба брата с зажженными свечками и смотрели картинки в книжке. Ксения только что кончила свою кашку и тоже подбежала сюда, но братья не обращали на нее большого внимания, так что она села потом одна в другом углу в маленькую колясочку. Она очень мила сегодня: на верху надели на нее новый костюм, малороссийскую свитку, расшитую красными нитками с нитяным кружевом, застегнутую на ней сзади; этот костюм очень идет к ней, и хорошо бы снять с ней портрет в этом виде и послать вам.—Скоро придется, я думаю, вновь позаботиться об устройстве педагогического штата у Николая Александровича. С одним Даниловичем обойтись невозможно. Данилович стар, часто хворает; надобно быть тут еще другому, посвежее и помоложе. Лакост едва ли долго останется. Он три раза в неделю дежурит у Сергия и у Павла Александровича, да три раза у вас: немудрено, что это тяготит его, раз-

Библиотека "Руниверс"

лучает с семьею так, что он сам придумывает найти надежного человека, кто мог бы заменить его.

1 января 1878 года.

Новый год! Дай то господи вам и всем нам, всей Руси православной вздохнуть в этом году свободнее и порадоваться славному миру. Много было черных, горьких дней в минувшем году, но много было и радости, и славы,—по милости божией дано было нам, верным, горячим сынам России видеть, что не напрасно пропала доблесть русских людей, и поистине мы можем гордиться перед целым светом тем, что добыли себе русскою грудью и верою в правоту своего дела. Не знаю, с чем еще можно сравнить подвиги несравненного русского воина на Шипке и теперь, на Балканах. Сегодня в церкви, на молебствии читается раз в год старинная, вековая молитва: „о еже разрушити нечестивое царство агарянское и в руки верным предати". На этот раз она была особенно знаменательна, так же, как и евангелие Луки, IV, 19, 20, в котором так величественно слышится пророчество Исайи: дух господен на мне—помаза мя—проповедати плененным отпущение, отпустити сокрушенные во отраду, проповедати лето господне приятно. О, даруй боже исполниться этому пророчеству на нас! Страшно только думать о том, что дело святое — дело чистых рук; но потом невольно приходит на мысль, что господь бог многие грехи не помянет за ту жертву, которую приносит масса простых русских людей, в простоте, незлобии, в великодушии проливающих кровь свою.

Вот, в прошлый четверг, 29 числа, явилась нежданная радость — весть о взятии в плен всей шипкинской армии. Весело было собираться в Зимний дворец к молебну и поздравлять друг друга. Эта радость смущалась только мыслью о том, как должны страдать наши солдаты без теплого платья, иные без сапог, и сколько новых жертв прибавилось к прежним. Теперь, когда нашей армии открыт, повидимому, путь к самому центру неприятельской силы, многих приводит в сомнение мысль о перемирии: боятся, как бы не обошли нас, как бы дипломатия не обессилила для нас успехи, купленные такими жертвами.

Библиотека "Руниверс"

Впечатление, произведенное во всей России слухом о назначении вашего высочество командовать гвардией за Балканами,—самое благоприятное. Все этому радуются, все возлагают на это надежды. Казалось, это дело решеное, но в последние дни поднялись опять какие-то слухи о вашем возвращении. Шереметев давно уже готов ехать к своему посту, но вот уже неделя, как великая княгиня задерживает его каким-то ящиком, который готовится для отсылки к вам. И по этому заключают, что, может быть, дело не в ящике, а в сомнении относительно того, остаетесь вы или возвращаетесь. Сегодня в Зимнем дворце до меня доходили какие-то слухи, будто главнокомандующий очень недоволен вашим назначением, будто он говорит: либо он, либо я, и т. под. Признаюсь, судя по тому, что было, ничего нет невозможного и в этом слухе. Отсюда могут, пожалуй, родиться такие неприятности, затруднение и колебание, которые переменят вид дела. Покуда, кроме слухов, нет ничего определительного. Одно несомненно,—что теперь со всех концов России на вас смотрят с доверием и надеждою. Как приятно видеть это и чувствовать: это—сила, которую бог дает вам. Благослови боже!

О наших внутренних делах, право, больно писать вам. Немало у нас новых назначений, которые огорчают меня до глубины души. Ничто не смущает меня так, как назначение на крупные места людей мелких, недостойных, людей низкого духа. Как унижены через это все должности, как парализуется через это энергия честных людей,—трудно себе и представить, но это уже отражается на общем ходе дел очень заметно. Есть, к несчастью, между нашими государственными людьми такие, что не задумаются назначить лакеев своих на важные должности! Сегодня же в Зимнем дворце я был свидетелем негодования, которое громко выражалось по случаю нынешнего приказа по морскому ведомству: много наград, а имена тех, кто получил награды, возбуждают негодование. Указывают: такой-то крестил детей у Кузнецовой, такой-то устраивал дела ее, такой-то любимец Попова и т. под.

Но довольно обо всем этом, — и вам читать невесело. Когда и где дойдет до вашего высочества это письмо,—не

Библиотека "Руниверс"

умею сообразить в нынешних обстоятельствах. Дай бог, во всяком случае, чтоб оно застало вас в крепком, определившемся положении, в добрый час, в хорошую минуту. Вижу по всему, что вам пришлось и, может быть, придется еще переживать тяжелые часы с горечью и недоумением,—помоги вам боже!.. Только верьте вот чему: что во всей России честные люди, преданные отечеству, понимают труд ваш, глубоко сочувствуют вам и следят за вами с любовью и крепкою надеждой. Об вас не трубит слава, но передаются из уст в уста тихие речи, и все радостные. Храни вас боже под святым своим кровом!

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 1 января 1878.

79 [1]).

Ваше императорское высочество.

Сейчас только узнаю, что Шереметев выезжает через несколько часов, совсем неожиданно. Столько дней отъезд его колебался вместе с решением вопроса,—остаетесь ли вы при армии, или возвращаетесь в Петербург.

Скажу вам только, что в эти дни каждый час об вас думаю. До меня доходят только неясные слухи о переписке относительно нового вашего назначения, о колебаниях, недоумениях, неприятностях всякого рода, и глубоко меня огорчают. Не приходится распространяться о подробностях этого предмета, но знайте и верьте, ваше высочество, что здесь все честные и горячие люди глубоко чувствуют ваше положение и огорчаются. Это время, проведенное вами в забытом, можно сказать, углу, обратило на вас взоры отовсюду и привлекло к вам всеобщую любовь и сочувствие, которое растет по мере того, как усиливаются непонятные, необъяс-

---

[1]) На подлиннике рукою Александра помечено: „Получил в с. Брестовец—Болгария, 22 января 1878 г.“.

Библиотека "Руниверс"

нимые и, по общему сознанию, недостойные старания устранить вас от подобающей вам деятельности. Как больно и грустно, что нет силы, которая могла бы разом и навсегда прервать эту прозрачную сеть интриги и недоброжелательства.

Но меня тревожит вот какая мысль: ложное положение, которое вам устроили, должно смущать вас и расстраивать. Вы пытаетесь выйти из него, покуда безуспешно. Боюсь я того, как бы от этих ощущений не накопилось у вас в душе много, много горечи. По характеру, вы не любите высказываться, но на душе у вас, верно, бывает горько, и это чувство, не выходя наружу, может сосредоточиваться внутри запасом горечи, досады, недоверия. Ради бога, не давайте этому запасу накопляться. Не забывайте ни на минуту, что уже вся Россия теперь понимает и ценит по достоинству положение, в которое вы поставлены; в этой мысли, может быть, найдете довольно силы для того, чтобы бороться с тягостью, которая лежит на вас. И еще скажу, что в нынешнем положении промысел божий, очевидно, указывает вам трудную школу для той деятельности, которая ожидает вас впереди. Как ни горьки уроки, но если они не пропадут для вас даром, великое будет благо для вас и для всей России. Вы видите теперь ясно, что значит власть, какие тяготы носит она, и какую страшную нравственную ответственность налагает на того, кто ее держит. Вы знаете теперь ясно, что *нельзя* в ней забыться, жить день за день, положиться на одно течение дел, на один ход событий, потому что каждое колебание, послабление, недоумение, забвение отражается на судьбе многих тысяч людей и целого государства. Вы видите, чего стоит каждая, хотя бы случайная, необдуманность, нерешительность, ошибка в выборе людей и в отношении к людям. Конечно, вы много сами с собой передумали в эту пору; благослови боже уединенную вашу думу, чтоб она выяснила и осветила перед вами путь ваш. Не сомневаюсь, что при всей горечи ощущений видели вы не мало доброго и высокого, и утешительного и в людях, и в делах около себя, и перед вами яснее прежнего обозначились те пружины, которыми прямая и добрая, но решительная воля может приво-

Библиотека "Руниверс"

дить людей в движение на подвиг добра и разума, на служение родной земле, на великие труды и великие жертвы.

Мы здесь живем надеждою на близкий конец дела. Радуемся успехам русского оружия, восторгаемся чудными, неслыханными подвигами; но те, которые заглядывают вперед, не останавливаясь на настоящей минуте, радуются с трепетом. Вот куда,—не взирая на все, чем с самого начала портилось дело,—вот куда проложила себе путь крепкая, верная грудь русского воина. Но как нам не трепетать за него, как не трепетать за все дело, когда мы видим, в каких руках управление всем делом находится? До нас доходят известия о нуждах, болезнях, неурядицах, недостатках всякого рода,— и как нам не думать, что большей части страданий и неурядиц не было бы, еслиб распоряжалась делом разумная и хозяйственная рука. Поистине, ваше высочество, эта война вывела наружу все сокровище доблести, скрытое в русском человеке, подняла дух, явила подвиги мужества, веры, великодушия, любви и жалости,—так что дух захватывает от восторга. Но она же показала и все недостатки наши, бедность организации, необдуманность и беспечность распоряжений, случайность в распределении людей, могущество мелких, низких, неспособных людей и всю силу и влияние низких побуждений. Однако за всем тем мы, русские люди, крепко храним в душе веру в успех нашего святого дела и молимся господу богу крепкой и смиренной молитвой.

Крепко молятся русские люди и за вас и, повторяю, все следят за вами с любовью. Да осенит вас Христос своею благодатью.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 8 января 1878.

80.

Ваше императорское высочество.

Болезнь не позволяет мне лично представить вам всепокорнейшую просьбу, с которой давно задумывал я обратиться к вашему высочеству. Я знаю одного бедного, но очень спо-

Библиотека "Руниверс"

собного к механическим искусствам мещанского мальчика и мне хотелось бы содействовать ему в довершении образования по этой части, но мать его не имеет никаких средств. Не соблаговолите ли, ваше высочество, приказать зачислить его стипендиатом в ремесленное училище цесаревича Николая? Вот в чем, если возможно, состоит усердная моя просьба. По словам Н. А. Ермакова, думаю, что и вакансия может открыться в скором времени.

Вот уже месяц, как я болен, никуда не выхожу, и лежал недели две от сильной простуды; сердечно тронут был вниманием государыни цесаревны, которая три раза присылала узнавать об моем здоровьи. Дай бог здоровья вам обоим и всему вашему дому; сожалеть буду, если в субботу не придется мне самому увидеть вас и поздравить вас с милой новорожденной; да хранит ее бог!

Теперь мне лучше, слава богу, но опасаюсь еще выезжать. Скучно сидеть дома больному человеку, особливо в эти дни; один бог знает, что передумаешь, и на меня нападала тоска ужасная,—вся мрачность политического горизонта глубоко отражалась в душе моей. Куда ведет нас божие провидение? Что еще ожидает наше отечество после таких усилий, таких бедствий, таких геройских, сияющих славою дел! Кто даст на это ответ? А в виду неизвестности душа страдает, и—страшное дело—вдруг точно туманом подернулись и скрылись в облаке все эти недавние, поднимавшие душу события,—кажется, все это было так давно, так давно, и неизвестно куда скрылось. Воображаю, сколько смущения и в вашей душе; но куда бы ни указал нам дорогу перст божий, верую, что мы крепко станем за правду и за честь России. Враги наши сильны коварством, хитростью, ожесточением, но мы сильны правдой своею,—и буди воля божия.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

23 марта 1878.

Библиотека "Руниверс"

81.

Ваше императорское высочество.

Все эти дни провожу я в тяжком, тоскливом волнении. Не могу удержаться, чтоб не высказать перед вами хоть долю своих мыслей.

Прошлым летом измучила меня Плевна, потому что за Плевною открывалась целая бездна, когда я спрашивал себя, где причины нашей внезапной неудачи. Вот теперь другая Плевна выросла, и причины открываются те же самые, и открывается бездна еще грознее, еще ужаснее прежней. Как тогда, так и теперь, в испуге спрашиваешь: куда мы идем, к чему мы придем? Мы спим: надобно проснуться, иначе все пропало. Но тогда храбрая русская армия вынесла на плечах нашу честь в виду известного неприятеля. Но главный наш неприятель—в нас самих,—это совершенное отсутствие разума, единства воли и действия в нашем правительстве, и этот враг наш теперь въявь перед нами. Если мы теперь не поймем этого, когда же поймем, когда образумимся. Может быть, поймем когда-нибудь, но будет уже поздно. Или теперь, или никогда.

Посмотрите, что вдруг открылось в нашем обществе,—какая слепота, какое отсутствие серьезной мысли. Суд объявляет невиновною женщину, стрелявшую в градоначальника за то, что он поступил несправедливо в частном случае,—и общество радуется. Женщины и мужчины готовы плакать от восторга, точно в конце драмы в Михайловском театре. Сантиментальное впечатление взяло верх над здравым смыслом: негодуют против распоряжения Трепова и забывают то, что всего выше—правду и порядок; забывают, что станет с обществом, когда частное возмущение против государственной власти, когда политическое убийство должностного лица за распоряжение по должности объявлено будет правдой. Жалкое, ребяческое ослепление, печальное раздвоение мысли. Но откуда оно происходит?

Библиотека "Руниверс"

Я отвечаю: оттого, что прежде всего этим ослеплением, этим раздвоением мысли, этим детским легкомыслием, этою путаницей взглядов и ощущений страждет само правительство. Правительства нет, как оно должно быть, с твердой волей, с явным понятием о том, чего оно хочет с решимостью защищать основные начала управления, с готовностью действовать всюду, где нужно. Люди дряблые, с расколотой на-двое мыслью, с раздвоенной волей, с жалким представлением о том, что все идет само собой, ленивые, равнодушные ко всему, кроме своего спокойствия и интереса. Средины нет. Или такое правительство должно проснуться и встать, или оно погибнет. А что погибнет вместе с ним, о том и подумать страшно.

Когда бы оно было, когда бы оно знало, чего хочет и умело бы,—чего бы тогда бояться? Стоит ли бояться горсти молодых людей, потерявших разум, в виду массы народной, сохраняющей простой здравый смысл и веру во власть? Но потому страшно, что хотя поток не велик и грязен,—гнила плотина, которая должна удержать его. То страшно, что народная масса со своим здравым смыслом начинает уже терять веру в это правительство и спрашивает себя: где же оно, что же оно бездействует и только сочиняет новые меры и уставы, остающиеся без исполнения? Вот в Москве уже народ принялся за расправу, не видя распоряжений правительства, и страшно станет, если этот пример найдет подражателей.

Кто, как не правительство, виновато в исходе Треповского дела? Нечего говорить об его недостатках и нравственных качествах: это—вопрос в настоящем случае посторонний. Трепов стал жертвою безурядицы в правительстве, и можно сказать, что его безумно предали на жертву.

Он был, может быть, плутоват, но умен и деятелен. Но действовать ему было трудно, и он потерял голову посреди путаницы, в которой далеко не он один виновен.

В следственной тюрьме водворился с самого начала хаотический беспорядок. Хозяина не было,—хозяйничали три ведомства, три управления, из коих каждое разделывало то,

Библиотека "Руниверс"

что хотели устраивать другие. В этом антагонизме властей трудно было которой-нибудь из них устроить порядок.

Между тем Потапов, уже близкий к помешательству, вместе с легкомысленным гр. Паленом завели и раздули громадное политическое дело. Его отдали в руки людей, столько же легкомысленных или недостойных. Собралась масса арестантов, коих большую часть пришлось, продержав несколько лет, выпустить. Возбуждено с неимоверною легкостью, с совершенною безответственностью, великое раздражение. Наконец, в виду суда, который не знали, как начать, свезли в Петербург и соединили в тюрьме около 200 обвиняемых. Вместе с ними оставлены были и другие, уже осужденные преступники. Во всей этой массе поднялось страшное волнение. Водворился беспорядок невозможный. В таком состоянии является Трепов с мыслью водворить порядок. Но это дело было свыше сил его,—он не рассчитал и потерял голову, сделав страшную, роковую ошибку. Неважно, что он велел наказать приговоренного преступника Боголюбова. Важно то, что он велел принять эту меру в виду доведенной до бешеного раздражения массы людей неосужденных, не распорядившись прежде перевести Боголюбова в другое место.

Общество не могло различить этого; поднялся взрыв негодования против Трепова: как он смел наказать Боголюбова.

Но чего не могло понять общество, то должно было понять правительство, на котором лежала ответственность за ту безурядицу, посреди коей потерял голову Трепов. Положим, что в составе правительства было много лиц, не желавших добра Трепову; положим, что он сам подавал к этому повод стремлением отделиться от этого правительства посредством своих личных докладов у государя. Но в этом случае правительству необходимо было войти в положение Трепова. И что же? правительство стало на сторону общественного суждения и также исполнилось негодования против Трепова.

Последовало покушение на жизнь его. В первую минуту был взрыв негодования, но он шел главным образом из народа, от простых людей,—в правительстве послышался только

Библиотека "Руниверс"

отзвук, который вскоре ослабел. Иные как будто довольны были,—многие готовы были сказать: поделом ему. Потом стали ходить сентиментальные толки о преступнице. Вскоре, через несколько дней, выказалось полное равнодушие к делу. Стали рассказывать, что государь, узнав будто бы о разных неправедных прибытках Трепова, совершенно охладел к нему. Тут еще решительнее все от него отвернулись. В виду громадных политических интересов, занявших общее внимание, совсем забыли о Трепове, о всем важном значении покушения на жизнь его. Мне все это казалось странно и очень печально. Пусть бы забыла публика, но правительство не должно было забыть ни на минуту: дело Трепова было делом самого правительства, и потому оно должно было отстоять Трепова во что бы то ни стало. А оно как будто совсем отступилось от дела.

И это обнаружилось всего явственнее в том жалком министерстве, от которого зависело направление дела. Дело, к несчастью, оказалось в руках у людей легкомысленных, несерьезных, страждущих тем же раздвоением нетвердой мысли!

Прежде всего, можно ли было признать это покушение не политическим! А эти люди решились признать. Из-за чего? из малодушной боязни оскорбить будто бы общественное мнение, из желанья пощеголять перед интеллигенцией,— пожалуй, перед Европой,—уважением к суду присяжных. Это уже была великая ошибка, непростительная. Интерес государственный, соединенный с этим делом, был так велик и важен, что его надлежало отстоять во что бы то ни стало, с полною уверенностью, без страха, без малейшего помышления о возможности оправдания преступлению.

Итти на суд присяжных с таким делом, в такую минуту, посреди такого общества, как петербургское,—это не шуточное дело. Но гр. Пален пошел на это дело с легким сердцем, как министры Наполеона III объявляли войну Германии.

По крайней мере можно было ожидать, что правительство обставит себя всеми возможными гарантиями хоть на суде

Библиотека "Руниверс"

присяжных. Но и тут, на беду, ничего не было, кроме того же легкомыслия, и тут явилась та же раздвоенная мысль, не умеющая дать себе отчета, кто же в самом деле виноват—Трепов или г-жа Засулич!

Обвинитель играет в таких делах важную, решительную роль. И что же! Обвинителем назначают вялого, дряблого человека, без таланта и с тою же раздвоенною мыслью. Г. Кессель говорит, что ему противно это дело. Об этом заранее было представлено кому следует, было указано на более энергических людей, из которых можно было бы выбрать обвинителя. Ответ был: нет надобности еще более муссировать это дело.

И вот обвинитель прежде всего стал великодушничать,— отказался воспользоваться правом отвода присяжных. А он мог бы отвесть всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел. Тогда и приговор присяжных мог быть совсем иной.

Не стану говорить о том, как веден был процесс, склонившийся совершенно к исследованию действий Трепова, а не подсудимой преступницы. Довольно и этого. Спектакль кончился тем, чего можно было ожидать с самого начала.

Но этот конец был началом того, что совершается теперь и о чем имущие власть не подумали! Каждый день, раскрывая газету, с трепетом думаешь: что еще случилось нового?

Вот, ваше высочество, мои грустные мысли. Ах, как много и часто думаю об вас. Время это для вас горько, но и поучительно. Видите, что значит, чего стоит правление. Приходится душу свою положить в него и видеть в нем долг, святой долг каждой минуты. Дело не идет само собою, порядок сам собою не установляется, хаос сам по себе не превращается в гармонию. Должны быть люди с твердой волей, с сознанием, чего хотят и к чему идут, с постоянством распоряжения и деятельности. Напрасно успокаивать и обманывать себя: вот переменим того или другого человека, вот примем ту или эту меру, и все придет в порядок. Надобно совсем, извнутри, проснуться и встать, и править рулем

Библиотека "Руниверс"

и работать всеми веслами днем и ночью, чтобы провесть судно сквозь мрак и бурю.

Для вас только пишу это письмо, — не оглашайте его. Говорят, что на святой неделе предложены будут на обсуждение какие-то законодательные меры; дай бог, чтобы на этом не успокоились и не заснули опять. Сохрани господи нашу возлюбленную Россию в такое тяжкое, опасное время!

Собираюсь, если бог даст, уехать в монастырь на страстную неделю. В душе нет тишины и одушевления,—хоть бы там найти отраду и отдохнуть. Будьте вы здоровы, ваше высочество, берегите себя ради бога! Храни вас господь!

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

8 апреля 1878.

82.

Ваше императорское высочество.

Вчера положено было обратиться к министру финансов с ходатайством об авансе. Г. Ламанский просил отправить бумагу как можно скорее, чтоб можно было заранее исполнить все формальности ко дню доклада министра финансов на следующей неделе. Он просил также означить не слишком большую сумму,—от $1^{1}/_{2}$ до 2 миллионов. Бумагу эту приличнее, кажется, написать от имени вашего высочества, а я, когда увижу М. X. Рейтерна, стану просить его о разрешении кредита не менее 2 миллионов.

Бумага составлена мною и переписана. Имею честь представить ее при сем, чтоб не обременять ваше высочество личным докладом.

Не благоугодно ли будет подписать ее и приказать отправить сегодня же от вашего высочества в пакете на имя министра финансов.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

6 мая 1878.

Библиотека "Руниверс"

83.

Ваше императорское высочество.

Я в отчаянии, что не мог видеть сегодня вас и государыню цесаревну и благодарить вас всей душою, равно как и жена моя, за милость, нам оказанную. Я так ожидал, что вы приедете на пристань. А на этих днях был у вас три раза и никак не мог видеть вас за бывшею суетою от шаха. Примите же от меня здесь горячую мою признательность. Благослови боже ваше путешествие и благополучное соединение с детьми вашими.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

На пристани.

84.

Ваше императорское высочество.

Сейчас только получил первое известие о действиях наших командиров. Не угодно ли прочесть прилагаемое при сем письмо Баранова. Крупп по контракту обязался доставить орудия в Кронштадт не позже 28 дней от подписания договора. С. С. Лесовский, когда рассмотрел описание орудий, остался очень доволен и отозвался, что они в морском министерстве не могли сделать такого приобретения. Завтра же сделано будет от них распоряжение о переводе в Берлин половины денег, которая, по условию, должна быть уплачена немедленно.

Сегодня в собрании хозяйственного отделения мы рассуждали о судах. По телеграмме Баранова, когда она получится, надобно будет немедленно выслать задаточные деньги, около 150.000 рублей, и принять меры, чтоб это исполнено было безостановочно. Заготовлен на всякий случай ордер казначею Грибанову, с ассигновкою, для немедленного перевода.

Библиотека "Руниверс"

При отправлении командиров им на всякий случай вручены были доверенности от имени Грибанова для совершения, если понадобится, актов на его имя. Впоследствии Грибанов, испугавшись ответственности по неограниченной доверенности, возбудил о сем вопрос, и по желанию его высланы в Берлин новые доверенности, как ваше высочество изволите усмотреть из прилагаемого при сем особого журнала хозяйственного отделения. Впрочем, в этих доверенностях, по всей вероятности, и не будет нужды, так как приторгованные суда предполагается привесть в Кронштадт по условию с продавцами, и здесь уже совершить платеж и покупку.

Бумаги, при которых вашему высочеству представлены были пожертвования, разобраны М. С. Кахановым. Я уже имел случай докладывать вашему высочеству, что прилично было бы некоторым лицам и учреждениям объявлять благодарность от имени вашего, глядя по лицу или по сумме, или по особенностям выражений в письме или прошении. Многие будут этим удовлетворены в своем чувстве, а для других это послужит поощрением; иногда и на слово, от души связанное, следует отозваться. Имею честь представить на благоусмотрение ваше записку, составленную по этому предмету Кахановым и заслушанную сегодня в заседании. Буду ожидать одобрения или замечаний от вашего высочества.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петербург. 6 июня 1878.

85.

Ваше императорское высочество.

Первый пароход пришел вчера, и приемка его уже началась. Завтра немецкая команда сходит с него и вступает русская. В субботу пароход будет совсем готов для осмотра, и, если угодно, в присутствии вашего высочества может быть на нем поднят флаг. В этот день вы можете еще увидеть судно со всеми украшениями и отделкой, которые потом будут сняты.

Библиотека "Руниверс"

Не благоугодно ли будет вашему высочеству приехать для осмотра в субботу. Если же день этот окажется неудобным, и следующее воскресенье тоже, то не изволите ли отложить осмотр до вторника? Смею предложить это по следующему соображению. Н. М. Баранов истомился до последней крайности и уже нехорошо себя чувствует. Совершенно необходимо дать ему после субботы хотя один день совершенного отдыха.

С этим письмом явится к вашему высочеству наш делопроизводитель г. Романов. Благоволите дать ему ответ, когда вы изволите решить осмотр. Он же может представить вашему высочеству ближайшие сведения о судне и о приемке его.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 15 июня 1878.

86.

Ваше императорское высочество.

Спешу препроводить к вам речь Аксакова, только что полученную мною из Москвы. Она написана очень сильно, но нельзя не сказать, что справедливо. Читаете ли вы газеты, особливо „Московские Ведомости"? Посмотрите, сколько горечи и негодования выражается каждый день, слышится отовсюду по поводу известия об условиях мира, вырабатываемых на конгрессе. Русская душа не может ни за что помириться с мыслью о том, что настоящая Болгария, русская Болгария, отдана будет русским правительством на жертву туркам после того, что провозглашено было торжественно, после того, что совершено на Балканах нашими храбрыми войсками. Пускай дипломаты уверяют сколько им угодно, что никогда еще не было заключаемо такого выгодного для России мира,—народ будет видеть в этом мире позор для русского имени, и я предвижу горькие бедственные от него последствия внутри России.

Библиотека "Руниверс"

Говорят, что мы не в силах, не можем воевать, и военный министр говорит всего громче. Но народ не знает об этом и не может представить себе. К сожалению, все мы слышим только, что это говорится, и вспоминаем, что слышали то же перед началом войны. Нельзя не пожалеть, что ни в начале, ни теперь к обсуждению таких важных вопросов, каковы вопросы о войне и мире, не призывается никто из государственных деятелей и советников, кроме двух-трех лиц. Неудивительно поэтому, что в публику переходят лишь неполные сведения и смутные слухи о побудительных причинах к решению и распространяются толки очень невыгодные для лиц, составляющих высшее правительство. Трудно будет погасить их, когда они перейдут в народ, распространятся в армии. Вы не видите, но мы на каждом шагу видим и чувствуем, как принижено и огорчено в русских людях национальное чувство... О, дай боже, чтоб эта гроза пронеслась мимо, но страшно за будущее! Страшно, чтоб этот мир, если он состоится, не принес, вместо успокоения, новой и страшной смуты! Поистине, мы переживаем теперь роковые и решительные для России дни. Мне пишут из Москвы, что там от простых людей, не знающих положения и отношений, слышится на каждом шагу вопрос: да что же наследник? Неужели он не отстоит нас? Добрые люди не знают, что состоит и что не состоит в вашей возможности, что и как можно высказать и сделать в вашем положении; но эта вера народного чувства, обращающаяся к вам, много значит. Помоги вам боже сказать слово истины там, где оно может и должно быть сказано!

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 25 июня 1878.

87.

Ваше императорское высочество.

В понедельник, 17 числа, предположен высочайший смотр флоту в Кронштадте, при чем в составе флота будут и наши новые суда. Говорят, что государь император изволит ос-

Библиотека "Руниверс"

матривать „Россию“. По этому случаю родилась мысль,—ехать в Кронштадт всем членам нашего комитета и собраться на „России“. Однако, сегодня совещался с своими сочленами Кахановым и Селифонтовым, и мы пришли к тому мнению, что лучше не делать этого, если не будет особенного распоряжения от вашего высочества. Суда наши поступили в морское ведомство и зачислены в состав флота; команда на них военная, и собрание на „России“ гражданских членов комитета, не принадлежащих к флоту, едва ли будет прилично и едва ли может понравиться государю императору, когда он изволит вступить на „Россию“. Такова наша мысль, и я полагаю, что она будет одобрена и вашим высочеством. Впрочем, если бы вам угодно было и показалось бы приличным наше присутствие, благоволите дать мне о том знать.

На прошлой неделе я позволил себе представить вашему высочеству для прочтения письмо Аксакова к Дарье Федоровне Тютчевой и получил уже его обратно. Между тем произошло следующее обстоятельство, о котором считаю нелишним довесть до вашего сведения. Дарья Федоровна пишет мне: „A un concert le 4 juillet sa majesté l'empereur s'est approché de moi devant toute la cour réunie et m'a fait de vifs reproches à propos de la lettre d' Aksakoff, montrée au grand duc héritier... L'empereur est revenu la-dessus, et voilà ce qu'il m'a dit: On repète tant de choses qui sont fausses, que votre nom ne doit pas y être melé à cause de votre position auprès de l'impératrice. Je trouve qu'il avait raison et je l'ai ècrit à Moskou“. Прочитав эти слова, я стал справляться с своей совестью и спрашивал себя: не поступил ли я дурно, сообщив письмо Аксакова вашему высочеству. Признаюсь, что я не нашел резонных поводов обвинять себя,— мне казалось, что вашему высочеству не будет лишним

---

[1]) В концерте 4 июля его императорское величество приблизился ко мне в присутствие всего двора и сделал мне резкий упрек по поводу письма Аксакова, показаного в. к. наследнику. Император возвратился вслед за этим и вот что он мне сказал: „повторяют столько ложных фактов, что ваше имя не должно быть к этому припутано в виду вашего положения при императрице“. Я нахожу, что он прав и я об этом писала в Москву“.

Библиотека "Руниверс"

видеть в письме Аксакова выражение, хотя и резкое, того настроения, которое образовалось в Москве по случаю газетных известий о мире, и которое мне было известно и по другим письмам. Иного намерения у меня не было.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 14 июля 1878 веч.

88.

Ваше императорское высочество.

Не угодно ли прочесть прилагаемую при сем копию с письма, которая, без сомнения, будет для вас интересна.

Нынешнее политическое состояние, вместе с глубоким раздражением противу коварной английской политики, заставляет многих старательно вдумываться в изыскание средств к нанесению вреда государству, которое, по своему положению, так недоступно для внешнего неприятеля.

Есть серьезные люди, специалисты минного дела, которые останавливаются на мысли о применении к военному делу воздухоплавательных снарядов. Эту задачу, по мнению их, весьма возможно разрешить, но необходимо приняться за дело серьезно, с помощью научного исследования, и притом как можно скорее, чтобы предупредить Англию в разрешении той же задачи: нам могло бы дать громадную силу нравственную то обстоятельство, что первый воздушный корабль поднялся именно у нас, а не в Англии.

Начальник минной части в Кронштадте сошелся по этому вопросу с известным профессором здешнего университета Менделеевым, который давно занимается этим предметом, знаком со всею его литературой и убежден в разрешимости на практике задачи воздухоплавания. В прилагаемом письме изложен взгляд Менделеева на этот предмет, которому он обещает посвятить себя во время пребывания за границей, если получит на то средства. Всего по расчету его, требуется около 12.000 р. серебром.

Библиотека "Руниверс"

Предложение это принято, как я слышу, сочувственно в морском министерстве, но там, для составления нужной суммы, предположено привлечь к участию в деле военное министерство и м-во народного просвещения. Вследствие того заведена переписка между этими ведомствами. К сожалению, всякая переписка у нас длится годами, а Менделеев уже в августе сбирается выехать за границу.

Может быть, ваше высочество изволили уже слышать об этом деле; но я, узнав о нем только сегодня от одного из главных деятелей, счел не лишним сообщить вам о нем.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 15 июля 1878.

15 июля.

В дополнение к вчерашнему письму спешу прибавить, что сию минуту был у меня Баранов из Кронштадта и передал от генерал-адмирала желание его высочества, чтобы члены комитета находились на пароходе „Россия". Из слов генерал-адмирала можно было заключить, что и государь император предупрежден об этом. Итак, члены комитета поедут, если от вашего высочества не будет противоположного приказания.

К. Победоносцев.

89.

Ваше императорское высочество.

Сегодня утром, по краткости времени не удалось вполне объясниться. Спешу теперь заявить вашему высочеству о нижеследующем.

1. Вы изволили выразить желание, чтобы четвертое судно, имеющее прибыть на-днях, называлось „Кронштадтом". Это приказание принято будет в исполнение в свое время, а между тем долгом почитаю доложить, что по этому предмету у нас были толки; многие замечают: не лучше ли было бы для нового судна выбрать название одного из городов, сделавших наиболее значительные пожертвовании. На-

Библиотека "Руниверс"

зывают, например, Нижний-Новгород, откуда происходит сильный приток пожертвований. Для города это было бы весьма лестно. Теперь там ярмарка. И если бы послать туда телеграмму о том, что судно названо по выбору вашего высочества именем Нижнего, конечно, это возбудило бы новый прилив усердия к делу. На этих днях будет представляться к вашему высочеству депутация от нижегородских граждан,— и ей прямо можно бы объявить то же самое. Нижний-Новгород—и центр внутренней торговли, и историческое имя из великой эпохи. Не благоугодно ли будет рассудить об этом, и если изволите притти к иному решению,—я буду ожидать приказания.

2. Для замещения Баранова на „России" вы изволили остановиться на имени Балка. Четвертое же имеющее притти судно предназначено для Дубасова. Последний налицо. Балк же еще в отсутствии. Итак, если командование тем или другим судном равнозначительно, то мог бы и Дубасов немедленно вступить на „Россию", а тогда Балк получил бы четвертое судно. Если эта комбинация не одобряется вашим высочеством, не угодно ли дать знать мне.

3. Весьма важен вопрос,—под каким именем пойдут наши суда. Признаюсь, что я не могу войти в мысль генерал-адмирала о передаче наших судов на имя Черноморского общества, либо на имя какой-либо торгующей фирмы. Эта передача имеет в себе нечто весьма неловкое и притом крайне усложняет операцию. Для судов нужны документы из таможни, и эти документы могут быть выданы прямо на имя комитета Добровольного коммерческого флота. Я не вижу в этом ни препятствия, ни серьезных затруднений в плавании. Вопрос этот весьма важен, и я надеюсь решить его в совещании членов комитета, которых приглашаю для этого в понедельник в Галерную, о результате буду иметь честь донести вашему высочеству немедленно.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петербург. 22 июля 1878 г.

Библиотека "Руниверс"

90.

Ваше императорское высочество.

Имею честь представить при сем проект письма к Тотлебену. Оно написано в официальном тоне; еслиб вам угодно было дать ему менее официальный вид, может быть, изволите что-нибудь изменить или прибавить. На всякий случай, прилагаю проект телеграммы, еслиб вам угодно было предварить Тотлебена о том, что к нему посылается письмо, которое дойдет не так скоро.

Письмо к Аркасу сложнее: я еще обдумываю, по совещанию с Барановым, подробности и надеюсь представить его вашему высочеству после завтра. Это письмо повезет, по всей вероятности, молодой офицер Фредерикс, который едет в Николаев по распоряжению морского министерства.

Сегодня сказывал мне Баранов, со слов С. С. Лесовского, что государь император изволил еще раз спрашивать, скоро ли суда выйдут. Баранов отвечает, что „Россия" может отправиться в путь через четыре дня, затем через два дня „Москва", и еще через три дня — „Петербург". Помниться мне, ваше высочество изъявляли желание присутствовать при отходе судов. Это было бы очень желательно, и тут же могли бы представиться вашему высочеству те офицеры, которые теперь сходят с судов, отслужив короткую на них службу под военным флагом.

О четвертом судне нет еще ответа. На случай, если б оно оказалось вполне годным и по скорости, и можно было бы взять его, есть предположение направить его, во избежание лишних издержек, из Эдинбурга прямо в Стефано, где уже можно принять меры к его снаряжению и укомплектованию командой.

Между тем довольно хлопот по снаряжению трех судов; надеюсь, что все к сроку окончится. О потребных расходах было длинное совещание у К. Н. Просьета, и составлен о том журнал, который не замедлю представить на усмотрение вашего высочества. В выдаче судовых бумаг, надеюсь, не встре-

Библиотека "Руниверс"

тится затруднений. Вчера я объяснился об этом с С. А. Грейгом; завтра Н. А. Ермаков представит ему официальный доклад. Можно надеяться, что нас освободят и от взыскания в русских портах ластовых пошлин.

Баранова я всячески уговаривал сегодня, чтоб он не придавал чрезмерного значения полемике журнальной, возбужденной Рождественским. Всем беспристрастным людям очевидно, что дело это поднято из-за мелких побуждений, и спор идет более о словах, нежели о существе дела. Сегодня же кстати появилась об этом очень спокойная и разумная статья какого-то старого моряка в „Голосе“. Прилагаю при сем эту статейку.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 26 июля 1878.

91.

Ваше императорское высочество.

Я представлял на благоусмотрение вашего высочества формулу высочайшего повеления по вашему докладу. В ней не содержится, как я думаю, ничего нового, что не содержалось бы по существу дела в первоначальном высочайшем разрешении на открытие комитета. Если б вы усомнились скрепить теперь же высочайшее повеление в этом смысле, то могли бы представить на благоусмотрение его величества это самое письменное изложение. В том или в другом случае ваше высочество могли бы на этой бумаге надписать сверху: 11 апреля сего года по всеподданнейшему докладу моему государь император высочайше повелеть соизволил; а внизу: цесаревич Александр.

Такая формула представлялась мне нужною с двоякою целью.

1. В ней прямо сказано, что комитету представляется приобретать суда. Это послужило бы ответом на запросы,

Библиотека "Руниверс"

которые слышатся теперь из чиновного мира,—я слышал их и от генерал-адмирала: кто вы? Есть ли у вас юридическая личность? Почему вы имеете право считать суда принадлежностью вашего комитета? С этими запросами я встречался при ходатайстве о выдаче судовых документов на плавание под коммерческим флагом. Надеюсь, что документы эти будут выданы и затруднения устранены на основании личного моего свидетельства о том, что приобретение судов разрешено комитету, и на основании очевидных фактов осмотра этих судов государем императором. Итак, еслиб ваше высочество находили для себя затруднительным утверждение этой формулы, была бы, надеюсь, возможность на сей раз и без нее обойтись.

2. Но есть и другая причина. Вы изволили передать мне записку от 11 апреля с изложением, в 10 пунктах, главных основ, которыми комиссия должна руководствоваться в своих действиях. Тут сказано, между прочим, и о том, что заводятся покупкою или постройкою суда-крейсеры. Записка вами подписана, а наверху ваша подпись карандашом: „Эта записка была подана мною государю императору в начале нашего дела". Пожалуй, что и эту записку с вашими надписями можно было бы истолковать в смысле высочайшего повеления об утверждении всех 10 основ, которое в ней испрашивается. Но такого именно истолкования я и желал бы избежать в видах ограждения вашего. В числе этих 10 пунктов есть предположения слишком общие или даже фантастические и неисполнимые. Осторожнее было бы не считать их высочайше утвержденными по вашему докладу. Так, например, здесь сказано, что составляется устав торгового океанского общества,—предмет самый скользкий в этом деле. Вы и сами не раз объяснили невозможность нравственную, чтобы под именем вашим и покровительством организовывалось торговое предприятие; кроме того, это предмет требующий соображения с видами министерства финансов, и невозможно допустить по этому предмету, чтоб возникло недоразумение или столкновение у вас с м-вом финансов, не имевшим в виду этого доклада.

Библиотека "Руниверс"

Спешу обо всем этом доложить вам в ответ на записку, которую имел честь получить сегодня.

Вашего и мператорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Пэтербург. 28 июля 1878.

92.

Ваше императорское высочество.

Только что я вернулся сегодня с „Царевны", как приехал Баранов и сообщил мне некоторые сведения, которые долгом считаю передать вам немедленно в виду того, что, может быть, вам угодно будет вскоре доложить государю императору о командировке Баранова. Благоволите при этом иметь в виду, что сегодня, проездом на „Александрии", Лесовский докладывал его величеству об истории Рождественского, и государь император изволил приказать назначить немедленно суд. Это обстоятельство может иметь влияние и на решение вопроса о командировке Баранова.

Чтó ваше высочество изволил слышать от капитана над портом, относится по всей вероятности к „России", а не к „Москве", которая должна была итти первою.

Известно ли еще вашему высочеству, что сегодня, уже в отсутствие ваше, смотр кончился очень неблагополучно. Перед глазами государя мина была взорвана так неловко, что одного человека разорвало на куски, а трех изувечило. Его величество остался очень недоволен и уехал с дурным впечатлением. А притом тут же получена была телеграмма, что в Очакове взорвало миноноску и тоже погибло несколько человек.

Проект письма к Аркасу все еще не посылаю вашему высочеству: окончательная редакция его будет зависеть от того, как решится вопрос о командировке Баранова, которую все-таки желательно было бы устроить.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 31 июля 1878.

Библиотека "Руниверс"

93.

Ваше императорское высочество.

Вчера имел честь докладывать вам, что за неразрешением вопроса о посылке Баранова необходимо поспешить посылкою письма к Аркасу. Спешу представить вашему высочеству проект этого письма, мною редактированный.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 4 августа 1878.

Сейчас узнал, что Баранова позвали сегодня, к 11 часам утра, в морской суд, который, стало быть, начался уже или скоро начнется.

Из Кронштадта получена телеграмма, что „Москва" вышла сегодня, в 4 часа утра.

Если ваше высочество изволите выехать сегодня вечером на „Царевну", как предпологается (погода до сих пор хорошая и на море нет волнения), то благоволите приказать, чтоб меня уведомили в Петергоф.

94.

Ваше императорское высочество.

Вчера я телеграфировал вам, что пароход „Россия" и „Петербург" вошли в Гавр 11 числа, совершив переход благополучно в 146 часов.

Между тем, в ожидании прихода судов в Сан-Стефано, необходимо сделать распоряжение на месте. От Аркаса нет еще отзыва или уведомления. Вслед за письмом вашего высочества я писал ему от себя о подробностях дела. Но и за всем тем нужно, кажется, командировать на место надежного и деятельного человека, знакомого с нашими делами, для личного объяснения с Аркасом и для наблюдения за делом по крайней мере до тех пор, пока операция пойдет в ход

Библиотека "Руниверс"

и установится. Баранову, к сожалению, нельзя ехать, и потому мы полагаем послать на место, прежде всего в Николаев, Вахтина, который заведывает у нас делопроизводством. Он человек живой, деятельный, и кроме его выбрать некого. Аркасу же, когда он возьмется за дело и известит нас, необходимо будет отпустить в распоряжение некоторую сумму денег, примерно до 100.000 рублей.

В комитете у нас до сих пор никто не получал содержания, но исполнительной части труда было много: бывали и горячие дни, когда приходилось работать и хлопотать с утра до ночи. Теперь, когда о военных действиях нет помину, и предпринята операция, соединенная с расчетом на приращение нашего капитала, трудно требовать от людей, не имеющих своих средств, чтоб они работали даром, но неудобно было бы и создавать должности, соединенные с окладами. В виду этого на совете у нас предположено впредь до окончания операции перевозки войск производить нашему делопроизводителю на содержание по 300 рублей в месяц, да двум его помощникам по 50 рублей, и сверх того в вознаграждение помощника бухгалтера 100 рублей. Главным же бухгалтером у нас Дехтерев из морского министерства; он привел эту часть в порядок и надзирает за нею без всякого вознаграждения.

О „Саксонии“ получено письменное известие, что она вышла из Эдинбурга в прошлую среду; по расчету должна быть в Сан-Стефано около 25 числа. Везет груз—1.900 тонн угля. Завтра или после завтра едет туда для принятия судна и назначенный командир кап.-лейт. Балк.

О „Москве“ нет еще сведений после телеграммы из Эльсинора: это и не удивительно, потому что Крускопф намерен был зайти в одну Мессину.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 13 августа 1878.

Библиотека "Руниверс"

95.

Ваше императорское высочество.

Я заходил, чтобы представить вам прилагаемые при сем бумаги:

1. Выписку из полученных вчера донесений Дубасова и Сиденснера о плавании судов.

2. Отчет об оборотах денежных сумм комитета.

3. Ответ археологической комиссии с оценкою древних вещей, пожертвованных Верховичем. Может быть, вашему высочеству угодно будет удержать некоторые из вещей или монет по этой оценке для себя.

Вчера я был на заседании нашей технической комиссии, продолжавшемся с 8 часов вечера до $11^1/_2$. Я боялся, что оно будет утомительно и скучно для меня, но, к счастью, ошибся в ожидании. Заседание было очень интересно, потому что сидели подлинно живые лица, говорившие о деле, близко известном каждому. Приятно было их слушать. Почтенный старик Дмитриев очень мне понравился,—каждое слово его дельное и разумное. Хорошо говорили адм. И. И. Бутаков и молодой, способный, живой командир „Чародейки“ Валицкий. Они вели часа полтора оживленный спор о значении паруса на паровом судне. Это заседание оставило во мне очень приятное впечатление.

В конце-концов, положено задать бывшим тут и другим заводчикам тему для разработки чертежей предполагаемого судна. Этим осуществится мысль о конкурсе, заявленная и вашим высочеством программа, главные черты коей указаны во вчерашнем заседании, разрабатывается еще Барановым и представлена будет, особливо по части артиллерии, на обсуждение нескольких специалистов (Бутаков, Брылкин, Валицкий, Попов) под председательством Шварца. Они соберутся в пятницу, в 2 часа. Я буду еще иметь честь завтра представить набросанную программу вашему высочеству.

Библиотека "Руниверс"

Сегодня вижу, что вы кушаете позже обыкновенного и потому не решаюсь беспокоить вас лично.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

Александрия. 22 августа 1878 г.

96.

Спешу донести вашему императорскому высочеству, что „Россия“ пришла в Сан-Стефано в ночь на 1 сентября, о чем только что получена телеграмма от Вахтина. Признаюсь, что это замедление в пути, при долговременном молчании Дубасова, немало меня беспокоит. Дубасов только телеграфировал из Неаполя, что весь кредит его исчерпан и что ему надобно еще 15.000 рублей, а Вахтин просит теперь перевесть эту сумму безотлагательно. Это дает повод опасаться, не было ли какого-нибудь приключения с „Россией“.

Крускопфа ждут уже сегодня обратно в С.-Стефано.

К. Победоносцев.

Петергоф. 2 сентября 1878

97.

По случаю завтрашнего приезда Каханова почитаю не лишним припомнить вашему высочеству, что Каханов был вице-губернатором в Ярославле, во время вашего проезда через Ярославль, потом был губернатором во Пскове, откуда поступил на нынешнюю свою должность в комитете министров. Я считаю его не только умным, но и дельным человеком, то-есть таким, который не только рассуждает, но и действует с уменьем и тактом. По нашему комитету он был весьма полезен, заведуя всею хозяйственною частью, которая требовала особенно тщательной организации. Притом он человек с совершенно незапятнанной репутацией и самого благородного образа мыслей.

К. Победоносцев.

5 сентября 1878.

Библиотека "Руниверс"

98.

Сегодня, утром, послал к вашему высочеству телеграмму о движении пароходов, а затем получена от Вахтина телеграмма, что сегодня, утром, пришел в Одессу „Петербург", в полдень уходит обратно „Россия". „Нижний-Новгород" готов к отплытию, только необходимо прежде получить в Одессе уведомление об уплате денег по условию. Надеюсь, что завтра деньги будут переведены в Гамбург на имя Годефруа.

Сегодня я виделся с ген. Анненковым, который обещает, что нашим судам предоставлена будет перевозка оккупационного корпуса и кавказских войск. По словам его, работы будет достаточно месяца на три.

На случай, когда бы вашему высочеству показалось любопытно ознакомиться с подробностями, прилагаю полученное сегодня письмо Вахтина.

В дополнение к мнению Брылкина прилагаю полученную мною сегодня по почте из Павловска записку неизвестного лица; она показалась мне толковою запиской.

К. Победоносцев.

Петергоф. 6 сентября 1878.

99.

Ваше императорское высочество.

Имею честь представить продолжение таблицы о плавании судов. Между всеми отличается исправностью „Москва", как изволите увидеть из сравнения. Нельзя не благодарить за это Крускопфа. Он и уведомляет нас аккуратно о всех своих движениях: сегодня мы уже знаем, что он вышел из Севастополя в Бургас. А о „Петербурге" и „России" с 11 числа не имеем сведений.

По последним известиям, три парохода заработали уже до 100.000 рублей, и на эту сумму имеются квитанции, по которым деньги будут получаемы здесь, в Петербурге.

Библиотека "Руниверс"

Кажется, в военном министерстве теперь сильно заняты соображениями о передвижении войск, и Анненков говорит об этом предмете с некоторою таинственностью. Кажется, здесь очень благосклонно относятся к нашим судам; Анненков уверяет, что им будет работа до весны. Кажется, предполагается вскоре перевозка войск с кавказского берега в Батум.

На месте хлопот немало по случаю перевозки и соединенных с нею операций и заготовлений. Хотя главные правители Черноморского общества выражают самую любезную готовность, но подчиненные агенты, кажется, прижимают наши пароходы и дерут большие цены. Так можно думать по отрывочным сведениям. Сегодня Вахтин выезжает из Одессы и должен приехать сюда в среду. Мы ждем его приезда, который разъяснит подробности дела и укажет, какие следует принять меры. Как только он приедет, в четверг соберет заседание в хозяйственном отделении. Главным предметом будет установление нормальных условий с военным министерством,—чем просит ускорить Анненков, в виду предстоящей работы по перевозке. Рассмотрением этого предмета и расчетами занимается уже несколько дней малая коммисия под председ. Качалова.

В этом же заседании будет обсуждаться предложение морского министерства относительно перевозки хлеба во Владивосток. Кажется, затруднительно будет принять его, потому что операция соединяется у них с п о с т а в к о ю хлеба. Прилагаю подлинную бумагу, полученную мною от С. С. Лесовского, с копиею моего ответа.

Не угодно ли будет взглянуть еще на другую бумагу, тоже от Лесовского, и на копию моего ответа. Полагаю, что эта бумага Лесовского вызвана была желанием заявить деятельность морского министерства по вооружению судов—на всякий случай. До меня доходили неясные слухи (может быть, и сплетни), будто государь император наши суда выставлял попреком операции Семечкина: если было что-нибудь подобное, немудрено что морское министерство желает заявить свою деятельность.

Сам хотел явиться завтра с этими бумагами к вашему высочеству, но чувствую себя несовсем здорово. У нас, в гос.

Библиотека "Руниверс"

совете, первое общее собрание будет 25 сентября, под пред. Урусова. Настоящий председатель вернется только ко второму заседанию 2 октября, а дела на это число велел прислать к себе в Берлин.

Прилагаю еще № „Московских Ведомостей“. Здесь ваше высочество изволите найти прекрасную проповедь архиерея Амвросия (Ключарева), сказанную на 40-дневном поминовении Мезенцева в Москве.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 17 сент. 1878.

100.

Сегодня получены сведения о четвертом купленном в Англии судне „Нижний-Новгород“, не совсем утешительные. Оно крайне запущено было в плавании до Одессы небрежными механиками и оказалось, в разных частях машины и в котлах, с повреждениями. Аркас, осмотрев его вчера совместно со специалистами-механиками, признал необходимым сделать в нем нужные исправления, для чего, по его соображению, потребуется около месяца. Вахтин, видевший судно, удостоверяет, что во всем остальном оно совершенно исправно, и корпус его очень солиден, так что в общем итоге и с исправлениями цена его недорогая. За всем тем крайне неприятно, что судно, только что пришедшее в порт, должно ждать исправлений и не может вскоре начать свои рейсы. Завтра будет по этому предмету доклад у Посьета в военно-морском отделении.

„Россия“ вчера, 20 числа, вечером, ушла из Одессы в Батум.

К. Победоносцев.

21 сентября 1878.

101.

Вот сведения о дальнейшем движении судов:

„Москва“ 21 числа пришла в Одессу пустая за углем. Аркас пишет, что с удовольствием осмотрел ее в Одессе

Библиотека "Руниверс"

и нашел в большем порядке. То обстоятельство, что она пришла пустая, сначала смутило нас, но Аркас прибавляет, что это произошло по случаю прекращения перевозки из Бургаса. 23 числа „Москва“ должна была выйти из Одессы с войсками.

„Россия“ 20 числа вышла из Одессы в Батум.

„Петербург“ 22 числа привез лошадей из Бургаса в Одессу, а 23-го ушел из Одессы в Бургас за лошадьми.

Третьего дня, в пятницу, было у нас в хозяйственном отделении заседание. Рассуждали о дальнейших условиях перевозки. По нынешним условиям с местным начальством, каждый рейс оплачивается в 11.600 рублей. Но перевозка из Мраморного моря кончилась, и дальнейшее направление ее зависит от военного министерства. Генерал Анненков очень к нам любезен и ни о каких судах, кроме наших, слышать не хочет. Он просил сговориться с ним об условиях, уверяя, что работа будет нашим судам в Черном море до весны. Мы рассуждали, что нам не следует гнаться за барышами, но необходимо покрыть все издержки, в числе коих немало и непредвиденных, и случайных. Всего удобнее было бы брать порейсовую плату, но если захотят взять суда помесячно, то нельзя, без риска, требовать менее 40—45 тысяч за каждый пароход в месяц. По отзыву Анненкова, цена 45.000 очень выгодна для военного министерства. Анненков уезжает сегодня в Ливадию для объяснения с военным министром о передвижении войск.

Вахтин, вероятно, уедет на-днях обратно в Одессу. Его присутствие там необходимо, ибо некем заменить его. Временно там агентом нашим морской офицер Кнорринг. Вообще необходимо принять меры к правильной организации дела, особливо на случай отъезда Аркаса, а слышно, что он по нездоровью уезжает на несколько месяцев в отпуск около 15 октября. Говорят также, что Дубасов останется недолго и хочет приехать сюда к георгиевскому празднику,—необходимо и его заменить. Об этом будем иметь на этой неделе совещание у Посьета. Следовало бы непременно командировать в Одессу Баранова для личного осмотра и для личного объяснения

Библиотека "Руниверс"

с Аркасом. К сожалению, Баранов в эти дни заболел и с трудом выезжает из дому,—авось, скоро поправится.

Предложение морского министерства о перевозке провианта во Владивосток мы отклонили. Причина очевидная. Нельзя комитету входить в условия на несколько лет, когда существование самого комитета временное.

О деле Добровольного флота и о действиях комитета составлен теперь, под руководством М. С. Каханова, краткий отчет, который предполагается опубликовать в общее сведение. Перед тем буду иметь честь представить его на усмотрение вашего высочества.

К. Победоносцев.

24 сентября 1878.

102.

В начале недели я имел честь представить вашему высочеству проект отчета, который предполагалось опубликовать в общее сведение. В прошлую среду мы имели заседание для рассмотрения этого отчета. Тут были: Каханов, Ермаков, Качалов, Ламанский, Копытов, гр. Бобринский. Сидели долго, проверяя тщательно редакцию, которая теперь окончательно установлена. Затем, по переписке, один экземпляр отослан будет в „Правительственный Вестник", другой—в Москву, для напечатаний. Говорят, что сегодня, вечером, ваше высочество изволите возвращаться в Петергоф. Благоволите сообщить, если есть какие замечения по отчету.

Все мы признали нужным немедленно послать Вахтина обратно в Одессу, и он уезжает сегодня. Ему дана в общих чертах инструкция, определяющая его обязанности в подчинении Аркасу. Он должен служить на месте посредником между командирами и комитетом, исполнителем нужных распоряжений и уведомлять нас обо всем, что происходит. В особенности ожидаем от него и от Балка, что они подвинут работы по исправлению „Нижнего-Новгорода". Анненков около 10 октября должен быть в Одессе из Ливадии и поставит Вахтина в известность о видах на дальнейшее движение войск.

К величайшему моему огорчению, Баранов занемог серьезно. Этот человек, весь составленный из нервов, не мог

Библиотека "Руниверс"

выдержать напряжения, так долго продолжавшегося, а притом простудился, да к этому присоединилась еще боль в голове вследствие контузии. Доктор говорит, что у него воспаление в обоих легких, и опасается нарыва. Он требует от него покинуть на время дела и всякие объяснения с приходящими к нему людьми, но до сих пор нельзя было уговорить его, а у него лихорадка, голосу не хватает и сил совсем нет. Сегодня я уже распорядился, чтоб к нему не носили телеграмм и пакетов. Болезнь Баранова—большая помеха делу. Авось либо, однако же ему станет лучше.

В Одессу назначен новый градоначальник—Гейнц. Об нем говорят как об очень способном, но мало надежном в нравственном отношении. Хорошо во всяком случае, если он способен. Я надеюсь на-днях увидеться с ним и попросить тоже о содействии нашему делу в Одессе.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 29 сентября 1878.

103.

Аркас пишет от 23 сентября, что он распорядился произвесть немедленно в мастерских Черноморского общества исправления на пароходе „Нижний-Новгород", которые оказались значительны. По расчету его, это исправление продлится около двух месяцев и будет стоить недешево. Между тем, для сокращения расходов, он сократит команду, оставив лишь командира, старшего офицера, ревизора, 3 механиков, 14 человек команды и 20 машинистов, а остальную команду зачислит в состав Черноморского флота.

Это обстоятельство очень неприятно. Вахтину, уехавшему отсюда в пятницу, поручено всячески ускоривать работы, о том же я писал Аркасу, по предварительном совещании с К. Н. Посьетом и с Кахановым.

Между тем три остальные парохода продолжают плавание. От Аркаса доставлены полученные им квитанции на сумму около 120.000 р. серебр. Перевозка войск была на некоторое

Библиотека "Руниверс"

время приостановлена, но вскоре возобновится в усиленном размере. Нам доставлено из главного штаба расписание о перевозке команд и лошадей в Бургас с 10 по 26 октября в количестве до 22.000. Ожидаем теперь известий от Вахтина, который сегодня должен быть в Николаеве, о видах на перевозку. Необходимо теперь поддерживать эту операцию сколько возможно. А затем полагаю, что надобно подготовлять исподволь ликвидацию нашего дела. Всего важнее определить заранее взгляд морского ведомства; расположено ли будет оно к приобретению наших судов, которые могут быть очень для него полезны. Мое намерение—войти об этом, частно и под рукой, в предварительные объяснения с главными деятелями морского ведомства, т.-е. с Таубе, с Пещуровым и т. п. Очевидно, что от них зависит расположить и генерал-адмирала к тому или другому решению.

К великому сожалению моему, Баранов все еще болен и даже нельзя сказать с достоверностью, когда он поправится. Хотя по наружности он и устранился покуда от дел, но обо всем разузнает и волнуется.

По переезде вашем в Царское Село буду иметь честь лично явиться на-днях к вашему высочеству.

К. Победоносцев.

3 октября 1878.

104.

Имею честь представить вашему высочеству записку о приобретении за границей парохода „Нижний-Новгород". Она составлена по имеющимся у нас подлинным документам. Из нее видно, что пароход при осмотре техниками на месте оказался в совершенно исправном состоянии. Тем более удивительно, как могли оказаться в нем такие повреждения по приходе в Одессу. Впрочем, надобно сказать, что из числа повреждений, удостоверенных в Одессе комиссией Аркаса, есть 3—4 важных, и важнее всего повреждение в цилиндре. Остальные же принадлежат к числу не столь важных, обыкновенно случающихся в пути.

Библиотека "Руниверс"

Это дело весьма занимает меня, и я всячески стараюсь его исследовать. Из расспросов могу заключить, что парохода ожидали в Одессе с преувеличенными, может быть, представлениями об его совершенствах, а когда увидели его запущенным, в неисправном состоянии, то родилось, может быть, преувеличенное представление о его неисправностях. Он стоял 8 дней под английским флагом, и в течение этого времени между русской командой, ездившей смотреть пароход, и между английским шкипером произошло сильное раздражение, доходившее до ссор и злобы. Не знаю, кто в этом виноват, но немудрено, что в это время и сами англичане из злобы кое-что попортили.

Из полученных на-днях телеграмм видно, что в последнее время все три парохода стояли без дела за остановкой перевозки. С 10 числа она должна возобновиться. От 5 октября Вахтин пишет: „Завтра подписываю по указанию главного штаба условие на 11 рейсов в Бургас, почему вызвал „Петербург“, который пришел сегодня в Одессу“ (из Севастополя). „Москва“ и „Россия“ тоже в Одессе.

На-днях ожидаем письменных подробных известий с командиром „Петербурга“ Сиденснером, который (вчера) выехал в отпуск. Без сомнения, его заменили на „Петербурге“—не знаю кем именно: всего вероятнее, Балком, который теперь без дела.

Завтра, в воскресенье, собираюсь ехать по крайней своей надобности в Москву, всего на один день, так что в среду надеюсь вернуться.

Баранову, слава богу, лучше. Он уже много окреп против прежнего и надеется через несколько дней выехать. Два доктора решили, что надо увезть его, один сказал в Крым, другой—в Италию. Но как ни того, ни другого невозможно было выполнить, то третий доктор предпринял, не выезжая из Петербурга, поставить больного на ноги и, кажется, успевает.

К. Победоносцев.

7 октября 1878.

Библиотека "Руниверс"

105.

Не угодно ли вашему высочеству прочесть прилагаемую при сем весьма хорошо составленную записку, которую я получил на-днях из Севастополя.

Аркас пишет мне сегодня:

„Военное министерство нанимает три парохода, предоставляя нам право заменять одни другими. Помесячная плата определена 42 тысячи рублей за каждый пароход. Срок найма начинается со дня окончания пароходами рейсов, условленных последним контрактом с одесским военным округом, и прекращается по миновании в пароходах надобности“.

Между тем, на основании прежних условий, „Россия“ уже свезла войска в Бургас, откуда вышла обратно 14 числа и 15-го пришла в Одессу.

К. Победоносцев.

17 октября 1878.

106.

Имею честь представить вашему высочеству полученное мной вчера письмо Аркаса в ответ на мое письмо, в котором я просил его выразить откровенно его мнение о „Нижнем-Новгороде“ и об общей стоимости предположенных исправлений.

Любопытным объяснением к этому делу служит корреспонденция из Одессы в прилагаемом номере газеты „Яхта“.

В записке Ильина, которую я представлял вашему высочеству, затронут совершенно живой и современный вопрос о заброшенных нами портах Тихого океана, которые в эту минуту приобретают все больше и больше политического для нас значения. Много говорят: дай-то боже, чтобы дело Добровольного флота послужило поводом вспомнить об этих местах и приняться за них. Вот письмо, полученное мной сегодня от нашего почтенного члена бар. Остен-Сакена, которому я сообщал помянутую записку. Ему и места эти знакомы, и дороги забытые интересы России и русского флота.

Библиотека "Руниверс"

В нашем деле происходит теперь дипломатическое сообщение с морским ведомством. Для вас, конечно, не тайна, что ген.-адмирал смотрит на Добровольный флот очень ревниво и подозрительно, и это чувство, конечно, распространяется на все ведомство. Очевидно, им овладевает болезненное опасение какого-то скрытого вмешательства в дело морского ведомства со стороны вашего высочества и всех нас. Между тем, по некоторым признакам можно судить, что у них составляется план какого-то крейсерского флота в большом размере, и они смотрят ревниво, как отнесется к этому Добровольный флот. В таком расположении признаки не обманывают,—может быть, явилась бы и возможность соглашения. Итак, в эти дни происходят между бар. Таубе и Барановым осторожные рекогносцировки для опознания местности и взаимного расположения сил. Что выяснится, о том не замедлю довести до сведения вашего высочества. В четверг поутру назначено у Посьета совещание о крейсерских типах, к которому приглашен и Таубе.

Интересную записку Стекля я получил и не замедлю сообщить ее кому следует.

Письмо это доставляется мною самим; сегодня я обедаю в Ц. Селе у Тютчевой (Средняя ул., № 10) и останусь до 8 ч. вечера. Еслиб вашему высочеству потребовалось сообщить что̀ или спросить, благоволите послать за мной.

К. Победоносцев.

22 окт. 1878.

107.

Представляемая при сем литографированная записка о берлинском мире писана Б. Н. Чичериным. Он желает довести ее до сведения вашего высочества. Считаю нужным прибавить от себя, что хотя многое в этой записке справедливо, но вся она мне не нравится, и мне, равно как и многим другим, даже неприятно было читать ее. Душа не принимает. При всем моем уважении к Чичерину, я не разделяю многих его взглядов, и есть предметы, в которых никогда

Библиотека "Руниверс"

не могу с ним сговориться. Никак не могу согласиться и с тем, чтобы в последней войне права была одна только наша дипломатия.

Прилагаю еще № газеты „Яхта“. Помещенная здесь статья о Добровольном флоте писана Дубасовым.

Последние телеграммы из Одессы от 26 и 27 октября: „Москва“ пришла в Одессу 25 числа, в 9 ч. вечера из Бургаса, а 27, утром, ушла из Одессы в Бургас. „Россия“ ушла в Бургас 26-го утром, а „Петербург“ 27-го, в 3 часа пополудни. 29 числа „Россия“ и „Москва“ вернулись в Одессу.

К. Победоносцев.

29 окт. 1878.

108.

Ваше императорское высочество.

Только сегодня успел я видеть на досуге генерал-адмирала, так как он проводил первую половину недели в Кронштадте на проводах „Минина“.

Я пробыл у него слишком час и имел пространное объяснение. Великий князь был очень любезен и не показал ни малейшего неудовольствия или раздражения.

Я начал с того, что объяснил ему ход и положение дела, приводя к той мысли, что цели Добровольного флота и морского ведомства в сущности сходятся, и что ваше высочество не теряли этого из виду с самого начала. На этом объяснении вел. князь старался только дать мне понять, что мысль о преобретении судов-крейсеров родилась и приведена в действне в морском министерстве сама собой и раньше, чем началось движение в пользу Добровольного флота.

Я старался выяснить, что главная цель пожертвований— приготовление судов для военного действия, а все, что предполагалось для мирного времени, имеет в виду только сохранить эти суда и употребить их на плавание, чтобы они были готовы и исправны на случай военной нужды. Стало быть, если морское ведомство может употребить их в мир-

Библиотека "Руниверс"

ное время для океанского плавания, то ничто не препятствовало бы предоставить их морскому ведомству. Тут я коснулся вопросов об отдаленных портах наших на Восточном океане, сославшись на то, что жертвователи в отдельных записках и в печати указывают на этот предмет. Изъявляют отовсюду желание, чтобы между великою Россией и этими портами установилось правильное сообщение по большой океанской дороге. Чего бы лучше для наших судов,— а теперь морское ведомство снабжает эти порта провиантом и военными запасами посредством подрядчиков.

Тут великий князь перебил меня и стал рассуждать долго на свою любимую тему, по моему мнению, совсем неверную: что со времени освобождения крестьян обнаружилось будто бы повсюду невыгода всяких казенных хозяйственных операций. Он говорил про заводы, которые закрывало у себя министерство финансов, про уничтожение лесничих, казенной заготовки строевых лесов и многое в том же роде. Вот потому-де и морское министерство приняло за правило не перевозить грузов на своих судах и своими средствами, и от этого правила не намерено отступать. Притом коммерческую службу судов нельзя соединять и смешивать с военною.

Я не стал опровергать его в этом и ответил ему только, что, по всей вероятности, я неясно выразился, и он не совсем меня понял. Я имел в виду не одну только хозяйственную сторону дела и не одну перевозку грузов. Очень может быть, что морскому ведомству выгоднее перевозить грузы через подрядчиков, чем на своих судах. Но бывают интересы государственные, ради коих выгодно государству затрачивать деньги и терпеть дефициты в экономических расчетах. Может быть, и в этом случае есть важный интерес, ради коего необходимо установить постоянное плавание судов к отдаленным портам нашим, чтоб оживить их и поддержать живое с ними общение прочих частей империи, и т. под.

На это великий князь, не давая прямого ответа, стал говорить, что сообщение с тамошними портами поддержи-

Библиотека "Руниверс"

вается по мере возможности, и стал объяснять расположение постоянного плавания наших судов в океане посредством 4-х эскадр (в каждой 3 судна), так что в данную минуту одна из эскадр находится на этих морях, а другая готова ей на смену: что в течение его управления это плавание никогда не прекращалось,—лишь несколько годов, по недостатку финансовых средств, отправлялось одно только судно вместо трех; и что эти суда заходят всякий раз непременно и в русские порты.

Затем разговор перешел на крейсеров, которых морское ведомство приобретает в Америке. По словам великого князя, морское ведомство рассчитывает со временем на умножение своего крейсерского флота новыми судами. Наши суда,—говорил я,—предназначены тоже для крейсерской службы. Итак, почему бы им не служить в морском ведомстве для той же цели, лишь бы они в мирное время не стояли, а плавали.

Вел. князь стал говорить, что наши суда могут прекрасно служить для перевозки войск в качестве так называемых troop-shins.

На это я возразил, что перевозка войск не составляет постоянного плавания и не касается океанских вод. Эта операция случайная,—в течение целого года она может не потребоваться, и тогда суда будут стоять без движения. Почему бы им не участвовать в постоянном дальнем плавании?

Но эти суда,—заметил генерал-адмирал,—не имеют крейсерского типа. Назначение их грузовое и конструкция грузовая, а нам не приходится перевозить грузы.

Я возразил: что такое настоящий крейсерский тип пригодный для нас,—это едва ли еще решенный вопрос. Новые суда крейсерского типа, построенные в Англии, еще не испробованы, и притом так дороги, что нам невозможно брать их за образец с нашими средствами.

Разговор наш кончился следующим. Я сказал генерал-адмиралу, что цель моего объяснения не кончить дело сразу, но заявить ему мысль, которая может привесть к доброму

Библиотека "Руниверс"

результату. Цель предприятия нашего была бы достигнута и намерение жертвователей могло бы считаться удовлетворенным, когда б было удостоверение в том, что морское ведомство будет в мирное время употреблять сданные ему суда для дальнего плавания. Я просил вел. князя обсудить эту мысль внимательно, для чего и представил ему записку, уже известную вашему высочеству. Он принял ее очень любезно и охотно, спросил предварительно, известна ли она вам. Я сказал, что она читана и одобрена вашим высочеством.

На этом пока дело остановилось. Теперь буду ожидать, чем отзовется генерал-адмирал.

Ваше высочество изволили видеть из газетных телеграмм, что 1 ноября „Россия" ушла в Бургас, взяв груз 16 миллионов монеты для военных потребностей. Дай бог ей притти благополучно; известия о приходе еще не имеем. Время не тихое в море, и потому нетерпеливо ждем этого известия.

От Аркаса пришла телеграмма сегодня. Он пишет, что уезжает за границу в воскресенье, совсем больной, сделав все нужные распоряжения относительно наших судов. „Нижний-Новгород" отведен уже в Николаев, согласно прежнему предположению.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

3 ноября 1878.

109.

Вчера, 6 ноября, собиралось хозяйственное отделение комитета рассуждать об угле, который необходимо заготовить для наших судов в Одессе, так как получаемый из складов Черноморского общества уголь обходится дорого, не дешевле 27 копеек, и им не совсем довольны. Из Одессы по разным причинам неудобно делать заказы угля. Поэтому предположено сделать заказы отсюда. На здешней бирже заявлено несколько предложеиий о доставке в Одессу лучшего кардифского

Библиотека "Руниверс"

угля по цене около 19 копеек за пуд. А нам требуется заготовить на первый раз от 4 до 5 тысяч тонн. Предоставлено Н. А. Качалову совокупно с Копытовым окончательно договориться с комиссионером и заключить условие.

Командиры наши до сих пор, слава богу, успешно плавают; но счетная часть их не в порядке, конечно, потому, что они не обращают на нее должного внимания, и коммерческое плавание—новое для них дело. Для комитета же очень важно иметь аккуратные счеты расходам. Командиры доставили нам через Аркаса отчетность за 2 месяца, но в таком неясном и неаккуратном виде, что, оказывается, необходимо нужно привесть ее в порядок. Невозможно сделать это по переписке. Итак, решено обратиться к г. Дехтереву, бухгалтеру морского ведомства, который оказал уже нам большую услугу содержанием в порядке счетной части по комитету, и просить его съездить на несколько времени в Одессу, чтобы, по непосредственном объяснении с командирами судов, направить и привести в порядок судовую отчетность. Г. Дехтерев поедет в половине следующей недели.

Около 18 ноября оканчивается порейсовое плавание наших судов по прежнему условию с военным ведомством. Предстоит войти с ним в новое соглашение, о чем генер.-л. Анненков условился уже с Вахтиным на месте. Военному ведомству желательно для своих удобств договориться с нами не за порейсовую, а за помесячную плату. Хотя порейсовая плата несколько выгоднее для нас, но и помесячная имеет свои выгоды; а так как мы хлопочем не из-за барышей, то и положено было в комитете согласиться на помесячный наем, выведя по расчету издержек помесячную плату за каждое судно от 42 до 45 тысяч рублей, на что охотно соглашается и военное ведомство. Это соглашение должно быть еще утверждено военным министром. Надеемся, что препятствия не будет, в чем удостоверил меня вчера Анненков, только что вернувшийся из своей поездки на юг.

Препятствие, впрочем, явилось, но устранено по расположению к нашему делу со стороны как Анненкова, так и военного министра.

Библиотека "Руниверс"

Хотя Черноморское общество, повидимому, любезно с нами, но в сущности весьма недовольно тем, (что) военное ведомство устранило его от монополии по перевозке войск и допустило наши суда к этой операции. Неудовольствие это выразилось в том, что Чихачев прислал военному министру записку, в которой горько жалуется на допущение к деятельности судов Добровольного флота и предлагает теперь, с своей стороны, сбавку противу прежних цен почти на половину,— суда же у него большею частью иностранные, зафрахтованные.

Записка эта, к счастию, не имела успеха. Суда Добровольного флота представляют, по удостоверению Анненкова, весьма для нас приятному, такие несомненные удобства для перевозки войск, которые дают им преимущество по крайней мере на 50%. Анненков говорит, что сам все осматривал и расспрашивал, и в виду удобства для войск не может нахвалиться нашими судами. Исправность рейсов—невиданная в Черном море: едва придут, как уже готовы к отплытию. Помещение удобное, и место есть, и воздух. Содержание прекрасное,—все очень довольны и пищею, и предупредительностью со стороны командиров. И, кроме того, справедливо говорит Анненков, что участие судов наших само по себе благодетельно и тем, что, возбудив конкуренцию, заставило другие компании так значительно понизить фрахтовые цены.

Итак, на записке Чихачева военный министр написал отказ, впрочем, и от Черноморского общества зафрахтовано много судов: работы и им довольно, тем более, что наши суда по размерам своим могут ходить не во все порты.

Надобно только посоветовать нашим командирам, чтобы ходили осторожнее, не налегая на скорость, лишь бы,—боже избави,—бед не случалось; до сих пор бог нас миловал. Слава богу, и деньги Дубасов довез благополучно, хоть мы и тревожились; тем более, что перевозка денежной казны была предпринята им на свой страх и не совсем в законном порядке.

От генерал-адмирала не слышно еще покуда никакого отзыва на представленную ему известную вашему высочеству записку.

Библиотека "Руниверс"

Один из наших чиновников отыскал на рынке прилагаемую при сем лубочную картинку: сбор на суда Добровольного флота. Ее можно присоединить к коллекции, которую собирал у себя в. к. Николай Александрович.

К. Победоносцев.

7 ноября 1878.

110.

Не угодно ли будет вашему высочеству прочесть прилагаемую записку. Она займет у вас немного времени, но весьма поучительна. Вы увидите из нея, к сожалению, какие вопиющие несправедливости могут совершаться под покровом закона и предержащих лиц. Население целого местечка подвергнуто было истязаниям и военной экзекуции за то, что отстаивало права на свою собственность, которую отхлопотал себе в пожалование местный губернатор. В свое время покрывали его и отстаивали и А. Л. Потапов, который в родстве с ним, и Валуев, и разные чины в министерствах, которые состоят на одинаких с Токаревым основаниях помещиками Минской губернии.

Но невозможно было погасить это дело. Оно уже слушалось однажды в комитете министров и возбудило сильное негодование во многих. Отложено было за справками и вновь будет слушаться во вторник на той или на следующей неделе. Записка эта составлена на основании документальных сведений.

К. Победоносцев.

8 ноября 1878.

111.

Сегодня подписаны графом Гейденом условия на перевозку войск на трех пароходах Добровольного флота. Сущность условий ваше высочество изволите усмотреть из телеграммы, отправленной к Вахтину, с коей копия прилагается.

Между тем с „Нижним-Новгородом“ все еще не кончились затруднения. Аркас предполагал отвесть его в Николаев для осмотра подводной части и потом, вернув в Одессу,

Библиотека "Руниверс"

привесть в готовность к 1 декабря. По отъезде Аркаса, когда привели буксир, оказалось, что он слабосилен; с другим буксиром повторилось то же, наконец, оказалось, что нет подходящего буксира. Тогда явилось два предположения: или один из наших пароходов должен отвесть „Нижний" в Очаков и привесть обратно; или—сам „Нижний", по исправлении машины,—что уже не требует много времени,—пойдет в Марсель и там на доках будет осмотрен и окрашен в подводной части. По совещании с К. Н. Посьетом, мы сочли рискованным делом посылать один из наших пароходов в Очаков, так как подступы к Очакову трудны, проход узкий и камни с обоих сторон; а гораздо надежнее самому „Нижнему" итти со своим командиром в Марсель, где и удобнее будет совершить окончательные работы.

Затем долгом почитаю доложить вашему высочеству еще о следующем обстоятельстве. По слухам, которые дошли до меня через Баранова, в морском министерстве делаются уже секретные на всякой случай распоряжения относительно расположения и приготовления судов для возможных военных надобностей. И судам, приобретенным в Америке, говорят, указано не спешить надо, но оставаться. Баранов почему-то предполагает, что, пожалуй, могут оставить наши пароходы совсем в стороне, под тем предлогом, что мы-де сами заслали их в Черное море. Баранов предложил мне, в виде предупредительной меры, то-есть чтоб заявить на всякий случай о намерениях комитета, написать в этом смысле, лично от себя, письмо к Лесовскому. Как это письмо пишется от меня лично и ни к чему не обязывает, я счел возможным изготовить его. Имею честь представить копию с него вашему высочеству. Я пошлю его не ранее понедельника, так что, еслиб ваше высочество признали это ненужным, то будет еще время удержать его.

В прошлый четверг я видел генерал-адмирала, и он сказал мне, что поданную мною записку он передал Лесовскому для обсуждения. Больше ничего не сказал.

К. Победоносцев.

11 ноября 1878.

Библиотека "Руниверс"

112.

Ваше императорское высочество.

К великому моему сожалению, я не мог лично поздравить ни вас, ни великую княгиню 14 числа. Не совсем здоровый, приехал в Царское Село в 10 часов утра, но прием был назначен после обедни, а я чувствовал себя не в силах остаться дольше и только расписался в книге. Дай боже, чтобы все у вас было благополучно; только все мы были бы покойнее, когда бы знали, что вы уже в Аничковом дворце, где все может быть под рукою на случай нужды.

Суда наши, окончившие все условленные рейсы, стоят покуда в Одессе в ожидании новых рейсов, которые должны по условию начаться с 1 декабря уже помесячно. Командиры пользуются этою обстановкой, чтобы осмотреть механизм и исправить что нужно. Прилагаю при сем таблицу предстоящих в декабре рейсов, составленную по сведениям из комиссии по передвижению войск. Комисия постоянно показывает нам доброе расположение; когда ваше высочество увидите генерала Анненкова, не благоволите ли сказать ему по этому случаю доброе слово.

Сегодня Анненков в объяснении с Барановым выразил ему желание приспособить один из наших пароходов, именно „Петербург", к удовлетворению самой настоятельной потребности армии, именно к перевозке больных, которых теперь уже, по их сведениям, считается в армии до 1.700. Они заботятся в особенности об удобстве перевозки и рассчитывают, что на наших только судах эти удобства могут быть обеспечены. Военное ведомство принимает на свой счет все необходимые к тому приспособления, с тем, чтобы перевозка могла быть начата около 12 декабря. К этому времени можно еще приготовиться. С отъежающим завтра Дехтеревым мы посылаем Вахтину инструкции в этом смысле.

На-днях должен приехать сюда Дубасов в отпуск по 1 декабря. Как суда стоят теперь без дела, то отсутствие его не важно; впрочем, есть слухи, будто он не имеет намерения вернуться.

Библиотека "Руниверс"

Из морского министерства нет еще отзыва на записку. С. С. Лесовский на мой вопрос отозвался, что она еще обсуждается. Бог знает, как еще они отзовутся на нее. Грустно было бы думать, что наши суда пропадут в общей экономии судов управляемых морским министерством.

По этому поводу считаю не лишним переслать вашему высочеству письмо, полученное на-днях Барановым от капит. Ильина, того самого, которого записка была уже мною представлена вам для прочтения. В этом письме заявлена мысль, на мой взгляд, достойная внимания. Он указывает на две новые линии сообщения, открывающиеся в Черном море: Севастополь—Константинополь и Севастополь—Батум,—линии, еще не занятые Черноморским обществом. Не знаю, верно ли, что правительство входит в соглашение с обществом по этим линиям и назначает ему помильную плату.

В госуд. совете нас два раза собирали и держали долго для рассмотрения одного из нескольких проектов, внесенных новым министром финансов, для установления новых налогов и сборов. На первый раз пришлось обсуждать усиление гербового сбора, недавно еще увеличенного. Этот первый опыт Грейга был не совсем удачен. Хотя он выступил очень решительно, заранее объявив, что не может сделать уступок, но многое в его представлении оказалось так неосновательно и поспешно, что заявлены были сильные возражения, и сам он под конец вынужден был вернуть назад значительную часть своих предположений.

Баранов, кажется, представил вашему высочеству, свою записку, которую он задумывает представить государю императору. Он читал ее мне вчерне. Она вообще хорошо написана, как мне показалось. Он решается на рискованное дело, тем более, что записка его, по всей вероятности, попадет в руки генерал-адмиралу. Но я не решился отсоветовать ему, да он и не послушал бы меня. По всем обстоятельствам, которые тут описаны, и я, кажется, на его месте не выдержал бы и решился бы на то же самое.

Вашего императорского высочества вернопреданный

16 ноября 1878. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

113.

Не угодно ли вашему высочеству взглянуть на последнее предложение, с прекрасными чертежами, присланное от фирмы Forges et Chantiers, в Марселе.

Надобно полагать, что государь император по возвращении сказал какое-нибудь доброе слово о судах наших, так как морское министерство внезапно пришло в движение и стало заботиться об их вооружении, несмотря на отзыв С. С. Лесовского, недавно полученный мною, который я имел честь представлять вашему высочеству третьего дня. Сегодня Лесовский собирал у себя по этому предмету совещание и звал Баранова.

Вчера я просидел довольно у в. кн. Алексея Александровича и много говорил с ним о Добровольном флоте, в виду обещанного собрания у вашего высочества. Нынешнее радостное событие принесло вам, конечно, новую заботу и предстоят притом ежедневные церемонии; однако я остаюсь все-таки в надежде, что вы не оставите известить меня поутру, какой вечер будет у вас свободен.

К. Победоносцев.

23 ноября 1878.

114.

Имею честь представить вашему высочеству ответ на телеграмму. Кажется, в прежних своих ответах вы всегда ставили: „любезный князь"; если угодно, недолго прибавить: и вас любезный князь. Написано: благодарим, потому что в телеграмме сказано: „пред вашими высочествами".

Сегодня наш контракт с военным министерством подвергался серьезной опасности. Он должен был пройти через военный совет, и Анненков был уверен, что это одна формальность. Однако оказалось, что записка Чихачева была разослана не только к военному министру, но и к членам военного совета. Заявлены были сильные возражения, основанные, впрочем, на неверных данных по показанию против-

Библиотека "Руниверс"

ной стороны. К сожалению, Милютин не председательствовал в совете, а вместо него был Лутковской. Возражали, между прочим, будто наши суда слабосильны, что уже совсем несообразно при сравнении с судами Черноморского общества.

Сегодня было решительное обсуждение. К счастью, мы узнали об этом за 2 часа, и Баранов написал для Анненкова положительное опровержение на все возражения; сегодня, в 5 часов, мне пришли сказать, что контракт прошел в заседании благополучно.

Сию минуту собираются ко мне на совещание Каханов, Селифонтов и гр. Комаровский, приехавший из Москвы.

К. Победоносцев.

25 ноября, веч.

115.

Сербский министр народного просвещения г. Васильевич желает иметь честь представиться вашему высочеству. Он ожидал все время, когда угодно будет государю императору принять его. Завтра ему назначено приехать в Зимний дворец в 12 часов пополудни. Затем он спрашивает меня, нельзя ли будет, по приеме у государя императора, явиться в Аничков дворец к вашему высочеству. Я посоветовал ему попробовать завтра, если успеет, до 1 часу, а затем, если завтра не удастся, пусть попробует в среду, в 12 часов. Не будете ли милостивы, ваше высочество, приказать известить меня, можно ли будет в эти часы принять его. Я знаю, что г. Васильевич, по обязанности своей службы, должен всячески спешить отъездом в Белград, где надо ему быть 6 декабря.

У нас новая забота. Дубасов сделан флигель-адъютантом и остается здесь. На „Россию" надобно искать другого командира, и как можно скорее, потому что 1 декабря она должна быть готова к отходу по новому контракту с военным ведомством. Искать надобно человека надежного, опытного, благоразумного, чтобы поддержал нам добрую репутацию и сберег бы судно.

Библиотека "Руниверс"

Кандидаты есть, но трудно выбрать мало известного. Хлопочут о капитане 1 ранга Болтине; говорят, что он весьма знающий офицер; но, с другой стороны, рассказывают, что он был известный пьяница, разбил одно судно, имел неприятные по службе истории. Когда слышишь такие рассказы,—страшно.

Старший офицер на „России" Чириков очень еще молод.

Мне, признаюсь, казалось бы всего удобнее послать на „Россию" известного вашему высочеству Паренаго. Он у вас на „Царевне", кажется, ревизором. Теперь на „Царевне" делать нечего. Паренаго знает „Россию". Он ее принимал, готовил и сдавал Дубасову. Сколько я имел случай указать его, он мне нравится. Репутация у него хорошая. Он слывет человеком благоразумным, хозяйственным, распорядительным.

Желательно бы знать вперед мнение вашего высочества по этому предмету; а еслиб вам угодно было вскоре позвать нас, то тут же бы и решилось дело.

К. Победоносцев.

27 ноября 1878.

116.

Лейтенант Саблин, о котором вчера я имел честь докладывать вашему высочеству, опытный офицер. Он плавал 2 раза вокруг света, водил из Кронштадта на Амур судно „Тритон" и плавал около 4 лет на Аральском море и на Аму-Дарье. Кажется, можно будет вполне положиться на него. Он поедет в Одессу завтра же вечером, а в 2 часа пополудни я прошу позволения представить его вашему высочеству.

Между тем сегодня получены у нас сведения, которые ставят в необходимость принять меры относительно „Нижнего-Новгорода". По всем признакам, около этого несчастного судна сплетена целая сеть, с тем, чтобы не выпустить его из Одессы до заморозков, и нет надежды распутать эту сеть при помощи местных деятелей, которые все, повидимому, связаны общими интересами с Черноморским обществом и с Чихачевым. Нас проводят обещаниями,—ясно для того,

Библиотека "Руниверс"

чтобы оттянуть дело. Чтобы распутать это сплетение, необходимо принять особые меры, ибо для комитета чрезвычайно важно чтобы „Нижний-Новгород“ двинулся немедленно в Марсель,

Балк просится на „Россию“, и во всяком случае необходимо дать на нее к 1 декабря командира по условию с военным ведомством. В таком случае можно было бы, отправляя отсюда Саблина, поручить ему заботу о немедленном снаряжении „Нижнего-Новгорода“, с тем, чтоб он и повел его в Марсель. Все одесские механики не беспристрастны, а с Саблиным готов поехать отсюда известный инженер механик Пашинин (он устраивал машину на „Державе“). Сегодня Саблин вместе с Пашининым, рассмотрев все документы о состоянии „Нижнего-Новгорода“, объявили решительно такое мнение, что пустить его в ход можно без затруднения. Итак, чтобы двинуть это дело, я полагаю послать Пашинина завтра же вместе с Саблиным. Еслиб и это не помогло, пусть едет туда Баранов,—лишь бы „Нижний-Новгород“ пущен был в ход. Если же мы положимся на одних одесских людей, то там постараются сделать так, чтобы судно осталось на месте.

К. Победоносцев.

29 ноября 1878.

117.

Вчера ваше высочество изволили спрашивать о Баранове, подал ли он свою записку. Оказывается, что нет еще, хотя непременно желает подать. Он ждал сначала до георгиевского праздника; на следующий день приходилась очередь его дежурства, но его пропустили и не назначили. Затем гр. Воронцов удержал его, предполагая наперед говорить об этом деле с вашим высочеством; но видно не говорил еще. Сегодня Воронцов был утром в Аничковском дворце, но вы вернулись из Зимнего дворца позже обыкновенного часа.

В морском министерстве, как я слышу, ждут отзыва на записку, переданную мне Лесовским; ждут нетерпеливо в виду того, что настало им время заключить обыкновенный кон-

Библиотека "Руниверс"

тракт с Паллазеном на перевозку провианта во Владивосток. А мы остаемся в надежде, что **вскоре** ваше высочество получите возможно позволить нам собраться у вас.

1 декабря 1878. *К. Победоносцев.*

118.

Ваше императорское высочество.

До вас, вероятно, доходили уже и в прежние годы слухи о том жалком состоянии, в котором содержатся на сборных пунктах новобранцы, поступающие на военную службу. Мне нередко случалось слышать рассказы, исполненные негодования, о том, сколько они терпят именно здесь, в Петербурге. Очевидцы не находят слов, чтоб описать ту грязь и духоту, в которой их держат, точно стадо свиней в хлеве. Удивляются, как здесь, при множестве помещений, военное ведомство не находит способов содержать по-человечески этих молодых новобранцев. Их представляют государю, который обращает на них милостивое внимание, но известно ли, как и где они содержатся и откуда их приводят?

Долгом почитаю представить вашему высочеству следующую выписку из письма, которое пишет мне гр. Блудова.

„Еслиб наследник, как командующий гвардией, послал доверенного человека или сам заглянул в те **хлева**, в которые сгоняют новобранцев, пока их не рассортировали, он узнал бы об одном из отвратительных безобразий наших порядков. Люди **напичканы** в каком-нибудь зале, должны спать на полу, загрязненном всякой грязью, без нар, даже без соломы,—тут и больные, и пьяные, плюют, иных рвет,—все на том же полу; воздух можно себе вообразить какой. Все это, что происходит на сборных пунктах, было описываемо в газетах, но я не верила, а теперь мне очевидцы подтверждают, которые ходили к своим родным, взятым в новобранцы".

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

4 декабря 1878 г.

Библиотека "Руниверс"

119.

Не угодно ли будет вашему высочеству просмотреть прилагаемый при сем журнал, составленный Барановым под моим наблюдением. Журнал этот останется в нашем комитете и не выйдет за его пределы. Если ваше высочество изволите быть согласны с содержанием, то не благоволите ли подписать. Впрочем, если бы что-нибудь вас при этом стесняло, то и я могу подписаться первым, а за мной прочие присутствовавшие.

Вчера в морском министерстве поднялся слух о переменах в личном составе. Уверяют, что Лесовского отправляют в Америку на место Шишкина. Место Лесовского займет, будто бы, в. кн. Алексей Александрович, и ему в помощь товарищем будет Пещуров, а на место Пещурова предназначается Копытов. Не знаю, на чем все это основано, но желал бы, чтоб этот слух не осуществился. Тогда бы в морской администрации было бы два великих князя и при каждом свой двор. От этого добра нельзя ожидать. Еще недавно имел я с в. князем Алексеем Александровичем продолжительный разговор об этом предмете, доказывая ему, как у нас вредно непосредственное участие великих князей в администрации. Сейчас около вел. князя составляется двор, возражения становятся невозможны, все закрывается обманом и лестью, исканием личных выгод и благоволения, и открывается безграничное поле злоупотреблениям. Но Алексей Александрович, кажется, не хотел со мной согласиться. Желаю ему от души, чтоб мимо его прошла эта доля.

К. Победоносцев.

5 дек. 1878.

120.

Сегодня был у меня гамбургский сенатор Годефруа,— тот самый, который помогал нашему комитету в покупке судов и награжден теперь орденом Станислава I степени. Он приехал сюда с тем, чтобы представиться, если возможно,

Библиотека "Руниверс"

государю императору и вашему высочеству. Государь император лично знает Годефруа и благоволит к нему за услуги, оказанные русскому правительству, особливо во время последнего польского мятежа. Годефруа женат на русской, из Москвы. Он умный старик.

По всей вероятности, ваше высочество не откажете принять его. Он пробудет здесь с неделю. Я сказал ему, что вы изволите принимать ежедневно, и по всей вероятности в один из следующих дней, в 1-м часу, он явится в Аничков дворец и будет просить, чтоб доложили о нем.

Сегодня получена из Одессы телеграмма от Саблина и Пашинина. Они нашли машину на „Нижнем" разобранной и спешат собрать ее. К сожалению, поршень заслали в Севастополь и его выписывают оттуда. Работы много, пишет Пашинин, не надеюсь выполнить в 16 дней.

Вчера пришла в Одессу „Москва" с больными, а „Россия" ушла из Одессы с новобранцами. В главном штабе сегодня большая суета. Боюсь, что они сами путаются в перевозке войск,—изменяют прежние расписания и нас путают. Сами же они придумали возить больных вместе с здоровыми. Вчера на пароходе трое больных умерло, и теперь Милютин просит производить исправную дезинфекцию пароходов после перевозки больных.

К. Победоносцев.

6 декабря 1878.

121.

Отставной адмирал Завойко изъявляет желание пожертвовать в пользу Добровольного флота годовой оклад всемилостивейше пожалованной ему в память юбилея Наваринского сражения пенсии—171 р. 42 к. С разрешения вашего высочества полагаю написать ему благодарственное письмо.

Из Одессы уведомляют, что на „Нижнем" работы производятся деятельно под руководством Пашинина. На заводе Черноморского общества нашу работу остановили за починками собственных пароходов. Поэтому все работы сняты оттуда и розданы по другим заводам. Обещают нам, что

Библиотека "Руниверс"

к 20 числу вся машина будет собрана и сделают первую пробу.

Прилагаю при сем стихи, сочиненные 10-летним сыном капитана Скаловского в Николаеве и адресованные вашему высочеству.

Баранов назначен на дежурство завтрашний день, в пятницу, и ожидает, что́ будет по поводу поданной им записки.

14 дек. 1878. *К. Победоносцев.*

122.

Наконец, кажется, близок исход „Нижнего“ из Одессы. Если бы не послали Пашинина, пароход и до сих пор стоял бы в том же положении. Он изменил всю систему тамошних техников, роздал работы на другие заводы, собрал машину, которая напрасно была разобрана до мельчайших деталей, и успел сделать нужные исправления в 16 дней. При этом, кажется, обошлось и без неприятностей с тамошними техниками, которые, повидимому, сами убедились в ошибочности своих предположений. Пашинин надеется, что машина будет работать в пути удовлетворительно, и что не придется после сделанных исправлений переделывать ее в Марселе. Между тем в Одессе явилось много желающих отправить груз в Марсель. Сегодня получена от Вахтина такая телеграмма: „Нижний“ сегодня выходит на рейд, завтра идет на пробу, послезавтра приступает к нагрузке“.

От генерал-адъютанта Баумгартена получил я бумагу с извещением, что государыня императрица предполагает около 20 числа выслать отсюда в Одессу груз с вещами, назначаемыми для подарков больным в армию. Нас спрашивают, не возьмемся ли мы доставить этот груз, конечно без платы, из Одессы в Бургас. Я тотчас же отвечал о полнейшей готовности комитета служить этой перевозке, а в Одессу телеграфировано Вахтину, чтобы по сношении с тамошним уполномоченным Красного Креста устроил все, что нужно для принятия и отправки груза.

К. Победоносцев.

19 декабря 1878.

Библиотека "Руниверс"

123.

В последние дни происходит немало переговоров с военным управлением о направлении наших пароходов. От первоначального своего плана они уже отступили и стали требовать от нас перевозки войск из Батума в Поти, что совсем не входило в первоначальную программу. Между тем это именно требование представляло для нас величайшее затруднение. На этой линии ходят у нас большие пароходы—„Москва“ и „Россия“, которые подвергались бы значительной опасности при заходе в Поти для выгрузки. И малые суда подвергаются на этом рейде большой опасности. Большим судам необходимо останавливаться в 3 милях от порта и стоять все время под парами на якоре, так как при малейшей оплошности или при сильных ветрах судно может быть затянуто к берегу и погибнуть. С этого пункта перегрузка производится обыкновенно на баркасах, которые должны иногда подолгу выжидать тихой погоды, а пароход должен все время стоять в опасном положении.

За всем тем военное управление упорно настаивало на своем, ссылаясь на большое скопление войск в Батуме и на опасность болезней от скопления. Странное дело! Между Батумом и Поти есть сухопутная дорога, есть, говорят, турецкое шоссе верст на 30; не лучше было бы отправить войска сухим путем, устраняя их от серьезной опасности при перегрузке в Потийском рейде. Однако, неизвестно почему, местное начальство (Павлов, нач. штаба в. кн. наместника) признает это сухопутное передвижение войск невозможным.

На прошлой неделе переговоры с ген. Анненковым остановились на том, что со стороны комитета предложено нашим пароходам иметь в Потийском рейде стоянку на якоре не более 2 часов в ожидании перегрузки, с тем, чтоб военное ведомство озаботилось с своей стороны нанять небольшие пароходы собственно для безопасной перевозки войск с наших пароходов на берег.

Но сегодня вызвали Баранова в главный штаб. Павлов телеграфирует из Тифлиса, что Черноморское общество реши-

Библиотека "Руниверс"

тельно отказалось дать свои пароходы, за неимением соответствующих, и что поэтому, в виду крайней нужды и крайнего скопления войск в Батуме, просят озаботиться непосредственною перевозкою войск в Поти нашими пароходами.

Не знаю, на сколько искренен ответ Черноморского общества. Сегодня посылается телеграмма Вахтину—не найдет ли он возможности зафрахтовать частные пароходы от комитета, на счет военного ведомства. Между тем главн. штаб настаивает, чтобы наши пароходы оставались в Поти по крайней мере 48 часов для пережидания погоды. По мнению Баранова, такая продолжительная стоянка крайне опасна. На-днях мы были уже напуганы слухом, будто наша „Россия“ погибла около Батума. К счастию, слух оказался ложным; сегодня напечатано, что разбился „Рион“ Черноморского общества. Тем более следует нам быть осторожными. Баранов выговаривал, по крайней мере, чтобы не продолжать стоянку на ночь.

Сегодня слышал я, будто бы Павлов оставляет свою должность, и на место его назначается Гурчин. Так как он здесь, то я просил Баранова повидаться и поговорить с ним.

Вчера я представил вашему высочеству сведения о положении „Нижнего“. Относительно подробностей этого дела и работ на „Нижнем“ есть письмо Пашинина. На всякой случай прилагаю это письмо.

Относительно стихов вы не ошиблись, когда думали, что их писал 10-летний мальчик. Теперь из письма, полученного мною, вижу, что сам отец занимается стихотворством и теперь присылает те же стихи, с вариантом о Ное и о голубице. Для куриоза прилагаю и это письмо.

На-днях случилось мне познакомиться с известным баязидским недельцем г. Штокфичем. Этот человек, очень простой по виду, показался мне бравым и дельным офицером. Дело его и его команды в Баязиде—поистине великое дело и ценится, повидимому, недостаточно. Об этом деле помещен в сборнике Мещерского рассказ, поистине трогательный. Штокфич, хотя и говорит несовсем правильным акцентом, русский в душе и православный человек, воин из рода в род. Отец его в 1829 году при осаде Карса взорвал пороховой погреб

Библиотека "Руниверс"

и сам взлетел на воздух, решив взятие Карса. Сам он делал со славою и прежнюю турецкую кампанию. Говорит он очень просто и дельно.

А теперь его, повидимому, оставили в забвении. Он ищет еще служить действительную службу и чувствует, что может принесть пользу, а его как будто отстраняют и предполагают назначить в какую-то резервную команду на Кавказе. Не знаю, кто там дела делает в кавказском военном управлении, но не могу удержаться, чтоб не обратить внимание вашего высочества на Штокфича, который, право, того стоит. Может быть, при случае вы изволите обратить на него внимание в. к. Николая Николаевича.

К. Победоносцев.

20 декабря 1878.

124.

Имею честь представить при сем вашему высочеству два экземпляра изданной комитетом книги: Крейсерство Сэмтеро и Алабамы. Одну из этих книг не признаете ли соответственным представить его императорскому величеству.

Сегодня телеграмм не было.

Есть слух, что к новому году Аркас оставляет свою нынешнюю должность, и будто бы не по своему желанию. Говорят, что его назначают членом адмиралтейств-совета, а на место его в Николаев предполагается будто бы назначить барона Таубе.—Аркаса ждут в Петербурге около половины января.

К. Победоносцев.

21 декабря 1878.

125.

На всякий случай почитаю не лишним представить вашему высочеству статью о Чихачевском проекте, напечатанную сегодня в „Голосе". Писал ее, кажется, гр. Апраксин, и, может быть, она уже известна вашему высочеству.

Прилагаемое письмо Аркаса к Баранову тоже, может быть, кое в чем будет для вас интересно.

Библиотека "Руниверс"

На сих днях буду иметь честь представить вашему высочеству две картины, на коих изображены с натуры все 4 парохода Добровольного флота. Их желает через меня поднесть вам г. Беш, участвовавший в покупке судов.

Сегодня получена следующая телеграмма: „Петербург" ушел вчера (21 числа) вечером в Бургас за больными. Малых пароходов нанять невозможно. „Нижний" грузится; если успеет, уйдет 25 числа.

К. Победоносцев.

23 декабря 1878.

Библиотека "Руниверс"

1879 г.

126.

Ваше императорское высочество.

Здравствуйте на новый год, с государыней цесаревной, с детьми и со всем вашим домом. Дай боже этому году миновать мирно и благополучно. Дай боже,—чего желает вся Россия,—чтобы власть окрепла и явила всю свою силу и весь свой разум в единстве и в твердости управления, в согласии с народным духом и потребностью, в выборе людей способных, честных, пастырей, думающих не о себе, а о стаде.

Прилагаемая при сем записка передана мне графом П. Н. Игнатьевым. Она обличает несостоятельность центрального банка и подтверждает основательность данного нами в 1873 году мнения о том, что не следует разрешать такое учреждение. В ту пору мнение наше не было принято, но последствия показывают, что взгляд наш на дело был верен.

„Нижний-Новгород“ с грузом пшеницы и овса находится теперь на пути в Марсель. Дай боже ему притти благополучно. Надеемся на командира и на механика. Между тем существенно нужно, чтобы Баранов туда съездил для осмотра и для распоряжения относительно работ, и эта нужда может представиться вдруг. А на отезд его, как флигел-адъютанта, потребно высочайшее разрешение. Я написал уже об этом бумагу С. С. Лесовскому, но доклад у него будет не раньше того понедельника, 8 числа. Еслиб ваше высочество нашли вскоре удобный случай доложить об этом обстоятельстве его величеству и получить разрешение, то Баранов имел бы возможность выехать без затруднения во всякое время, как только потребуется.

Библиотека "Руниверс"

Вчера и третьего дня, в субботу, было у нас в хозяйственном отделении продолжительное заседание. Докладывал бухгалтер Дехтерев, ездивший в Одессу для поверки и направления отчетности командиров. В первый раз мы имели перед собою точные статьи расходов на содержание судов и команд, из авансовых сумм, которые переводились в Одессу и в Николаев. По этому случаю признало нужным дать некоторые необходимые инструкции и указания. Но, кажется, можно сказать с достоверностью, что сделанные расходы будут покрыты с избытком тою суммою (около 400 т. р.), которая по 1 января причитается нам по квитанциям из военного министерства. К сожалению, в этих делах столько переписки и формальностей, что мы и до сих пор не получили еще этих бесспорных денег.

В среду, вечером, собираемся обсуждать окончательную редакцию устава предполагаемого общества Добровольного флота. На-днях буду иметь честь ее представить вашему высочеству.

К. Победоносцев.

1 января 1879.

127.

На сих днях был у меня севастопольский городской голова г. Ротгольц (лишь по фамилии немец, но православный). Он показался мне умным, рассудительным и заботливым человеком, так что разговор с ним был для меня интересен. Он приехал сюда хлопотать в подлежащих министерствах о торговых интересах своего города. Они возрастают ежегодно, и Севастополь становится важным передаточным пунктом для грузов, идущих с Кавказа через Поти. На Одессу им очень невыгодно итти, потому что и морем, и особливо по железной дороге от Одессы расстояние гораздо дальше и потому фрахт гораздо значительнее. Между тем Лозово-Севастопольская железная дорога имеет очень слабый подвижной состав и не может вывесть весь груз, так что товары должны лежать и портиться. Ротгольц хлопочет здесь об усилении подвижного состава железной дороги, что зависит от министерства финансов.

Библиотека "Руниверс"

Пароходная линия Севастополь—Поти приобретает все больше и больше значения; между тем она пуста, и срочных рейсов нет на ней. Черноморское общество пароходства и торговли при пересмотре концессии несколько лет тому назад выговорило себе эту линию с помильною платою, но до сих пор и не думает открывать ее, несмотря на крайнюю в ней нужду. Уверяют, что оно и не хочет открывать ее, чтоб не отвлечь грузы от Одесской дороги, которая, к сожаленню, принадлежит тому же обществу. Между тем при существующей монополии никто иной и не в праве взять пароходное сообщение от правительства между Севастополем и Поти.

Г. Ротгольц на сих днях, вероятно, будет просить чести представиться вашему высочеству.

О прибытии „Нижнего" в Марсель нет еще известий. Но получено из Константинополя от Пашинина письмо о том, что переход был благополучен, и что он весьма доволен был действием машин. Они шли малым ходом, не более $7^1/_2$ узлов, из предосторожности, и намерены развить полный ход только перед самою Марселью.

К. Победоносцев.

12 января 1879.

128.

Баранов должен был выехать в понедельник, но я задержал еще его на несколько времени, пока получатся достоверные сведения о приходе „Нижнего" в Марсель. Нас беспокоило, что нет еще известий с 2 числа, когда „Нижний" вышел из Константинополя. Если б Баранов выехал отсюда до известий о приходе, могла бы произойти путаница, чего я опасался.

Наконец, слава богу, сегодня явилась телеграмма из Марселя, от вчерашнего числа: Arrivé parfaitement. Avons eu deux tempêtes, Sabline. Итак, Баранов выезжает завтра, утром, и в воскресенье должен быть в Марселе.

К. Победоносцев.

16 января 1879.

Библиотека "Руниверс"

129.

Нередко обращаются ко мне и незнакомые люди с просьбами довести их ходатайства до сведения вашего высочества. Большею частью дела такие, что я уклоняюсь принять в них участие, но иногда и позволяю себе утруждать ваше высочество, в чем покорнейше прошу извинить меня.

Сегодня был у меня г. Римский-Корсаков, директор бесплатной школы пения, состоявшей под покровительством покойного цесаревича Николая Александровича и ныне состоящей под покровительством вашего высочества. Школа эта, основанная в 1861 г. Ломакиным и Балакиревым, имеет целью распространение правильного хорового пения бесплатным обучением. Говорят, что она принесла и приносит значительную пользу. Она имеет открытые классы, которые собираются 2 раза в неделю, и многие обученные в ней поступили с успехом на сцену и в певческие хоры.

Из сумм вашего высочества жертвуется на школу 500 р. ежегодно, что составляет для них значительную помощь. Затем школа старается извлечь для себя средства из ежегодных концертов, но они приносят немного.

Всего более дорожит школа нравственною поддержкою со стороны вашего высочества и для того усерднейше просит посетить хотя один из концертов, даваемых школою. Еслиб ваше высочество изволили появиться в одном из концертов, это разом придало бы школе значительный вес. Они говорят, что года три тому назад вы изъявили желание присутствовать на концерте, но перед самым началом его прислали сказать, что не будете,—случилось внезапно какое-то препятствие. С тех пор они каждый год надеются, что ваше высочество или государыня цесаревна изволите осчастливить их своим присутствием.

Итак, вот теперь г. Римский-Корсаков упрашивает меня представить вашему высочеству вновь усерднейшую их просьбу. Прилагаю при сем расписание концертов в январе и феврале

Усерднейше благодарю ваше высочество, что вспомнили меня приглашением на сегодняшний бал. К великому сожа-

Библиотека "Руниверс"

лению, я должен отказать себе в этом удовольствии, потому что нездоров и несколько дней не выхожу из дома.

К. Победоносцев.

16 января 1879.

130.

Имею честь представить при сем вашему высочеству только что отпечатанный проект устава общества Добровольного флота. Для обсуждения первоначальной редакции, составленной в учредительном отделении, мы собирались два раза, при чем присутствовали, кроме меня: Каханов, Селифонтов, Ермаков, Качалов, Ламанский, бар. Остен-Сакен, гр. Воронцов и Баранов. Таким образом, составилась настоящая редакция. Для окончательного ее обсуждения и принятия предполагаем созвать вскоре общее собрание.

При этом, на всякий случай, почитаю не лишним, приложить все другие бумаги, к этому вопросу относящиеся, и записки, из коих некоторые известны уже вашему высочеству в рукописи.

К. Победоносцев.

18 января 1879.

131.

Имею честь представить при сем:

1. Счет сумм комитета по 1 января.

Подробные счеты командиров по отдельным статьям получены и проверены бухгалтером по 1 декабря; доклад о сем бухгалтера был сделан в особом заседании хозяйственного отделения.

Сегодня же поступили из Одессы подробные счеты командиров и отчетность в угле по 1 января.

В настоящем счете не показаны еще суммы, причитающиеся по 1 января к получению из военного министерства за перевозку войск. В течение января получено комитетом по проверенным квитанциям:

Библиотека "Руниверс"

По первому контракту	144.404	р.	57	к.
По второму контракту	134.277	р.	7	к.
По третьему контракту	126.000	р.		
Итого	404.681	р.	64	к.

недополучено еще, до исполнения формальностей по квитанциям,—

По первому контракту 28.089 р.

Сверх того, за продовольствие войск причитается получить в возврат издержанную командирами сумму—несколько тысяч рублей. Платеж останавливается за неполучением сведений о справочных ценах на припасы, требуемых военным министерством.

2. Копия с донесения Вахтина о порядке перевозки больных на пароходе „Петербург".

3. Донесение Вахтина о происшедшем в декабре столкновении между „Россией" и частным пароходом. Об этом случае был рассказ в газетах, неверный и с приувеличениями. В досужную минуту не угодно ли будет вашему высочеству пробежать в прилагаемом № „Московских Ведомомостей" письмо с берегов Невы.

К. Победоносцев.

19 января 1879.

132.

Спешу представить вашему высочеству последние известия.

От Баранова получено сегодня известие о прибытии его в Марсель от вчерашнего числа. „Нижний-Новгород" вчера оканчивал разгрузку.

Сегодня же получено от Саблина и подробное донесение о переходе его на „Нижнем" от Одессы. Оно написано довольно обстоятельно; не угодно ли будет взглянуть на него.

19 числа с пароходом „Петербург" случилось приключение. Вечером при входе в Бургас он стал на мель, но, славу богу, беду эту удалось поправить. При помощи портовых

Библиотека "Руниверс"

средств он снялся с мели 20-го к вечеру и, приняв больных, вышел 21 числа в Одессу.

Одессу приходится, однако, на время оставить: рейд начинает замерзать, и Черноморское общество направляет уже свои суда вместо Одессы на Севастополь. Сегодня мы получили уже телеграмму из Севастополя от Шлекснера. Пишет: „Встретил в море холодный северный ветер, опасаюсь найти в Одессе лед, не решился итти туда с больными, а направился в Севастополь. Прибыл благополучно".

Я посылал сегодня в главный штаб к Анненкову сговориться с ним об этом предмете. Оказалось, что с их стороны также делается распоряжение о направлении движения через Севастополь.

Вчера приходил ко мне князь Шаховской, зять Каткова,— тот самый, который писал такие интересные корреспонденции о войне в „Московских Ведомостях".

Письма его изданы теперь отдельною книгою под названием: Два похода за Балканы. Он горит желанием поднесть свою книгу вашему высочеству. Я посоветовал ему явиться в один из приемных дней в Аничков дворец.

На сих днях явится еще вновь назначенный первоприсутствующим в гражданском кассационном департаменте сената сенатор Поленов, брат покойного академика и дядя художника Поленова. Смею рекомендовать его вниманию вашего высочества,—я давно его знаю, как старого товарища и сослуживца. Это человек всеми уважаемый, с самой безукоризненною репутацией, сведущий, опытный и скромный.

Надеялся и я завтра явиться и увидеть именинницу Ксению Александровну во всем блеске красоты. Но боюсь, что не попаду. Вот уже вторую неделю сижу дома простудившись, а сегодня еще и глаз заболел. Дай бог здоровья милой имениннице и вам обоим с нею на многие годы.

К. Победоносцев.

23 января 1879.

Библиотека "Руниверс"

133.

Я имел честь представить вашему императорскому высочеству последнюю редакцию устава общества Добровольного флота; с тех пор никаких замечаний от вас не последовало.

Вы изволили сами выслушать мнение. Трудно в настоящую минуту придумать иное средство для выхода из нашего положения. Прежде всего, нужно перевесть дело, в нынешнем его виде, на другое основание. В настоящее время вся операция содержания судов и их эксплуатирования совершается комитетом из членов, вами назначенных, имея во главе ваше высочество, как председателя. Я, как вице-председатель, должен почти ежедневно брать на свой ответ распоряжения хозяйственного свойства, при чем, конечно, возможны, да и бывали, ошибки, недоразумения, сомнительные расходы,—и все это в сущности привязано к имени вашего высочества. Это и для вас очень неудобно и для каждого из нас страшно, ибо беспрестанно надобно опасаться, как бы под прикрытием имени вашего не проскользнуло что-нибудь неладное.

Это положение существенно изменится, когда дело перейдет с рук комитета на руки общества: станет уже дело прямо общественное. Дурно ли, хорошо ли оно пойдет,— будет кого судить и обвинять. Если вы изволите остаться покровителем общества, то покровитель уже совсем не то, что председатель.

Итак, этим делом медлить не следует. Необходимо созвать всех членов комитета, чтобы окончательно обсудить и принять мысль проекта и самый устав. Я думаю и сделать это в следующую пятницу, 2 февраля.

Если бы вашему высочеству угодно было самому председательствовать в этом собрании и созвать его у себя, то благоволите дать знать мне об этом, и тогда можно будет условиться о дне и часе. В противном случае я соберу собрание в Морском музее и сам буду председательствовать; а затем,

Библиотека "Руниверс"

когда дело подойдет к закрытию комитета, вы изволите собрать всех членов у себя. Во всяком случае, в заседании в пятницу я должен буду, если соизволите, заявить о согласии вашего высочества с основною мыслью предполагаемого общества.

От Баранова получил я сегодня письмо из Марселя от 23 января. Не посылаю его в подлиннике, чтоб не утруждать вас, так как письмо очень неразборчиво—у него болит раненая рука и пишет с трудом.

По приезде он осматривал пароход в подробности, с 11 ч. утра до 6 вечера, и вот что пишет о нем:

„Крепко и хорошо построенное судно. Линии его превосходны: обещают прекрасные морские качества (что подтверждается переходом в Марсель). Во многих местах судно было запущено, что вредно повлияло на некоторые части. Во многих местах полы прогнили. Ватерклозетные трубы сняты, и потому вместо воздуха зараза. Снабжение разными вещами недостаточно. По характеру постройки и парусному вооружению, „Нижний“ обещает быть прекрасным военным крейсером. Машина хороша, но запущена так, что изумляешься, кто и каким путем мог привесть ее в такое положение. Позволяю себе сказать с полной уверенностью, что котлы и главные основные части механизма хороши и не испорчены, но все остальное испакощено нарочно“.

По уверению Баранова, капитальных работ не предвидится. Все вещи, заказанные в Русском общ. п. и т., здесь, на „Нижнем“. Все они более или менее не окончены. Их и необходимые новые работы докончит завод Forges et Chantiers. Письмо это прерывается совещанием техников. Смета будет готова завтра вечером. В общих чертах выясняется, что работы по корпусу и машине займут не более 12 дней и, надеюсь, не обойдутся дороже 50 тыс. франков. Приспособление же для вооружения потребуется около 30 дней. Словом, можно надеяться, что „Нижний“, если непредвиденного не будет, уйдет из Марселя через месяц в совершенно удовлетворительном виде. Завтра при мне будут пробовать усиленным давлением цилиндр, и я убежден,

Библиотека "Руниверс"

что не окажется нужным делать новый, как полагали в общ. пар. и торг.

25 числа Баранов предполагает съездить на один день в С.-Ремо к Аркасу и потом, через 3—4 дня, выехать из Марселя. Я думал бы, что полезно будет ему проехать из Марселя через Одессу, чтобы там осмотреть положение, и в этом смысле телеграфирую ему сегодня.

Баранов еще не осматривал подводной части парохода, но надеется, что и тут не окажется надобности в капитальных работах.

Хотя еще не совсем здоров, а всячески желал бы завтра быть в государственном совете,—дела немаловажные.

28 января 1879. *К. Победоносцев.*

134.

Ваше императорское высочество.

Очень мне прискорбно, что не мог выехать в совет вчера и сегодня не могу лично к вам явиться для объяснений: болезнь моя такая, что доктор велит еще дня три не показываться на воздух: у меня начиналось на лице рожистое воспаление, и боюсь, выехав скоро, возобновить его,—лишь бы к пятнице совсем исправиться.—И вчера жалел, что не мог принять участие в прениях, ибо, по моему глубокому убеждению, члены, желающие вовсе отменить законную меру процентов, увлекаются только модною теорией, а в отношении к России делают большую ошибку. Не знаю, чем кончилось дело в общем собрании.

Какия есть замечания у вашего высочества, благоволите сообщить мне хоть кратким указанием. Если они относятся к отдельным статьям устава, не угодно ли будет отметить карандашом на полях в печатном экземпляре.

От Баранова была вчера телеграмма, из которой видно, что он предполагал сегодня выехать из Марселя обратно через Париж.

Вашего императорского высочества верноподданный

30 янв. 1879. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

135.

Ваше императорское высочество.

По отметкам, которые вы изволили сделать против некоторых статей устава, долгом почитаю объяснить:

По § 17. Суда Добровольного флота и ныне освобождены от сборов. В уставе включена эта статья в том соображении, что общество учреждается не в видах личного интереса и прибыли, и что цель учреждения не меркантильная, а патриотическая. Лишь бы сохранить суда и покрыть расходы на них, о прибыли же и думать нечего. Когда это общество, при благоприятных обстоятельствах, превратится в коммерческое, тогда и сборы будут у места.

§ 18. О флаге. Об этом предмете рассуждали немало, и в первоначальной статье предполагался особый флаг. Но нас остановила следующая мысль. Если суда назначены быть крейсерами, то едва ли благоразумно придавать им особый флаг, который сам собою указывал бы это назначение. Гораздо осторожнее не отличать их по внешнему знаку от прочих купеческих судов, чтобы тем внезапнее могли они в нужную минуту поднять флаг военный.

§ 37. Выражение: сдача судов в наем, действительно несколько резко, и мы постараемся выразиться иначе, в общих терминах.

Назначенное в пятницу заседание я было отменил по случаю бала в Зимнем дворце, на который приглашены некоторые члены. Но сейчас смутило меня известие о внезапной отмене вашего бала. Я встревожился и послал за известиями в Аничков дворец. Говорят, что отмена произошла по случаю болезни гр. Строганова: надобно думать, что другой причины нет. В таком случае, вероятно, и бал в пятницу будет отменен, и заседание может состояться по прежнему предположению.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

31 янв. 1879.

Библиотека "Руниверс"

136.

Сейчас получил от Баранова письмо, которое имею честь представить вашему высочеству в подлиннике, несмотря на некоторые употребленные в нем резкие выражения, которые прошу оставить без внимания.

Изменение первоначальных предположений морского министерства о военных приспособлениях очень для нас неудобно. Ведь они тогда рассудили целою комиссией и сообщили уже нам список и смету работ в пределах 24.000 р. по ценам наших мастерских. Теперешние же изменения, вероятно, имеют отношение к тем предметам, о которых генерал-адмирал объяснялся с Барановым перед его отъездом и которые, кажется, сняты с американских работ Семечкина.

Это письмо Баранова тревожит. По телеграмме его от 29/10 числа (понедельн.) он должен был выехать из Марселя во вторник, и я послал ему во вторник телеграмму на Париж. Однако до сих пор нет от него известия ни о выезде из Марселя, ни о приезде в Париж.

Сегодня вечером у нас будет предположенное собрание в Морском музее в 8 часов.

К. Победоносцев.

2 февраля 1879.

137.

Вчера был у меня С. С. Поляков и принес мне рисунки и планы дачи, которую он жертвует в распоряжение вашего высочества для учреждения училища коммерческого флота, преимущественно из казаков.

Все это вместе с адресом Полякова имею честь представить на благоусмотрение вашего высочества.

По всем данным, которые видны из планов и рисунков, я прихожу к тому мнению, что едва ли следует пренебрегать этим пожертвованием. Если оно попадает в умные руки распорядителя, то может быть употреблено с пользой. Надобно обсудить, куда приурочить это пожертвование, в чем я до сего

Библиотека "Руниверс"

времени не могу еще дать себе ясного отчета; но надеюсь разъяснить этот предмет в скорости.

К. Победоносцев.

4 февраля 1879.

138.

Сегодня получил от Баранова последнее письмо из Марселя от 30 января. Затем от 2/14 он телеграфировал уже из Парижа так: Pars demain Petersboug étant nécessaire aller Odessa plus tôt possible. Il faudrait me preparer permission de partir et arranger une assemblée du comité pendant mon court séjour á Petersbourg[1]).

Сегодня он присылает мне речь свою на обеде, устроенном им в Марсели, и просит, нельзя ли ее напечатать в газетах, с изменениями какие, признаются нужными.

Эту речь поспешаю представить на усмотрение вашего высочества.

И этот обед, и речь—совершенно в характере Баранова. Немало тут у него и лишних слов, и иное хвачено через край. Но есть слова хорошо сказанные. Например, последняя страничка мне нравится, особливо конец. Есть в этом человеке огневая жилка, и натура у него, при всех недостатках, напоминающих иногда французский характер, бесспорно русская.

Буду ждать, что вы изволите сказать об этой речи. Если печатать ее, то необходимо иное выкинуть, а иное переменить.

К. Победоносцев.

4 февр. 1879.

139.

Сегодня утром было заседание комитета у Посьета, с участием генер.-лейтенанта Дмитриева; тут же был и Пашинин. Баранов докладывал о распоряжениях своих в Марсели и о результатах своей поездки, при чем предъявлял контракт, заключенный им с заводом Forges et Chantiers на работы

[1]) Выезжаю завтра в Петербург, в виду необходимости отправиться в Одессу как можно скорее. Нужно бы приготовить разрешение на выезд и устроить собрание Комитета во время моего короткого пребывания в Петербурге.

Библиотека "Руниверс"

для „Нижнего-Новгорода“, на общую сумму 208.000 франков. В то число входят и работы на счет морского ведомства в сумме свыше 70.000 фр.

Пашинину положено ехать завтра в Одессу, где он должен осмотреть на ходу все три наши парохода, чтобы привести в точную известность, что именно необходимо на них исправить и переделать. Тогда можно будет заранее заказать, что возможно и нужно в Марсели ко времени прихода туда прочих судов. Во всяком случае, котлы для „Петербурга“ необходимо теперь же заказать новые.

Вчера получено подробное донесение Вахтина о его действиях с самого начала. Не угодно ли будет вашему высочеству просмотреть его: в нем немало интересных подробностей о ходе дела и об отношениях с обществом пароходства и торговли.

Вместе с сим представляю переписанную набело речь мою, сказанную в заседании 2 февраля. Она заключает в себе краткий очерк всего дела и нынешнего положения, а вместе с тем я старался по возможности ясно изложить в ней общий смысл дела и причины, приводящие к нынешнему исходу. Думаю, что это изложение может для лиц мало знакомых с делом послужить объяснением и поставить их на настоящую точку зрения. Поэтому я предполагаю отпечатать эту записку отдельною тетрадкой.

Может быть, вашему высочеству угодно будет представить подобную записку на воззрение государя императора, в виде сведения о ходе дела и о настоящем его положении. В таком случае, если прикажете, можно переписать тщательнее еще экземпляр.

Жду только доставления от Колычева его мнения и затем не замедлю представить вашему высочеству журнал заседания 2 февраля. Слышу от Баранова, что до вашего высочества дошел от кого-то слух, будто Копытов не имел возможности высказать все, что желал, в заседании. Этот слух не имеет никакого основания. Копытов говорил сколько ему было угодно, и никто не перерывал его. Затем, когда он кончил, было рассуждение, а когда и затем Копытов перестал говорить, то я спросил, кто разделяет его мнение,—хотя было, впрочем,

Библиотека "Руниверс"

трудно понять, к какому заключению он приходит. Никто не пожелал, и тогда я просил Копытова, не желает ли он изложить свое мнение на письме, прибавив притом, что долгом почту представить его мнение вместе с журналом вашему высочеству.

К. Победоносцев.

9 февр. 1879.

140.

В прошлый вторник слушалось в комитете министров дело по ходатайству генер.-губ. Восточной Сибири о посылке военного крейсера к северо-восточному прибрежью. Оно должно быть у вашего величества в числе дел, присланных на прошлой вторник из комитета министров. Не угодно ли обратить на него внимание. Морское ведомство, как видно из отзыва, относится к этому предмету равнодушно, что едва ли основательно. Если не посылать к тем берегам русские суда, то береговые инородцы совсем позабудут, что они принадлежат к России. И теперь уже многие чукчи говорят по-английски.

К. Победоносцев.

10 фев. 1879.

141.

Сейчас прочел записку, представленную вашему высочеству гр. Апраксиным. Едва ли она заслуживает внимания. И он хочет учреждать общество, только на свой манер, хотя и в роде нашего. Но все, что он пишет, основано все-таки на недоразумении и на сплетнях, и слухах, до него доходивших. Он возражает противу привилегий и субсидий, будто бы соединяемых с нашим обществом (хотя своему обществу требует того же самого). Но наше общество, как известно вашему высочеству, не ожидает и не просит никаких субсидий и льгот, кроме разве освобождения от сборов (что составляет, по расчету, неважную сумму, тысяч до 6); да и этот пункт, если против него будут возражения в комитете министров, мы согласны исключить. Стало быть, гр. Апраксин, очевидно, ошибается.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, он имел бы ясное понятие о нашем деле, когда бы в нем участвовал. По всегдашней горячности гр. Апраксина к морскому делу его участием и можно было бы воспользоваться, но, признаюсь, я никогда не думал об этом серьезно. К несчастью, дела гр. Апраксина постоянно расстроены, и он постоянно ищет денег для поправления их. Это обстоятельство, к сожалению, всегда представляло мне крайне неудобным участие гр. Апраксина в комитете Добровольного флота.

А до князя Якова Долгорукова всем нам, людям нынешнего слабого поколения, весьма далеко. Едва ли кому-нибудь удобно себя к нему приравнивать: пусть уж лучше приравнивают нас к нему другие люди, когда в делах наших увидят что-либо похожее.

К. Победоносцев.

11 февр. 1879.

142.

Ваше императорское высочество.

Баранов отправляется в Одессу завтра. Все эти дни было недоумение, можно ли ему уехать, так как ему следовало еще представиться его величеству, но государь император говеет на этой неделе и никого не принимает. После безуспешных попыток я решился, наконец, написать об этом затруднении гр. Адлербергу и получил сегодня от Воейкова уведомление, что Баранов может ехать.

Его высочество в. князь Михаил Николаевич пожелал на обратном пути своем воспользоваться одним из наших пароходов. Вчера Баранов являлся за этим делом к его высочеству, затем объяснялся с кн. Трубецким и был у Анненкова, так как пароходы наши служат перевозке войск. Дело это может устроиться по соглашению с Анненковым к общему удовольствию, и все уладится так, чтобы ко дню приезда его высочества „Россия“ была готова к его услугам.

Анненков устраивает все что может для отстранения всяких препятствий для службы наших судов. Но, к сожалению, и здесь, как повсюду, управление идет врозь: одно распоряжение идет отсюда, другое на месте делается. Меня уже

Библиотека "Руниверс"

предупреждали на-днях, что в главной квартире ведутся против нас подкопы, и что необходимо принять меры на случай отъезда Тотлебена из армии. На всякий случай я написал кн. Дондукову, прося о продолжении покровительства судам нашим по отъезде Тотлебена.

Между тем в военный совет внесено представление о продолжении контракта с нами на два месяца. Но как раз перед заседанием поспела следующая телеграмма от кн. Имеретинского:

„По заявлению заведующего морскою перевозкою генерала Домбровского суда Добровольного флота, как не имеющие паровых кранов, неудобны для перевозки тяжестей, и потому для казны невыгодно продолжать контракт на них долее 1 апреля“.

Вследствие того и в военном совете положено продолжить контракт до 1 апреля.

Анненков требует еще ближайших объяснений на эту телеграмму Имеретинского. Сомнительно, чтобы пароходы Черноморского общества оказались выгоднее для казны. Меня уверяют, что ни на одном из них нет лучших, против нашего, приспособлений. Но видно, они там за себя хлопочут.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

16 фев. 1879.

143.

Имею честь представить вашему высочеству записку, поданную мне капитаном 1 ранга Копытовым по поводу рассуждений, бывших в заседании комитета 2 февраля, когда он один остался при своем мнении.

Но я должен присовокупить, что нынешняя записка Копытова далеко не соответствует тому, что им было в тот раз высказано. Тогда он выразил только две главные мысли: что комитет не может передать пароходы новому обществу даром, без денежной за них уплаты, и что пароходы наши следовало бы

Библиотека "Руниверс"

передать в морское министерство в качестве транспортных судов. Эти мысли и в нынешней его записке повторяются.

Затем, что он пишет о неполноте собрания, не совсем верно и не от нас зависело. Мы приглашали всех, но московские кн. Долгоруков и Цветков отказались приехать за нездоровьем; граф Комаровский и Влангали за границей, но и им за неделю посланы были телеграммы. Качалов был в отъезде; Посьет, Обручев и гр. Воронцов не приехали. Шатилов и Третьяков приехали из Москвы, и последний имел полномочие от неприехавшего Найденова. Затем отсутствовавшие Влангали, Воронцов, Посьет, Качалов заранее объявили свое согласие с предположениями комитета.

Журнал заседания 2 февраля подписывается и будет мною представлен вашему высочеству завтра или послезавтра.

К. Победоносцев.

19 фев. 1879.

144.

Сегодня, прямо с дороги, явился ко мне механик Пашинин, вернувшийся из Одессы, куда мы отправляли его для осмотра механической части на всех пароходах, чтобы рассудить, какие предстоят работы по исправлению их. Баранов в письме своем пишет: „буквально я в восторге от виденного мною на „Петербурге“ и „Москве“, пришедших сегодня из Бургаса“. Пашинин поясняет мне, в чем дело. Говорит он, что суда наши содержатся в удивительном порядке: трудно поверить, что при беспрерывных переходах и при перевозке такого количества команд, офицеров, больных—чистота везде оказывается поразительная. Пашинин сам ходил на всех трех пароходах. При нем прошла в Одессу „Москва“ с первыми командами, отправленными из Бургаса по заключении мира, и он присутствовал при торжественной встрече войск. „Москва“ привезла разом два полка,—явление небывалое. Все поражены были массою людей, благополучно сходивших с парохода. На „Петербурге“ больные и слабосильные благословляют свою участь, все они сидят и лежат в тепле, тогда как на Елисеев-

Библиотека "Руниверс"

ской „Екатерине“, которая перевозит лишь по несколько сот, больные, за недостатком помещения, содержатся на палубе и терпят от холода.

Все это приятные вести, и я спешу передать их вашему высочеству. Пусть не думает и великая княгиня, что от Добровольного флота грозят одни опасности. До сих пор, слава богу, дела наши шли успешно,—люди старались всячески, и роптать на ход дела, кажется, не было причины. Вот, извольте посмотреть, что пишут газеты о стоимости крейсеров, купленных в Америке морским министерством,—страшно читать 8 миллионов, а пожалуй, еще и дороже выйдет. К сожалению, в публике до сих пор все еще смешивают эти суда с нашими и думают, что это одно и то же дело.

Результаты осмотра, произведенного Пашининым, тоже довольно благоприятны. Только на „Петербурге“ котлы, которые и куплены старыми, требует перемены, и новые котлы для него поступят уже на-днях в работу в Марсели. Затем на „России“ и на „Москве“ никаких серьезных починок и переделок не предвидится, а требуются лишь частные и незначительные. Пашинин составил всему ведомость—завтра я буду с ним у Посьета, чтоб объясниться окончательно о работах, и затем дня через два мы ушлем уже Пашинина в Марсель, с тем, чтобы он, дождавшись окончания работ на „Нижнем“, отправился на нем обратно в Одессу.

Вчера получил я от Макова интересную бумагу. Он предлагает нам объяснить наши условия для перевозки ссыльных на Сахалин и предлагает условия, которые предлагало морское министерство и которые не были приняты. Морское министерство требовало единовременно 500.000 р. на покупку двух транспортных судов и затем до 255.000 ежегодно на их содержание в пути. Теперь нам предстоит сделать свой расчет. Дело это очень заманчиво и обещает открыть новый горизонт для деятельности наших судов.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

27 фев. 1879.

Библиотека "Руниверс"

145.

Не угодно ли вашему высочеству просмотреть составленные в комитете счеты по образованию капитала Добровольного флота по 1 января. Благодаря аккуратности нашего казначея Грибанова и усердию бухгалтерских чинов, все цифры разнообразных поступлений приведены в порядок и никаких просчетов не оказывается.

От Баранова сегодня получена телеграмма: „Вчера пришла „Россия“, которую осмотрел, найдя в таком же блистательном порядке, как прочие пароходы. Официальные и слышанные мною отзывы войск самые благоприятные. Окончу дела сегодня и выеду завтра“.

К. Победоносцев.

5 марта 1879.

146.

Покорнейше благодарю ваше высочество за сообщение газетных статей, которые, впрочем, были уже мне известны. Пусть их болтают, что хотят; я и не ожидал от них лучшего. К сожалению, печать наша не умела взглянуть на дело беспристрастно, и во всех статьях здешних газет помещались до сих пор одни лишь коварные статейки, писанные лицами недовольными или тем, что дело идет не так, как они желали бы, или тем, что они сами не участвуют в деле. Я не сообщал своей речи ни в одну газету: ее достали приватно и принялись судить о ней вкривь и вкось. Газеты обиделись тем, что статьям, до сих пор появившимся, я не придаю серьезного значения.

Но, кроме того, дело наше никому почти неизвестно, и никто в журнальном мире не понимает настоящее его значение, помимо личных интересов. Очень жаль, но мы никогда и не рассчитывали на поддержку от газет, из которых ни одна почти не стоит уважения.

Только люди, стоящие близко к делу, могут понять сущность нашей задачи. Что выйдет из этого дела,—трудно сказать заранее. Я сам не имел веры в него и не начал бы его,

Библиотека "Руниверс"

когда б от меня зависело. Но по мере того, как оно двигалось, я не мог не убедиться в том, что успех оказался неожиданный; дело пошло вообще ладно. На него стали отзываться с горячностью во имя русских интересов, которые считали забытыми и заброшенными. В сотрудниках своих я нашел людей честных и искренних, желающих весть его честно и показать на деле, что можно вести предприятие без игры в личные интересы, ради патриотической цели. Итак, несмотря на тягостную для всех заботу и на риск, мы решились не покидать дела до тех пор, пока можно будет сдать его в надежные руки. Необходимо было только одно сделать скорее— вывесть ваше высочество из несоответственного положения, снять с вас всякую дальнейшую ответственность за успех хозяйственных операций и взять ее на себя исключительно. Вот для чего придумано нынешнее общество: его правление, в котором мы же считаем долгом остаться, будет в сущности продолжением того же комитета, только в другой форме, в которой вы останетесь в стороне от управления. Затем пускай нас обвиняют сколько угодно и в неспособности, и в ошибках, но не будет повода по крайней мере обвинить нас в том, что мы преследуем личные свои интересы.

Вот чего не понимают газеты, и чего нельзя же объяснить им. Но этого не понял, к сожалению, и Копытов, и не хотят понять иные люди из-за личного самолюбия и личных взглядов; иные даже раздражены бог знает чем и проводят свои взгляды через редакции газет, с которыми состоят в сношениях. На всех не угодишь. Главное—нужно приложить старание к тому, чтобы дело наше оставалось чистым и сколь возможно держалось бы, сводя концы с концами. Тогда и успех его будет обеспечен.

К. Победоносцев.

8 марта 1879.

147.

Имею честь представить к сведению вашего высочества список лиц, подписавшихся под уставом в качестве учредителей общества. Устав уже представлен мной министру финансов.

Библиотека "Руниверс"

Перевозка войск уже оканчивается. Сегодня была телеграмма: „Одесса“, „Петербург“ и „Москва“ пришли сегодня из Бургаса. Крускопф стоял сутки в Бургасе, ожидая войск, и привез известие, что остается перевезть всего 800 человек и не ранее 25-го“.

Хотел было завтра явиться к вашему высочеству, но узнал, что завтра не изволите быть дома. Попытаюсь зайти в субботу, в 1-м часу.

К. Победоносцев.

22 марта 1879.

148.

Имею честь представить вашему высочеству любопытные диаграммы, составленные служащим в нашей канцелярии инженером Карпинским, с объяснительной к ним запиской.

Из этой работы, составленной по ведомостям и шканечным журналам, изволите усмотреть, что у нас ведется учет аккуратный.

Г. Карпинский принадлежит к числу лиц, работающих у нас без всякого вознаграждения, единственно из усердия к делу. Он состоит в частной службе, но, имея свободное время, пожелал употребить его для нашего дела и с самого лета у нас занимается.

Любопытно, что „Петербург“, который по конструкции машины и по ветхости котлов сжигает угля гораздо более прочих пароходов (до 70 тонн в сутки), оказался в результате прихода и прибыли выгоднее прочих.

К. Победоносцев.

25 марта 1879.

149.

Христос воскрес.

Не смею явиться в дом к вашему высочеству на некоторое время, потому что у меня в доме завелась корь, и потому спешу на письме принесть поздравление вам и государыне цесаревне. Здравствуйте и радуйтесь со всем домом вашим на светлый праздник.

Библиотека "Руниверс"

Я встретил его и провел целую неделю в Сергиевой пустыни, в совершенной тишине и довольстве. Жаль было возвращаться, но чувствую, что отдохнул покамест от шума и суеты и от множества тягостных впечатлений.

Между тем, по Добровольному флоту у нас приходит горячая пора. Дела набирается столько, что, пожалуй, вскоре придется пожалеть, что у нас нет еще пятого парохода.

Деятельно идут переговоры с министерством внутр. дел и с морским относительно рейсов в Сахалин. Легко может быть, что „Нижний" и пойдет у нас туда на первый раз еще в конце мая с ссыльно-каторжными. От морского министерства ожидается груз провианта,—впрочем, еще не в нынешнем году, а в начале следующего. Необходимо решить вопрос на-днях,чтоб сделать все нужные приспособления на „Нижнем"; но, к сожалению, здесь все живут в такой суете, что весьма трудно добиться в скорости нужных объяснений с начальственными лицами разных ведомств. Еслиб здесь все было решено, то следовало бы опять послать Баранова для наблюдения за работами на „Нижнем". Эти рейсы на Дальний Восток обещают много плода в будущем. Теперь наше прибрежное население в главных пунктах тамошнего края служит рынком для американских и английских изделий. Я завожу теперь сношения с московскими торговыми домами, которые пытались уже направить туда русские фабричные изделия.

Очень жаль, что заказ нового парохода покуда еще не состоялся. Между тем из Марселя настоятельно требуют ответа и напоминают, что с возвышением цен на материал прежде объявленные ими цены могут возвыситься.

Военное ведомство объявило было нам конец контракта, и мы, сообразно с тем делали распоряжения о „Петербурге" и о „Москве". Но со вчерашнего дня вдруг все переменилось. Военное ведомство настоятельно требует теперь же дать им „Петербург" под больных и еще пароход или два для перевозки войск. Итак, по всей вероятности „Петербург" и „Россия" примутся опять за работу в Черном море, тогда как „Москву", с возвращением „Нижнего", придется услать в Марсель, а „Нижний" может отправиться в дальние моря.

Библиотека "Руниверс"

В настоящую минуту здесь находятся в отпуску старший офицер Чириков с „России“, а с „Москвы“—Порецкий, который, к сожалению, совсем переходит в гвардейский экипаж. Оба—прекрасные офицеры, и Чириков держал в большом порядке хозяйственную часть на „Москве“. Если позволите, они были бы счастливы представиться в один из приемных дней вашему высочеству.

В прилагаемом листке одесской газеты „Правда“ есть любопытная статья в ответ на статью, в которой доказывалось, что перевозка на судах Черноморского общества выгоднее для военного ведомства.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

1 апр. 1879.

150.

Ваше императорское высочество.

Я узнал один из первых об ужасном нынешнем событии. Бар. Остен-Сакен, услышав выстрел из своей квартиры, выбежал на улицу, был свидетелем поимки злодея и тотчас прибежал ко мне, весь взволнованный. Потом я провел в Зимнем дворце большую часть утра.

Все потрясены и взволнованы. Поистине, чудное дело промысла божия, что государь остался невредим. Страшно и подумать, что могло бы случиться, когда бы злодей успел привесть в исполнение до конца свой ужасный замысел. Народ не вытерпел бы,—и за одним ужасом последовали бы другие.

Боже, долго ли еще это будет продолжаться? Долго ли мы будем жить в этом кошмаре тайных судилищ и убийств? Сегодня слышал я около себя много толков, и безумных, и разумных, но должен сказать с грустью, что самые честные и разумные люди молчат, понурив голову. Они уже не верят, чтобы правительство решилось проснуться и действовать решительно; они уверены, что пройдет несколько дней, впечатление ослабеет, и ничего не будет предпринято решительного. Сколько уже месяцев длится террор, и не слыхать, чтоб

Библиотека "Руниверс"

кто-нибудь понес кару достойную. Говорят, что постановленные в Киеве приговоры смертные не разрешено приводить в исполнение, что важные преступники содержатся и теперь еще здесь, а их даже и не судят. Полицейские чины перестали верить в действительность всех мер розыска и ареста, видя, что последствий никаких не выходит. Народ ропщет уже громко на бессилие и слабость правительства. Приходится сказать страшное слово: все теряют веру в правительство, и если оно хочет избежать гибели, необходимо взяться за дело тотчас же твердою рукою.

Здесь, в Петербурге, и затем в Киеве, Харькове, Одессе надобно объединить власть, вооружив ее средствами для быстрой и решительной кары. Надобно, чтобы казнь следовала как можно скорее за преступлением. А главнее всего надобно выбрать людей и не мешать им действовать. Не Зурова и не Гейнса, и не Валя, а людей крепкой воли и разума, и мужества. Стоит только захотеть, и они найдутся; стоит государю призвать их, поговорить с ними, послать их во имя отечества и развязать им руки, и не слушать болтунов и трусов, и лакеев, которые состоят — увы! — ближайшими ныне советниками. Сколько б эти люди ни совещались вокруг зеленого стола, под председательством хотя бы Валуева, из этого ничего не выйдет, кроме срама и бессилия. О, когда б только государь решительно высказался,—как бы все эти люди вдруг заговорили другим языком. Если же он не решится, не скажет свое непреклонное слово, не будет толку. Зло так уже усилилось, что его надобно лечить железом и кровью. Само собой ничто не сделается. Напрасно станет правительство взывать к обществу, к благомыслящим людям. Что может сделать общество, когда надобно действовать всею силою законной власти, а право разыскивать, судить и карать принадлежит одному правительству, и оно отказывается им пользоваться, уклоняется, колеблется. Может притти минута, когда народ, в отчаянии, не узнавая правительства, в душе от него отречется и поколеблется признать своею ту власть, которая, вопреки писанию, без ума меч носит. Это будет минута ужасная, и не дай бог нам дожить до нее...

Библиотека "Руниверс"

О, помоги боже нашему правительству выйти из странного, непонятного оцепенения!

Ежечасно думаю об вас глубокою думой. Могу себе представить, какие впечатления и ощущения в душе у вас накопляются. Помоги боже вам все это пережить и передумать благополучно. Впереди столько мрака, столько смуты, столько тяжкой работы: все это можно перенесть, лишь бы только знать, что нужно, и делать, что нужно, твердою волей. Ваше высочество! да благословит и да укрепит вас господь!

Вернопреданный

К. Победоносцев.

2 апреля 1879.

151.

По назначению вашего высочества Чириков и Порецкий завтра, в четверг, в 12 часов, явятся в Аничков дворец. Оба они у меня были и оба произвели на меня приятное впечатление. Чириков и теперь старшим офицером на „России", а Порецкий был ревизором на „Москве" и оставляет ее с сожалением. Чириков ходил в последний раз на „России", когда она посылалась в Поти для принятия в. кн. Михаила Николаевича.

Завтра же, около 2 часов, и я попытаюсь, не застану ли ваше высочество.

К. Победоносцев.

4 апреля 1879.

152.

Ваше императорское высочество.

Все эти дни думаю о вашей безопасности; сегодня сказывали мне, что вы третьего дня приезжали в Морской музей на музыку без провожатого, в дрожках, и так же уехали обратно. Ради бога, берегите себя, будьте осторожны: подумайте, чего стоит ваша безопасность для целой России. Повсюду теперь тайные злоумышленники, и бог знает что замышляют, чем угрожают они. Признаюсь, мне приходило

Библиотека "Руниверс"

на мысль и ваше музыкальное общество. В него записывались и такие люди, за которых никто не ручался и которых мало знают; записывались и люди, вовсе не интересующиеся музыкой, единственно из личных целей, чтоб сидеть в одной комнате с вами. В обыкновенное время это не беда, а теперь приходится избегать всякой смешанной компании. Особливо теперь, после покушения 2 апреля и в виду принимаемых мер, бесы эти, повидимому, расходились и наверное ищут случая совершить какое-нибудь важное злодеяние. Ради бога, ваше высочество, будьте осторожны и не подвергайте себя напрасной опасности. Я живу точно в лихорадке: каждое утро с волнением спрашиваешь себя: что еще случилось?

Господь да сохранит вас, вы сами, может быть, не знаете, как вы для всех дороги!

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

7 апреля 1879.

153.

Ко вчерашнему дню комитет Добровольного флота перебрался в новое помещение. До сих пор гр. Воронцов давал ему приют у себя в доме, в Галерной. Это помещение занималось обыкновенно, и теперь вновь должно быть занято штабом, так что нам приходилось искать квартиры. Нашли ее за сходную цену на Мойке, близ Певческого моста. А как вчера же, 11 апреля, считается годовщина со дня высочайшего повеления в прошлом году об учреждении комитета, то в новом помещении отслужен был молебен с водосвятием.

Сегодня же пулучена мною из Одессы телеграмма, с коей копия при сем прилагается.

К. Победоносцев.

12 апреля 1879.

154.

Б. Н. Чичерин просит меня представить вашему высочеству книгу, только что им изданную: Наука и религия. Это книга замечательная и, верно, обратит на себя общее

Библиотека "Руниверс"

внимание. Она написана против новейших материалистов и доказывает всю нелепость учения их с философской точки зрения.

Из комитета министров, куда вносится устав общества Добровольного флота, спрашивают меня, изволите ли ваше высочество принимать на себя звание покровителя общества. На основании того, что я слышал уже от вашего высочества, считаю возможным дать утвердительный ответ.

17 апреля 1879. *К. Победоносцев.*

155.

Спешу представить вашему высочеству только что напечатанную, прекрасную, энергическую речь саратовского епископа Тихона по поводу покушения 2 апреля.

Не угодно ли будет при случае переслать этот листок государыне императрице. Она интересовалась, как я слышал от гр. Толстого, что будет сказано с церковной кафедры по случаю печального события.

К. Победоносцев.

18 апреля 1879.

156.

Сегодня Кази уехал в Марсель. Перед отъездом, в пятницу, было заседание у С. С. Лесовского для обсуждения всех принадлежностей рейса в Сахалин, которые относятся до морского ведомства, при чем присутствовал профессор Мартенс и прочитана была заготовленная для Кази инструкция. А вчера, вечером, собирались мы у себя в комитете вечером для той же цели и, кроме того, для выслушания доклада делопроизводителя нашего Мусницкого, который послан был в Москву для объяснения с тамошними фирмами, ведущими китайскую торговлю,—с Трапезниковым, Морозовым, Боткиным и Пятковым. Кстати, случилось быть в эту пору в Москве Пяткову, и Трапезникову, проживающим обыкновенно в Ханькоу и Фучао.

Наше дело, видимо, заинтересовало их. И подлинно, оно может иметь величайшую важность для русской торговли

Библиотека "Руниверс"

в тех странах, которая теперь относительно перевозки вся в руках англичан. Необходимо только, чтоб рейсы были постоянные. Это, конечно, дело будущего; для объяснений по этому предмету, может быть, приедет сюда на-днях Пятков, знающий его в совершенстве.

Между тем, в настоящее время нам обещан, на обратном рейсе из Владивостока, в Шанхае груз до 600 тонн чаю 3-го сбора, если, как надобно надеяться, „Нижний-Новгород" поспеет в Шанхай в конце августа или в начале сентября.

Успешность этого первого рейса зависит от обстоятельств, которые теперь нельзя определить вполне. Во 1-х, приспособления для каторжных будут делаться в Марселе (их принимает на свой счет м-во внутр. дел), и теперь можно лишь надеяться, что они займут не слишком много времени и что „Нижний" поспеет к июню в Одессу. Туда к этому времени министерство распорядится подвесть всю партию арестантов. Путь от Одессы до Сахалина займет, как полагают, не более 2 месяцев; но самая важная остановка предвидится в Сахалине по случаю выгрузки, которая очень неудобна и в Корсаковой, а еще того более, в Дуэ. Министерство внутр. дел уже послало свои бумаги и сделало распоряжение, но исправно ли они будут исполнены, невозможно предвидеть теперь. Сахалинское управление вообще беспорядочно: там главным начальником офицер, присланный от Фредерикса. Министерство внутр. дел давно предполагало устроить там особое управление с губернатором, но встречало препятствие до сих пор в мин. финансов. Теперь оно очень благодарно нам за то, что по случаю перевозки на наших судах дело это внезапно подвинулось, и мин. финансов изъявил свое согласие на органазацию нового управления.

Дай бог, чтобы этот первый опыт удался. Мы надеемся на распорядительность капитана Кази.

Здесь состоит при речном яхт-клубе мореходный класс, на который минист. финансов отпускает 2.000 рублей. Заведывает им отставной моряк, старик, но еще бодрый, Леер, и ведет его, сказывают, отлично. В нынешнем году кончили там курс семеро молодых людей, большею частью из крестьян,

Библиотека "Руниверс"

штурманскими помощниками. Баранов был на экзамене и говорит с великою похвалой об этих учениках. Некоторые из них уже плавали с большим отличием. Теперь, по выпуске, деваться им некуда,—и штурманские должности на русских торговых судах занимаются иностранцами. Леер приезжал просить меня за них, и вчера мы положили принять их на наши суда, 4-х—штурманскими помощниками, а двух—матросами.

При сем представляется копия с инструкции, данной капитану Кази.

К. Победоносцев.

22 апреля 1879.

157.

Прилагаемая при сем статья г. Крыкова не заключает в себе ничего серьезного. Она любопытна только как образец крайней путаницы в мыслях, как болезненное явление расстройства, которое, к несчастью, беспрестанно встречается. Трудно даже понять, что пишет г. Крыков,—такой сумбур у него в голове. Если есть главная мысль, то она состоит в том, что все законы и все действие власти следует уничтожить, так как они мешают единодушию людей. Он воображает, что как только люди предоставлены будут сами себе, то между ними водворится единодушие. Он, видно, крепко верит этому и воображает, что сам дошел до этого; но мысль это совсем не новая, и лежит в основании всех анархических учений. Есть люди, которые с убеждением и с фанатизмом проповедуют анархию или отрицание всякой власти и закона, как единственное основание благополучия человеческого. Г. Крыков так наивен, что адресует свою записку вашему высочеству и еще удостоверяет в своем благоразумии и в искренней преданности престолу и отечеству. По всей вероятности, он и верит сам в свою преданность. Вот образец, как нынче люди сходят с ума, сами того не подозревая.

На письме не выставлено местожительство автора. Любопытно бы знать, откуда пакет прислан.

К. Победоносцев.

27 апреля 1879.

Библиотека "Руниверс"

158.

Ваше императорское высочество.

Мое предположение было таково, что по утверждении устава общества ваше высочество собираете комитет и объявляете его закрытым.

Устав общества еще не утвержден. Но в виду предстоящего отъезда вашего в Петергоф и в виду несомненного, кажется, утверждения устава, думаю, что возможно было бы собрать всех членов комитета, здешних, к вашему высочеству завтра, вечером.

Вы изволите недоумевать, что это будет за заседание. Я думаю, что в заседании, т.-е. когда все сядут, дело обойдется проще и удобнее для вашего высочества. План у меня был такой. Я обратился бы к вашему высочеству в кратких словах с докладом о положении дела и о трудах всех и каждого. Затем вам оставалось бы объявить ваше удовольствие и благодарность.

Итак, согласно с желанием вашим, я распоряжусь немедленно собрать всех в Аничков дворец на завтра, в 9 ч. вечера. Если последует какая отмена, благоволите дать знать мне завтра, утром; но, по всей вероятности, отмены не будет.

Затем, когда прибудут сюда московские и отсутствующие члены, ваше высочество, вероятно, соблаговолите принять их в общем приеме, обыкновенным порядком.

Завтра буду иметь честь явиться в Аничков дворец несколько ранее, на случай дальнейших приказаний.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

29 апреля 1879.

159.

Сегодня, в четверг, должен быть представлен вашему высочеству журнал комитета министров об уставе общества Добровольного флота. Намерение ваше было отослать этот журнал на утверждение в Ливадию, и, по всей вероятности, он пойдет в воскресенье с следующим курьером.

Библиотека "Руниверс"

Чтоб не было замедления и недоразумения в утверждении этого журнала, не благоволите ли, ваше высочество, при отсылке этого журнала пояснить, по какой причине вы изволите признавать его требующим высочайшего утверждения.

Сегодня был у меня уже в другой раз Карье, главный инженер общества Forges et Chantiers, приехавший сюда для составления контракта на постройку нового парохода. Очень умный и приятный француз, кажется, мастер своего дела. Вот уже два дня как он сидит у генерала Дмитриева за соображением разных подробностей постройки и чертежей, ради замечаний, сделанных на проект генерал-адмиралом. По моему рассуждению, этими замечаниями нет нужды стесняться, так как деньги за судно платит не морское ведомство, а замечания эти, повидимому, несущественные. Но говорят, что из политических расчетов все эти обсуждения необходимы. Все это окончится, надеюсь, к воскресенью; а завод, повидимому, всячески желает исполнить работу как можно тщательнее.

К. Победоносцев.

3 мая 1879.

160.

Ваше императорское высочество.

К великому сожалению, не могу сегодня приехать в Петергоф принесть свое поздравление, и на письме поздравляю всей душою вас и государыню цесаревну с милым новорожденным. Сегодня ему 10 лет. Дай боже ему возрастать в силу; дай боже, чтобы довелось ему жить и действовать в лучшие времена, и дай боже в какое бы то ни было время, чтобы он всегда видел ясно и знал твердо, чего он хочет и что надобно делать. И да хранит вас господь со всем вашим домом.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

6 мая 1879.

Библиотека "Руниверс"

161.

Сегодня подписано условие с уполномоченным от завода Forges et Chantiers г. Карье о постройке судна. Может быть, вашему высочеству любопытно будет взглянуть на условие контракта, который при сем прилагается. Вчера мы провели целое утро у К. Н. Посьета для обсуждения окончательной редакции договора и сделали некоторые изменения. По желанию ген.-л. Дмитриева, следовало постановить, что материалы для постройки должны соответствовать пробам, принятым у нас в морском министерстве. Но по ближайшем обсуждении мы сочли за лучшее не упоминать об этом, так как у нас употребляются металлы совсем другого качества, и французские условия пробы гораздо выше наших, стало быть, применение нашей нормы совсем не было бы для нас выгодно и могло бы повести к недоразумениям и пререканиям. Поэтому мы сочли за лучшее постановить, чтобы материалы соответствовали условием пробы, принятым в французском флоте.

Потом еще прибавлено и охотно принято со стороны Карье такое условие, что если по окончательной отстройке судно будет иметь на расчисленную долю меньше условленной скорости, то мы в праве не принять его.

Вообще г. Карье выказал самую предупредительную любезность: кажется, они очень дорожат нашим заказом; я слышал даже, что Шанзи очень этим доволен и намерен изъявлять благодарность вашему высочеству за доверие.

Относительно работ на „Нижнем-Новгороде“ получено от Кази письмо, которое прилагается на случай, если вашему высочеству угодно будет взглянуть. Письмо дельно написано и из него видно, что это—человек, который умеет распорядиться. Он рассчитывает, что 25 мая может уже быть в Марсели.

Горе у нас теперь в том, что Вахтин в Одессе крепко болен. Так болен, что мало надежды на его выздоровление. Это будет большая для нас потеря,— не придумаешь, кем заменить его.

К. Победоносцев.

7 мая 1879.

Библиотека "Руниверс"

162.

Сегодня ездил с Ермаковым и с Барановым осматривать работы в мастерской у Джевецкого. Корпус подводной его лодки уже собран, а детали работаются. Для некоторых частей придется ему съездить в Париж и в Берлин. Он объяснял нам любопытные подробности устройства.

Все эти дни приходять ко мне с утра до ночи самые разнообразные лица для разных объяснений. В голове у меня одно—Сахалин. Работы в Марселе кипят, и Кази надеется быть в Одессе 25 мая. Времени остается уже немного, а устроить надобно многое. Отыскиваю теперь священника и еще не мог найти. На самом Сахалине и в местном управлении, по всем сведениям, такой хаос и такая безурядица, что невозможно рассчитывать от них на содействие даже при выгрузке. Надеюсь только на то, что сам Кази сумеет управиться. По всему видно, что он распорядителен. Завтра, в 12 часов, наконец, Маков нашел время сделать у себя совещание, на котором обсудим главные вопросы.

Между тем, есть предметы, по которым нужно было бы мне лично доложить вашему высочеству. Попытаюсь приехать в Петергоф в субботу с 10-часовым поездом.

К. Победоносцев.

10 мая 1879.

163.

Ваше императорское высочество.

Сегодня имел честь получить телеграмму вашу об утверждении Чапова. Вследствие того в начале следующей недели соберем, бог даст, общее собрание учредителей. Ожидаю с нетерпением конца мая. Весь этот месяц так утомил меня, что уже силы истощаются. С утра до вечера принимаю, одно за другим, множество разных лиц, и с каждым надо входить в объяснения. Покуда не выйдет из Одессы „Нижний-Новгород“ с своим грузом, нельзя будет и думать об отдыхе.

На „Нижнем“ все работы кончены в срок, т.-е. 14 мая. Завтра, в четверг, предполагается сделать пробу в море на

Библиотека "Руниверс"

ходу, и затем „Нижний“ должен выйти в путь. В Одессу должен притти 26-го или 27 мая.

Между тем минист. внутр. дел сделало распоряжения о высылке ссыльно-каторжных с арестантскими поездами. Первая партия 225 чел., выедет из Харькова 25 мая и прибудет в Одессу 27-го. Вторая—оттуда же, 225 чел., прибудет 30-го. Третья—125 чел., из Пскова, прибудет 29-го, и четвертая, из Вильны, 125 ч., прибудет 30-го. Для сопровождения людей в пути назначен от министерства пристав и, сверх того, с ними поедет и высадится вместе с ними на Сахалине генерал-майор де-Витт, для дальнейших распоряжений. Де-Витт знаком уже с Сахалином, на котором провел несколько лет, еще в 60-х годах. Он дельный и знающий офицер.

Министерство вн. д. отправило своего чиновника в Одессу для закупки хлеба—до 6 т. четвертей, который отправляет на Сахалин. Кроме того, посылает железа, инструменты, семена и много других вещей, которых там уже ждут с нетерпением, ибо Сахалин подобен Робинсонову острову. На пути, в Шанхае или в другом месте, куплено будет до 1 тысячи пудов соли для доставления туда же.

После долгих поисков приговорил я, наконец, священника, иеромонаха из Сергиевой пустыни, усердного и хорошей жизни человека, который и отправится на „Нижнем“. Сегодня был у меня купец Комаров, который жертвует нам походную церковь с утварью. Сверх того, отправляю я еще одного человека, на которого случайно напал,—некоего г. Митрополова, который издавна от горячего усердия занимается распространением в народе духовных книг и пропаганды против пьянства. Он отправляется из того же усердия и повезет с собой большой запас духовно-нравственных книг и брошюр и картин. Для приобретения их открыл я подписку, и г. Митрополов собрал уже в 2 дня и принес мне до 800 рублей сер.

Дай бог только, чтоб этот первый опыт плавания в дальние воды совершился благополучно.

Генерал-адмирал уехал вместе с С. С. Лесовским. По отъезде их обнаружились признаки, что морское министерство предполагает сокращать свои прежние любезности До-

Библиотека "Руниверс"

бровольному флоту, и впереди надобно ожидать охлаждения. Я получил уже от Таубе бумагу о том, что морское министерство отказывается впредь содержать на свой счет на наших судах тех офицеров, которым оно до сих пор отпускало содержание из сверхсметных своих кредитов.

И заседания госуд. совета закрылись. Предпоследнее заседание общ. собр. 7 мая оставило во всех очень тяжелое впечатление. Тут произошла неприятная сцена—не к чести Грейга и нашего председателя. Слушалось дело, которое уже в департаментах произвело немало толков и возбудило разные мнения, раздражив министра финансов. В прошлом году, бывши в Париже, он дал французскому банку Crédit Lyonnais обещанье, что выхлопочет ему разрешение открыть свои действия в Петербурге. Для этого оказалось нужным провесть дело через госуд. совет, так как несколько лет тому назад, по представлению министра же финансов, принята была общая мера не дозволять открытие новых банков во избежание новых спекуляций. Теперь из этого правила предполагал он сделат исключение в пользу Credit Lyonnais. Многие, и я в том числе, решительно возражали против этого предположения по многим уважительным причинам, из коих главная была та, что русская публика ничем не обеспечена против иностранного учреждения, которое, действуя в России, будет сохранять и свои капиталы, и резиденцию, и подсудность в Париже, где его достать нельзя, и что следовало бы по крайней мере потребовать от него залог, как требуют, например, в подобных случаях от иностранных страховых обществ. Грейга крайне раздражали эти возражения, а в общем собрании раздражение его перешло всякую меру, и председатель, выйдя из беспристрастного положения, слишком явно брал его сторону. Грейг, отвечая Делянову, позволял себе такой вызывающий тон и такие грубые выражения, что совестно было слушать. Его не остановил председатель, а когда Грот вышел возражать Грейгу, вел. князь оборвал Грота на первом слове, вышел из себя и по поводу одного не совсем точного выражения, употребленного Гротом, насказал Гроту столько оскорбительных слов, что все были возмущены. Грот уехал

Библиотека "Руниверс"

после того за границу, кажется, с намерением не появляться более в госуд. совете. Так неприятно заключилась нынешняя сессия.

Баранов с утра до ночи занят у Гурки, а с 3 по 5 в нашем комитете. Не сомневаюсь, что он будет там очень полезен, ибо у Гурки он один, кажется, живой человек. Положение Гурки, действительно, тяжкое: с номинальною властью он связан по рукам и по ногам, а у Дрентельна, в III отделении, судя по всему, сидят или совсем ничего не понимающие люди, или вовсе изменники. Ужасно подумать, что из такого невозможного положения нет дороги выбраться. И возможно ли надеяться на открытие преступников, когда честные люди, знающие виновных, не решаются открыть этого, ибо действовать можно лишь через III отделение, а там орудуют тайные сообщники злодеев. Каково же русскому смыслу видеть такое бессилие власти и чувствовать, что выхода нет из него. Такого позора еще не бывало!

Сегодня в госуд. совете собиралось предварительное, распорядительное заседание верховнаго уголовного суда (в который вместо выбывшего Будберга назначен Делянов), и после заседания Урусов с Набоковым ездили в крепость вручать преступнику обвинительный акт.

О здоровьи Вахтина получаются, слава богу, более утешительные известия. Не чаяли уже выздровления, так как у него образовался нарыв в печени, но последние дни показывают некоторую надежду.

К. Победоносцев.

Петербург. 16 мая 1879.

164.

Сегодня отправил я к вашему высочеству, между прочим, объявление, вырезанное из газеты „Голос“, о потере зонтика государынею цесаревной. Это объявление здесь удивило многих, — не знаю, кем оно сделано, и с вашего ли согласия: в конторе ничего об этом не знают. В нынешнее смутное время невольно приходит на мысль, не подает ли этот зонтик повода неизвестным людям проникнуть в Александрию.

Библиотека "Руниверс"

Ах! к несчастию моему, я вижу вблизи и слышу всех этих людей, которые ныне держат в руках своих судьбы государства. Не могу выразить, какую жалость и горькую печаль они возбуждают: никого не видно, кто знал бы, чего хочет, кто желал бы горячею душей, кто решился бы действовать твердою волей, кто видел бы правду, кто говорил бы правду твердым словом. Все какие-то скопцы, а не люди,— самые лучшие из них колеблются, трусят, раздвоены в своей мысли, и оттого говорят только, но не действуют, и все врозь друг с другом, и нет единой решительной воли, которая связала бы их вместе и направила. Про таких-то людей в Апокалипсисе сказано: „Знаю твои дела: ты не холоден, ни горяч. Пусть бы ты был либо горяч, либо холоден, но ты только тепловат; не могу тебя терпеть, выплюну тебя из уст моих".

Они все живут так, как будто величие их власти им принадлежит, а дело их идет само по себе. И горько слышать пустые и громкие их речи, когда знаешь жалкие дела их. Они думают, что сделали свое дело, когда выслушали доклад своих подчиненных, которые привыкли настраивать их как угодно, и потом понести выше свой собственный доклад в том же роде. Еслиб они понимали, что значит быть государственным человеком, они никогда не приняли бы на себя страшного звания: везде оно страшно, а особенно у нас, в России. Ведь это значит — не утешаться своим величием, не веселиться удобством, а приносить себя в жертву тому делу, которому служишь, отдать себя работе, которая сожигает человека, отдавать каждый час свой и с утра до ночи быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только. У нас, в России, все только людьми можно сделать, и всякое дело надобно держать, не опуская ни на минуту: как только опустишь его в той мысли, что оно идет само собою, так дело разоряется, и люди расходятся и опускаются. И вот так-то у нас теперь опущено и запущено все—от края до края. До того дошло, что во все места правления проникли злодеи и изменники, облеченные тоже властью; да и все раздвоились в мысли о том, что составляет существо доброй

Библиотека "Руниверс"

совести, правды и закона. Верите ли, что в судах есть—и немало их—прокуроры, которые, не стесняясь, говорят, что нынешние злодеи и убийцы из-за угла составляют воюющую сторону, и что потому трудно преследовать их. И так говорят люди, которые поставлены быть обвинителями на суде во имя закона!

Вот теперь заседает еженедельно коммисия, которой поручено изыскать способы к умиротворению государства и к водворению порядка. Председателем ее сам первый мастер пустозвонной фразы Валуев, поседевший в практике громких речей, из которых ничего не выходит, кроме лести и заблуждения, почерпающий из лондонскаго „Times“ свои вдохновения и государственные взгляды. Когда видишь перед собою репейник, можно ли ждать, что на нем виноград вырастет. Не будет и тут винограда!

Вот на-днях один из чинов этой комиссии шептал мне на ухо, что Валуев зачинает странные речи, задумывает какую-то конституцию своего изобретения, говорит о необходимости „призвать из общества охранительные элементы к участию в государственной деятельности“.

И я уверен, что все эти члены, которые шепчут на стороне свои жалобы на такие замыслы, молчат в самом заседании и не посмеют сказать свое твердое слово или не сумеют сказать его. Итак,—чего доброго, не успеем оглянуться, как возникнет в русской земле и в русском управлении новая лесть, горше всех прежних, явится какой-нибудь бессмысленный парламент на конечную гибель России и на радость друзьям нашим англичанам, немцам, французам и особенно полякам, которые только этого и ждут, чтобы достигнуть своей цели. Что-то роковое толкает нас в эту бездну со всех сторон, и — увы! — как видно, и со стороны правительства, которое поистине не знает что делает.

О нынешних смутах, злодействах и заговорах мнение мое сначала было и есть такое, что в центре всего этого дела— польский комитет. Он все завел и все держит, и все направляет искусною, дьявольскою интригой. Все эти социалисты, кинжальщики и пр. не что иное, как собаки, спущенные с цепи:

Библиотека "Руниверс"

они работают бессознательно не на себя, а для польского гнезда, которое рассчитало свой план очень ловко и может достигнуть его с помощью наших государственных людей, проповедующих, как, напр., Валуев, примирение с поляками и превосходства польской цивилизации.

Не погневайтесь, ваше высочество, за эти откровенные и невеселые письма. Говорить вам на словах редко приходится, а у меня душа болит невыразимо от всего, что вижу и слышу, и не терпится иногда сказать вам на письме слово о нынешнем положении, которое вас должно тяготить более, чем кого-нибудь. Но вы живете на высотах и многого, что видим мы, не можете видеть.

Да сохранит вас господь и да вразумит на лучшее!

Вашего императорского высочества верноподанный

К. Победоносцев.

17 мая 1879.

165.

Ваше императорское высочество.

Только что возвратился из собрания учредителей, назначенного на нынешний день. Собралось, кроме здешних, весьма немного приезжих. Представляю при сем список, в коем имена присутствовавших обозначены крестиками. Всего было 29 человек. Собирались в Морском музее в 1 час с половиною.

Началось молебном. Потом я начал речь, продолжавшуюся около часа, описал все положение дел наших, что произвело, кажется, на всех приятное впечатление; а приезжие вовсе ничего не знали о деле, которое я описал им.

Затем происходили выборы. Выбрали председателем меня; товарищем председателя — Каханова; членами — шестерых: Ермакова, Качалова, Селифонтова, бар. Корфа, Островского; казначеем—гоф-маклера Фальке; секретарем—кн. Шаховского; инспектором временно остается Баранов. На-днях буду иметь честь представить вашему высочеству подробный о сем доклад.

Библиотека "Руниверс"

В приготовлениях к этому собранию я совсем истомился, и когда оно кончилось, стало легче; но еще остается на плечах большая забота—отправление отсюда всех едущих на „Нижнем“ и отплытие самого „Нижнего“. Тем тяжелее для меня этот месяц, что Баранов должен был весь день свой и работу отдавать другому делу, не покидая, впрочем, и нашего. Удивительная энергия в этом человеке: мне кажется, он не спит и не ест все эти дни.

Завтра он уезжает за границу с каким-то поручением, вероятно. Боюсь я за него, очень боюсь, как бы эта поездка не уходила его. Положение его трагическое: он должен действовать в одиночку посреди людей, которые сами не умеют и не хотят действовать, а между тем он с ними связан и от них зависит.

Находящийся здесь гр. Комаровский желал бы представиться вашему высочеству до своего отъезда. Он думает испытать счастья завтра, в четверг, и отправиться в Петергоф, не зная, изволите ли быть дома.

Я на-днях думаю попытаться, не застану ли ваше высочество часу в 12-м утра.

К. Победоносцев.

23 мая 1879.

166.

Баранов уехал сегодня за границу по внезапному поручению. Отъезд его решен был так быстро, что он не имел никакой возможности явиться к вашему высочеству. Он должен вернуться дней через восемь. Не знаю подлинно, по какому делу он едет, но замечаю, что сам он не имеет большой веры в успех. Уехал он нездоровый, и вообще грустно было провожать его. Всю последнюю неделю он, кажется, не спал ни одной ночи и страшно истощен. Намерение его—побывать, если возможно, и в Марселе.

С завтрашнего дня буду ждать известий о приходе „Нижнего-Новгорода“ в Одессу. Затем не успокоюсь, пока он не выйдет. До тех пор хлопот будет еще довольно, и теперь

Библиотека "Руниверс"

приходится ежедневно напоминать в министерстве внут. дел, чтобы все поспело ко времени.

До сих пор эта сахалинская экспедиция, кажется, удачно обставлена. Лица, посылаемые от министерства внутр. дел, производят на меня хорошее впечатление, — генерал-майор де-Витте, уже бывавший на Сахалине, доктор Августинович, кажется, добрый и усердный человек, тоже знакомый с теми краями, и чиновник Мейер, тоже служивший в Восточной Сибири. Мною выбраны иеромонах Афанасий и миссионер Митрополов, едущий в качестве лекарского помощника. Выходит нечто вроде миссии на о. Сахалин, от которой я ожидаю добрых последствий. Все эти господа ежедневно приходят ко мне толковать о будущей своей деятельности. Но для того, чтобы поддержать то дело миссии, на которое я посылаю Митрополова, нужны средства. От частных людей собралось уже у меня пожертвований рублей до 1.000, из коих около 500 употреблено на покупку книг и картин. А затем боюсь, что у меня недостанет средств. Тогда позволю себе прибегнуть к вашему высочеству: может быть, и вы поможете на доброе дело. Люди едут совсем в глухую сторону. На Сахалине, напр., в Дуэ, не было вовсе священника, дети оставались некрещеными, и свадьбы были без венчанья. Итак, нашему иеромонаху по приезде, на берегу, тут и в других местах будет немало дела. Только в южной части, в Корсаковой, был священник, о котором рассказывали мне ужасы: что он был всегда пьян, и солдат батальона приходилось выводить из церкви во избежание соблазна от ругательств его в алтаре. Теперь, кажется, его взяли, а другого не назначили. Вот каково состояние тамошнего края. Дай только боже совершить эту первую экспедицию благополучно.

К. Победоносцев.

24 мая 1879.

167.

Ваше императорское высочество.

Имею честь представить на благоусмотрение ваше копию с протокола собрания 23 мая и прилагаемую записку, на

Библиотека "Руниверс"

которой благоволите означить ваше решение и возвратить мне. Вслед затем мы соберем правление, объявим комитет закрытым и откроем действие общества.

Радуемся, для пользы дела, что ваше высочество не отказались от звания покровителя нового общества: без вашего имени нам было бы крайне трудно продолжать дело, слава богу, так успешно начатое. Бог даст и впредь не будет повода вашему высочеству сожалеть о том, что имя ваше состоит в связи с этим делом.

От Баранова получил вчера телеграмму из Вены. Он пишет: „Je vais à Rome, Hotel de Rome“ [1]).

К. Победоносцев.

28 мая 1879.

168.

И. А. Гончаров просит представить вашему высочеству от его имени прилагаемую брошюру, только что появившуюся в печати. „Сам я,—пишет он,—не отваживаюсь на это, потому что в брошюре говорю о себе и о своих сочинениях: являться с нею самому было бы очень нескромно. Но у меня есть повод искать доступа этой брошюры к высокому вниманию его высочества: благосклонный, лично мне сделанный отзыв об „Обрыве“. Я был счастлив, узнав, что мой роман известен государю цесаревичу, и буду еще счастливее, если, пробежав мой критический анализ, его высочество, хотя отчасти, изволит согласиться с ним“.

От Баранова я получил вчера телеграмму из Рима. Он пишет: „Pars par Pise à Toulon—administration Forges et Chantiers—y resterai samedi“ [2]), „Нижний-Новгород“ поднял военный флаг и нагружается. К сожалению, вышло неприятное обстоятельство с арестантами. Их привезено 700 по первому предположению. Но Кази находит решительно невозможным

---

[1]) Я еду в Рим. Гостинница „Рим“.

[2]) Я направляюсь через Пизу в Тулон—администрация Forges et Chantiers.—остаюсь там до субботы.

Библиотека "Руниверс"

принять более 600, несмотря на настояние министерств внутрен. дел. Кази пишет: „Не желая скомпрометировать порученное мне дело, а также по долгу совести и человечности принял лишь 600 ссыльных“.

На сих днях думаю перебраться в Петергоф, а завтра попытаюсь застать ваше высочество в Царском Селе.

К. Победоносцев.

Петербург. 1 июня 1879.

169.

Вчера, наконец, переехал я в Петергоф, оттуда езжу, однако, в Петербург ежедневно. В Петергофе очень хорошо, и вечер был восхитительный,—я в первый раз увидел весну и радовался. Море, покрытое легким туманом, имело волшебный вид на закате солнца. Нет только музыки со времени выезда вашего высочества.

„Нижний-Новгород“ все еще не вышел,—думаю, что выйдет сегодня или завтра. С грузом случилось такое же затруднение, как и с каторжными. Оказалось необходимо оставить часть его, чтобы не перегрузить судно. Министерство внутренних дел очень недовольно этим и имеет основание; но при первом опыте нельзя было обойтись без недоразумений и без ошибок в расчетах. Главное же дело— принять все меры к безопасности плавания. Впрочем, вся обстановка отправления каторжных оказывается до сих пор весьма удовлетворительною.

От Баранова сейчас получена телеграмма, где он выезжает из Тулона в Женеву, где он должен пробыть двое суток.

На этой неделе, вероятно в пятницу, созываем первое заседание нового правления.

В пятницу поутру бывший командир „Нижнего-Новгорода“ капит.-лейт. Саблин явится в Царское Село и будет просить разрешения представиться на несколько минут вашему высочеству.

К. Победоносцев.

Петербург. 6 июня 1879.

Библиотека "Руниверс"

170.

Имею честь представить вашему императорскому высочеству присланные из Одессы от Балка и Сиденснера две фотографии „России“ и „Петербурга“ с портретами командиров и офицеров.

Баранов, конечно, докладывал уже вашему высочеству о благополучном прибытии „Нижнего-Новгорода“ в Аден. Дай бог ему счастливого пути. Я слежу с некоторым волнением за его плаванием. Про казенные суда каждый день слышишь о каких-нибудь злоключениях,—даже стыдно и больно за флот.

Мы собираемся еженедельно в своем правлении, сводим счеты, установляем порядки: к сожалению, Баранов отвлечен теперь другими делами и может покуда уделять немного времени Добровольному флоту. Из министерств назначены к нам непременными членами правления: от морского—Мамонтов, который уже работал с нами и помогал нам; от министерства финансов Грейг назначил любимца своего Мицкевича. Это назначение не совсем приятно мне, но делать нечего. Можно бы ожидать Ермакова, но Ермаков и без того уже членом у нас.

Петергоф представляет жалкую картину. Сверху льют потоки дождя, холод и ветер. Снизу бьют фонтаны. В Красном Селе, конечно, тоже невесело. Покуда были ясные дни, заходил я не раз в Александрию; такая там тишина и такая красота, что грустно видеть пустоту. Авось либо, хоть осенью хозяева явятся.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 26 июня 1879.

171.

Ваше императорское высочество.

К сожалению, пакет, адресованный в Петербург, с телеграммой в. кн. Михаила Николаевича сейчас только доставили мне: я сейчас же телеграфировал к вашему высочеству.

Библиотека "Руниверс"

От Балка только что получена телеграмма, что он сегодня с рассветом выходит из Варны в Одессу. Я тотчас телеграфировал в Одессу Акимову (помощнику Вахтина, который лечится на Кавказе): „Справьтесь с Балком и с Вольским, будет ли „Россия“ готова в Одессе к 20 числу без упущения военных рейсов, для в. к. Михаила Николаевича, и отвечайте немедленно“. Об одной только „России“ и может быть речь, так как „Москва“ еще в Марсели, а „Петербург“ занимается перевозкой больных, и его надобно еще дезинфицировать, на что недостанет времени. По расчету военного министерства, последний рейс „России“ должен быть 18 числа, и так я не вполне уверен, что нам ответят; впрочем, может быть, они и успеют справиться к 20 числу в Одессу.

К сожалению моему и огорченью, Баранов совсем болен. В последние эти дни он был на себя не похож. Поездка за границу и работа при ген. Гурко совсем сломили его. Все ночи на-пролет он проводил за работой и, наконец, потерял возможность спать и есть. Притом, кажется, и денежные дела его плохи: содержания он не получает у Гурки никакого, а семья большая. Да и беда его постигла: на-днях внезапно умерла у него любимая дочь, 7-летний ребенок. Все это вместе сломило его совсем. Дня два била его лихорадка, а он все ездил. Наконец, вчера слег, ночью был бред,—и бог знает, чем все это кончится. Послали за докторами. Я телеграфировал сегодня и Гиршу просил, когда будет в Петербурге, посмотреть его. Завтра сам к нему поеду, потому что очень встревожен этой болезнью Баранова. Дай бог ему поправиться.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

6 июля 1879, вечером.
Петергоф. Разводная ул., № 4.

172.

К крайнему сожалению, не мог я прислать вашему высочеству вполне удовлетворительного ответа относительно „России“.

Библиотека "Руниверс"

Вчера на запрос свой Акимову получил я от него такую телеграмму: „Россия“ сейчас прибыла с войском. Командир положительно надеется без упущения военных рейсов быть в Одессе 20 числа для принятия его высочества. Но Вольский, не дав определенного ответа, немедленно телеграфировал в Бургас. По получении ответа тотчас донесу“.

Об этом я не спешил доносить вашему высочеству, в ожидании положительного ответа, а сообщил только на словах сегодня Влад. Оболенскому. Но вслед затем вечером получил такую телеграмму: „Заведывающий посадкой войск в Бургасе сообщает, что последний рейс „Россия“ делает в Одессу 20 июля и для замены нет другого парохода“.

На последнем рейсе нам невозможно быть в неустойке перед военным ведомством, так как контракт у нас теперь не месячный (как было в тот раз), а порейсовый. Итак, приходится по необходимости признать невозможность изготовить „Россию“ в Одессе для великого князя на 20 число. Но может случиться, что его высочество и замедлит до 21-го. В таком случае, так как рейсы из Бургаса не длинные, можно было бы изготовить пароход на 21 число. Не знаю, в каком смысле вы изволите телеграфировать великому князю; благоволите известить меня об этом, и если будет еще какое заявление от его высочества, извольте сообщить, чтобы в случае нужды можно было распорядиться немедленно.

Сегодня в Петергофе было гулянье, и мне принесли в сад только что полученную желанную телеграмму от Кази из Сингапура: „Hier nuit arrivé Singapoure, demain matin partirai Nagasaky, tout bien“[1]). На телеграмме не выставлен день отправления, но надобно полагать, что телеграмма отправлена вчера. Слава богу. Молодец Кази,—мы ждали этого известия не ранее 10 числа, а он пришел ранее, чем предполагали, выйдя из Адена 22 июня. Теперь буду ждать интересных писем из Сингапура.

Баранова перевезли вчера сюда в карете. Сегодня я был у него: он лежал в лихорадке, но чувствовал себя лучше

[1]) Вчера ночью прибыл в Сингапур, завтра утром отправляюсь в Нагасаки, все благополучно.

Библиотека "Руниверс"

вчерашнего. Доктор обнадеживает, что при безусловном спокойствии он скоро может поправиться. Но покуда он ужасно слаб, едва говорит, и лица на нем нет от истощения. Грустно, очень грустно думать, что загоняли этого человека, не съумев поставить его на определенное место, где бы он мог много сделать. Вот и теперь,—кто об нем подумает! И умрет так, пожалуй, человек, растратив силу по большим дорогам. Так-то у нас в России гибнут лучшие силы в бесплодной и беспорядочной работе; а когда захотят, наконец, поставить их на место, люди окажутся уже надорванные!

Оболенский, вероятно, расскажет вашему высочеству о вчерашнем приключении с принцессою Евгенией Максимиллиановной. Ее чуть было не раздавила тройка Евгения Максимиллиановича, которая понесла ей на встречу на пристани. Она вместе с сыном выскочила из экипажа и ушиблась, кажется, впрочем, не опасно. Вчера мы были у нее вечером, а сегодня была она и на гуляньи.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 8 июля 1879, веч.

173.

Не сомневаюсь, что вашему высочеству интересно будет прочесть и новое, прилагаемое при сем, письмо Митрополова из Адена. Известия эти очень мне приятны. Я уверен, что этот переезд при такой обстановке окажет самое благодетельное влияние на арестантов. Какое было бы прекрасное начало, когда бы эти люди могли по приезде к месту назначения попасть в хорошие руки, в порядок и под разумную власть. Но грустно думать, что на Сахалине, где их спустят, господствует невообразимый хаос управления и полное безначалие. Вот о чем надо подумать настоятельно, если хотят сделать из Сахалина место ссылки.

К. Победоносцев.

12 июля 1879.

Библиотека "Руниверс"

174.

В начале мая я имел честь докладывать вашему высочеству, не соизволите ли по окончании комитетского дела пожаловать от вашего имени несколько перстней лицам, безмездно потрудившимся для нашего дела. В то время вы изволили изъявить согласие на мое представление.

Тогда я докладывал вашему высочеству о четырех наградах этого рода. Теперь, по ближайшем соображении, я нахожу возможным ограничиться двумя.

1. Перстень с вензелем, ценой от 200 до 250 р. для почтенного старика ген.-лейт. Дмитриева, который много и усердно трудился над планами и чертежами по проектам, представленным в комитет. Для него очень лестно будет внимание к нему вашего высочества.

2. Перстень без вензеля, ценой рублей в 150, инженеру Карпинскому, который единственно из усердия к делу, без всякого вознаграждения, работал у нас все время и работал много. Им были исполнены и прекрасные графические работы, известные вашему высочеству. И человек он скромный без всяких претензий.

Если изволите, А. С. Васильковский представит вещи на выбор вашему высочеству.

Еще докладывал я вашему высочеству, не угодно ли будет вам во внимание к членам комитета раздать им ваши фотографические карточки, что для всех будет весьма лестно. Не соизволите ли, ваше высочество, исполнить теперь это предположение: в таком случае благоволите прислать мне 25 карточек по числу лиц, которые поднесли вашему высочеству фотографическую группу.

К. Победоносцев.

12 июля 1879.

175.

На телеграмму вашего высочества я дал ответ вчера. Нет видов отправлять „Россию“ в дальний рейс и потому нет препятствия изготовить ее для в. к. Ольги Федоровны на 22 августа.

Библиотека "Руниверс"

На прошлой неделе нам сделано было из Гамбурга блестящее предложение, которого, к сожалению, нельзя принять. Предлагали взять из Гамбурга исключительно груз пороха и военных снарядов для доставления в Вальпарайсо, с тем, чтобы нигде по дороге не останавливаться. Фрахт 6.000 фунтов выплачивается наличностью при отправлении. Очень заманчиво было сходить с русским судном в Южную Америку. Но Чили, где находится Вальпарайсо, состоит в сухопутной и в морской войне с Перу и Боливией, и хотя по обстоятельствам порты чилийские не состоят в действительной блокаде, но невозможно и думать о принятии такого фрахта, который компрометировал бы общество, состоящее под покровительством вашего высочества. Поэтому мы, конечно, отклонили предложение.

Баранов, еще не совсем оправившись, выехал на службу в субботу. В пятницу же на беду пришла бумага из морского министерства, которая опять едва было не свалила его с ног. Это бумага по делу его с Рожественским. После следствия, продолжавшегося без малого год, морское министерство объявляет ему, что оно не находит нужным давать ход этому делу, так как Рожественский напечатал свою статью в то время, когда уже не состоял под начальством Баранова, а предоставляется Баранову, если желает, искать на Рожественского за обиду гражданским порядком.

Эта бумага привела Баранова, еще больного, в крайнее негодование и раздражение. Вы изволите знать ту записку, которую Баранов представлял государю императору. Написав ее очень резко, он надеялся посредством ее вызвать кризис в своем положении, которое считал невыносимым вследствие систематического гонения не только на него, но и на всех бывших под его начальством. Я тогда же предсказывал, что из этого ничего не выйдет. Так и случилось. Записка его осталась без всяких последствий. Он просил увольнения из морской службы, но государю императору не угодно было соизволить на увольнение.

Теперь он решился произвесть скандал, чтоб вызвать какое-нибудь решение. Он написал сгоряча новую статью,

Библиотека "Руниверс"

чрезвычайно резкую, прямой обвинительный акт против генерал-адмирала и морского министерства, и хотел отправить ее при рапорте на имя управляющего, с объявлением, что он вместе с сим посылает эту записку в печать, а с него просить снять морской мундир. Затем я видел, что Баранов решается на самые отчаянные дела и готов погубить себя.

Я уговорил его отказаться от этой мысли, представив ему, что он только испортит себе все и поставит себя в такое положение, что все его же запишут в виноватые и отступятся от него. На так называемое общественное мнение можно рассчитывать так же мало, как и на публичную женщину: оно на стороне тех, кто ему льстит и у кого счастье и удача.

Итак, Баранов уничтожил свою записку, но от мысли своей не отступился. Он написал другую, в другом тоне,— в виде рапорта управляющему морским министерством. Тут он перечисляет в спокойном тоне все несправедливости, которые с ним сделаны, и в заключение заявляет, что считает невозможным далее носит морской мундир, в виду тех преследований, которым из-за него подвергаются и бывшие его подчиненные, и просит представить государю императору доклад об его увольнении.

Этот рапорт он уже послал вчера. Что-то из этого будет? Я боюсь одного,—чего желает Баранов,—чтоб его не вызвал генерал-адмирал для личных объяснений. Боюсь потому, что эти два человека ненавидят друг друга смертельно.

Трудно судить Баранова за то, что он не успокаивается. Положив даже некоторую часть на преувеличение,—если верно хоть в половину все то, что с ним делали,—на душе у него может накипеть столько желчи и негодования, что душа горячая вынесть не в состоянии.

Не говоря о прочем, одна история призовых денег, по моему мнению, глубоко возмутительна. По морскому уставу ясно, что командиру, взявшему приз, выдается третья часть, если он не был п о д д е р ж а н эскадрой. Кажется, смысл ясен, что̀ такое поддержан. Баранов взял „Мерсину", не имея позади себя эскадры. Русская эскадра стояла неподвижно в русских портах, в 280 милях расстояния, не предполагая двигаться

Библиотека "Руниверс"

ни на пядь. Каков бы ни был этот закон Петра Великого, он действовал в ту пору, когда совершилось взятие „Мерсины“.

Но ради Баранова этот закон переменили задним числом. Генерал-адмирал объявил, что этот закон устарел, составил комиссию для его пересмотра и потом на докладе комиссии написал, уже в начале 1879 года, что надо и за „Мерсину“ выдать приз по новому закону. Государь император, которому, вероятно, дело было доложено без подробностей, написал: „с удовольствием согласен“. Итак, Баранову приходится вместо 120.000 рублей—6.000, которые и до сих пор не выданы, Аркас же получает 28.000 и Попов свыше 8.000 руб. У этих людей притом большое, а у Аркаса громадное состояние, а Баранову—есть нечего с семьей. Я вчуже возмущаюсь глубоко этим презрением всякой справедливости и уважения к закону; что же должно происходить в душе у человека, который от этого терпит!

Страшно подумать, ваше высочество, о том, что ныне делают наши правители. Страшно и для правительства, когда накопляется такая масса желчи и негодования у таких людей, которые в решительную минуту могли бы быть для правительства вернейшей опорой, защитой и орудием. Негодование—великая сила, смотря по тому, в какую сторону оно обращено. Время мы переживаем самое смутное, а правители наши—увы!—ослепли: видя не видят и слыша не разумеют! Боже мой, сколько уже я видел в последнее время людей, которые от боли душевной на беззаконие стали уже шатки в мнениях—там, где недавно еще были тверды, как камень.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 17 июля 1879.

176.

Ваше императорское высочество.

После долгого ожидания получена, наконец, 16 августа телеграмма от Кази, запоздалая, так как она послана 15 числа из Александровского (на Амуре), куда была переправлена,

Библиотека "Руниверс"

вероятно, из Владивостока, так как во Владивостоке телеграф испорчен. Кази пишет, что прибыл к Дуэ 29 июля и, кончив выгрузку там и в Корсаковой 3 августа благополучно, отправляется во Владивосток и в Шанхай. А через несколько дней получено от него и донесение из Сингапура, по пути посланное.

Итак, слава богу, этот первый рейс совершился благополучно, что надобно приписать распорядительности командира. Маков очень доволен и готовит подробную записку обо всей операции, с тем, чтобы внесть ее в комитет министров. От этой записки он ожидает добрых последствий и надеется, что всеми признана будет польза и выгода для казны от перевозки арестантов и провианта морем. Затем дальнейшие отправки арестантов будут зависеть от устройства для них помещений на Сахалине и от видов нового тюремного управления.

Устройство управления на Сахалине составляет предмет заботы министерства внутр. дел. Но и управление всей Восточной Сибири в ужасном состоянии. Это целая сеть вопиющих злоупотреблений. Бар. Фредерикс знали давно, однако он был назначен; и теперь, вероятно, не скоро решились бы устранить его, но, к счастью, сам он попросил увольнение, обидевшись, что не исполнено было его требование об увольнении иркутского губернатора Шелашникова и о назначении на место его Сиверса. Оказалось, что Шелашников был помехою плутням в местном управлении, а Сиверс—один из первых плутов, нажил в Иркутске 22 дома и занимается ростовщичеством. На место Фредерикс никто еще не назначен. Государь обратился к военному министру; Милютин указал на генерала Мещеринова (от которого сам, кажется, желает отделаться). А министр внутренних дел, имея в виду крайнюю важность этого назначения, предлагает генерала Анучина, бывшего губернатора в одной из губерний Царства Польского и слывущего дельным администратором. Выбор до сих пор еще не сделан.

Между тем для нас, в настоящую минуту очень важно знать, как и когда министерство вн. д. намерено посылать

Библиотека "Руниверс"

арестантов на Сахалин. Нужно потому, что на этих судах необходимо иметь военную команду, а морское министерство решительно отбирает у нас военные команды. Правда, оно предлагает оставить их на некоторое время, но на нашем содержании, а это выйдет, по расчету морского положения и всего числа команды, непомерно дорого. Мы пытались представить морскому министерству, что и ему польза немалая от оставления команды на судах наших для практики дальнего плавания; но оно непреклонно и ссылается на общее сокращение команд по морскому ведомству. Итак, мы приходим к такому заключению, что выгоднее будет, отказавшись от военной команды, взять вольнонаемную в меньшем числе. Уверяют, что на юге отбою нет от охотников служит на наших судах. Можно только опасаться, что при новых условиях и офицеры станут уходить от нас.

К 22 числу „Россия" будет готова принять вел. княгиню Ольгу Федоровну; опасаюсь только, что в последнюю минуту ее высочество побоится моря и не решится сесть на пароход.

„Москва", кончив работы, вышла из Марселя в Одессу. „Петербург" отправился с грузом из Одессы в Марсель для перемены котлов и машин.

Дело Баранова, о котором я писал вашему высочеству, получило следующий исход, который надобно было предвидеть. Генерал-адмирал был чрезвычайно разгневан тою бумагой, которую подал Баранов (копию с нее прилагаю). Он увидел в ней оскорбление лично для себя. В министерстве составлен был по ней, с участием адм. Попова, пространный доклад. После отъезда вашего высочества доклад этот по приказанию генерал-адмирала был представлен в докладной день Лесовским государю императору, и последовала резолюция о предании Баранова суду за неприличные и оскорбительные выражения. Государю императору, очевидно, было не угодно, что Баранов после первой его записки, поданной лично его величеству, вновь поднял тот же вопрос другим путем, после того как государь сделал ему выговор и приказал оставаться на службе. За два дня до отъезда, на маневрах в Ижоре, государь изволил призвать к себе в палатку

Библиотека "Руниверс"

Баранова и с большим гневом объявил ему свою резолюцию, высказав ему, что его образ действия он считает революционным, и что он мог, если хотел, просто подать в отставку. Но вместе с тем государь не уволил его и оставил своим флигель-адъютантом.

Теперь дело в таком положении. Из морского министерства послана бумага Гурке, с тем, чтоб он сделал зависящее распоряжение. Как об увольнении Баранова не сказано ничего в резолюции, то Гурко счел себя обязанным только объявить Баранову содержание бумаги и оставил его в прежней при себе должности, не приняв предложение Баранова сдать находившиеся у него дела.

Я предвидел такой исход и предсказывал Баранову, что он не успеет в своем намерении вызвать, как он говорил, кризис подачею этой просьбы. Но нельзя было удержать его, ибо, по словам его, положение его невыносимо. Какой теперь будет над ним суд и когда,—неизвестно; во всяком случае, мой совет ему держать себя спокойно и не позволять себе увлечений. Не знаю, послушает ли он этого совета. Генерал-адмирал, кажется, уезжает на-днях или уже уехал в Биарриц.

Все теперь разъехались отсюда. Вслед за государем и министры почти все разъезжаются. Из Петергофа уехала третьего дня и Евгения Максимиллиановна, закончив разные благотворительные праздники. 12 числа она устроила великолепный праздник с базаром и иллюминацией, истинно волшебной, в Монплезире, а 15 ч. был благотворительный бал в Английском дворце.

В. к. Екатерина Михайловна тоже уехала третьего дня в Аркашон, а оттуда—в Страсбург, где она устраивает старшего сына на три года в тамошнем университете, по завещанию покойного герцога. 16 числа мы поздравляли ее в Ораниенбауме, куда я ездил с кн. Орловым, который на-днях уже, вероятно, явится к вашему высочеству в Копенгагене.

Я уже доживаю, вероятно, последнюю неделю в Петербурге, хотя погода еще сносная. А вы в эту пору, вероятно, после Стокгольмских праздников отдыхаете вполне в Дании

Библиотека "Руниверс"

Здравствуйте, ваше высочество, с государынею цесаревной и с детьми.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Петергоф. 19 августа 1879. *К. Победоносцев.*

Сейчас принесли телеграмму Кази из Владивостока от 10 числа. Есть в ней слова, которых не разберешь. Но вот сущность: Прибыл с рассветом. Кончил... отлично. Полдень— взял пассажиров в Россию иду в Шанхай. Прибытие „Н.-Новгорода“ встречено в крае всеми сочувственно. Возбудил надежды на близкое и лучшее будущее. Всякий рад был видеть свою копейку, возвратившуюся рублем.

177.

Ваше императорское высочество.

22-го августа, как было предположено, „Россия“ в Одессе приняла в. к. Ольгу Федоровну; затем от 25 августа Балк писал: „Прибыл с ее высочеством благополучно. Погода была прекрасная. Великая княгиня осталась очень довольна.“ Телеграмма послана из Поти.

В тот же день получена телеграмма от Кази из Шанхая; на обратном пути его, к сожалению, он не нашел в Шанхае чайного груза и взял фрахт на Лондон.

Дело Баранова продолжается. На прошлой неделе его требовал к себе судебный следователь и вместе с целой комиссией делал ему допрос, продолжавшийся с 12 часов до 6. Допрос был по всем обстоятельствам, о которых упоминалось в просьбе Баранова: ему ставится в вину оскорбление и великого князя, и управляющего министерством, и следователя, производившего дело о Рожественском.

После этого допроса судебный следователь составил постановление и отправил его к генералу Гурко. Оно состоит в том, чтобы Баранова иметь п о д н а д з о р о м и не поручать ему особо важных дел, которые воспрепятствовали бы явке его к следствию. Надзор есть одно из средств для

Библиотека "Руниверс"

пресечения обвиняемому уклоняться от следствия и суда, но, кажется, нечего было опасаться, чтоб Баранов скрылся от следствия.

Вследствие крайне безобразного распоряжения, мы узнали о благополучном прибытии вашего высочества и о всем, что было в Швеции, только из немецких газет. Даже первую телеграмму о прибытии вашем в Стокгольм напечатали уже через несколько дней, с особого разрешения гр. Адлерберга. В иностранных газетах говорится о непогоде, которая заставила вас выйти на шведский берег и ехать по железной дороге.

У нас затишье теперь. Но была двое суток страшная буря, наделавшая немало бед и здесь, в Петербурге. У вас в Александрии вода заливала нижнюю дорогу и волны гуляли внизу по лугу. На дорогу навалило камней и в нескольких местах размыло ее. Деревьев множество повалило в Петергофе. Море было необыкновенно бурно и красиво, но ветер был так силен, что едва можно было держаться на ногах. После бури настала тишина, и теперь в Петергофе такие чудные осенние дни, что выехать отсюда еще не хочется.

Итак, послезавтрашний день ваше высочество будете праздновать в Дании. Дай бог вам провесть его радостно с государыней цесаревной и со всем домом.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петергоф. 28 августа 1879.

178.

Ваше императорское высочество.

Я уже имел честь представить вам изданную брошюру о ходе дел по устройству Добровольного флота, немедленно по выпуске ее из типографии. Теперь представляю ее вашему высочеству в переплете и с приложением двух составленных Мусницким карт, наглядно показывающих ход судов.

Может быть, вашему высочеству любопытно будет пробежать прилагаемое при сем донесение Балка о переходе

Библиотека "Руниверс"

„России“ от Одессы до Поти с великою княгиней Ольгой Федоровной.

Морское министерство отказывается принимать впредь на свой счет содержание военной команды на судах наших. Принять ее на наше содержание было бы несоразмерно дорого. Итак, мы решились заменять ее вольнонаемною командой с возможным притом сокращением наличного состава. Необходимо для этого общее содействие командиров и устройство на одинаковых началах хозяйственного на всех судах управления. Во избежание возможных недоразумений я признал нужным вызвать сюда на несколько дней Балка Крускопфа из Одессы, и Сиденснера из Марселя. Крускопф уже приехал, а остальных ждем завтра. „Москва“, почистившись и исправив машину, приобрела такой ход, какого лучше и желать для нее нельзя. На переходе из Марселя она шла 12 узлов,—мы были этим недовольны и спрашивали, зачем не шли тише, чтоб меньше тратилось угля: оказалось, что трудно было убавить ход менее 12 узлов,—так ходко стала работать машина, к сожалению, пока еще старого устройства. Впрочем, с исправлением ее и отчисткою и расход угля стал меньше: вместо прежней траты 50 тонн теперь она тратит до 40 тонн в сутки.

Кавказское начальство предполагает перевезть 6.000 человек из Поти в Севастополь, и очень желательно было бы, чтоб эта перевозка была нам предоставлена, тем более, что „Россия“ стоит теперь у нас без дела. Но беда наша та, что здешний комитет по перевозке войск мирволит нам, а кавказское начальство и начальник штаба Павлов мирволит Черноморскому обществу. Вчера телеграфировал он сюда, прося разрешения войти в соглашение с Русским обществом. Отсюда в ответ на это телеграфировано из главного штаба в Одессу Вольскому: „Доложите начальнику штаба, что крейсер „Россия“ во всех отношениях удобнее и дешевле“. Несмотря на то, можно опасаться, что они в Тифлисе всетаки сделают по-своему. Не признаете ли возможным, ваше высочество, пособить нам, написав несколько строк великому князю наместнику.

Библиотека "Руниверс"

Целую неделю стояли в Петергофе восхитительные дни,— теплые, ясные, тихие, лучше летних, с теплыми ночами. Но сегодня опять пошел дождь, и я счел за лучшее совсем перебраться в Петербург.

Раньше конца сентября, вероятно, не дождемся возвращения вашего высочества. Вы, конечно, наслаждаетесь полным довольством и спокойствием. Дай боже вам, государыне цесаревне и милым детям доброго здоровья и тишины.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петербург. 4 сентября 1879.

179.

Ваше императорское высочество.

Сердечно благодарю за доброе письмо ваше, которым был обрадован на-днях. Вот уже скоро, говорят, „Держава" пойдет за вами. Дай бог вам до того времени наслаждаться вполне покоем, свободой и воздухом. Одно мне неприятно думать, что с вами встретится там принц Валлийский со своей компанией.

По Добровольному флоту дела идут тем же порядком. О „Нижнем-Новгороде" давно не имею известий и несколько тревожусь об этом. Кази телеграфировал недели две тому назад, что идет из Шанхая с фрахтовым грузом на Лондон; но с тех пор нет известий. Получил только рапорт его донесений из Нагасаки (копия прилагается).

Самый важный для нас в эту минуту вопрос—о команде. Я писал вашему высочеству, что в виду отказа морского министерства содержать нашу команду, издержка представлялась нам несоразмерною, и мы уже думали заменить военную команду вольнонаемными людьми. Оказалось однако же, что вольнонаемных достать нелегко, и что они, пожалуй, обойдутся еще дороже. Предполагалось делать замену постепенно в Одессе; но на месте оказалось столько недоразумений, что трудно было разрешить их без совещания с команди-

Библиотека "Руниверс"

рами. Итак, мы решились вызвать сюда всех троих—Балка и Крускопфа из Одессы и Сиденснера—из Марселя. По приезде их в течение двух дней все они совещались с Барановым и Вахтиным, при чем выяснилось, что все полагают лучше оставить на судах военную команду, сократив только размер ее до последней возможности. Нормальный штат ее определен в 59 человек (вместо прежних 94), а для судов, отправляющихся в дальнее плавание,—до 70-ти. Выработаны для этого правила, которые вчера обсуждались у нас в правлении в присутствии командиров, и приняты. Послезавтра командиры уезжают.

В прошлом письме я упоминал о контракте на перевозку 6.000 войск из Севастополя в Поти, в котором являлось нам соперником Черноморское общество. Отсюда была послана из главн. штаба телеграмма с рекомендацией отдать предпочтение „России". На другой день получили мы известие, что соглашение у нас с военным начальством состоялось по 8.000 р. за рейс, и мы успокоились. Но вчера получена еще телеграмма, из которой видно, что Черноморское общество решилось сбить нас с позиции во что бы ни стало. Оно заявило вдруг свои новые условия: брав прежде на этой линии по 14 рублей за человека, оно вдруг спустило цену до 3 р. 60 коп. за нижнего чина, с гарантией на посадку 1.700 чел. нижних чинов, и принимая на себя и нагрузку, и выгрузку. Мы написали Акимову, оставив на его усмотрение дальнейшую сбавку. Лучше взять и до 6.000 за рейс, лишь бы дело осталось за нами. Изо всего этого видно однако же, какую выгоду для казны принесло присутствие Добровольного флота в Черном море. Когда б его не было, какие страшные цены брало бы с военного ведомства общество пароходства и торговли.

Дело Баранова продолжает быть предметом толков, при чем довольно распространен слух о том, будто Баранов сошел с ума. Этот слух в самом начале дела послужил даже поводом к курьезной переписке А. В. Головнина с генерал-адмиралом. Начинается с того,—как рассказывал мне Оболенский,—что Головнин, встретившись где-то с князем Орловым,

Библиотека "Руниверс"

имел с ним разговор об этом деле, и Орлов будто бы сказал Головнину, что он иногда замечал в Баранове признаки умственного расстройства. Головнин, вернувшись домой, пишет вел. князю длинное письмо и, ссылаясь на Орлова, просит его подождать и не давать официального хода делу: зачем же поднимать дело, если Баранов сумасшедший. И благоразумней-де подождать, так как Баранов имеет-де отношение по делам к наследнику цесаревичу, и это дело может послужить к новому раздражению отношений. Генер.-адмирал не отвечал на это письмо и велел сказать Головнину, что оно его рассердило, что он пишет глупости; что если Баранов сумасшедший, то это обнаружится при следствии, а когда цесаревич увидит, что̀ написал Баранов, то сам убедится, что нельзя было оставить дело.

О положении дела сказывал мне Баранов, что в министерстве следствие закончено, составляется обвинительный акт и заготовляется доклад для представления государю императору в Ливадии. Между тем, пока Баранова тут судят, вот что происходит на прусской границе. Вчера Баранов получил из германского посольства бумагу, в которой извещают его, что при свидании государя императора с имп. Вильгельмом на границе император Вильгельм пожаловал Баранову звезду Красного Орла. Вместе с тем дано знать, что государь разрешил Баранову принятие и ношение ордена,— о чем извещено и морское министерство. Не странно ли все это?

В Петербурге еще пусто. Министры все разъехались; одни товарищи здесь. Грейг совершил свое путешествие по России, или, вернее, по Волге, между непрерывными овациями; приближается, кажется, к Ливадии. Мне противно было читать описание этой поездки: едет на особом пароходе, с женой и дочерью,—толпы встречают его на пристани. Потом дают ему банкеты, на котором ему говорят пышные и льстивые речи, и он говорит речи. Все слова, слова— и пустые слова. Все говорят без конца и без меры, а делают очень мало и очень много берут казенных денег. Это расхищение казны, в виде пособий, ссуд, наград, дошло до неве-

Библиотека "Руниверс"

роятных размеров и до совершенного бесстыдства. Только и слышно, что о новых подвигах в том же роде. Вот и на этих днях многие возмущены были известием об одном государственном человеке, который, по своему положению, должен контролировать министра финансов и заботиться о сокращении государственных расходов,—и что же? Уверяют что ему дано было в ссуду на поправление дел 700.000 руб., и что теперь, при содействии министра финансов, этот долг списан со счетов. Очень грустно жить в такую пору, когда ежедневно слышишь подобные истории.

Сегодня 11 сентября. Нынешнего дня опасались здесь. В III отд. и у генерал-губернатора получены были сведения о том, что нынешний день готовятся какие-то ужасы — и в Петербурге, и в Крыму—покушение, убийства, пожары. Я знаю, что здесь секретно приняты на нынешний день разные меры. Но вот уже 6 часов вечера, а ничего не слышно. Авось, все пройдет благополучно.

Вы, верно, изволили прочесть в газетах об увольнении Семеки из Одессы и о назначении его в военный совет. Говорят, что это произошло по случаю столкновения его с Тотлебеном: будто бы Тотлебен жаловался, и что государь явно выразил Семеке свою немилость.

Вот, ваше высочество, наши скудные новости. Теперь станем ждать вашего благополучного возвращения. Господь да хранит вас со всем вашим домом.

Вашего высочества верноподданный

К. Победоносцев.

11 сент. 1879.

Может быть, в досужний час вас позабавит прилагаемое при сем безграмотное писание. Вот уже год, как я получаю из Николаева письма от неизвестного, все в этом роде— наполненные болтовнею по поводу всякого рода сплетен и слухов. Можно себе представить, сколько этих слухов ходит по России.

Библиотека "Руниверс"

180.

Вчера отослал письмо вашему высочеству и упоминал о нашем беспокойстве относительно „Нижнего-Новгорода". Кази писал от 25 августа из Шанхая, что идет того же дня в Фучау, и с тех пор неизвестно было, куда он девался. Сегодня утром я был обрадован телеграммою из Гон-Конга. Пишет: „Пришли вчера в Гон-Конг; счастливо вырвались из тайфуна (fortunately escaped Tayfoon); завтра утром иду в Сингапур". Тайфуны свирепствуют в тех морях именно в эту пору.

Сегодня переслали мне из конторы с надписью вашего высочества просьбу итальянца из Милана, г. инженера Скальки. Он жалуется, что представленный им проект остается в комитете без последствий, и что его не извещают. Мне это дело весьма понятно: в прошлом году об нем много говорилось и много заботились Лейхтенбергские—и Юрий, и Евгений, и особенно Николай Максимиллианович. Но, по общему отзыву, механизм оказывался весьма неудобным: в нем колеса предполагались горизонтальные, что должно было представлять большие неудобства при движении. У нас тогда же дело покончилось бы отказом, еслиб не захотели взять его в свои руки герцоги Лейхтенбергские. От них оно и зависит, как ваше высочество изволите увидеть из прилагаемой справки.

К. Победоносцев.

Петербург. 12 сент. 1879.

181.

Пользуясь отправлением „Державы", спешу послать вашему высочеству книгу, которая может позабавить вас на возвратном пути,—новый роман кн. Мещерского в 5 частях, под названием „Граф Обезьянинов".

Я не читал, но мне сказывали, что тут есть остроумные страницы и живые портреты Валуева, Тимашева и кн. Горчакова.

Это обстоятельство, однако, послужило на беду кн. Мещерскому. Он не успел еще выпустить книгу, как она была

Библиотека "Руниверс"

арестована и лежит теперь под печатями в цензурном управлении. Маков представил ее в комитет министров, и ей грозит уничтожение. Сказывают, что Маков решился принять эту меру единственно из опасения, чтоб его самого не заподозрили. В книге представлены старые министры, а он сам новый.

Странное дело будет и, право, смешное. В комитете министров Валуев и Горчаков должны будут судить о том, верны ли их портреты, в комическом виде представленные. Самое это заседание невольно получит комический вид и будет напоминать последнюю сцену в „Ревизоре", когда читается перехваченное почтмейстером письмо с описанием присутствующих тут уездных властей!

Кн. Мещерский, передавая эти книги, усердно просил возвратить их ему обратно, потому что это единственный экземпляр, который он успел сберечь от общей конфискации.

К. Победоносцев.

14 сент. 1879.

182.

Ваше императорское высочество.

Сердечно благодарю за добрые ваши письма, которые только что получил, вернувшись вчера из Москвы, а сегодня спешу еще написать вашему высочеству в надежде, что письмо застанет еще вас в Дании, откуда, сказывают, вы изволите выезжать не ранее 29 числа. Хотя мы и давно ожидаем вас сюда, но приятно было мне узнать, что вы едете к государыне императрице и везете ей радость свидания. Грустно,— и не мне одному, а многим и очень многим в России,—грустно и даже горько думать, что она там одна, и Сергей Александрович с Павлом Александровичем уехали от нее в Ливадию. Когда мы слышим здесь о болезни ее и слабости, страх нападает на душу. Все иные сознательно, другие безотчетно чувствуют, как драгоценна, и особенно теперь, жизнь ее для целой России.

Я уехал в Москву 14 числа и приехал прямо в Сергиевскую лавру, где давно уже не бывал и где люблю бывать.

Библиотека "Руниверс"

Не могу я стоять равнодушно на этом месте, где столько веков вся Россия молится, где столько пролито слез и за свое, и за русское горе. Пробыл тут субботу и воскресенье, приехал в Москву. Погода и там, и у нас чудная: теплые дни, теплые лунные ночи,—как-будто лето хочет вернуться. В Москве у меня на всяком шагу и старые воспоминания, и старые приятели, жалел только, что не мог попасть к Сергею Шереметеву, который именно на эти дни уехал в Саратов. Главною же целью моей поездки было поговорить с чайными торговцами относительно чайных грузов из Китая для судов Добровольного флота. Как раз в эту пору все купечество было в смятении: Грейг, заканчивая свое путешествие по России, приехал в Москву, и все было занято его приемом и обозрением разных фабрик и заведений. Меня пригласили в среду на обед, который давало ему купечество в зале дворянского собрания. Нельзя было уклониться, тем более, что тут был случай познакомиться со многими купцами. Меня посадили на почетном месте, возле Грейга; Долгоруков не был на обеде, чтоб не явиться вторым лицом. В конце обеда начались, разумеется, тосты и речи. Сидевший напротив председатель биржевого комитета Найденов сказал очень хорошую, дельную и короткую речь и указал в ней причину, почему Грейга встречают с таким радушием и сочувствием: надеются, что министр, увидев все сам на месте, вникнет во все нужды и потребности для того, чтобы законы и распоряжения были несочиненные, а соответственные с жизнью. Грейг в ответе своем очень одушевился и описывал с восторгом свои впечатления, сколько он узнал нового и полезного, и как все торговые люди, которых он видел, говорили ему не о себе самих, но о деле. Так, в общем одушевлении, кончился великолепный обед. На другой день, перед отъездом из Москвы, я провел часа два в беседе с первыми торговцами, которых собрал для меня Найденов,—все люди дельные, умные, ворочающие делами. Мне хотелось, чтобы они лично от меня услышали прямое удостоверение в том, что наши пароходы будут исправны в приходе к назначенному сроку в Ханькоу, и что мы не будем прижимать их

Библиотека "Руниверс"

возвышенным фрахтом, как Черноморское общество, когда присылало суда за чаем. Я говорил им, что дело наше есть их дело, так как все они почти сделали крупные пожертвования—тысяч по 10 и по 15 на Добровольный флот. Я встретил в среде их полнейшее и самое патриотическое сочувствие и готовность пользоваться нашими судами, при чем обозначились требования не только на перевозку чая, но и хлопка и индиго из Бомбея и Калькутты. Все это дает нам уверенность в том, что грузы будут в изобилии на обратный путь. Что касается до грузов в ту сторону, то ко мне уже обратились с предложением и просьбой золотопромышленники Бутины для перевозки в феврале 100.000 пудов хлеба в Де-Кастри или Владивосток. В Восточной Сибири такой недород хлеба и цены до того возвышаются, что серьезно опасаются голода, и промышленники спешат собирать запас на золотые прииски по Амуру. Кроме того, по всей вероятности, и министерство внутренних дел озабочено будет снабжением того края. Все это обещает такую работу, для которой, пожалуй, и пароходов не хватит. К сожалению, дело наше будет неполное до тех пор, пока в связи с нашими глубокосидящими судами не будут действовать другие, менее сидящие суда, для сообщения с Николаевском, куда мы подходить не можем, и куда направляется для перегрузки на Амур главное движение из Шанхая и из Европы. Этот недостаток мы надеемся, однако, вскоре дополнить соглашением с купцом Шевелевым, которому министерство фин. намерено представить срочное пароходство между Шанхаем и устьями Амура и по Татарскому проливу, с помильною платой. Он, по всем признакам, человек благонадежный, знаток этого края, и мы предполагаем дать ему свой пароход малого размера, который думаем приобрести для этой цели.

Между тем в Черном море нас хочет теснить Русское общество. Вы изволили видеть, что предположенный с нами контракт был перехвачен у нас с понижением платы. Великий князь и не воображал, конечно, что это понижение только мнимое: когда мы выйдем, плату свою Русское общество поднимет вместо 3 р. 60 к. до 6 рублей и выше; да притом на

Библиотека "Руниверс"

их пароходах люди перевозятся, как скот. Здешнее управление в негодовании на эту проделку, но легко может быть, что она будет повторяться. Однако и нам очень невыгодно держать свои пароходы в Черном море в том ожидании, что работу у нас, так сказать, будет из-под носу перехватывать Русское общество. Поэтому мы пишем на-днях обстоятельную об этом бумагу в главный штаб и просим, если хотят, заключить с нами договорный контракт.

А, судя по всему, перевозка войск в Черном море предвидится постоянная. Нам уже давно обещена главным штабом перевозка 12.000 человек в декабре или январе. Приятно ли теперь рассчитывать и обмануться в последнюю минуту, задержав пароход в Одессе?

По газетам изволите видеть, что впереди собираются тучи на границе нашей — особливо в Средней Азии. Уверяют, что в виду движения англичан к Кабулу и у нас принимаются какие-то меры и делаются распоряжения. В Ливадию вызвали Кауфмана и гр. Гейдена. Уже называют и Скобелева 2 для будущих действий в Средней Азии. Бог знает, что из всего этого выйдет в близком будущем. Нет мудреного, что возникнут вновь острые отношения с Англией. А свидание Бисмарка с Андраши, раздражительная полемика немецких газет, болтовня старого Горчакова с газетными корреспондентами, — все это не обещает доброго.

Государственный совет еще не собирался. В понедельник назначено первое общее собрание под председ. кн. Урусова. Есть что-то крайне болезненное в той мысли, что мы собираемся обсуждать и издавать новые законы и положения, а все прежнее до того перепутано, что концов не найдешь; никто не знает прямой своей обязанности, и никакие законы и предписания уже не исполняются.

В Восточную Сибирь никто еще не назначен, и Маков надеется, что назначение отложено будет до возвращения сюда государя.

Дело Баранова все в том же положении. Ничего нового не слышно. Вы изволите спрашивать, что говорит про все это Гурко. Гурко, повидимому, очень расположен к Баранову

Библиотека "Руниверс"

и во многом пользуется его советами. Я думаю, при его неопытности в гражданских делах, без Баранова пришлось бы ему плохо. Баранов целый день разъезжает по его поручениям и служит ему посредником в сношениях с III отделением и со всеми ведомствами, в последнее время устраивал очень важное и всеми пренебреженное дело—речную полицию на Калашниковской пристани, где, при страшном скоплении судов, при величайших беспорядках и поборах, можно было бы опасаться величайших бедствий в случае пожара, который тут именно злоумышленники хотели произвесть. Гурко был очень возмущен историей Баранова и в первую минуту горячности думал за него вступиться. Он советовался со мною; намерен был, кажется, прибегнуть к защите вашего высочества, но я решительно отсоветовал ему. Вмешивать имя ваше в эту историю было по меньшей мере неполитично и вас поставило бы в затруднительное положение, и раздражило бы еще больше генерал-адмирала. Притом и Баранов, когда подавал свою бумагу, должен был знать, на что он идет. Баранов все хочет поставить дело ребром и воевать на чистоту, но я заранее говорил ему, что он этого не достигнет. Государь, очевидно, избегает именно этого исхода: не желая губить Баранова и чувствуя, что с его стороны есть доля правды, он не желает в то же время задевать самолюбия генерал-адмирала, который в этом деле является стороною, хотя имя его прямо и не названо.

Но я уже слишком расписался и рискую утомить ваше высочество,—вам остается еще несколько дней мирного житья, дай бог, чтоб они прошли вполне безмятежно и радостно. Господь да сохранит вас с государыней цесаревной и возвратит благополучно домой, где уже бог даст и дети выедут вам навстречу.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 23 сентября 1879.

В особом пакете приложена таблица движения пароходов за год, составленная Карпинским.

Кази телеграфирует 19 числа, что он пришел благополучно в Сингапур и идет далее, через Порт-Саид, на Лондон.

Библиотека "Руниверс"

183.

Ваше императорское высочество.

Очень прискорбно было узнать, что вы сегодня не могли быть в городе,—это значит, что вы все еще не чувствуете себя хорошо. Дай бог, чтоб лихорадка прошла вскоре.

Между тем я прихожу снова надоедать вашему высочеству. Не могу знать, расположены ли вы принимать на сих днях кого бы то ни было, но может случиться, что в эти дни, никуда не выезжая, вы сочтете и удобнее допустить прием.

Сегодня вечером приехал сюда Кази. Он должен будет через несколько дней спешить обратно в Лондон.

Не признаете ли вы возможным принять его послезавтра, во вторник?

Затем есть еще лица, о коих я не успел в прошлый раз доложить вашему высочеству.

Старик Ив. Сергеевич Дмитриев, который весьма много потрудился для комитета по рассмотрению чертежей „Ярославля“ и удостоился получить перстень от вашего высочества. Он очень этим тронут и горит желанием представиться вашему высочеству. Он почтенный человек, ему уже слишком 80 лет, жить ему уже недолго, и, приняв старика, вы доставите ему большое утешение. Но для старого человека необходимо устроить так, чтоб он проехался в Царское Село не напрасно.

Наконец, не извольте гневаться, ваше высочество, если и еще назову нашего агента в Одессе Акимова, который давно уже на нас работает усердно,—человек весьма порядочный, из старых севастопольцев. На его попечении были и будут все военные перевозки, и распоряжениями его все были очень довольны. Представившись вам, он с новым возбуждением вернется в Одессу. Вместе с ним, если позволите, явится и наш нынешний инспектор Вахтин, который летом не имел случая явиться к вашему высочеству. Оба они займут несколько минут времени.

Если угодно будет вашему высочеству разрешить мою усердную просьбу, благоволите сказать ответ завтрашнему

Библиотека "Руниверс"

дежурному гр. Шереметеву, которого я просил телеграфировать мне.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петербург. Воскресенье, 11 ноября 1879.

184.

Ваше императорское высочество.

Спешу представить вам бумагу, о которой докладывал в прошлый раз,—письмо на имя г-жи Соловьевой. На случай, если угодно будет одобрить редакцию, посылаю бумагу начисто переписанную и совсем готовую к подписи, которая на сей раз не требует никакой прибавочной фразы, как мне кажется. В таком случае, смею думать, что чем скорее письмо будет отправлено, тем лучше, особливо в виду предстоящей поездки вашего высочества в Москву.

Если угодно будет отправить через контору, то я сообщу туда и адрес г-жи Соловьевой: у Покрова̀ в Левшине, в доме дворцового ведомства.

Я потому решился беспокоить ваше высочество этим делом, что считаю его существенным. Я убежден, что такой рескрипт произведет превосходное впечатление на всех. В Москве все, без различия мнений, глубоко уважали покойного С. М. Соловьева и все ждали отзыва от вашего высочества: точно будто неловко стало, что вашего слова не было. Это ничего не значит, что оно теперь появится, зато будет не краткая телеграмма, а письмо, и в начале я написал: „услышал по возвращении моем".

Вчера вечером приехал Кази и сегодня утром был у меня. Мне очень было приятно видеть и расспросить его. Поистине, он молодцом провел все это дело. Надеюсь, что он не оставит нас, хоть есть слухи, что морское министерство думает его сманивать. В среду собираемся дать ему обед у Бореля, а в четверг он должен уже ехать обратно в Лондон, где пароход уже грузится на Мальту, Константинополь и Одессу.

Библиотека "Руниверс"

В среду, кстати, и ваш праздник, и мы надеемся с двойным торжеством пить за здоровье ее высочества.

Сегодня у нас в гос. совете в первый раз председательствовал, опираясь на палку, в. к. Константин Николаевич.

Дал бы бог в среду утром увидеть вас совсем здоровым; это и необходимо в виду поездки вашей в Москву, где предстоят, конечно, и церемонии на открытом воздухе.

Вашего императорского высочества верноподанный

Петербург. 12 ноября 1879. *К. Победоносцев.*

185.

Ваше императорское высочество.

Перед отъездом вашим в Москву позвольте усерднейше просить вас не оставить и там попечение о Добровольном флоте. В Москве главный узел наших интересов, ибо там сосредоточено все торговое движение, направляющееся к Дальнему Востоку. Тамошние руководящие торговцы очень благоприятно к нам относятся; но, без сомнения, когда они увидят, что ваше высочество продолжает попрежнему принимать дело к сердцу, то будут еще к нему внимательнее. И много из них людей почтенных и разумных; некоторые, вероятно, будут представляться вашему высочеству. Третьякова вы изволите знать, затем председатель биржевого комитета Найденов, очень умный человек и очень влиятельный на бирже, притом страстный любитель московской археологии. Нынешнею осенью он собирал для меня купцов на бирже для переговоров о чае, и все они обещали дать нам весною весь груз первосборного чая, что для нас очень важно. Обращаю внимание вашего высочества на Тимофея Морозова, очень умного человека, тоже очень влиятельного, и еще на А. К. Трапезникова, главу сибирской торговли. Он человек разумный, образованный, с большим кредитом в купечестве, первый знаток сибирских дел и известен как предприниматель экспедиций к устьям Оби и Енисея. На сих днях мы нарочно отправили Бахтина в Москву для переговоров с ними по поводу

Библиотека "Руниверс"

грузов, которые предлагаются нам на весну для перевоза в Николаевск.

Боткин (брат Сергея Петровича) тоже человек весьма известный,—в руках у него чайная торговля.

Если будет удобный случай, не признаете ли возможным и полезным довести до сведения государя императора о подводной лодке нашей, которая переведена уже в Гатчину.

При разговоре с Д. А. Милютиным не благоволите ли упомянуть о бывших и предстоящих перевозках войск в Черном море на судах Добровольного флота. У нас уже подписано условие с главным штабом о перевозке 17.000 в декабре и в январе из Севастополя в Поти—Батум. Перевозка должна начаться 13 декабря.

В среду, 14 числа, обед, данный в честь Кази, прошел очень удачно и с большим оживлением. Было около 30 человек, в том числе приглашены вернувшиеся сюда на „Нижнем" доктор Августинович и чиновник Мейер, которые сопровождали арестантов. Были и все члены нашего правления, и голова бар. Корф, и предводитель Бобринский, горячо сочувствующие учреждению. После тостов за государя императора и за ваше высочество и государыню цесаревну, Баранов сказал горячую речь перед тостом за Кази; потом Бобринский сказал тоже хорошие слова, кончив неожиданно тостом за меня, а затем я предложил здоровье всех учавствовавших в деле перевозки ссыльно-каторжных. Если вашему высочеству интересно, прилагаю при сем то, что мною было сказано. Все присутствовавшие остались, кажется, весьма довольны обедом.

Кази уехал вчера, 16 числа. Ему надобно спешить, чтоб выйти с грузом 23 ноября и поспеть около 15-го декабря в Одессу, где „Нижний-Н." должен будет немедленно стать под перевозку войск.

Митрополов (которого все полюбили на „Нижнем" и который был главным, неусыпным деятелем в обращении с арестантами) странствует теперь по Лондону и описывает мне свои похождения в курьезном письме, которое, может быть, позабавит вас. Этот чудак раздает русские азбуки с картинками англичанкам.

Библиотека "Руниверс"

Прилагаю еще образец циркуляра, который рассылается мною всем губернаторам, о прекращении деятельности местных комитетов по сбору пожертвований. Желательно было бы чтобы все они, равно как и московский, свели свои счеты о полученных деньгах, а что далее поступать будет, губернаторы доставляли бы нам.

Слышно,что вы изволите уезжать в ночь на понедельник. Да хранит вас господь и да возвратит благополучно.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

Петерб. 17 нояб. 1879.

186.

Ваше императорское высочество.

Видев вас здоровым 14 числа, я спокойно отправил свое письмо к вам в субботу, чтоб оно поспело к предполагаемому отъезду вашему в Москву. Но, придя в то же утро в государств. сенат, услышал от Макова, что вы больны и провели ночь без сна, в лихорадке. В большом смущении я побежал к Павлу Александровичу, но оказалось, что и он ничего не слыхал о вашей болезни. Наконец, уже приехавший в то утро из Царского Села В. В. Зиновьев передал мне верные сведения с известием, что вам лучше и что вы одеты, а в Москву не едете. Грустно, что поездка расстроилась, но то хорошо, что не будете в опасности простудиться еще более в дороге и Москве, на церемониях. Ради бога, берегите себя, ваше высочество, и не выходите гулять, чтобы прошли без следа все остатки болезни.

Баранову вчера доставили обвинительный акт,—стало быть, скоро суд над ним начнется. Положение его, разумеется, неприятное, и он в волнении.

Авось либо это письмо застанет выше высочество в добром здоровьи и в добром духе. Да хранит вас господь.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

Петербург. 18 ноября 1879.

Библиотека "Руниверс"

187.

С. С. Лесовский пишет мне от 28 ноября, что морское министерство, признавая за капитаном Кази важную заслугу в совершении блистательным образом рейса на о. Сахалин, признает достойным представить его к награде орденом св. Владимира 4 степени.

По докладе о сем генерал-адмиралу, великий князь признал необходимым предварительно представить это предположение на усмотрение вашего высочества,—не изволите ли вы находить какие-либо к тому препятствия.

Не предвидя никаких к тому препятствий со стороны вашего высочества, тем не менее спешу представить о вышеизложенном на благоусмотрение ваше, и если не получу от вашего высочества отзыва в противном смысле, предполагаю послать положительный ответ г. управляющему морским министерством.

Настоящее положение судов Добровольного флота следующее:

„Нижний-Новгород"—на пути из Лондона в Мальту. Оттуда должен спешить в Одессу к половине декабря, чтобы стать под перевозку войск из Севастополя в Поти.

„Россия", кончив работы в Марсели, должна выйти оттуда сегодня в Одессу на перевозку войск.

„Петербург"—в Марсели, меняет котлы и машину.

„Москва" 24 ноября вышла из Нью-Иорка в Бордо с грузом.

Известие о лодке Джевецкого приходят каждый день, одно другого благоприятнее. Теперь, кажется, можно сказать с уверенностью, что изобретение удалось вполне и оказывается делом весьма важным. На первом опыте в Гатчине лодка плавала $^3/_4$ часа под водою. Оказалось нужным по этому опыту сделать некоторые новые приспособления, чтобы отвратить промерзание ремней. Приспособления тотчас же были сделаны, и новые затем опыты не оставляют желать лучшего. В последний раз лодка пробыла под водою три часа, причем люди не испытывали никакого неудобства в дыхании,

Библиотека "Руниверс"

а Джевецкий снял подробную карту подводной части озера. Желательно было бы, чтоб ваше высочество при удобном случае сами изволили посмотреть на месте лодку и ее плавание.

К. Победоносцев.

1 декабря 1879.

188.

Ваше императорское высочество.

Я уже имел случай докладывать вам, что Баранов посылал Д. А. Милютину в Крым записку о средствах к успешному ведению морской войны с Англией. Записка написана была в общих чертах с обещанием представить при дальнейшем объяснении план более подробный.

Милютин тогда же отвечал Баранову очень любезным письмом, в котором выражал живейший интерес к делу и желание подробнее объясниться об нем по возвращении своем в Петербург, но по возвращении Милютина речи об этом деле еще нет.

Между тем Баранов изготовил по этому вопросу другую более подробную записку, которую никому, кроме меня, еще не сообщал.

Основная мысль его плана—та же самая, которую он заявлял уже давно в давнишней своей полемике против поповок, броненосцев и всей системы морского вооружения, принятой морским министерством.

Теперь в этот план вводит он два новые деятеля, с тех пор появившиеся на свет,—подводную лодку Джевецкого, как новое орудие малой войны, и Добровольный флот, как удобное средство сделать во-время все нужные для этой войны приготовления, неофициально, а под прикрытием общественного учреждения.

План это, очевидно, смелый, но едва ли можно признать его фантастическим. Напротив того, он может оказаться вполне практичным, если только правительство вошло бы в мысль его и решилось искренно и без задних мыслей приступить к его осуществлению. Политическое наше положение

Библиотека "Руниверс"

тако́во, что надобно ожидать открытой игры в непродолжительном времени.

Разумеется, от морского министерства невозможно ожидать, чтоб оно вошло искренно в мысль этого плана,—во 1-х, потому, что план исходит от Баранова, во 2-х, потому, что, приняв его, надобно осудить всю прежнюю политику морского министерства. Правда, оно само теперь признает нужным приобретать крейсеры, но мы видим, как и за какие цены их приобретает. А притом, и главным образом, продолжает строить новые броненосцы за безумные деньги. В конце концов, такая политика грозит обременить бюджет двойным расходом на два параллельные учреждения, не выдерживая последовательно цельной идеи ни того, ни другого учреждения.

Не решаясь сам являться к вашему высочеству в нынешнем своем положении, Баранов просит меня представить на усмотрение ваше обе упомянутые записки. В особенности потому, что в них речь идет и о Добровольном флоте, и о лодке Джевецкого, необходимо, чтобы ваше высочество прежде всех других ознакомились с содержанием проектов и составили свое по ним мнение.

Охотно исполняю эту просьбу Баранова, потому что записки эти действительно интересны и касаются предмета новой важности для России.

Записка под № 1—та, которая была уже послана Милютину, а другая, под № 2,—та, которая вновь теперь только составлена Барановым.

К ним принадлежит пояснительная карта морских сообщений, составленная у нас в правлении.

Вашего императорского высочества вернопреданный

4 декабря 1879. *К. Победоносцев.*

189.

1. Бывший делопроизводитель в комитете Добровольного флота г. Романов просит позволения поднесть вашему высочеству для музея вашего мамонтов зуб, найденный

Библиотека "Руниверс"

в Екатеринославской губернии. Вещь эта привезена мною и оставлена на столе в музее.

2. Сенатор Зарудный просит представить вашему высочеству от его усердия изданную им книгу Беккария. О преступлениях и наказаниях.

3. Херсонский архиепископ Платон прислал мне несколько экземпляров проповедей, сказанных им во поводу недавних печальных событий и просит представить их вниманию вашего высочества.

4. Дело Баранова назначено к слушанию в окружном морском суде на 14 декабря. Толков об этом в городе очень много. Баранов выбрал себе защитника, г. Хартулари. Каждый день ездит он в суд и очень взволнован. Я убеждаю его держать себя как можно хладнокровнее, но все-таки опасаюсь, в состоянии ли будет он владеть собою. Суд не позволяет ему вызвать свидетелей в свое оправдание и не допускает его к обозрению следственного дела о Рожественском, хотя на это дело ссылается обвинительный акт. Вообще, система обвинения такова, что его обвиняют, между прочим, в извращении фактов, выставленных в его записке против морского министерства, но на суде, кажется, не хотят позволить ему доказывать, что факты эти верны. Если так поступит суд, это будет странно.

Зала для заседаний выбрана небольшая, — всего на 35 мест. Желающих получить билеты очень много, так что многим отказывают; отказали и некоторым членам госуд. совета. Гр. Перовский получил билет, и я получил билет с трудом. В других обстоятельствах ни за что не пошел бы туда, но теперь намерен претерпевать эту муку для того только, чтобы оказать некоторую нравственную поддержку подсудимому своим присутствием. Буду рад, когда этот несчастный суд кончится.

Адъютант ваш гр. Олсуфьев тоже хлопотал о билете, но не получил его. Не изволите ли поручить ему, ваше высочество, присутствовать в суде. В таком случае, говорят, по существующим правилам, ему должны предоставить место.

Библиотека "Руниверс"

5. На прошлой неделе я представил вашему высочеству записки Баранова о морской защите с картою. В субботу, быв у вашего высочества, забыл спросить, какого изволите быть мнения о том, что тут написано.

К. Победоносцев.

11 декабря 1879.

190.

Ваше высочество изволили слышать от Посьета, что Рожественский назначен в число судей над Барановым. Это неверно и было бы совершенно невероятно. Но довольно и того, что есть: Рожественский поставлен морским министерством в число свидетелей против Баранова; Баранову же не дозволяют выставить своих свидетелей в защиту, хотя некоторые из них, в том числе Кротков и греческий волонтер Спиропуло, участники в деле „Весты“, сами явились из-за границы, чтобы свидетельствовать в пользу его.

Я в большом смущении от этого дела и опасаюсь от него нехороших последствий. Не говорю уже о том, что мы в Добровольном флоте можем потерять Баранова, которого участие так существенно. Но и кроме того думаю, что дело это, поднятое морским министерством, крайне несвоевременно в нынешнюю смутную пору. Морское ведомство не сознает одного обстоятельства, бесспорного,—именно того, что оно дискредитировано во всей России: слава его дурная, повсюду и везде идет речь о беспорядках в нем, злоупотреблениях, расхищении и трате громадных сумм и пр. В таких обстоятельствах процесс его с Барановым, чем бы ни кончился и как бы ни происходил, может получить значение процесса морского ведомства со всей Россией или с общим сложившимся мнением. Дадут ли Баранову говорить на суде, или не позволят, во всяком случае окончательное впечатление от этого процесса будет не против Баранова, а за него, и против морского ведомства. В такое время, которое мы, к несчастью, переживаем, нельзя пренебрегать этим впечатлением.

Библиотека "Руниверс"

А как просто можно было выйти из дела, если бы не было намерения отомстить Баранову. По поданной им бумаге можно было просто уволить его из морского ведомства.

Сегодня я заходил к великому князю Алексею Александровичу поговорить об этом деле и спросить, не приедет ли он в суд, но, к сожалению, не застал его.

Имею честь представить вашему высочеству прилагаемое при сем письмо графа Путятина, о котором докладывал вам еще в Царском Селе. Старик надеется, что вы изволите принять его в удобное время. Я объяснил почтенному графу Путятину, что теперь почти каждое утро у вас занято смотрами. Когда станет полегче, может быть, вы изволите назначить день для приема.

По случаю этих же занятий многие из приезжающих не могли быть приняты вашим высочеством. В числе их барон Оффенберг, и. д. губернатора Амурской области, честный и деятельный человек, которого я знал еще в молодости. Много он рассказывал мне любопытного про сибирские непорядки при бар. Фредериксе. Теперь я вижу часто сибиряков и много слышу о тамошнем крае. Горько подумать, сколько там сил и богатств, и как все гибнет и раздражается от невозможной администрации. Трудно себе представить, до какого бесстыдного разврата во всем дошла там высшая правительственная власть при Фредериксе.

К. Победоносцев.

12 декабря 1879.

191.

Ваше императорское высочество.

В нынешнее смутное время у всех добрых русских людей душа в крайнем смущении, в болезни. Особливо после события 19 ноября смущение это усилилось непомерно.

Я вижу немало людей всякого чина и звания. От всех здешних чиновных и ученых людей душа у меня наболела, точно в компании полоумных людей или исковерканных обезьян. Слышу отовсюду одно натверженное, лживое и про-

Библиотека "Руниверс"

клятое слово: конституция. Боюсь, что это слово уже высоко проникло и пускает корни.

Но я вижу и слышу и здоровых русских людей в крайнем смущении. Душа у них объята страхом,—боятся больше всего именно этого коренного зла, конституции. Повсюду в народе зреет такая мысль: лучше уже революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постоянною ложью, которой русская душа не принимает.

И должен вам высказать, ваше высочество, вот что. В нынешнее правительство так уже все изверились, что ничего от него не чают. Ждут в крайнем смущении, что̀ еще будет, но народ глубоко убежден, что правительство состоит из изменников, которые держат слабого царя в своей власти.

Всю надежду возлагают, в будущем, на вас, и у всех только в душе шевелится страшный вопрос: неужели и наследник может когда-нибудь войти в ту же мысль о конституции. Этого боятся, об этом говорят и думают.

Важно то, что эта мысль глубоко засела в народе: по деревням и по уездным городам простые люди, обсуждая простым здравым смыслом и горячею душою нынешние события, говорят об этом,—там уже знают, что̀ такое конституция, и опасаются этого больше всего на свете.

Прошлою весной, после 2 апреля, заехал ко мне знакомый мне помещик Голохвастов, живущий в Воскресенске, Моск. губернии, и рассказывал мне удивительные вещи о мыслях и настроениях в народе, который собирался к нему толпою, упрашивая писать адрес государю от народа против конституции и против Валуева, которого считают главным ее зачинщиком. Я тогда же просил его написать мне об этом предмете.

На-днях он прислал мне письмо, которое представляю вашему высочеству, усерднейше прося прочесть его. Вы увидите в нем нынешнюю мысль и настроение лучших, коренных русских людей, не причастных ни чиновничьим воззре-

Библиотека "Руниверс"

ниям, ни ученому обезьянству. В этом отношении оно весьма замечательно.

И еще, ваше высочество, смею повторить вам совет и просьбу, которую заявлял весною. Благоволите прочесть, не откладывая, в „Русском Архиве“ 1872 года статью Забелина: Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время.

Именно для нынешняго времени эта статья примечательна. Картина, которая изображена здесь, рисуется теперь смутно многим русским людям, не забывшим свое прошедшее. Я передам ему, чтоб он выложил эту книгу из библиотеки.

Вашего императорского высочества верноподанный

К. Победоносцев.

14 декабря 1879.

192.

Усерднейше благодарю ваше высочество за сообщение весьма интересной записки Н. П. Игнатьева. Она писана умным человеком, умеющим взяться за дело. Я всегда знал его за живого человека и слыхал про него, что он умеет сам работать и возбуждать к работе других. Это драгоценное качество, перед которым бледнеют его недостатки, напр., искусство болтать и хвастать. То несомнено, что он отлично исправил дело на ярмарке, и что купечество было от него в восторге. Главный вывод из этой записки тот, что Игнатьев—способный и ловкий администратор, и что не было бы никакой нужды посылать его летом в Нижний, когда бы там не правил несколько лет вовсе неспособный человек, бестолковый гр. Кутайсов.

Вот, в моем глубоком убеждении, и ключ ко всему делу нынешнего хаоса. В хаосе надо водворять порядок. Устроить порядок можно только людьми способными и горячими, и толковыми, действующим в одной мысли, согласно. А для того, чтоб их выбрать, нужно иметь, кроме ума, горячее сердце и быть в живом общении с живыми людьми. Когда я смотрю на наших министров, не удивляюсь, что они людей

Библиотека "Руниверс"

не выбирают. И они не видят людей. Вся их деятельность в бумагах и в заседаниях, т.-е. в фразах. Людей они только принимают, когда те им представляются. Им некогда говорить с людьми и узнавать их в живом деле... И все это можно бы изменить твердою и решительною волей. Людей же у нас для деятельности очень много, только надо живым ключем отпирать их, а не мертвым. Ныне слышишь одно: дам такие-то оклады, и будет много охотников. Но на денежную приманку идут—увы!—самые плохие люди. Хорошие люди идут на живую силу, и как огонь от огня загорается, так и человек загорается от живого человека.

Читал я и записку Федора Адольфовича. Добрые его намерения, но предлагаемые им средства похожи на игрушку. Вообще все эти рецепты, с разных сторон предлагаемые, мне кажутся несерьезными и слишком напоминают Крыловский квартет: не лучше ли посадить музыкантов другим манером. Обо всем этом можно и должно рассудить в спокойное время: а теперь не до заседаний, которых и без того не оберешься. Все заседают и ничего не выходит. Сначала надо взяться за ум, проявить волю, уничтожить рознь, водворить порядок, открыть честным и знающим людям возможность действовать... Теперь такая пора, что и люди способные и энергические завяли, расслабли, упали духом, не знают, в какую сторону обернуться. Все они проснутся, когда почуют решительную волю и твердое направление.

Сегодня в государственном совете С. С. Лесовский смутил меня заявлением, что они хотят взять у нас Балка с „России". Они недовольны нынешним командиром „Азии" и хотят заменить его Балком. Я представлял Лесовскому, что минута эта для нас крайне неудачная, так как Балк только что поставлен заведывать начавшеюся 14 числа операцией перевозки войск. Я предлагал ему взять лучше хоть Сиденснера, но Лесовский опасается, не будет ли в обиде Балк, что возьмут младшего офицера. Теперь Балк должен быть в Поти, и спрашивать его неудобно раньше 2—3-х дней; но, по моему мнению, самому Балку нет большой охоты переходить на „Азию", судно 2-го ранга, тогда как „Россия"

Библиотека "Руниверс"

была в первом подвоенном флагом. Итак, я просил Степана Степановича повременить, представляя ему, что служба наших командиров на наших судах есть и для военного флота не потеря, а приобретение.

К. Победоносцев.

17 декабря 1879.

193.

Я вернулся из суда в 1 час ночи. Суд признал Баранова виновным и положил отставить его от службы.

Но, по общему впечатлению этого процесса, его можно назвать триумфом для Баранова и позором для морского ведомства. Боже мой, как вредит себе правительство, возбуждая такие процессы и не умея даже искусно вести их!

Морское ведомство выслало против Баранова такого представителя, который не сделал ему чести. Обвинителем выступил наглый и неопытный молодой прокурор. Вместо дельного оружия, он вынес с собою горшок грязи, которою принялся обливать личность подсудимого, но неумелою рукою обливал вместо того себя и свое ведомство. Присутствовавшие едва могли сдерживать свое негодование противу обвинительной власти, которая, вместо серьезных доводов, в течение целых полутора часов осыпала подсудимого, еще не обвиненного, личными оскорблениями, не умея даже владеть словом.

Баранов отвечал ему сдержанно, но великолепно, и слова его произвели на всех сильное и глубокое впечатление.

И было на чем разговориться. Представитель морского ведомства был до того легкомыслен, до того увлечен враждою своего ведомства к подсудимому, что дозволил себе, оскорбляя его, оскорбить и честь всего флота. В присутствии морских офицеров, которыми наполнена была зала заседания, он, ради насмешки над Барановым, предал публично огульному посмеянию целый ряд славных дел нашего флота в минувшую кампанию, облитых потоком русской крови. Странно и постыдно было слушать такие речи от лица правительственной власти. Где еще есть в мире нация, которая с яро-

Библиотека "Руниверс"

стью отрицала бы славные дела сынов своих? Нет, этот процесс не принесет чести морскому ведомству. Немало присутствовало вчера на суде лиц, принадлежащих к правительству; все они, без сомнения, вынесли тяжелое впечатление.

19 декабря 1879. *К. Победоносцев.*

194.

Вчера целое утро я провел в Гатчине, куда ездил присутствовать на опытах плавания лодки Джевецкого. Очень любопытно, и полный успех дела не подлежит сомнению. Лодка плавала при нас с 4 человеками и на поверхности воды, и под водою. Мы выезжали на средину озера и следили за всеми ее движениями под водою. Она чрезвычайно пловуча, ходит свободно до 7 верст в час, легка в движениях, опускается, поднимается и маневрирует по произволу,—словом сказать, по этим первым опытам не остается желать ничего более.

Лодка стоит у пристани на самом озере, возле дворца. На берегу поставлена палатка и содержится постоянный караул. Место огорожено, и никого туда не пускают. Комендант генерал Багговут, любезный человек, был с нами и потом приглашал к себе на завтрак, за которым очень занимал всех весьма любопытный человек, старик волонтер грек Спиропуло, рассказывавший в подробности всю историю боя „Весты". Баранов уклонился от этой поездки, считая неприличным показываться между знающими его людьми в Гатчине после приговора.

Было бы очень желательно, чтоб ваше высочество изволили сами увидеть лодку вскоре и обсудить ее значение. Обстоятельства таковы, что медлить с нею теперь нельзя. Она готова и должна сделаться **либо** могучим орудием за нас, либо орудием **против** нас. Если оставить ее так, изобретение не может остаться втуне и в совершенном секрете. Сверх того, необходимы и средства на содержание ее и караул. Необходимо оставить на службе и того мастера француза, который над нею работал. Отпустить его теперь было бы очень опасно.

Библиотека "Руниверс"

Поэтому необходимо принять какое-нибудь решение немедленно. Морское министерство, истратив даром полтора миллиона на лодку Александровского, отказало Джевецкому письменно на его предложение. Генерал-адмирал, наскучив прежними делами, не хочет уже и слышать никаких речей о лодках. И так, Добровольный флот принял на свои руки, с помощью Полякова, дело отринутое морским министерством. Теперь Добровольный флот уже не может удержать в своих руках это дело, когда оно закончено, и, по моему мнению, вопрос великой важности для государства записать это дело за себя. Я имел в виду говорить об этом деле с Д. А. Милютиным, если ваше высочество изволите одобрить. Сегодня, после панихиды у Игнатьева, попытаюсь, если возможно, видеть ваше высочество.

Вот и старика П. Н. Игнатьева не стало. Сожалею об нем: он был человек с русскою, заботливою душою. Теперь вопрос, занимающий всех: кто будет ему преемником в комитете министров. С месяц тому назад я немало рассуждал об этом вопросе с Кахановым, которому близко известны и лица, и деятельность их в комитете. Он опасался больших неудобств от назначения Валуева, которое, как говорят, наиболее вероятно. Но в числе других имен, по отзыву беспристрастных людей, всего удобнее для дела считается имя Рейтерна: он стоит вне дел, спокоен, имеет опытность и разум, и репутацию честного человека. Дай бог, чтобы выбор (пал) на человека достойного, благоразумного и беспристрастного.

К. Победоносцев.

22 декабря 1879.

195.

Не угодно ли вашему высочеству взглянуть на прилагаемый листок, где напечатана и речь Баранова, поистине достойная внимания.

Несмотря на первый день праздника, решаюсь, ради важности дела, о котором и я, и Баранов имели пространное объяснение с Д. А. Милютиным, беспокоить ваше высочество

Библиотека "Руниверс"

даже сегодня. Попытаюсь сегодня, в 9 часов вечера, явиться в Аничков дворец: не изволите ли принять меня минут на десять.

К. Победоносцев.

25 декабря 1879.

196.

Ваше императорское высочество.

Не погневайтесь на меня, если это письмо неприятно вам покажется. Но я не могу молчать перед вами, когда у меня душа смущена за вас, и доколе вы меня совсем не отгоните, я буду считать своим долгом высказать вам правду.

Внезапное разрешение газеты „Голос", ранее срока, от наложенного на нее запрещения, произвело на меня тяжелое впечатление. Первая моя мысль была: как это, в такую пору, когда правительство должно особенно дорожить твердостью власти, оно показывает такую слабость! Только что наложено взыскание, справедливое и давно заслуженное, как оно уже отменяется. Помня, как решительно высказывался после наложения взыскания министр внутренних дел, я не мог понять, отчего произошла эта внезапная перемена. Перед тем незадолго, мне сказывали, что 14 декабря, на вечере у Ламанского, Грейг, отыскав в толпе гостей Краевского, шепнул ему, что через несколько дней „Голос" будет разрешен. Тогда я не хотел этому верить.

Когда появилась газета, на панихиде у Игнатьева мне говорили: знаете ли, откуда идет это разрешение? Это все устроил граф П. А. Шувалов. Он успел пробраться в доверие наследнику цесаревичу, привез к нему Краевского и по ходатайству цесаревича разрешение последовало.

Но это соединение имени вашего высочества с именем графа Шувалова показалось мне так странно невероятно, что я решительно не поверил слуху об участии вашем в этом деле и даже посмеялся этой мысли. Однако мысль эта запала мне в голову и меня беспокоила.

Не видавшись ни с кем до прошлой субботы, т. е. до общего собрания госуд. совета, я не мог ни в чем удостовериться. Но в субботу я удостоверился, что было, действительно,

Библиотека "Руниверс"

заступничество вашего высочества за Краевского, и что оно принято было в министерстве внутренних дел к исполнению, хотя с некоторым смущением.

Это известие ошеломило меня и очень расстроило,— до сих пор мысль эта не дает мне покою, пока я не выскажу ее перед вами.

Ваше высочество! Знаете ли вы, за кого вы заступились! Ведь это люди без чести, без убеждения, продажные проповедники чего угодно. Из петербургских газет ни одна не внушает уважения, но самая презренная из них и самая вредная— „Голос". Известно, что в ней все купить можно. В 1863 году, во время польского восстания, „Голос" получал деньги из польского лагеря и отстаивал польское дело против русских патриотов, и теперь начинает он печатать льстивые для поляков статьи из тех же побуждений. Сколько честных имен, сколько благородных дел забрасывал он грязью, и какие негодные дела прославлял—за ту же цену. „Голос" с яростью и с насмешками нападал на славянское движение и глумился над горячими порывами русского патриотизма. „Голос", в виду злодейских событий последнего времени, постоянно стремился стушевать впечатление ужаса и негодования на них. „Голос" разразился дикою пляскою восторга по случаю оправдания Засулич, „Голос" выдумал страшную телеграмму о чуме из Царицына, которая произвела такую тревогу в целой Европе, понизила курс и оказалась фальшивою. „Голос" льстил и потакал всем беспорядкам студентов и студенток на улицах и накидывался с яростью на всех доказывавших необходимость прекратить беспорядки решительными мерами. Помещая вверху газет несколько льстивых фраз правительству, он в том же листе, на других местах, печатал возмутительные речи. Если в течение года „Голос" не был запрещен, то это происходило единственно от слабости и колебания, и последняя статья, сама по себе не очень значительная, была только последнею каплею и предлогом к принятию меры, которую давно следовало бы принять. Но, к сожалению, „Голос" богат средствами и оттого находит немало за себя ходатаев.

Библиотека "Руниверс"

Судите же, ваше высочество, каково мне было узнать, что государь наследник цесаревич явился заступником за такую газету и за таких людей, как г. Краевский и зять его Бильбасов, вместе с ним издающий газету. Все знают, что это фирма, продающая печатное слово тому, кто может купить его. Не знаю и понять не могу, кто решился открыть этим господам доступ к доброте и милости вашего высочества!

И когда б они умели еще быть скромными. Известно ли вашему высочеству, что они теперь гордо подняли голову и объявляют не стесняясь, что они уже не опасаются никаких взысканий от министерства, та́к как покровитель их—наследник цесаревич. Мало того,—намекают, что между вашим высочеством и газетой существует некоторая связь! Горько слышать речи, которые заходили теперь об этом по городу.

Прибавлю еще. Известно ли вашему высочеству следующее обстоятельство: так смутно стало время и так стали мелки нынешние государственные люди, что они не стыдятся входить в сношение с журналистами и действовать через газеты. Вернувшийся с дипломатического поприща граф П. А. Шувалов, задумывая проложить себе дорогу к правительству в России, становится на этот путь. Из Англии вывез он мысль о всемогуществе печати и прилагает ее к России. Он завязал сношение с „Петер. Ведомостями“ и с тем же „Голосом“. Вот откуда идет, конечно, и не подозреваемое вашим высочеством соединение имени вашего с именами графа Шувалова и друга его Грейга в этом деле разрешения „Голоса“!

Ваше высочество! Вы не можете знать, до чего низок и мелок мир петербургской журналистики, и как презренны главные ее деятели. Все это лавочки, проданные то тому, то другому, и самая продажная из них—„Голос“. Стыдно и больно мне думать, что он величается вашим покровительством. Вчера, поверьте, мне плакать хотелось при этой мысли, и я не досидел заседания. Ваше имя дорого для всей России, и дело, вами защищаемое, получает особливое значение.

Смею ли сказать вам: не доверяйтесь этим людям, не допускайте до себя журналистов. Пусть они сами за себя говорят и отвечают, не пользуясь вашим драгоценным именем. А меня

Библиотека "Руниверс"

не осудите за то, что не могу стерпеть и прихожу к вам прямо с своим искренним словом от сердца, вам и России преданного.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

30 декабря 1879.

Библиотека "Руниверс"

1880 г.

197.

Ваше императорское высочество.

Здравствуйте и радуйтесь на новый год с государыней цесаревной и со всем домом. Дай господи, чтоб этот год был полегче прошлого.

Не любопытно ли будет вашему высочеству просмотреть прилагаемое описание приключений нашей „Москвы“ в Атлантическом океане.

Иван Александрович Гончаров просит представить благосклонному вниманию вашего высочества сегодня только появившийся в печати рассказ. Рассказ этот писан, если не ошибаюсь, по поводу чтения Валуевым сочиненного им романа в петербургских гостиных.

К. Победоносцев.

1 января 1880.

198.

Не могу не ответить на письмо вашего высочества. Оно очень утешило меня и было для меня истинным подарком на новый год. Оно еще раз показало мне, как искренно вы принимаете то, что вам искренно высказано.

Что вы изволите говорить о Макове, то мне самому прежде всего пришло в голову. Эту мысль я даже ему самому высказал сегодня на выходе. „Напрасно,—говорил я,—вы, Лев Савич, не поехали тотчас к его высочеству и не объяснили все дело. Я убежден, что великий князь тотчас понял бы ваше положение и взял бы назад выраженную им мысль“.

Что же отвечал Маков? „В первый раз еще случилось, что наследник цесаревич обратился ко мне, и я не хотел ему

Библиотека "Руниверс"

противоречить. Притом, как бы я поехал к великому князю? Я еще ни разу и не имел таких объяснений с его высочеством".

Я не понимаю такого взгляда на дело: это чиновничий взгляд, а не государственный. Маков усмотрел в записке желание вашего высочества и не заглядывал далее,—у него, конечно, мелькала мысль: вероятно, великий князь этого по какимнибудь причинам желает, и если я стану противоречить, то возбужу, может быть, неудовольствие его высочества...

К сожалению, так и многие рассуждают у нас в государственном деле.

Вот невыгода от назначения на государственные должности людей, не имеющих крепкой самостоятельности. Маков имеет много достоинств, но он вышел из чиновничьей школы и не имеет самостоятельности, приобретя чиновничью привычку беречь себя и обходить заботливо всякие столкновения. Тимашев имеет много недостатков, но он вышел из другой школы, имел, прежде назначения, твердую постановку и в земле (по имениям), и при дворе, и в обществе. Я думаю, что Тимашев в этом случае поступил бы иначе и прямо объяснился бы с вашим высочеством и стал бы отстаивать дело своего звания.

Поистине, иду теперь спать с отрадным чувством,—благослови боже вашему высочеству стать на всякую правду.

К. Победоносцев.

1 января 1880.

199.

Слышав от вашего высочества, что вы предполагали видеться с военным министром сегодня, 2 числа; я заходил сегодня справиться у швейцара, приезжал ли к вашему высочеству граф Милютин. Сказали, что не приезжал, из чего я заключаю, что предположенное объяснение не состоялось. Простите, ваше высочество, что прихожу вновь надоедать усерднейшею просьбою—не откладывать долее. Я знаю, что Милютин считает это дело важным и нетерпеливо ждет, когда вам угодно будет начать разговор.

Библиотека "Руниверс"

Сегодня Баранов был в суде к назначенному часу для выслушания приговора. Хотя суд собрался, но его продержали долго, не приступая к объявлению. Произошла довольно странная сцена. Вышел было суд с прокурором, но вдруг прокурору сделалось дурно: его вывели, потом увезли, и надо было ждать, пока посылали за другим прокурором. Затем между собравшимися в другой комнате членами суда происходили пререкания, и ни один из членов не вышел, а вышел один председатель с видом недоумения. Тогда сам Баранов обратился к нему с просьбой прочесть приговор без дальних формальностей, так как он не намерен приносить никаких жалоб. Тогда прочли ему приговор и объявили, что будут ждать еще семь дней, в течение коих предоставляется ему принесть жалобу, от чего, впрочем, он заранее отказался.

Говорят иные, будто неопределенное положение Баранова может еще продлиться до 19 февраля.

К. Победоносцев.

Для поездки в Гатчину будем ждать 7 или 8. Но ваше высочество изволите писать: „Завтра я не буду свободен ехать в Гатчину". При последнем объяснении вы рассчитывали не на завтрашний день, а на пятницу, 4 числа. И я в этом расчете отправил было сегодня делать приготовления на 4-е.

Если бы ваше высочество, вспомнив это предположение, нашли еще возможною поездку в пятницу, то благоволите уведомить меня сегодня, так как необходимо распорядиться заранее химическими заготовлениями. 5-го числа вечером я, во всяком случае, буду иметь честь прислать за новым указанием, на какое число назначена будет поездка.

200.

Завтра, в понедельник, в 2 часа пополудни, государыне цесаревне угодно принять находящегося здесь архимандрита Николая, начальника японской миссии.

Если б ваше высочество изволили быть в это время дома, то и вам интересно было бы его видеть, а ему лестно вам

Библиотека "Руниверс"

представиться. Он человек поистине замечательный, всеми уважаемый и пользуется безграничною популярностью в Японии, где живет уже около 20 лет, посвятив себя всего делу миссии.

Успехи ее поистине поразительны, при ничтожных средствах. Трудно составить себе понятие о влечении японского народа к православной церкви, и теперь, даже в политическом отношении, для нас очень важно, какая вера будет в Японии государственною: православная, католическая или протестантская.

О. Николай очень симпатичный человек, совсем простой души, бескорыстный и преданный вполне своему делу. Япония стала для него вторым отечеством.

Если вашему высочеству угодно будет просмотреть прилагаемую тетрадку (рапорт о. Николая), где некоторые места мною отмечены, вы, без сомнения, найдете в ней много интересного и нового.

Другая статья: об отношениях Японии к России, им же составлена.

О. Николай приехал сюда на время, хлопотать о средствах для своей миссии, и, к счастью, имеет успех. В виду важности этого дела и несомненных его успехов, миссионерское общество в Москве назначило японской миссии значительную сумму, и от государственного казначейства предполагается дать пособие.

К. Победоносцев.

6 января 1880.

201.

Сейчас вернулись из Гатчины ездившие туда по поручению военного министра офицеры-техники; как слышу, они совершенно удовлетворены всем тем, что видели в течение трех часов.

На завтрашний день все будет готово к приезду вашего высочества. Сегодня к ночи отправляется еще туда Карпинский. Не получив и сегодня утром никакого нового извещения от вашего высочества (в совете), я остаюсь в той мысли,

Библиотека "Руниверс"

что вы изволите ехать, и предполагал быть на железной дороге в 12 часов.

Посланному с этим письмом приказано от меня ждать в швейцарской Аничкова дворца полчаса, на случай если вашему высочеству благоугодно будет прислать мне какое-нибудь извещение.

К. Победоносцев.

7 января 1880.

202.

Ваше императорское высочество.

Каждый день поджидаю тепла и каждый день чувствую, что стало еще холоднее. Держу у себя перед глазами и расписание смотров, чтобы следить свободные дни, которых, впрочем, очень мало.

Сегодня в государств. совете Д. А. Милютин спрашивал меня о деле по запискам Баранова. Баранов переделал свои записки, но я еще не видал их в новом виде. Сам Баранов вот уже пятые сутки в самом плачевном состоянии. Он простудил себе голову, которая и без того мучит его часто сильными болями, у него сделались нарывы, и теперь боль мучительная не отпускает его ни на минуту, так что он несколько ночей к ряду не может заснуть и стал ни к чему не способен. Между тем о деле его все-таки нет верных известий. Сегодня были слухи из морского министерства, будто приговор суда конфирмован и об этом печатается в приказе. Если это справедливо, будет очень прискорбно за Баранова и за многие дела, которые у него на руках... Не знаю, что он в таком случае предпримет.

Сегодня не был в совете Валуев по болезни. А на сих днях был слух (кажется, достоверный), что он пустил уже в ход знаменитый свой проект о собрании представителей... Невольно боишься, что в наше время и такие безумные предположения могут иметь успех. Я слышал об этом от Урусова, который, конечно, говорил не даром. Но сегодня Урусов передавал мне по секрету, что он имел объяснение с Валуевым и доказывал ему все безумие предпринятого им дела.

Библиотека "Руниверс"

Не знаю, присылается ли вашему высочеству газета „Варшавский Дневник“, выходящая с нового года в новом виде, под редакцией некоего кн. Голицына. Редактор—знакомый мне человек и принял газету с честным намерением вести открытую борьбу со всеми разрушительными учениями и с бессмысленными идеями и затеями петербургских журналов. Я сомневался, чтоб у него хватило на это силы, но в первых номерах газеты я вижу статьи в этом духе, очень искусно и решительно написанные,—так, как у нас еще не решались писать.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

14 января 1880.

Сейчас получил от Баранова записку: „Под большим секретом мне сообщен результат сегодняшнего обо мне доклада: я уволен от службы. Если можно, примите командиром одного из пароходов“.

203.

Ваше высочество изволили разрешить представиться к вам завтра назначенному на „Владивосток“ командиру капит.-лейт. Воронову и греку Спиропуло. Может быть, вы соизволите представиться тут же и лейтенанту Качалову, который отправляется во вторник с матросской командой в Гласгов. Это—сын Н. А. Качалова, по всем признакам, хороший офицер; и для отца, и для молодого человека было бы весьма лестно, когда бы ваше высочество удостоили и его на несколько минут приемом. На всякий случай, я посоветовал и ему быть завтра в 2 часа в приемной.

О Воронове Баранов вчера докладывал вашему высочеству, что он командовал лодкой „Морж“ сибирской флотилии.

Я просил Баранова положить на бумагу краткие сведения о Спиропуло и полученную от него заметку имею честь представить в подлиннике.

Вчера сообщено мне из главного тюремного управления, что от них будет новая отправка ссыльных, с женами и детьми,

Библиотека "Руниверс"

около 500 человек, раннею весною на Сахалин. Итак, надобно будет готовить для этой цели „Нижний-Новгород“. Плаванию „Нижнего“ в эту минуту мешает ужасная погода в Черном море, как видно из сегодняшней телеграммы.

К. Победоносцев.

20 января 1880.

204.

В последнем заседании главного правления признано справедливым и вполне желательным назначить Баранова командиром вновь строящегося парохода „Ярославль“. Бог знает, до того времени, пока пароход спущен будет на воду (т. е. в июле), придется ли ему вступить в действительное командование судном; но теперь это назначение дает ему возможность несколько отдохнуть в Марсели и наблюдать за строением. Хотя Баранов находится теперь в крайне стесненном положении и совсем без средств, но он решительно отказался получать командирское содержание до тех пор, пока не сменит Валицкого, который должен остаться до весны в Марселе, и получит от нас теперь только деньги на проезд до места.

Смею удостоверить ваше высочество, что когда речь шла об этом назначении, ни у кого и в мысли не было сделать что-либо неприятное морскому министерству. Сегодня я был весьма удивлен, узнав, что это распоряжение было неприятно генерал-адмиралу, и что он немедленно приказал сделать справку, нет ли закона, запрещающего подобные назначения. Однако, сколько ни искали в канцелярии, не нашли такого закона.

Никак не думаю, чтоб его высочество решился серьезно возражать против этого назначения: нет к тому ни повода, ни причины. Но на случай, если бы завтра на докладе коснулась речь до этого предмета, обязываюсь доложить вашему высочеству, что, по моему мнению, вопрос о назначении Баранова на службу по Добровольному флоту ни в чем и нисколько не нарушает закона и не нарушает порядка и интересов морской службы. Если б ему пришлось даже теперь же вступить

Библиотека "Руниверс"

в действительное командование, то служба его была бы частная. Само морское ведомство, хотя дает нам офицеров и команду, но не согласно считать службу их наравне с коронной, и наши плавания не ставит в счет кампании морским офицерам. У нас на судах есть офицеры (даже старшие, например, черногорец Джуркевич на „Нижнем“) с вольного найма, а в Черноморском обществе были примеры вольных командиров, у коих под командой состояли офицеры морской службы.

Но в настоящее время Баранову и не предполагается вступать в действительное командование „Ярославлем“, который только что еще строится. Во всяком случае, высочайшее повеление ни мало не лишает Баранова возможности поступить на какую угодно службу, кроме морской на военном флоте, и было бы весьма странно возражать противу службы его на судах, плавающих под военным флагом.

К. Победоносцев.

20 января 1880.

205.

Спешу представить вашему высочеству записку об известном деле, окончательно составленную Барановым и дополненную по указаниям Д. А. Милютина.

Милютин просил представить ее вашему высочеству не позднее понедельника. Он, кажется, придает ей важное значение и желал бы без замедления пустить ее в ход. Каким путем всего удобнее это сделать,—это должно выясниться из прямого объяснения вашего высочества с Милютиным; не благоугодно ли будет назначить ему досужное для сего время.

Другая, тут же вложенная, маленькая записка имеет в виду наружную, коммерческую сторону дела в применении к Добровольному флоту. Эта записка не так тщательно разработана, как первая, и я надеюсь еще вскоре представить ее вновь в дополненном виде.

К. Победоносцев.

27 января 1880.

Библиотека "Руниверс"

206.

Премного благодарю ваше высочество за сообщение записки г. Гейнса. Может быть, я несколько задержал ее, оттого, что захворал: три дня не выезжаю из дома и дня два не могу ничем заниматься.

Записка написана не без таланта. Видно, что писал человек с умом, и отдельные замечания в ней справедливы, но в целом, т. е. как предложение средства от нынешнего зла, записка эта грешит тою же фальшью, как и многие другие ей подобные.

Общие меры, предлагаемые г. Гейнсом в 6 пунктах,—не новость. Кто этого не знает, например, что удешевление соли— важное дело для народа и т. под. Но все эти меры не имеют прямого отношения к нынешним беспорядкам. Из записки выходит, как будто оттого беспорядки, что неудовольствие в народе, а неудовольствие будто бы прекратится, если приняты будут эти меры, акциз на соль уничтожен, заведены реальные школы и т. под. В том же роде и наши газеты проповедуют: не нужно-де ни чрезвычайных мер, ни преследований, ни наказаний, а нужно отменить то или другое, или издать тот или другой закон, и все пойдет прекрасно.

Это я и считаю за фальшь и за пустую игру в слова и фразы.

В народе, правда, общее недовольство,—но отчего? Не оттого-то совсем, что тот или другой закон есть или нет его, и не сделано того или другого распоряжения. Народ слишком хорошо понимает, что нет толку, а одна тягота от множества законов и распоряжений, которые не исполняются или оканчиваются лишь новыми притеснениями. А оттого происходит общее возрастающее недовольство, что народ не видит и не чувствует твердого правительства, не видит единства власти, воли и направления и теряет мало-по-малу то, что для народа всего дороже, т. е. веру в правительство. Вот что составляет коренную причину общего смущения и недовольства. Об этом не говорится в записке, а без этого, какие ни пиши законы и какие ни принимай

Библиотека "Руниверс"

общие меры, какие ни заводи учреждения, толку не будет и успокоения.

Гейнс критикует учреждение генерал-губернаторств и справедливо указывает на недостатки. Но разве вина в самом учреждении? Причина неуспеха все та же: отсутствие решительной воли и твердого сознания мысли в правительстве. Генерал-губернаторы назначены, а все прочее осталось по-прежнему. Не определены нисколько их отношения к прочим властям и пределы права их и обязанностей. Ведь они не волшебники, чтоб разом переменить все. Немудрено, что при этом осталась прежняя путаница, а по местам еще увеличилась. Когда центральные власти в Петербурге не имеют ясного сознания и единой воли, не знают, что делать, и колеблются в мысли,— чего же ожидать от генерал-губернаторов!

Гейнс, так же, как и наши газеты, указывает на бессилие принимаемых строгих мер, на неуспех исследований, на бесплодность взысканий и казней. Отсюда хотят делать какой же вывод? Что ничего не следовало делать, что следовало оставить существующие нестерпимые беспорядки, что надо издать какие-то новые законы и ввести какие-то новые учреждения? Но ведь такой вывод безумие. Когда у человека острая болезнь, напр., воспаление, которое угрожает в несколько дней унесть его совсем, надобно тотчас же лечить болезнь: безумно рассуждать, что вместо сильных средств следует иначе расставить мебель в комнате или окружить больного новыми людьми. Но если вместо искусного доктора, одного и решительного, призовут к больному несколько незнающих, тщеславных и бесхарактерных врачей, из коих каждый хочет—и не умеет—делать по-своему, то нечего удивляться, что от леченья нет проку, и безумно уверять, что лучше оставить болезнь в критическую минуту без лечения. Удивляться ли неуспеху судебных преследований, когда дело ведут неспособные и бесхарактерные судьи и прокуроры, и когда процесс устроен такой, что способствует к сокрытию, а не к открытию преступления; удивляться ли неуспеху полицейского исследования, когда им орудуют неспособные, ленивые агенты разных ведомств, под начальством лиц, желающих не помогать,

Библиотека "Руниверс"

а мешать друг другу и друг на друга наговаривать. Опять все та же причина — отсутствие единства и сознательной деятельности в правительстве. Это ясно, как день, для всякого непредубежденного человека, а нам говорят: напишите такие-то законы, устройте такие-то учреждения!

И какие это учреждения предполагает Гейнс? Я спотыкаюсь на первом, и прихожу в крайнее смущение относительно личности самого Гейнса. Он предлагает устроить на юге России в обширных размерах ирригацию и затратить на это сотни миллионов рублей, и не стыдится сказать, что после этой ирригации „у нигилистов и крамольников юга выскользнет почва из-под ног“. Не смешное ли дело поставить ирригацию на юге в такую связь с развитием нигилизма в России!

Если бы только смешное! Вот уже лет десять, как это слово ирригация на юге — одна из самых шарлатанских идей—повторяется и раздувается на все лады разными авантюристами, а подкладкою всему этому служит заманчивый план — завести промышленную компанию, которая может нажить на этом деле миллионы. В последнее время при мне уже было представляемо министерством гос. имуществ в совет два проекта по этому предмету, и все они были до такой степени несостоятельны, необдуманы, что само министерство брало их назад. Лет шесть тому назад оно представило проект акционерной компании, с предоставлением ей монопольного права на ирригацию в нескольких губерниях, с правом обязательного отчуждения земель; в нем до того сквозили промышленные цели, что все высказались против него, — и дело провалилось. В эту минуту лежит еще у меня новый проект министерства в том же роде, но и он составлен так легкомысленно, что, кажется, не будет и рассматриваться.

Не буду больше утруждать ваше высочество рассуждениями о дальнейших предположениях. Я хотел только высказать свой взгляд на общий характер записки.

В частности еще прибавлю о пироксилине: знающие люди уверяют меня, что очень ошибочная мысль, будто каждый может приготовить у себя в комнате любое количество этого материала.

31 января 1880. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

207.

Ваше императорское высочество.

Будет ли конец ужасам! Сегодняшнее страшное событие поразительно,—а его можно было предвидеть заранее. Можно было заранее опасаться, что Зимний дворец скрывает в себе злодеев и изменников. Присмотра никакого; прислуга распущена. Во главе надзора — разбитый и неспособный старик. Давно говорили, что надобно пересмотреть и очистить все углы,—и явно, что об этом никто не позаботился. Неужели и вперед будет то же?

Какой срам передо всей Европой и, что еще важнее, перед всей Россией. Что должен думать народ о правительстве, окружающем государя, о людях, приставленных в доме его, чтобы блюсти за его безопасностью. Всюду пролетит одна мысль,—одно слово: царь окружен изменниками, а этих изменников народ будет видеть в высших сановниках государства. Не знаю, есть ли в числе их изменники, но—увы!—как они неспособны, как они равнодушны.

Ваше высочество, так душа болит и чует новые беды! Надобно взяться за новых людей. Надобно проснуться. Страшно подумать,—что̀ если завтра опять все за̀снут и успокоятся? Чудеса не бывают каждый день, и порядок творится человеческими руками.

Опять приходит мне на мысль Баранов, — вот за кого следовало бы взяться, чтобы очистить Зимний дворец и водворить в нем порядок,—так нельзя жить, как мы живем теперь, день за день. Подумайте только, что было бы, когда б удался нынешний адский замысел.

Да хранит вас господь.

Вашего высочества вернопреданный

5 февр., ночью. *К. Победоносцев.*

208.

Имею честь возвратить вашему высочеству записку кн. Долгорукова.

Библиотека "Руниверс"

По моему мнению, благоразумнее всего было бы оставить эту записку без всяких последствий. Дело это было уже в виду государя императора со всеми аргументами той и другой стороны и со всеми теми резонами, которые выставляет кн. Долгорукой. Наконец, сам Долгорукой, сколько мне известно, докладывал о сем его величеству. Тем не менее, государю императору угодно было согласиться с мерою, принятою министерством.

Трудно вступаться в это дело и рассуждать об нем, так как оно объясняется одними личными отношениями и неудовольствиями. Нельзя сказать, чтобы какая-нибудь сторона была в нем решительно права, а другая решительно неправа.

Попечитель кн. Мещерский, почтенный и благонамеренный человек, но небольшого ума и не имеет такта в обращении с людьми. Он прав в том, чего требует по порядку, но не прав в том, что не умеет выражать свои требования во-время и у места.

Ректор Тихонравов — тоже почтенный человек и пользуется авторитетом. Но и он не прав в том, что принадлежит к известной партии в университете, увлекается ее порывами и страстями и подчиняется влиянию некоторых молодых профессоров, его возбуждающих.

А князь Долгоруков, в свою очередь, подчиняется влиянию всех, которые льстят ему, под него подделываются и уверяют его, что на нем держится спокойствие Москвы.

В таких обстоятельствах очень трудно становиться на точку зрения той или другой стороны в этом деле.

К. Победоносцев.

9 февраля 1880.

209.

Во вторник, 12 числа, „Владивосток“ благополучно спущен на воду в Гласгове, с молебствием, которое совершал священник Смирнов из Лондона. Затем было провозглашено многолетие их величествам, вашим высочествам и всему царствующему дому. Сегодня, в четверг, пароход должен выйти из Гласгова в Кардиф за углем и потом в Одессу.

Библиотека "Руниверс"

Между тем на Кавказе повторилась опять та же история с нашими пароходами. Здесь, в штабе, заключаются у нас контракты на перевозку войск, а в местном штабе их разделывают.

Генерал Павлов 4 февраля телеграфировал из Тифлиса здешнему главному штабу, что предстоит еще отправить 6.000 человек из Поти в Севастополь; если не будет дан для сплава их пароход Добровольного флота, то предполагается перевезти их на пароходах Русского общества.

Нас запросили; мы тотчас согласились, вошли в соглашение с штабом, сделали распоряжение, приготовили „Россию".

Но в результате вышло, что перевозка производится Русским обществом. Генерал Павлов, вопреки полученному из штаба извещению, что дело сделано с нами, уведомляет, что он уже производит перевозку на судах Русского общества.

Не признаете ли, ваше высочество, возможным предлагаемую при сем записку об этом деле передать к **сведению** его высочеству наместнику кавказскому. Такую же записку я посылаю к сведению и Д. А. Милютину.

К. Победоносцев.

14 февраля 1880.

210.

Сегодня я заходил в Аничков дворец в начале третьего часа, но не решился беспокоить ваше высочество. В половине третьего только что вышел от вас Ермаков, и я знал, что уже подан экипаж к отъезду вашему в Зимний дворец. Я хотел узнать, в каком положении находятся у вашего высочества бумаги Д. А. Милютина о лодке и какое предполагается дать им движение.

Не угодно ли взглянуть на прилагаемое письмо, которое я получил сегодня от Годефруа из Гамбурга; одно место отмечено карандашом. Удивительно, но многие уверяют, что сообщение из Берлина было. Годефруа имеет возможность знать правду, так как у него в Берлине связи очень влиятельные.

Библиотека "Руниверс"

Обращаю внимание вашего высочества на выписку, сделанную мною из газеты „Times". Известие это очень странно, и стоило бы узнать, есть ли в нем что-нибудь верное.

К Победоносцев.

17 февраля 1880.

В „Times" 23 февраля, страница 5, в корреспонденции из Вены (о России) напечатано следующее:

Газета „Viener Tageblatt" рассказывает, что 16 числа (4 стар. стиля), за день до взрыва, полиция обыскивала квартиру подозрительного лица, называвшегося Пиганьским. Его самого не нашли: быв, по всей вероятности, предуведомлен, он скрылся за два часа до обыска. Когда разломали дверь и стали обыскивать по всем углам, нашли, между прочим, в старом сюртуке, в кармане, письмо, написанное шифром, который с большим трудом был разобран в III отделении. Оказалось, что письмо было писано от неизвестного лица к Пиганьскому, и вот что было писано в нем:

„Я говорил в прошлую ночь с Себашею. (Sebascha—псевдоним). Судя по разговору, который был у него с царем, он полагает, что опасений нет против него никаких. Царь питает совершенное доверие и не подозревает нисколько что̀ готовится. Себаша спрашивает: „Все бумаги у нас готовы — не следует ли поспешить делом?" Сообщи это тем, до кого касается, и извести меня об решении, а я тотчас дам знать Себаше".

Из этого письма заключают, что лицо, скрывающееся под именем Себаши, должен быть кто-нибудь из знатных и человек, близкий к царю.

211.

Не угодно ли вашему высочеству прочесть прилагаемую газетную статейку. По журналам и по рассказам приезжих видно, что в Англии и правительство, и общество крепко озабочены вопросом о крейсерах, и за нашим Добровольным флотом следят зорко. Они сбираются принимать свои меры и, конечно, примут и будут тратить большие деньги на крей-

Библиотека "Руниверс"

серское дело, покуда у нас заботятся о построении броненосцев. Очевидно, и там чуют близость войны, а может быть, и хотят возбудить ее. Я убежден, что нынешние неудовольствия с Китаем возбуждаются тою же Англией. Если тут у нас загорится, Англия, несомненно, разожжет пожар и помогать станет.

Давно уже было бы время подумать обо всем этом и готовить оружие, коего значение теперь поняла отлично и Англия. Время уходит очень быстро, а дело не делается. Вспомните, ваше высочество, о записке относительно крейсеров. Кто знает, может быть, и очень скоро вспыхнет пожар,—пожалуй, в тех морях, куда ушла наша „Москва“ и куда сбираются прочие пароходы.

Между тем даже и дело о подводной лодке затянуло тиной: лодка качается сиротой без призора на Гатчинском озере. Некуда и перевезть ее потому, что дело затянулось, и хозяина над нею нет. Теперь, по докладу Милютина, согласился и Грейг; но дело пошло по бумагам об испрошении кредита, и говорят, раньше июня нельзя ожидать распоряжения. А до июня бог знает еще какие дела разыграются. На случай беды будет, правда, одна гатчинская лодка, да и та, простояв без хозяина, может испортиться.

При сем имею честь еще представить вашему высочеству новые рисунки флага и обмундирования, исправленные по указаниям вашим; завтра представлю, если изволите, и проект всеподданнейшего доклада.

К. Победоносцев.

6 марта 1880.

212.

Ваше императорское высочество.

Имею честь поздравить вас и государыню цесаревну с нынешним вашим праздником. Дай бог вам в добром здоровьи и в мире дождаться пасхи христовой.

Рисунки флага и мундира позвольте вновь представить вашему высочеству вместе с докладом, требующим высочайшего утверждения. Может быть, вашему высочеству угодно будет непосредственно испросить его.

Библиотека "Руниверс"

По присланной вчера от вашего высочества просьбе Лебедева я не замедлю призвать его и затем, если не окажется особых препятствий, постараемся исполнить его желание.

Вы изволили уведомить меня, что записка о крейсерах отослана вами на рассмотрение его величества. Мне приходит на мысль опасение, не изволит ли государь император передать ее прямо генерал-адмиралу. В таком случае дело на первом же шаге будет остановлено. Вы изволите писать: „Я отправил записку к государю"; из чего можно заключить, что предварительного объяснения об этой записке не было.

Недавно вышла в Лондоне очень любопытная книга: „The Defence of Great and Gredter Britain", посвященная именно вопросу о защите британского флота и колоний,—вопросу теперь самому горячему для Англии. Вчера мне прислали ее из книжной лавки. Любопытно, что к книге приложена карта морских сообщений и угольных пунктов, и карта эта сходится с тою, которая составлена Барановым в объяснение записки о крейсерах.

Вашего высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

8 марта 1880.

213.

Впечатления петербурские крайне тяжелы и безотрадны. Жить в такую смутную пору и видеть на каждом шагу людей без прямой деятельности, без ясной и мысли, и твердого решения, занятых маленькими интересами своего *я*, погруженных в интриги своего честолюбия, алчущих денег и наслаждения и праздно-болтающих,—просто надрывает душу.

Добрые впечатления проходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там еще цел родник, от которого дышит еще свежестью: оттуда, а не отсюда наше спасение. Там есть люди с русскою душой, делающие доброе дело с верою и с надеждою.

Не угодно ли, ваше высочество, я покажу вам одного такого человека. Все-таки отрадно хоть одного такого уви-

Библиотека "Руниверс"

деть. На досуге извольте прочесть прилагаемые письма. Если вы сочувственно примете их, то не пожалеете, что читали.

Это письмо приятеля моего Сергея Рачинского, поистине, доброго и честного человека. Он был профессором ботаники в московском университете, но когда ему надоели поднявшиеся там распри и интриги между профессорами, он оставил службу и поселился в своей деревне, в самой глуши Бельского уезда Смоленской губернии, вдали от всех железных дорог. Живет он там безвыездно вот уже около 10 лет и посвятил всего себя сельским школам, которыми занимался с утра до ночи—в каком духе, изволите увидеть из писем. Он подлинно стал благодетелем целой местности, и бог послал ему людей—из священников и из помещиков, которые с ним работают. Отрадно читать его письма,—от них веет новым и здоровым, ободряющим духом. Тут не болтовня, а дело и истинное чувство.

В письмах отмечены карандашом страницы, на которые стоит обратить ваше внимание.

Вследствие сегодняшнего разговора в государств. совете не угодно ли вашему высочеству возвратить мне рисунки флага и мундира, а я дам им движение через министра финансов, известив его, что то и другое одобрено вашим высочеством.

К. Победоносцев.

10 марта 1880.

214.

Слышу, что ваше высочество собираете в четверг музыкальное собрание по-прежнему в Морском музее. Простите, если скажу вам мысль свою. Не благоразумнее ли было бы теперь приостановить до времени эти собрания или выбрать для них новое помещение? Давно уже всем здесь более или менее известно, что ваше высочество изволите туда ездить, а в нынешнюю пору чего нельзя опасаться от умысла злодеев—и на проезде туда по бульвару, да и в самом здании? Полиция Зимнего дворца оказалась никуда негодною, а можно ли поручиться за полицию адмиралтейского здания? Слышу еще, что туда недавно определен новый начальник

Библиотека "Руниверс"

музея, какой-то г. Чайковский; кто он такой,—не знаю, но сказывают, будто Кузнецова ему покровительствует.

В нынешнюю пору никакая предосторожность не лишняя; по пословице—береженого и бог бережет, а вашему высочеству надобно беречь себя не для себя одного, а по долгу для множества...

Убедительно прошу ваше высочество подумать об этом: не лучше ли устроить это собрание у вас в Аничковом дворце или в другом месте, где можно иметь уверенность, что смотрят за порядком и нет сторонних людей. Легко сказать: пустяки, ничего не случится. Но теперь не время успокаивать себя такими мыслями: положение слишком серьезное, и опыты были страшные.

Не могу удержаться, чтобы не написать об этом вашему высочеству, и надеюсь вполне, что вы примете слова мои в правду.

Лебедева, о котором вы изволили писать, я призывал к себе и, получив из разговора с ним удовлетворительное о нем понятие, разрешил принять его на службу, послезавтра он отправляется уже в Одессу.

К. Победоносцев.

11 марта 1880.

215.

Возвращаю при сем переданное мне вашим высочеством собрание писем. Писавший их, повидимому, человек искренний и глубоко возмущенный событиями последнего времени. Он так же, как и многие другие писатели записок, отуманен и сбит с толку безурядицей и бессилием правительства, и ищет, бросаясь во все углы, выхода из этого отчаянного положения. Он указывает иногда на фальшивые средства, от которых можно ожидать только новой путаницы, напр., на свободу печати; но письма эти стоит прочесть: в них слышится вопль русского человека, возмущенного ложью, особливо в последнем письме. Истинный смысл этого вопля—все один и тот же: нет правительства, правительство обез-

Библиотека "Руниверс"

умело, раздвоилось, растерялось. Светильник телу есть око, и око наше потускло...

Не угодно ли прочесть в прилагаемом № 4 „Московских Ведомостей“ печальную и поучительную историю г. Болюбаша в Кременчуге. Представители власти спешат преследовать и осуждать должностное лицо за то, что оно осмелилось обличить врагов общественного порядка, а журналы спешат забросать его грязью.

Вот еще листок „Варшавского Дневника“ с любопытной статьей г. Леонтьева, которую рекомендую вниманию вашего высочества. Радуюсь: в первый раз нашелся человек, имевший мужество сказать истинную правду о судах наших. Как на него заскрежещут зубами.

Но вокруг только и слышишь одни речи: оставьте, дайте волю, не стесняйте. Боже мой, как измельчали и опошлились люди во власти сущие! Христос был живая любовь на земле, но и живое негодование, которое от той же любви происходит. Когда он увидел торговлю в храме, он не утерпел, взял в руки бич и выгнал из храма торгующих и покупающих.

К. Победоносцев.

15 марта 1880.

216.

Князь Шаховской (с остр. Сахалина) завтра вечером уезжает в Одессу, откуда отправляется на „Нижнем-Новгороде“ с арестантами.

Не угодно ли будет вашему высочеству принять его завтра, если прием у вас будет? На всякий случай я указал ему явиться завтра, к 12 часам, в Аничков дворец.

Вся экспедиция мало-по-малу снаряжается и все участвующие на-днях уезжают. От минист. внутр. дел посылается тот же доктор Августинович, который ездил в прошлом году. Едет и Митрополов с своей женой и с запасом разных вещей и книг. Московские купцы пожертвовали нам на каторжных до 2.000 рублей. Всего затруднительнее было мне приискать в скорости священника. Из этого затруднения выручил о. Николай японский. Он приискал здесь для миссио-

Библиотека "Руниверс"

нерства одного студента духовной академии, молодого человека, лет 25, кажется, хорошего, с горячим призванием к делу. Он охотно едет с нашими арестантами, а потом его высадят в Японии. Вчера этот молодой человек должен был принять пострижение в монашество, а в воскресенье станет иеромонахом. Он был у меня и очень мне понравился.

Д. А. Милютин сообщил мне, что в понедельник назначено у государя императора совещание о записке, в присутствии генерал-адмирала. Это участие,—хотя трудно было бы избежать его,—заставляет опасаться за исход дела. Со стороны ген.-адмирала, равно как и со стороны Грейга, конечно, предъявлены будут нелепые возражения. Кто на них ответит? Они угадают, конечно, кем записка составлена.

К. Победоносцев.

21 марта 1880.

217.

Не угодно ли вашему высочеству взглянуть на прилагаемые при сем выписки о плавании нашей „Москвы" от Одессы до Порт-Саида и о шторме, который она благополучно вынесла. Прекрасный пароход и командир бравый. Сегодня получена запоздавшая на 2 дня телеграмма, что „Москва" пришла благополучно в Сингапур, сделав прямой переход там, где обыкновенно делают две станции. И этот переход совершен необыкновенно скоро—в 18 дней и 1 час. В прошлом году „Нижний-Новгород" вышел из Порт-Саида 13 июня, а пришел в Сингапур 7 июля, пробыв сутки в Адене,—стало быть, сделав переход в 23 дня.

Прилагаю еще не лишенную интереса записку о перевозке войск и о предположениях на будущее время.

К. Победоносцев.

26 марта 1880.

218.

Баранов, как известно вашему императорскому высочеству, значится у нас командиром „Ярославля" и должен был отправиться в Марсель, где теперь наблюдает за постройкой

Библиотека "Руниверс"

Валицкий. Но Валицкий не может дольше оставаться, и потому возник вопрос: ехать или не ехать туда Баранову. Как Баранов не имеет еще определенной должности при гр. Лорис-Меликове, то я счел нужным предложить этот вопрос графу. Гр. Л.-Меликов счел за необходимое для себя и для порученного ему дела, чтобы Баранов остался, о чем хотел доложить государю императору и вашему высочеству. Спешу предупредить о сем ваше высочество, чтобы вам не показалось странным, если на-днях государь император изволит говорить с вами об этом предмете.

„Нижний-Новгород“ вышел из Одессы вчера, в 6 часов вечера, после молебствия, на котором присутствовал генерал-губернатор с местными властями.

К. Победоносцев.

3 апреля 1880.

219.

Ваше высочество изволили разрешить графу Путятину явиться к вам завтра, во вторник. Сегодня в государственном совете я хотел известить его об этом, но он не был, и я узнал, что он уже четвертый день, как лежит больной в постели.

Если завтра будет обыкновенный прием в Аничковом дворце в 12 часов, то приедет просить позволения представиться вашему высочеству г. Иванов, помощник попечителя московского учебного округа.

Не знаю, изволили ли уже вы принимать адмирала Эрдмана, на сих днях прибывшего из Владивостока. Он был у меня и сказывал, какое смущение произведено во всех жителях того края и служащих слухом о перенесении военного порта из Владивостока в Ольгу.

Вчера получена телеграмма из Амоя (китайский порт против острова Формозы), куда „Москва“ должна была зайти по случаю непогоды; но ко 2 апреля снова вышла в море и теперь уже должна находиться близ Шанхая. „Владивосток“ 5 числа вышел из Одессы; вышла и „Россия“, направляясь в Кронштадт.

Библиотека "Руниверс"

10 мая должно происходить здесь годичное собрание членов учредителей и действительных членов общества Добровольного флота. Позвольте обратиться к вашему высочеству с следующим: если бы мы встретили затруднение в приискании помещения, возможно ли в отсутствии вашего высочества из Петербурга просить вашего разрешения воспользоваться для собрания большой залой в Аничковом дворце. Может быть, это почему-либо покажется вашему высочеству неудобным.

К. Победоносцев.

220.

Имею честь представить вашему высочеству записку, пересмотренную и во второй половине переделанную по соглашению с Д. А. Милютиным. В новой редакции она была прочитана военном министром, который нашел ее удовлетворительной.

Во вчерашнем заседании нашего правления морское министерство заявило через Мамонтова о необходимости послать „Россию“ из Кронштадта вооруженною, ввиду возможности военных действий в Китайском море. Но заявление это сделано так уклончиво, что можно подозревать в нем заднюю мысль. Настаивают на том, чтобы предложение показано было идущим не от морского министерства, а от Добровольного флота, и сами прямо не требуют отправить „Россию“ под военным флагом, а внушают, что при посылке ее с грузом придется устанавливать орудия и пробовать стрельбу, а потом погрузить орудия в трюм, или придется отправить ее под прикрытием военной эскадры (которая едва ли может поспеть за нею, по ее ходу). Еслиб мы вошли в эту неопределенную мысль, то могли бы попасть в неприятное положение, так как морское министерство могло бы задержать „Россию“ на неопределенное время в Кронштадте, не принимая ее все-таки на свой отчет под военный флаг. Ввиду такой хитрой задачи мы посылаем в морское министерство бумагу, в общих выражениях, настаивая на том, что если правительство не решится взять „Россию“ совсем под

Библиотека "Руниверс"

военный флаг, то нельзя ее задерживать с грузом далее первых чисел июня.

„Москва“ шла до сих пор очень быстрым ходом, хотя и обыкновенным,—до 15 узлов. Последнее известие было от 8 апреля из Нагасаки. Полагаю, что теперь она уже во Владивостоке. О „Петербурге“ нет известий с Порт-Саида, но легко может быть, что он пойдет прямо до места, не останавливаясь, так как идет без груза, с полным грузом угля. „Нижний-Новгород“ прошел уже канал. Только что вернулись из Одессы Вахтин, отправивший все суда, и начальник тюремного управления, присутствовавший при отправке арестантов. Он в восторге ото всего им виденного по этому случаю, и сегодня я слышал от Макова комплименты Добровольному флоту. Вчера, 11 апреля, исполнилось два года с его основания. Дай бог, чтоб дело шло и впредь с такою же удачей. Еслиб у нас были теперь еще суда, они послужили бы немалую службу государству в перевозке военных запасов. Сказывают, что военное ведомство наняло у Черноморского общества пароход „Черкасск“ за громадные деньги, с оплатой обратного рейса, а морское ведомство, кажется, ищет нанять иностранный пароход.

Прилагаемые при сем брошюры представляю вниманию вашего высочества по просьбе кн. Волхонского.

Подходит страстная неделя, и я надеюсь, если бог даст, с понедельника уехать в Сергиевскую пустынь: авось, там отдохну без дел и забот, которые совсем одолели. Да хранит вас господь до радостного праздника.

К. Победоносцев.

12 апреля 1880.

221.

Спешу известить ваше высочество, что „Россия“ вчера вечером благополучно пришла в Кронштадт. Морское начальство удивляется, что пришла так скоро. Мы отвечаем, что наши суда всюду приходят аккуратно и без задержки.

„Москва“ с 21 апреля в Нагасаки, поднялась на док и должна выйти на-днях в Ханькоу. В Нагасаки нельзя до-

Библиотека "Руниверс"

стать никакого оружия и потому они пойдут без оружия, с осторожностью.

„Петербург“ 13 апреля был в Сингапуре, 15-го вышел, а 24-го взял в Китайском порте Вусунге лоцмана—итти в Ханькоу. Лоцманы там редки и дороги. Для „Петербурга“ нанят нашим консулом в Шанхае лучший лоцман еще за 2 месяца за 1.000 лаков (около 2.500 р.).

„Владивосток“ 21 апреля вышел из Адена.

„Нижний-Новгород“ оставил Аден 17 апреля и должен быть на пути в Сингапур.

К. Победоносцев.

28 апреля 1880.

222.

После вчерашнего объяснения со мною Пещурова С. С. Лесовский переменил мнение и сегодня прислал мне бумагу, в которой уведомляет, что в виду настоящих политических обстоятельств считает нужным послать „Россию“ вполне вооруженною, под военным флагом, приняв пароход на время перехода до Владивостока в ведение морского ведомства. Предписано всеми мерами ускорить вооружение „России“, так чтоб она была готова к отплытию 1 июня. По сдаче во Владивостоке груза она может, смотря по обстоятельствам, или остаться в распоряжении морского ведомства, или же, спустив артиллерию в трюм, продолжать плавание под коммерческим флагом.

Завтра, в среду, в 2 часа пополудни, Балк явится к вашему высочеству.

К. Победоносцев.

29 апреля 1880.

223.

Спешу возвратить при сем записку генерала Павлова. Думаю, что лучше не отвечать на нее вовсе и оставить все дело без последствий. Но как в ней есть некоторые фактические неточности относительно распоряжений наших командиров, то я поручил в объяснение их составить, собственно

Библиотека "Руниверс"

для сведений вашего высочества, небольшую записку, которую имею честь представить при сем.

От Баранова получил из Вены письмо, относящееся исключительно до Добровольного флота. В дороге он на досуге все думал и придумал план дуэли своей с адмиралом Поповым. Для курьеза прилагаю при сем выписку из письма Баранова.

К. Победоносцев.

5 мая 1880.

224.

От всех собравшихся сегодня членов спешу принести вашему высочеству благодарность за гостеприимство, нам оказанное в Аничковом дворце. К сожалению, вас задержали в Зимнем дворце: в противном случае я бы надеялся и на ваше присутствие. Я открыл заседание в $12^1/_2$ часов своим обзором деятельности правления и движения дела; едва кончил в $2^3/_4$ часа. Все были очень живо заинтересованы, да было о чем и сказать. Затем надобно было выбирать членов правления на место двух, выбывающих по очереди (Ермакова и Остен-Сакена). Выбраны большинством голосов Баранов и тот же Ермаков. За ними следуют в кандидатах Остен-Сакен и Валицкий. В члены ревизионной комиссии, для рассмотрения отчета, выбраны: Ф. Ф. Веселаго, Т. Филиппов (товарищ контролера) и сенатор Гедеонов.

Прямо из Аничкова дворца отправился я к гр. Лорис-Меликову, где просидел до $5^1/_2$ в заседании под председательством гр. Валуева о мерах против собраний у Пашкова. Дело это все признали весьма важным и положено, не прибегая к крутым мерам, собрание прекратить немедленно, и если бы Пашков не покорился, выслать его; закрыть ему и его сообщницам вход в тюрьмы и т. под. учреждения, и строго следить за проявлениями пропаганды этого учения внутри России.

Из Шанхая получена на-днях телеграмма о приходе „Москвы“ в Ханькоу, а о приходе туда „Петербурга“ еще

Библиотека "Руниверс"

нет известий, что несколько тревожит нас. Если „Петербурга“ взял плохого лоцмана, то мог зацепиться в реке Янтсекианге.

„Владивосток“ пришел вчера в Сингапур и уходит оттуда во вторник.

К. Победоносцев.

10 мая 1880.

Сию минуту получена из Тулона от Валицкого телеграмма 10 мая:

„6 matin à 11 heures Jaroslaw est mis á l'eau heuresement“ [1]).

225.

Баранов в письме из Парижа усердно просит меня представить милостивому вниманию вашего высочества, как покровителя больницы умалишенных, ходатайство об устройстве несчастного его товарища, больного Нахимова, бывшего лейтенанта, племянника знаменитому адмиралу Нахимову. Если ваше высочество удостоите передать кому следует прилагаемую записку, его, конечно, примут на казенное содержание.

Сам Баранов вчера должен был находиться в Лондоне, и это помешало ему, к крайнему его сожалению, съездить на спуск „Ярославля“ в Тулон.

Он пишет, что А. П. Боголюбов уехал в Петербург с большими картинами „Веста“ и „Россия“, и прибавляет: „Насколько сухопутный офицер может судить о морских картинах, они мне кажутся весьма удачными“.

К. Победоносцев.

12 мая 1880.

226.

При извещении о предстоящем у генерал-адмирала морском совещании приложена была печатная записка С. С. Лесовского. Копию с этой записки я посылал в Париж Баранову и сегодня получил от него записку с едкими замечаниями

[1]) 6-го в 11 ч. утра „Ярославль“ спущен благополучно на воду.

Библиотека "Руниверс"

на предположения морского министерства. Копию с этой записки спешу представить вашему высочеству.

О судах наших получены следующие сведения:

„Нижний-Новгород“ пришел в Нагасаки 18 мая и вчера, 19-го, должен был сняться и итти далее. Все было благополучно.

От Пономарева через Шанхай получена сегодня телеграмма, что „Петербург“ в Ханькоу погрузил уже 2.800 тонн чаю и завтра, 21 числа, должен выйти в Вусунг. О нагрузке „Москвы“ нет еще известий.

На „России“ в Кронштадте начались работы, покуда еще наши собственные, но и портовое начальство, кажется, приступает к работам по вооружению.

Желаю вашему высочеству наслаждаться свободой и хорошей погодой. Я же и не чувствую, что на дворе весна или осень,—до такой степени я занят с утра до ночи: и люди, и бумаги осаждают меня без перерыва.

К. Победоносцев.

20 мая 1880.

227.

Ваше императорское высочество.

Я только что вернулся из своей поездки в Ярославль и Москву. В Ярославле я провел 9-е июня и приехал как раз к выпуску девиц в тамошнем училище для девиц духовного звания. Я люблю это заведение, а на этот раз мне хотелось принесть туда свежую память усопшей императрицы, выразить свое душевное чувство и сказать девицам по этому случаю несколько слов, которые остались бы у них на всю жизнь. Я любил от всей души и чтил покойную императрицу и чувствовал подлинно душевную потребность высказаться об ней именно в среде, способной принять и понять сердцем слова мои. Что я сказал, посылаю вам: мне кажется, я не ошибся, потому что все плакали и были глубоко тронуты, и я надеюсь, что детям останется на всю жизнь впечатление доброе. Прошу ваше высочество сообщить об этом государыне цесаревне: заведение это вполне достойно ее имени и покровительства.

Библиотека "Руниверс"

По окончании акта я возбудил всеобщую радость, объявив, что государыня цесаревна соизволила принять их под свое покровительство. Ее высочество может сделать много добра своим участием в этом деле; а по моему убеждению, эти 11 училищ, состоящие ныне под ее покровительством, и основанные по образцу их 30 епархиальных суть лучшие женские училища в России.

Поездка моя была утомительна, но и очень приятна. Я провел Троицын день в Троицкой лавре, потом пробыл 2 дня в любезном и красивом Ярославле и 3 дня в Москве. С утра до ночи осматривал разные заведения и разговаривал и знакомился с людьми; много видел интересного, и то, что я нашел в училищах, оставило мне в общих чертах благоприятное впечатление. Особливо понравились мне дети в духовных училищах: как много тут перемен с 1863 года, когда я ездил с покойным цесаревичем осматривать в нищете их и грязи.

Бывши в Москве, провел целый вечер в Кускове, у гр. С. Д. Шереметева; очень хорошо у него, и он блаженствует в деревенской обстановке: обедают в 1 час и ужинают в 9 часов, гуляют и катаются на лодке по прелестному озеру.

Вернулся я сюда на несколько дней, чтобы проводить „Россию“ и быть на выпуске девиц из здешнего епархиального училища; потом хочу поехать опять до Рыбинска и потом спуститься по Волге в Кострому. Затем проеду, может быть, в Смоленск и тем закончу летнюю свою экспедицию.

На „России“ был я сегодня; она уже нагружена и вооружена. Все кажется в отличном порядке: спасибо Балку. Надо удивляться, как после всех плаваний и перевозок умел он сохранить во всей чистоте даже каюты 1 класса, без всяких отделок и новых издержек. Все готово. Смущают меня только две огромные миноноски, которыми загромождена палуба по распоряжению морского министерства; боюсь, как бы они не затруднили переход в штормовую погоду и не прибавили бы опасности. „Россия“ надеется, что ваше высочество удостоите посетить ее при проходе близ Гапсаля, около о. Вормса.

Библиотека "Руниверс"

Радуюсь всей душой, воображая, как вам теперь свободно и спокойно в Гапсале. Дай бог вам с государыней цесаревной и со всеми милыми детьми радоваться в тишине и добром здоровьи.

Вашего императорского высочества верноподданный

К. Победоносцев.

Петербург. 16 июня 1880.

228.

Ваше императорское высочество.

Не знаю, когда, наконец, выйдет „Россия". Вчера, когда она уже совсем была готова к отплытию, генерал-адмирал остановил ее до высочайшего смотра на завтра. Эта остановка спутала все наши расчеты, причинила нам убытки, сделала великую тяготу для солдат и повергла в отчаяние военного министра, так как люди, принятые на судно, не могут быть поставлены в порядке на смотр. Путаница невообразимая. Не знаю, что из этого выйдет. А что происходит в морском министерстве,—трудно и выразить. Они покуда без всякого начальства: Лесовский назначен на эскадру, Пещуров еще не приехал. Завтра в. к. Алексей Александрович уезжает в Гласгов на испытание знаменитой „Ливадии".

Сегодня я был в Царском Селе, обедал у государя со всеми великими князьями,—все здоровы, кроме бедного Павла Александровича, который лежит в кори. Сергей Александрович боится, что и с ним то же будет, да и Мария Александровна не без страха, так как у них не было кори.

Я хотел было сегодня уехать на „России" к вам хотя на несколько часов, но остановился: без разрешения нельзя, а проситься у государя, по обстоятельствам, невозможно. С крайней грустью я должен остаться, а именно теперь особенно нужно было бы поговорить с вами об одном обстоятельстве, о котором писать совершенно неудобно.

Однако, забота об вас вынуждает меня и на письме сказать вам следующее: ради бога, смотрите хорошенько за детьми; не выпускайте их гулять одних, особливо Николая Александровича, не оставляйте их без

Библиотека "Руниверс"

надежного присмотра. Не пускайте их без себя кататься в лодке. Словом сказать,—держите за ними зоркий глаз. Я помню, как при прежней няньке англичанке маленького Георгия Александровича она брала с собой гулять в рощу и в гости. Что-нибудь подобное может и теперь случиться, если не будет всегдашнего и постоянного присмотра. Я имею особливую причину писать вам об этом: при свидании объясню, какую; но о том, что теперь пишу, прошу вас не говорить никому, и даже цесаревне. Только примите теперь от меня этот совет—от горячей любви моей и заботы. Когда поедете в Петербург на поминовение императрицы, возьмите детей с собой, не оставляйте их в Гапсале. Во всяком случае, по приезде сюда, прошу вас, не говорите никому о том, что пишу вам. На-днях я намерен ехать в Кострому, но возвращусь к вашему приезду.

Баранову в прошлую ночь объявлен приказ ехать вновь за границу, вследствие телеграмм, полученных из Лондона; он и уехал сегодня, кажется, в Швейцарию, уехал с большой неохотой. А теперь он и нам крайне нужен. Вахтина отправляю послезавтра в Одессу к приходу „Москвы" и „Петербурга"; оба парохода должны быть немедленно снаряжены и отправлены вновь,—военное министерство настоятельно требует их под грузы и людей. К сожалению, приходится нам иметь дело с морским министерством, которое задумало тоже и их вооружать. В таком случае начнется новая путаница. На следующей неделе отправляем офицеров и команду на „Ярославль". „Нижний-Новгород" благополучно сдал арестантов и 15-го числа вышел из Дуэ в Корсакову.

Письмо это передаю на „Россию". Авось либо она осчастливлена будет вашим посещением за долгое свое терпение в Кронштадте.

Буду ждать нетерпеливо вашего сюда приезда. Да хранит вас господь со всем домом вашим, прошу вас не гневаться на меня за это письмо, если оно покажется вам странным и неясным.

Вашего императорского высочества вернопреданный

Петербург. 19 июня 1880. *К. Победоносцев.*

Библиотека "Руниверс"

229.

Ваше императорское высочество.

Сердечно благодарю вас за письмо, которое имел честь получить. Присланные при нем бумаги с чертежем переданы кому следует на рассмотрение. Г. Лонгу будет отвечено, что предложение его нам непригодно, потому что пароходы колесные; да и кроме того, по средствам нашим нам не до покупки новых пароходов. Дай бог рассчитаться за „Ярославль“, который на этих днях должен выйти на пробу и вслед затем отправиться в Одессу. В Марсель уже отправлена команда, взятая большею частью с „Кремля“, и офицеры по рекомендации Валицкого: старший оф. кап.-л. Безобразов (служивший на „Гиляке“), лейтенант Максимов, и мичманы—Остолопов, штурм. офиц. Мартынов и Иосса...

О „России“ последнее известие получено из Порт-Саида, куда она пришла 11 июня.

„Нижний-Новгород“ на обратном пути не нашел груза в Россию. Он должен выйти вчера или сегодня в Нагасаки.

„Петербург“ и „Москва“ вернулись с грузом в Одессу благополучно благодаря усилиям командиров; но на пути столько было несчастных случайностей и от погоды, и от разных бед, что все совсем измучились. Вчера я видел в П-бурге и Сиденснера и Чирикова. Оба они исхудали страшно,—кожа да кости. Чириков, кроме того, страшно поражен вестью о смерти любимого брата-близнеца.

В тамошних водах, по страшной быстроте реки Янтсекианга, у Ханькоу столкновения судов так часты, что страховые комиссии берут двойную премию, и страхуется всегда судно, кроме груза, дополнительно. С „Петербургом“ случилась беда в самом Ханькоу от этой же причины,—он стал на мель; хорошо, что удалось вскоре снять его; но этим пользуются грабители, и съемка стоила до 30.000 р., которые падут, надеюсь, на счет страховой компании и отчасти на счет грузителя Кноопа. Оттого „Петербург“ пришел не так скоро, как мог,—в 45 дней, быв еще задержан в пути на 3 дня

Библиотека "Руниверс"

небольшой поломкой. Погода была ужасная. С „Москвою" тоже были приключения; подробности изволите увидеть из прилагаемой корреспонденции. Плавание было очень трудное, и, несмотря на поломанный форштевень и небольшую течь, она без починки пришла в Одессу, и весь груз оказался в полной исправности.

Это обстоятельство,—поломка форштевня,—очень для нас неблагоприятно именно в эту минуту. Мы располагали немедленно отправить „Москву" обратно, и морское м-во уже готово было заключить с нами контракт на очень выгодных условиях. Оно желало получить „Москву" в распоряжение С. С. Лесовского на неопределенное время и соглашалось платить нам за каждый день 550 рублей, кроме расхода на уголь и на продовольствие пассажиров. А теперь, в виду поломки, исправление коей возьмет не менее 6 месяцев, придется, вероятно, отказаться от этого соглашения.

В военном министерстве выработан проект долгосрочного (на 5 лет) контракта с нами на перевозку войск. На этой неделе будут у меня переговоры об этой статье с Анненковым.

Хлопот было много в эти дни, а между тем никого здесь не было. Вахтин послан в Одессу, а Баранов еще не приезжал. Он вернулся из-за границы лишь прошлую субботу, но что-то сумрачен и нездоров. Он скучает ужасно своим неопределенным положением при Л.-Меликове и стремится вырваться из него... Предмет, по которому его командировали, оказался несерьезным: наша дипломатия, а вслед за нею и правительство здешнее опять введены были в заблуждение проделкою ловкого промышленника, который, назвавшись облыжно Сорочинским, хотел устроить для себя выгодную спекуляцию. Кроме этого дела, Баранову удалось, кажется, в Париже уладить высылку оттуда русских революционеров. Теперь, вернувшись, он сам не знает, что ожидает его и что ему поручат.

Из Царского Села вы, конечно, имеете сведения. Я давно не бывал там, но слышу, что теперь все дети в. к. Марии Александровны заболели корью, а она уже оправилась. Слышу, что она сама после болезни как-то стала грустить более прежнего и говорит о своем отъезде в Кобург, куда, вероятно,

Библиотека "Руниверс"

поедет с нею и в. к. Сергей Александрович, а может быть, и Павел Александрович. Об ужасной катастрофе с О. Н. Скобелевой вы уже знаете. У бедного Вл. Павл. Титова горе: сын его, беспутный, проживающий в деревне, застрелился, и теперь родители спешат сюда из-за границы хоронить его.

Я живу в Ораниенбауме; сейчас льет дождь и все завешено туманом, но были дни хорошие, и вид из наших окон чудесный на террасу и на море; воздух необыкновенно приятен; могло бы быть очень хорошо и приятно, но свободы давно нет у меня. Меня одолевают дела и заботы по обширному моему ведомству. Открывается целое море, которое только что начинаю исследовать. Три раза в неделю бываю в Петербурге, и тут с утра до вечера столько бумаг и столько людей ко мне сходится, что некогда одуматься. А когда я здесь, ко мне привозят бумаги охапками. Каждый день является какая-нибудь история, которую надобно распутывать, а просьбам всякого рода нет конца—со всех концов России. О, как счастливы люди, у которых маленькая доля и небольшое дело на руках! Они могут жить и вместе с тем делать на небольшом пространстве великое дело спокойно. Но люди так безумны, что стремятся всегда расширить удел свой и распространить судьбу свою. Я не повинен в этом,—я всегда боялся расширения судьбы своей; но, помимо моей воли, судьба уносила меня все дальше и дальше от тихой ограды и вот теперь привела к настоящей деятельности. Я не жалуюсь, потому что вижу в этом волю божию, но ужасаюсь перед громадою этого дела и считаю жизнь свою, т.-е. ради себя, конченою. Теперь я по рукам и по ногам связан судьбою.

Впрочем, мы гуляем здесь. Добрая наша хозяйка в. к. Екатерина Михайловна устраивает гулянье. На прошлой неделе ездили в Гостилицы. Грустно видеть, как разорено это гнездо покойной Т. Б. Потемкиной, проданное наследником за долг какому-то лавочнику. Но зато как стал живописен и поэтичен этот заросший, заброшенный сад, с шумящими ручьями, с запустевшими аллеями, с развалинами разного рода! А в прошлую субботу была у нас прогулка особенная. Принцессе захотелось итти далеко, далеко пешком, и она пошла с своею

Библиотека "Руниверс"

компанией в Сергиеву пустынь, за 22 версты, а вел. княгиня с нами поехала в экипаже. Там мы стояли еще всенощную и вернулись только ночью.

Хотелось бы мне очень хоть на несколько часов заехать в Гапсаль, и я задумывал это устроить по случаю поездки в Ригу, где мне есть надобность быть по службе. Но все это будет зависеть от того, как здешние мои дела меня выпустят. При этом случае надобно было бы доложить и ее высочеству о некоторых делах по новому ведомству, которое вверено ее попечению. Государю императору угодно было некоторые из заведений отделить и вверить в. кн. Марии Павловне, о чем и появился недавно рескрипт. В эту группу включены женские гимназии министерства народного просвещения и острожское училище графини Блудовой. Графиня Блудова ничего не знала об этом распоряжении и, вероятно, будет им сконфужена. Никто, вероятно, не доложил государю императору о неудобстве очень немаловажном. В. кн. Мария Павловна остается лютеранкой, а острожское училище основано с специальною целью водворения и утверждения православия в тамошнем краю и состоит в связи с братством св. Кирилла и Мефодия.

Вот, ваше высочество, мой скудный запас новостей. Дай боже вам ясной погоды, безмятежного житья в Гапсале и полного успеха в вашем леченьи. Да хранит вас господь с государыней цесаревной и со всем вашим домом.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Ораниенбаум. 17 июля 1880.

230.

Ваше императорское высочество.

Не могу отлучиться сам и спешу хоть на письме поздравить вас с приездом. Авось либо вы приехали совсем благополучно и все здоровые. Погода была так восхитительна, с такими лучезарными днями, с такими волшебными ночами, что Гапсаль, конечно, оставил вам приятное воспоминание

Библиотека "Руниверс"

надолго. Но если бог даст и впредь ясные дни, Александрия будет для вас радостным повторением Гапсаля. Теперь в Царском Селе до отъезда государя императора дни будут у вас, конечно, не тихие, а суетливые.

Спешу вместе с сим сообщить вашему высочеству последние известие по Добровольному флоту.

„Россия“ благополучно пришла в Сингапур 2 августа и отправилась далее. (Из Порт-Саида она вышла 12 июня).

„Петербург“ принужден был остановиться в Александрии за сломкою поршня в машине. Новый делается тут же, на заводе, и должен быть готов к 22 августа.

Повреждение на „Москве“ оказалось не так значительно, как можно было опасаться: в форштевне не найдено трещины, так что работы по исправлению должны окончиться около 20 августа, и „Москва“ может отправиться в путь, если морское министерство кончит свои работы по вооружению. Оно дает нам за „Москву“ плату 550 р. золотом в сутки по день возвращения в Одессу, кроме угля и продовольствия.

Чаи, доставленные из Ханькоу, поступили уже в продажу. Некоторые из московских грузителей наших остались крайне недовольны агентом нашим в Ханькоу Пономаревым за то, что он не принял их чаев в полном количестве, а погрузил чужие, чтобы не задерживать пароход. Я посылал Вахтина в Нижний-Новгород для объяснения с купцами, и теперь недоразумения улажены, и нам обещают на следующий год заказы больше прежнего.

От Пономарева прислан для вашего высочества ящик с чаями, который сдан мною в Аничков дворец.

О „Нижнем-Новгороде“ нет еще известий с Красного моря; он повез от Сингапура до Джедды 400 пилигриммов.

„Ярославль“ можно считать теперь совсем готовым и, повидимому, удавшимся. На-днях была проба, и Валицкий уведомляет, что на пробе ход судна оказался 16½ узлов.

Ваше высочество, без сомнения, увидите вскоре графа Лорис-Меликова, который сам, кажется, уезжает в Крым с государем. Усерднейше прошу в разговоре с ним упомянуть о Баранове, которого положение все-таки еще не определилось.

Библиотека "Руниверс"

Гр. Лорис-Меликов обещал мне решить вопрос о нем не позже 4 августа и все-таки не решил. Он высказывал мне предположение, как министр внутренних дел, взять к себе Баранова покуда чиновником для особых поручений, либо совсем отпустить его. Боюсь, что он и до отъезда своего оставит вопрос нерешенным: в таком случае Баранов, конечно, выйдет в отставку и тогда поступит командиром на „Ярославль". Но чем-нибудь необходимо решить этот вопрос вскоре.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

Ораниенбаум. 13 августа 1880.

231.

Не угодно ли будет вашему высочеству прочесть в подлиннике прилагаемые письма Валицкого. Они показывают, какое блестящее приобретение делает не просто Добровольный, но вообще русский флот в нашем „Ярославле". Увы! еслиб не известные невообразимые отношения к этому делу официального морского ведомства, то оно с радостью ухватилось бы за наш успех и признало бы его своим успехом. К несчастью, оно упорно хочет признавать своим успехом будущую „Ливадию" (на которой, по частным слухам, котлы не удались).

Только что̂ мы будем делать теперь с „Ярославлем"?— бог знает. Надо бы по крайней мере постараться, чтоб его видели все те, кто может оценить его.

Вашему высочеству предстоит в октябре поездка в Крым. Мы были бы тогда счастливы, когда б вам угодно было сесть в Одессе или в Севастополе на „Ярославль".

О „России" мы имели опасения, как она пройдет с двумя миноносками. Но, слава богу, 15 августа „Россия" была уже благополучно во Владивостоке.

К. Победоносцев.

18 августа 1880.

Библиотека "Руниверс"

232.

Позволяю себе обратить внимание вашего высочества на следующее обстоятельство:

По завещанию усопшей императрицы следует сдать в распоряжение ваше значительное количество вещей на сумму до 500.000 р. Вещи эти совершенно готовы уже к сдаче, о чем сделано надлежащее сообщение от душеприказчиков. Остается только вашему высочеству отдать кому изволите приказание принять эти вещи, но приказания этого еще не последовало; а между тем за несдачею этих вещей должна оставаться здесь К. Е. Винклер. Мне известно, что это сопряжено для нее с большими затруднениями, потому что она больна, и доктор понуждает ее к выезду за границу как можно скорее. Я случайно узнал об этом вчера от П. А. Морица, который нарочно для этого был третьего дня в Царском Селе у вашего высочества, но не мог быть принят. А я, из участия к К. Е. Винклер, так долго и усердно служившей при императрице, решаюсь представить ее нужду на усмотрение вашего высочества.

Что за чудные дни! Точно небо обнимается с землею. Не хочется отойти от окна, откуда у нас такой широкий вид на море. А у вас, с вашего балкона, как должно быть очаровательно, и такая тишина, и так живописны березы, совсем без движения повисшие над гладким озером.

Очень обидно ездить отсюда в город, и еще на целый день, а это случается со мной почти ежедневно. Послезавтра, в четверг, хотелось бы мне предпринять поездку в Ригу, где необходимо быть по делам моего ведомства. Во всяком случае, думаю остаться там не более двух или трех дней.

Ораниенбаум. 19 августа 1880. *К. Победоносцев.*

233.

Член главного правления Добровольного флота (от морского министерства) Максимов просит моего ходатайства у вашего высочества о зачислении племянника его в гвардейский полк.

Библиотека "Руниверс"

Не могу отказать ему в представлении этой просьбы на усмотрение вашего высочества, хотя не знаю, насколько она в порядке службы исполнима. Дядя свидетельствует о хороших качествах своего племянника.

Не знаю, дошла ли до сведения вашего высочества статейка, напечатанная сегодня в газете „Новое Время“, о „Ливадии“. Если справедливо это известие,—какой позор! И неужели после этого Попов все-таки будет в возможности осуществлять свои строительные фантазии?

К. Победоносцев.

Петербург. 5 сентября 1880.

234.

Слышу, что сегодня ваше высочество были в городе и ездили к в. к. Александре Петровне. Не знаю, успели ли вы заехать в Аничков дворец: там уже дня два как ждет вас модель „Ярославля“, выставленная в одной из гостиных.

К великому прискорбию, я должен был покинуть Ораниенбаум в такую райскую погоду, но ездить сюда каждый день стало слишком утомительно. А здесь, на Литейной, так много шума, так душно и столько дел и забот.

Сегодня слышал, будто бы ваше высочество намерены ускорить отъезд отсюда. Во всяком случае, „Ярославль“, надеюсь, будет готов,—он уже вышел из Марселя и на-днях должен быть в Одессе.

К. Победоносцев.

13 сентября 1880.

235.

Граф М. Т. Лорис-Меликов, узнав, что я буду писать вашему высочеству, просил меня сообщить вам, что у него был сегодня генерал-адъютант М. И. Чертков и объяснил ему, что он чувствует себя обиженным назначением сенаторской ревизии в Киевскую губернию и считает это за признак недоверия к его управлению. Граф Лорис-Меликов старался с своей стороны успокоить эту довольно странную претензию.

Библиотека "Руниверс"

Чертков спрашивал, когда он может представиться к вашему высочеству, и граф советовал ему ехать в Петергоф в понедельник.

К. Победоносцев.

19 сент. 1880.

236.

Сегодня Вахтин вернулся из Одессы. При нем пришли и „Ярославль", и „Нижний-Новгород". „Ярославль" был задержан в Босфоре на два дня, так как на пропуск его не было испрошено предварительного разрешения, а конструкция его возбудила недоумение, так как она совсем военная, с приспособлением для пушек и для оружия, и с таранным изгибом. Затруднение это будет, вероятно, встречаться всякий раз при проходе „Ярославля" под коммерческим флагом. Он весьма мало значит, как грузовое судно, но как крейсер, по словам Вахтина, замечателен и может брать без груза запас угля на 30 дней, к чему неспособен почти ни один из немногих известных крейсеров. Внутренняя отделка превосходная, и, конечно, еслиб захотели приобресть его для военного флота, то он был бы замечательным приобретением. На переходе от Марселя он шел средним ходом, а средний ход его достигает до 13 узлов.

„Ярославль" будет готов в Севастополе к прибытию вашего высочества и употребит, вероятно, от 3 до 4 часов на переход от Севастополя до Ялты.

„Петербург", с погруженными на нем миноносками, прибыл благополучно в Пуан-де-Галль, откуда сегодня получена телеграмма.

Слышу, что ваше высочество изволите предполагать выехать отсюда 4 октября на Севастополь. Мое намерение быть там в это же время, так как вы изволили разрешить мне переход на „Ярославле" до Ялты. В Ялте я намерен сесть немедленно на пароход до Одессы, откуда и начну сухопутное свое путешествие на Киев и Житомир. Теперь дела еще задерживают меня здесь. Совестно мне напрашиваться, но я решаюсь просить позволения доехать до Севастополя в поезде вашего высочества; но если бы это могло

Библиотека "Руниверс"

в чем-либо стеснить вас, то усерднейше прошу ваше высочество отказать мне, и я выеду в таком случае днем или двумя ранее.

Сейчас получил письмо от Баранова из Ковны от 22 числа. Он пишет: „Вчера я провел день в Вильне. Большую часть времени был у гр. Тотлебена. Он поразил меня не только необыкновенной любезностью, но и дельным изложением весьма толкового взгляда как на общее положение России, так в особенности Западного края. Мне кажется, что граф действительно желает принесть пользу, и что мне не трудно будет сохранить с ним хорошие отношения. Тотлебен сильно смущен слухами о его отозвании из Вильны. Он доволен своим положением и, как выражается, был бы совершенно огорчен назначением на другую должность“.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

Петербург. 25 сентября 1880.

237.

Усерднейше благодарю ваше императорское высочество за дозволение отправиться на поезде вашем до Севастополя.

Имею честь представить записку Баранова, о которой вы изволите упоминать. Я удерживал ее до сих пор потому, что мне больно было согласиться вполне с окончательным ее выводом. Правда, если правительство признает за учреждением Добровольного флота государственное значение, достойно и праведно было бы поддержать его назначением помильной платы; но и без того на нас клевещут и осуждают нас бог знает за что. А если теперь обратиться к правительству с просьбой о субсидии, это подаст повод к обвинениям всякого рода. Я показывал записку Вахтину, вернувшемуся из Одессы; и он разделяет мое впечатление. Правда, у нас нет оборотного капитала, но мы еще держимся, и если бы казенные учреждения, которые должны нам, не задерживали платежей, мы имели бы в наличии до 600.000 руб.,

Библиотека "Руниверс"

а теперь та же казна, открыв нам ссуду в банке, требует с нас 3 процента, тогда как мы с нее ничего не требуем за удержание платежей по нескольку месяцев. Еслиб не заказ „Ярославля“, мы имели бы еще до миллиона; а „Ярославль“— такое судно, которое должно быть дорого в особенности для военного флота, в наших же руках не годится для перевозки грузов, следовательно, не будет приносить нам выгод. Вот вы изволите сами увидеть и испытать его; но при нынешнем настроении морского министерства трудно ожидать, чтоб оно отдало честь нашему крейсеру предпочтительно перед поповками и перед крейсерами Семечкина.

Сенаторы, отправляющиеся на ревизию, желают иметь честь представиться вашему высочеству перед отъездом. Они предполагали ехать в Петергоф в приемный день, в среду, 1 октября, но я слышал, что вы изволите сами быть сюда в среду утром. Не разрешите ли им явиться в один из следующих дней до субботы?

К. Победоносцев.

Петербург. 28 сентября 1880.

238.

Сейчас получил письмо вашего высочества и записку Баранова. Благоволите, ваше высочество, прочесть другую, прилагаемую записку Вахтина, которая выражает несколько иной взгляд на это дело. По мнению Вахтина, мы покуда еще можем держаться и имеем существенную нужду только в открытии нам кредита. Правда, до сих пор с нами, по милости божией, не было больших бед, но случись, например, нашему пароходу разбиться,—что весьма возможно, особливо в дальних морях,—тогда положение будет отчаянное без оборотного капитала.

Прилагается лист „Николаевского Вестника“ с подробностями о „Ярославле“.

К. Победоносцев.

Петербург. 1 октября 1880.

Библиотека "Руниверс"

239.

Ваше императорское высочество.

В военном министерстве заходит речь о возможности посылки десанта в китайские моря, на случай войны с Китаем. Кажется, есть уже об этом сношения с морским министерством. Конечно, потребуются для этой операции громадные суммы и наем иностранных пароходов. Мне думается, что несравненно удобнее и выгоднее для казны было бы купить для этого пароходы и совершить операцию посредством Добровольного флота. За это можно было бы взяться, разумеется, если десант по количеству не будет превышать меру, доступную для нашей деятельности. Придавая этой мысли важное значение не столько в интересах Добровольного флота, сколько в интересах общегосударственных, я послал об этом на всякий случай записку гр. Д. А. Милютину. Копию имею честь представить при сем вашему высочеству.

Вероятно, вашему высочеству уже известно, что „Москву" нашу С. С. Лесовский хочет взять под военный флаг. Надеемся, по обещанию Пещурова, что нас не оставят без соответственного вознаграждения. „Петербург" и „Владивосток" Лесовский просил тоже оставить в его распоряжении: мы соглашаемся, но лишь до известного срока, — чтоб и тот, и другой могли быть готовы весною для грузов, о которых мы вошли уже в соглашение.

„Ярославль" совершил благополучно два рейса между Севастополем и Поти, при чем перевезено в первый раз 1.200 человек, а во второй—около 900.

Так, посреди церковных дел, я занимаюсь морскими. Очень странно; но я припоминаю, что церковь исстари представлялась в виде корабля, на котором спасаются от бури мореплаватели.

Немало я объехал и осмотрел с 7-го октября, когда откланялся вашему высочеству в Ливадии. Какая была чудная ночь,—точно сон, который и теперь у меня перед гла-

Библиотека "Руниверс"

зами. К утру я был уже в Севастополе и на следующий день в Одессе. Отсюда началось мое путешествие: три дня в Одессе, шесть дней в Киеве, два дня в Житомире. С утра до вечера ездил по учебным заведениям своего ведомства и не мало интересного видел и слышал и со многими познакомился. Спрашивал уроки, задавал диктовки, говорил с преподавателем, претерпевал торжественные обеды и сам давал обед на 34 человека, для киевской академии. Думаю, что поездка моя осталась не бесплодна ни для меня, ни для тех, с кем я вступал в сношения. В той области, которая выпала мне на долю, много есть недостатков, но много и хорошего; думаю даже, что в ней главные ключи всякого добра и правды для нашей земли: в ней лежит еще запас той простоты душевной и веры, которая составляет суть народного характера и который надобно нам оберегать превыше всего. Дело мое очень трудное, но, авось, бог поможет.

Пробыв еще дня два в Москве, я вернулся сюда 25 числа—от живых людей к грудам бумаг, которые меня ожидали. Не знаю и новостей здешних,—так много у меня своих дел, что некогда расспрашивать о новостях, а в воздухе летают, точно мухи, слухи и сплетни о новых переменах в составе правительственных лиц. В государственном совете все уже собрались; но, в ожидании председателя—из Испании, происходят покуда короткие заседания под председ. принца Ольденбургского. В прошлую среду собиралась в первый раз комиссия для пересмотра законов о печати. Я продолжаю обычные свои споры с гр. Лорис-Меликовым об этом предмете; впрочем, мало кто разделяет мои мысли,—по крайней мере, никто не высказывает своего согласия. Но я не уступлю своего мнения никому в таком важном предмете. Я думаю, что правительство не должно выпускать из своих рук надзор за печатью, не должно снимать с себя бремя этой ответственности. Сложить его на суд — значит снять с печати всякую узду; и тут будет великий вред для государства и для народа. Думаю, что правительство, которое знает, на *чем оно стоит* и *чего оно хочет*, не может признать печать какою-то силою, независимо от него

Библиотека "Руниверс"

действующею. Впрочем, все считают меня за старовера. В следующее заседание хотят пригласить и редакторов некоторых газет и журналов. По моему мнению, не следовало бы делать это, но так решили.

Теперь будем ожидать вскоре возвращения вашего высочества и государыни цесаревны. Здесь у нас зима в полном разгаре и множество снегу. В Москве пронесся слух, что вы там остановитесь; не знаю, имеет ли он основание. Во всяком случае, да хранит вас господь здраво и невредимо.

Вашего императорского высочества верноподанный

К. Победоносцев.

Петербург. 31 октября 1880.

240.

Сейчас только получил от вашего высочества ярославскую телеграмму и спешу представить краткий ответ на нее. С разрешения вашего высочества я распорядился отделать в рамки фотографический вид „Ярославля" и отошлю его на-днях при письме к тому же городскому голове, упомянув, что исполняю по приказанию вашему.

Между тем „Ярославль" обернулся уже в третий раз с солдатами между Севастополем и Поти, взяв еще 1.000 слишком людей. Здесь, в штабе по передвижению войск, слышу благодарность за исправную и скорую его службу.

Сегодня получена из Порт-Саида телеграмма о благополучном проходе „России" на Лондон с грузом чая, взятым из Шанхая.

Завтра поеду в первый раз в заседание комитета министров. Работы будет немало; чтоб не оставаться безгласным и бесполезным членом, надобно будет читать дела. А у меня и своих столько, что голова устает. В среду будет второе заседание комиссии о печати у Валуева, в присутствии приглашенных редакторов.

Погода у нас такая, что страшно выйти на улицу. Ветер, мокрый снег и проливной дождь. Теперь, авось либо, не

Библиотека "Руниверс"

замедлится и ваше возвращение; сказывают, что надобно ждать вас около 12 числа. Да сохранит вас господь здраво и невредимо.

Вашего императорского высочества верноприданный

К. Победоносцев.

Петербург. 3 ноября 1880.

241.

Ваше императорское высочество.

Простите, что утруждаю вас делом посторонним.

По кончине государыни императрицы граф А. В. Адлерберг, к сожалению, не приложил сердца к разбору тех лиц и учреждений, которым усопшая по личному своему чувству благодетельствовала ежегодными пособиями. Были, конечно, в том числе и такие выдачи, которые выпрашивались у ее величества, но немало было и таких, которые императрица назначала по сердечному влечению, по доверию к людям и по участию в добром деле. Вместо такого сердечного разбора, всем заодно объявлено, что „государь император, по докладу министра имп. двора, повелеть соизволил: выдачу ежегодных пособий, производившихся из сумм в бозе почившей государыни в пользу разных благотворительных обществ, церквей, школ и проч. в России и за границей, прекратить“.

В числе пострадавших от этого распоряжения состоит одна сельская больница, содержимая г-жею Бакуниной. Бакунина, это—старейшая из сестер милосердия в России, прославленная на перевязочном пункте в Севастополе. Государыня императрица, по личному участию, давала ей по сто рублей в год на ее лечебницу, ради доброго дела, ею устроенного.

В недостатке средств Бакунина решилась обратиться с просьбою к государыне цесаревне.

Вот эта просьба, мне доставленная. Если передать ее официальным порядком, ответят, конечно, то же,—что нет суммы на продолжение пособий.

Библиотека "Руниверс"

Вот почему решаюсь препроводить это письмо Бакуниной к государыне цесаревне чрез посредство вашего высочества. Когда изволите прочесть его, увидите, что на эту небольшую сумму можно сделать много добра посреди сельского населения.

Вашего императорского высочества вернопреданный

К. Победоносцев.

16 ноября 1880.

242.

Пишет Баранов, что до него дошел из верных источников слух, будто в морском министерстве уже переписывается секретно доклад о необходимости немедленного ассигнования 36 миллионов рублей на постройку новых судов типа „вполне ныне испытанного и оправдавшего ожидания пробою „Ливадии“.

Слух этот возбудил Баранова к сочинению прилагаемой при сем статьи, которую он хочет отправить для напечатания в Москву.

Может быть, вашему высочеству интересно будет просмотреть эту записку.

К. Победоносцев.

20 ноября 1880.

243.

Чичерин, уезжая отсюда, прислал мне составленную им записку с просьбою представить ее вашему высочеству. Подобные же записки будут доставлены гр. Лорис-Меликову, гр. Строгонову и Милютину (который, говорят, разделяет воззрения Сабурова).

Мысль Сабурова—несчастная, безумная мысль. Если она осуществится, можно предвидеть великую, непоправимую смуту. И теперь уже все серьезные деятели министерства в большом смущении: у них руки упадают, и многие поспешат бежать вон из учебного ведомства. Можно судить о впечатлении, когда от Чичерина, бывшего всегда ожесточенным

Библиотека "Руниверс"

врагом гр. Толстого, я слышал такие слова: „придется, пожалуй, пожалеть о гр. Толстом“.

Кстати: сейчас принесли московскую газету с разумною статьей о том же предмете, которую при сем представляю.

Сейчас получены известия, что „Москва“ 20 ноября вышла из Владивостока в Нагасаки, а „Петербург“ того же дня ушел оттуда же тоже в Нагасаки для окраски подводной части.

Последние известия о судах собраны в прилагаемой при сем статье „Московских Ведомостей“.

К. Победоносцев.

22 ноября 1880.

244.

В прошлый раз ваше высочество изволили упоминать о мещанине М а л ь к о в е, являвшемся к государыне цесаревне.

Он просит о восстановлении учрежденного им монастыря на Телецком озере и надеется достигнуть цели здесь, несмотря на возражения томского епископа и тамошнего викария. Ходатайство его должно быть предложено синоду и, конечно, не может быть разрешено без согласия местной епархиальной власти.

Мальков имеет свою историю по прежнему миссионерскому обществу, бывшему в Петербурге: тогда, успев пробраться к государыне императрице через Т. Б. Потемкину, Мальков достиг цели, но потом потерпел крушение со своим монастырем; я слыхал об нем очень сомнительные рассказы и потому счел за нужное теперь навесть о нем справки в Москве, где теперь центр нового миссионерского общества и где проживают старые деятели прежнего, в том числе 40-летний сотрудник алтайской миссии, протоиерей Лавров, старик 76 лет.

Вот его отзыв о Малькове, вчера полученный мною от преосв. Амвросия:

Библиотека "Руниверс"

1. Телецкий монастырь всеми признан неудобным по отдаленности. 2. Ближайшие жители, двоеданцы, просвещенные Мальковым, были им обращены себе в работников для личных выгод. 3. Братом Малькова на его средства были разведены по Алтаю кабаки. 4. На Малькова были обвинения в присвоении собранных денег и в выдаче фальшивых расписок. 5. Мальков, по отзыву Лаврова, человек лживый и вредный, и появление его в миссии будет для нее бедствием.

В синоде есть старое громадное дело о Малькове, компрометирующее его.

Обо всем этом спешу сообщить вашему высочеству на случай будущих появлений Малькова в Аничковом дворце. Мне кажется, было бы осторожнее не допускать его, по крайней мере, до времени. Просьба же его будет рассмотрена в синоде своим порядком.

Вчера, вечером, явился Баранов. Когда вашему высочеству благоугодно будет принять его, благоволите дать знать мне. О ковенских делах он рассказывает много интересного и печального.

„Ярославлю" приходится работать в самую ужасную погоду на Черном море. Теперь он делает 7-й рейс. На 6-м рейсе, продержавшись 6 дней под Батумом, он выдержал сильную штормовую погоду и расплатился якорем и цепью.

К. Победоносцев.

5 декабря 1880.

245.

В ожидании словесного объяснения, имею честь представить вашему высочеству краткое письменное объяснение против записки о снятии военного караула в синоде. Из нее изволите усмотреть, что наша казна очень значительна, и что невозможно оставить ее без охраны. Мне не известна общая экономия военного учреждения: подлинно ли снятие поста имеет для него такую великую важность. А для нас,—да смею

Библиотека "Руниверс"

думать, что и для государства,—оставление его очень важно. Если бы капиталы были небольшие, то, разумеется, не стоило бы спорить; но перевозка несколько раз в месяц такой казны, как синодская, из Зимнего дворца в синод и обратно есть уже дело не безопасное.

Еще представляю при сем к сведению вашего высочества копию с последнего контракта Добровольного флота с главным штабом, заключенного на пять лет.

К. Победоносцев.

14 декабря 1880.

Библиотека "Руниверс"

1881 г.

246.

Ваше императорское высочество. От всей души желаю вам с государыней цесаревной и с детьми на новый год всякой радости и доброго во всем успеха. Дай боже нам всем перейти с новым годом из худшего в лучшее. Прошлый год был тяжел для всех и много принес нам печальных событий и новых опасений за будущее. Господи, благослови!

Прилагается при сем книжка, мало интересная для чтения, но автор усиленно просит поднесть ее вашему высочеству. Это—православный священник русского прихода в Лифляндии Krauklis, а книжка—латышская хрестоматия для чтения в народных школах, а собранные в ней статьи, как видно из оглавления, направлены к ознакомлению учеников латышей с Россией. У латышей употребляется латинский алфавит, но теперь начинают печатать книги русским шрифтом или кириллицей, чему сделаны опыты и в этой книжке.

„Ярославль“ и „Нижний“ работают так исправно, что нужно было пропустить один рейс, так как все люди были перевезены, а новые партии новобранцев еще не прибыли. В правлении нашем член от министерства финансов Мицкевич заменен, по распоряжению Абазы, Ермаковым.

К. Победоносцев.

1 января 1881.

247.

Костромская игуменья мать Мария просит представить вашему императорскому высочеству письмо ее и отчет о дея-

Библиотека "Руниверс"

тельности сельских лечебниц при Богоявленском монастыре. Благоволите, ваше высочество, обратить внимание на этот отчет и просмотреть его.

Я, с своей стороны, видев эти учреждения прошлым летом на месте, могу свидетельствовать о совершенном их благоустройстве и о неоцененной пользе, которую они приносят местному населению.

К. Победоносцев.

10 января 1881.

248.

Еду провожать приятеля и товарища Дмитрия Оболенского в последнее жилище и потому приношу на письме нынешнее свое поздравление вашему высочеству и государыне цесаревне с дорогой именинницей, которой дай боже возрастать на радость вам в красоте душевной и телесной.

Не угодно ли вашему высочеству взглянуть на новые предложения от ковенского искателя подвигов и приключений? Не сомневаюсь, впрочем, что при его находчивости и решимости и это приключение могло бы увенчаться успехом. Только минуту для дела надо выбирать решительную, а она едва ли еще настала.

К. Победоносцев.

24 января 1881.

249.

Вчера вечером скончался Ф. М. Достоевский. Мне был он близкий приятель, и грустно, что нет его.

Но смерть его—большая потеря и для России. В среде литераторов он,—едва ли не один,—был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благодетельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему, как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его.

Библиотека "Руниверс"

Он был беден и ничего не оставил, кроме книг. Семейство его в нужде. Сейчас пишу к графу Лорис-Меликову и прошу доложить, не соизволит ли государь император принять участие.

Не подкрепите ли, ваше высочество, это ходатайство? Вы знали и ценили покойного Достоевского по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта.

К. Победоносцев.

29 янв. 1881.

250.

Похоронили сегодня Ф. М. Достоевского в Невской лавре. Грустно очень, что нет его. Вечная ему память. Мне очень чувствительна потеря его: у меня для него был отведен тихий час, в субботу, после всенощной, и он нередко ходил ко мне, и мы говаривали долго и много за полночь.

Вчера он должен был выпустить 1 номер своего „Дневника“ и совсем приготовил, и вчера же, в день его выноса, появился этот номер. На случай если он не дошел еще до вашего высочества, прилагаю его здесь. В нем есть прекрасные страницы—с самого начала.

К. Победоносцев.

1 февраля 1881.

251.

Давно уже не удавалось мне видеть ваше высочество,—дела мои, заботы держат меня в цепях; раза два или три заходил в Аничков дворец, но невпопад, в ваше отсутствие. А теперь простудился и сижу несколько дней дома с сильным гриппом.

Позволяю себе представить вашему высочеству новейшие сведения о судах Добровольного флота.

„Россия“ стоит в одесском рейде и начинает грузиться. Груз будет лишь отчасти казенный, а бо́льшей частью от московских торговых домов. В конце февраля она должна выйти в море: надеюсь, что к тому времени и командир ее Балк, серьезно заболевший по возвращении из Лондона, оконча-

Библиотека "Руниверс"

тельно поправится. Перед выходом на ней производятся некоторые работы в машине и в котлах. Новый вал, который она взяла перед последним рейсом, был установлен, кажется, не совсем правильно. По этому предмету возникли довольно неприятные пререкания между ее механиком Ляпуновым и нашим главным механиком Пашининым. Последний—знающий человек, но очень тяжелого характера и ни с кем не уживается. Чтоб уладить эти споры, я просил Валицкого на обратном пути отсюда заехать в Одессу, а на прошлой неделе уехал туда же и Вахтин, имевший, кроме того, поручение устраивать в Москве важное для нас дело о железнодорожном тарифе.

Существующий ныне тариф ставит купцов в затруднительное положение. Мы стараемся направить из русских портов русские товары на русских судах в русскую дальнюю окраину, и последствия первой перевозки стали уже очень ощутительны: во Владивостоке цены на многие нужные предметы, напр., свечи, сахар и пр., упали едва не на половину. Между тем, оказывается, что русским купцам дешевле стоит провоз из Москвы до Гамбурга нежели до Одессы, ибо до Гамбурга провоз стоит около 90 к. за пуд, а до Одессы—более рубля. Чтоб устранить это неудобство, мы подавали записку графу Э. Т. Баранову и входили в сношение с правлениями железных дорог о понижении тарифа для товаров, отправляемых из Москвы на судах Добров. флота. Мы получили на это согласие и надеемся, что на съезде железнодорожных представителей, имеющем быть на-днях в Москве, дело это будет улажено.

„Москва“ и „Петербург“ освобождаются от военной службы и направляются весной из Владивостока в Ханкоу за чаем: от московских купцов мы имеем уже два полных груза. Может быть, и „России“ удастся получить подобный же груз на обратный путь. В прошлом году чайные грузы направлены были в Одессу; но в Одессе все места заняты, и в выгрузке может быть затруднение, равно как и в складочных магазинах. Поэтому в нынешнем году один из пароходов с чаем направляется на Одессу, а другой на Севастополь

Библиотека "Руниверс"

В Севастополе же мы просили морское министерство отвесть нам место для складов, на что и получили согласие.

„Владивосток“, отпущенный 15 янв. из эскадры, должен итти по назначению в Одессу и находился уже 8 февр. на пути, в Сингапуре. Оттуда он должен следовать в Бомбей, где получить должен груз хлопка на Одессу, по условию нашему с бомбейским торговым домом.

„Нижний-Новгород“ доканчивает свои рейсы между Поти и Севастополем. Вчера он вышел из Севастополя, вероятно, уже в последний рейс, взяв 1.140 новобранцев. Затем в апреле „Нижний-Новгород“ должен опять отправиться с арестантами на Сахалин.

„Ярославль“ стоит пока в Севастополе без дела. К сожалению, морское министерство, кажется, не заботится о приобретении для себя хорошего крейсера. Я пробовал заговаривать об этом с Пещуровым, но Пещуров отшучивается. Говорят, что у них нет денег на крейсеры, а есть только для броненосцев, а если-де вы отдадите даром, то мы возьмем. Очевидно, после такого отзыва нечего и продолжать разговор.

Между тем, из министерства внутренних дел получил я запрос, относящийся до наших судов. Вашему высочеству, вероятно, известна телеграмма Анучина, в которой он извещает, что китайское правительство спешит заселять пограничные с нами земли, вследствие чего Анучин просит прислать русских переселенцев для Уссурийского края на судах Добровольного флота. Теперь нас спрашивают, можем ли мы, в какой срок и по какой цене, перевезть туда до 500 семейств с кладью. Очевидно, что и министерство внутренних дел делает этот запрос на всякий случай,—в скорости нельзя ему согласить переселенцев и устроить их. Дело это требует целого систематического плана действий, и если устраивать его, как дело государственное, в больших размерах и в порядке, то правительство могло бы отпустить потребную сумму для приобретения пароходов и для всей операции, а общество Добр. флота могло бы служить ему лишь комиссионером и производить перевозку на счет казны. Во всяком случае,

Библиотека "Руниверс"

мы отвечаем, что в случае нужды можем приготовить для министерства вн. дел к августу два парохода, лишь бы могли иметь уверенность, что к этому сроку операция состоится наверное.

Из открытого нам в прошлом году кредита в банке на 700.000 р. мы позаимствовались к 1 января на 300.000 рублей и могли бы возвратить эту сумму на срок к 1 января, но в таком случае наша касса опросталась бы. Поэтому мы просили министра финансов о продлении кредита. Но по всеподданнейшему его докладу разрешено: отпустить нам на 2 года 500.000 рублей, с зачетом долга банку, с тем, чтобы мы пополнили эту сумму—500.000—в два года или при первой продаже одного из наших пароходов. Тут разумеется „Ярославль", и, конечно, еслиб морское министерство захотело купить его, то этот долг был бы погашен.

К. Победоносцев.

12 февраля 1881.

252.

Ваше императорское величество.

Не могу успокоиться от страшного потрясения. Думая об вас в эти минуты, на кровавом пороге, через который богу угодно провесть вас в новую судьбу вашу, вся душа моя трепещет за вас—страхом неведомого, грядущего на вас и на Россию, страхом великого, несказанного бремени, которое на вас ложится. Любя вас как человека, хотелось бы, как человека, спасти вас от тяготы в привольную жизнь; но на это нет силы человеческой, ибо так благоволил бог. Его была святая воля, чтобы вы для этой судьбы родились на свет, и чтобы брат ваш возлюбленный, отходя к нему, указал вам на земле свое место.

Народ верит в эту волю божию и по его велению возлагает надежду свою на вас и на крепкую власть, богом врученную вам. Да благословит бог! Да ободрит вас молитва народная, а вера народная да даст вам силу и разум править крепкой рукой и твердой волей.

Библиотека "Руниверс"

Простите, ваше величество, что не могу утерпеть и в эти скорбные часы подхожу к вам с своим словом: ради бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для вас решительное значение, не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слышали и знали: „Я так хочу, или я не хочу и не допущу".

Гнетет меня забота о вашей безопасности. Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце. Мысль эта вкоренилась в народе.

Смею еще напомнить вашему величеству о Баранове. Это человек, преданный вам,—я знаю,—и умеющий действовать, когда нужно. Его ждут сюда из Ковно послезавтра.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

3 марта 1881.

253.

Ваше императорское величество.

Измучила меня тревога. Сам не смею явиться к вам, чтоб не беспокоить, ибо вы стали на великую высоту. Не знаю ничего,—кого вы видите, с кем вы говорите, кого слушаете и какое решение у вас на мысли. О, как бы я успокоился, когда бы знал, что решение ваше принято и воля вашего величества определилась.

И я решаюсь опять писать, потому что час страшный и время не терпит. Или теперь спасать Россию и себя, или никогда.

Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению,—о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте.

Библиотека "Руниверс"

Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного государя, вас, самих себя, всех и все на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники.

Нет, ваше величество: один только и есть верный, прямой путь—встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу, самую святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет вашего властного на это решения, и как только почует державную волю, все поднимется, все оживится, и в воздухе посвежеет.

Народ возбужден, озлоблен; и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы.

Последняя история с подкопом приводит в ярость еще больше народное чувство. Не усмотрели, не открыли; ходили осматривать и не нашли ничего. Народ одно только и видит здесь—и з м е н у,—другого слова нет. И ни за что не поймут, чтоб можно было теперь оставить прежних людей на местах.

И нельзя их оставить, ваше величество. Простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если вы отдадите себя в руки ему, он приведет вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет,—что я сам ему высказывал неоднократно. И он—не патриот русский. Берегитесь, ради бога, ваше величество, чтоб он не завладел вашей волей, и не упускайте времени.

А если не он, то кто же! Ваше величество,—я их всех вижу и знаю, каких грошей они стоят. Изо всех имен смею назвать вам разве гр. Николая Павл. Игнатьева. Он имеет

Библиотека "Руниверс"

еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения— между простыми людьми. Возьмите его на первый раз, но кого-нибудь **верного** надобно взять немедленно.

Петербург надобно было с первого же дня объявить на военном положении: в Берлине после покушения тотчас сделали это и умели распорядиться немедленно.

Это—проклятое место. Вашему величеству следует тотчас после погребения **выехать отсюда** в чистое место,— хотя бы в Москву,—и то лучше, а это место бросить покуда, пока его еще очистят решительно. Пусть здесь остается новое ваше правительство, которое тоже надобно чистить сверху донизу.—Здесь, в Петербурге, люди найдутся, авось. Завтра приедет сюда Баранов; еще раз смею сказать, что этот человек может оказать вашему величеству великую службу, и я имею над ним нравственную власть.

Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходок, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного.

Сабуров не может быть долее терпим на месте: это совсем тупой человек, и тупость его наделала много бед, и с каждым днем больше делает. В приискании ему преемника было бы не так много затруднений. Из называемых кандидатов всех серьезнее барон Николаи: но в ожидании прочного назначения есть возможность немедленно поручить управление Делянову, которого знает все ведомство очень близко и человек здравого духа.

Ваше величество. Простите меня за откровенную речь. Но я не могу молчать,—долг мой говорить вам; если не ошибаюсь, вам никогда не было неудобно слушать меня. Вы, конечно, чувствовали, при всех моих недостатках, что я при вас ничего не искал себе, и всякое слово мое было искреннее. Бог меня так поставил, что я мог говорить вам близко, но верьте, счастлив бы я был, когда бы не выезжал ни-

Библиотека "Руниверс"

когда из Москвы и из своего маленького домика в узком переулке.

Страх берет меня, когда думаю, что вы одиноки и не на кого вам опереться. Ради бога, если бы вы пожелали ближе поговорить о том, что я пишу, прикажите мне явиться,— я каждый час и каждую минуту на службе вашей. Сам собою я теперь не в праве явиться к вам. Позовите к себе старика С. Гр. Строгонова: он человек правды, старый слуга ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа, и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее вам иметь совет в эту страшную минуту. Сегодня он приезжал ко мне, взволнованный, расстроенный, исполненный тревожной заботы об вас и об России.

Боже, боже! Спаси нас!

Но мы люди божии и должны действовать. Судьбы России на земле—в руках вашего величества. Благослови боже вам сказать слово правды и воли, и вокруг вас соберется полк истинно русских, здоровых людей вести борьбу на жизнь и на смерть за благо, за всю будущность России.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

6 марта 1881.

254.

Ваше императорское величество.

С каждым днем больше убеждаюсь в основательности того, что писал вам 6-го марта, и вновь горячо прошу вникнуть в тогдашние слова мои.

Именно в эти дни нет предосторожности излишней для вас. Ради бога, примите во внимание нижеследующее:

1. Когда сбираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери—не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен

Библиотека "Руниверс"

внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от вас, в этих же комнатах.

5. Все ли надежны люди, состоящие при вашем величестве? Если бы кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его.

Дней через десять, через пятнадцать многое может разъясниться; но до тех пор, ради бога, будьте осторожны на каждую минуту.

Бог да хранит вас со всем вашим домом. Много простых душ за вас молятся.

Вашего императорского величества верноподданный

К. Победоносцев.

11 марта 1881.

255.

Ваше императорское величество.

Исполнил сегодня приказание ваше,—виделся и говорил с бароном Николаи, но застать его мог лишь в поздний час, так что не успел доложить об этом сегодня же вашему величеству.

Барон Николаи в откровенном разговоре изложил мне причины, не дозволяющие ему ж е л а т ь себе этого назначения. „Он принадлежит к старому поколению и к школе, и практике прежнего времени; хотя занимался постоянно педагогией, но отстал от требований нового времени и нового поколения. Управлял довольно долго учебною частью на Кавказе и был в течение одного года товарищем министра народного просвещения; но с той поры прошло много времени, и кавказские условия были особенные. Ныне в министерстве он не знает людей и должен мало-по-малу узнавать их; между

Библиотека "Руниверс"

тем, силы его слабеют, и он, имея 60 лет отроду, не может рассчитывать на продолжительный период деятельности. Наконец, он лютеранин, и в этом обстоятельстве может быть неудобство, хотя он религиозный человек и привык уважать все вероисповедания. Вдовый, одинокий, он имеет единственное утешение в том, что проводит лето в имении своем на Кавказе, и рассчитывал даже провести там всю зиму".

Барон Николаи, объяснив все это, прибавил однако же, что, несмотря на все влечения свои в другую сторону, он считал бы священным долгом своим повиноваться призыву и приказанию вашего величества, еслиб вам угодно было к нему обратиться и дать ему твердые указания для деятельности.

Вот положение дел. Позволяю себе доложить вашему величеству, что я, по совести и разумению своему, не знаю другого лица, кого бы можно было серьезно называть в настоящую минуту для этой должности, кроме барона Николаи. Кого не перебираю в памяти, никто не соответствует. Он слыл на Кавказе тяжелым человеком, особливо в отношении к великому князю и к его приближенным. Но он человек с достоинством, серьезных правил, в которых очень упорен, серьезных приемов, бесспорно умный и всесторонне образованный и, сколько я знаю, человек с сердцем, хотя несколько сух в обращении. Для того, чтобы быть министром, требуется серьезная и спокойная постановка, которая у него есть, и которой не найдешь в других кандидатах.

Затем, необходимо сознаться, что в нынешнюю несчастную пору надобно быть очень легким человеком, чтобы *желать* звания министра ради почета и выгоды. Для серьезного человека—это великое бремя и жертва великая. Но в виду того бремени, которое лежит на вашем величестве, и великих прав и обязанностей ваших по управлению государством, вы имеете святое право требовать всякой жертвы от всякого, и никто не имеет права отказываться от вашего призыва на всякое служение, как бы оно ни было тяжко. Уклониться в это время было бы так же постыдно, как офицеру уклониться от службы в военное время и в виду сражения. Весь

Библиотека "Руниверс"

вопрос в том, кого и к чему вы признаете годным и способным. Теперь особенно тяжело принять должность министра народного просвещения, после того как она принижена в лице Сабурова; но тем более настоит надобности возвысить ее, хотя бы пришлось потребовать нелегкой жертвы.

На случай если бы вашему величеству благоугодно было спросить у меня ближайших объяснений о моем разговоре с бароном Николаи, я буду иметь честь явиться в Аничков дворец завтра, в субботу, в 2 часа пополудни, или в такое время, какое вам угодно будет назначить.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

1881, 20/21 марта, ночью.

256.

Посреди множества диких явлений в так называемой интеллигенции одно утешительно видеть и чувствовать,—как народ (который иные готовы назвать лишь неразумною массою) относится к великому народному бедствию. Умилительно видеть, что происходит теперь с утра до вечера на месте катастрофы. Сегодня жена вернулась в слезах, простояв час посреди плачущего и молящегося народа. Деньги загребают пригоршнями; городовой ссыпает их в кружку на эстраде, и народ ропщет только, что сами не могут положить в кружку. Беспрерывно служатся панихиды.

А вот трогательный документ, только что привезенный мне кн. Хованским из тамбовской деревни, где он сам был свидетелем, как крестьяне делали на сходке это постановление. Во многих местах слышится желание, как они говорят, поскорбеть, и вот этому чувству находят исход в установлении из рода в род ежегодного поста в день 1 марта. Люди, называющие себя образованными, станут, пожалуй, смеяться над этим; но как это просто, искренно и трогательно!

Позволю себе выразить еще одну мысль, отвечающую общему желанию всех православных русских людей. Всему

Библиотека "Руниверс"

православному миру показалось очень горько и даже страшно распоряжение об открытии театров в великий пост. Народное чувство пришло в великий соблазн: добрые люди качали головами и говорили про себя: быть бедам.

Нынешнее страшное бедствие постигло Россию именно в начале великого поста, и пришлось закрыть театры. Не служит ли это новым указанием на то, что прилично было бы теперь и в память этого страшного греха освятить великий пост восстановлением закона о закрытии спектаклей в это время. Дирекция театров будет возражать уменьшением сборов и доходов, но что̀ значит денежная сумма в сравнении с народным соблазном!

Константин Победоносцев.

22 марта 1881.

257.

В министерстве народного просвещения всего важнее и всего затруднительнее в настоящую минуту вопрос об университетах.

Правительство пошло в последнее время, очевидно, фальшивым путем, предприняв узаконение сходок. Этого желала только х у д ш а я часть студентов и профессоров; к несчастью, правительство думало найти опору именно в этой худшей части. Напротив, большинство студентов никогда не желало этого, предвидя от этого беспорядки, мешающие только тишине, необходимой для занятий. Ныне университет стал местом постоянной сходки, которую ведет меньшинство (здесь, напр., около 250 человек из 2 тысяч); а масса приходит на сходку как на зрелище, но не в силах прекратить беспорядок без содействия власти; а власть, к сожалению, почти всюду сосредоточена, посредством выбора, в руках у худших профессоров, которые или сами люди беспорядка, или запуганы дурными студентами.

Вот положение, которое надобно прекратить во что бы то ни стало. Надобно только сосредоточить власть в твердых руках и прекратить сходки, предводимые всего дюжиною

Библиотека "Руниверс"

негодяев, за коими следуют прочие, как стадо. Масса студентов утомлена и раздражена владычеством этой кучки беспорядочных людей и будет рада всякой мере, способствующей водворению порядка.

Из университетов смута начинает уже проникать и в гимназии. Остановить ее не трудно. Стоит только дать твердую опору людям порядка, которых везде много, но которые всюду обескуражены действиями министерской власти, обращавшейся, по какому-то странному ослеплению, всюду не к лучшим, а к худшим людям.

Власть попечителей повсюду намеренно расшатана или отвергнута вовсе министерством, так что серьезные люди отказываются занять должность попечителя. Необходимо восстановить и утвердить эту власть. Люди для нее найдутся немедленно, как скоро увидят, что правительство имеет твердую мысль и твердые основания для деятельности.

Необходимо обратить внимание на вопрос об устройстве средних школ, в коих люди низшего класса могли бы получать нехитрое, но солидное образование, нужное для жизни, а не для науки, которой не все могут посвятить себя. К несчастью нашему, все наши гимназии рассчитаны на то, чтобы проводить массу дальше и дальше, к университетам: отсюда фальшивая тяга кверху; а отпадающие недоучки гибнут, отрываясь от среды своей. Давно уже все благомыслящие в России вопиют о прекращении этого зла. Еще на-днях депутаты, собравшиеся сюда по случаю несчастного события, на собрании у гр. Бобринского громко заявляли об этой нужде.

Этой мысли всегда держался, как мне известно, и барон Николаи. Он же обращал всегда особенное внимание на ошибки правительства в устройстве женского образования в так назыв. женских гимназиях и на женских высших курсах. Это дело великой важности, в которое положено много фальшивых начал. Бар. Николаи имеет об нем здравые понятия.

Народные школы—предмет великой важности. Здесь тоже прежнее министерство шло едва ли верным путем; умножая сеть школ и наполняя их учителями, приготовляемыми в учительских семинариях, оно не в силах было следить за

Библиотека "Руниверс"

этими учителями, которых само искусственно отрывало от крестьянской среды. Учительские семинарии—учреждение, едва ли правильно поставленное и стоящее весьма дорого. В народном первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и в церкви. Эта именно мысль была заявлена и принята в последнем заседании комитета министров, и оберпрокурору синода предоставлено разработать вопрос о церковно-приходских школах, с обещанием дать необходимые для того средства.

Хорошие люди есть всюду; одно требуется: чтоб они почувстовали, что их поддерживает крепкая власть и твердая мысль: тогда все они ободрятся, а дурные элементы ослабеют.

22 марта 1881.

258.

Долгом почитаю доложить вашему императорскому величеству, что сейчас я говорил с Набоковым, вернувшимся из суда в 1 час ночи. Впечатления его совершенно расходятся с тем, что дошло до сведения вашего величества и что было мне передано. Он вполне доволен ходом заседания и всем, что в нем происходило сегодня: по словам его, все присутствовавшие вынесли такое же впечатление. Председатель, по словам Набокова, был очень строг и не дозволял говорить ничего лишнего подсудимым, которые вообще держали себя прилично. Их нельзя было разобщить,—говорит Набоков,—потому, что прежде этого не делали, и что оказывалось всегда неудобным жандармам сидеть между подсудимыми. Желябова оставили сидеть рядом с Перовскою, так как уже считают их за отпетых людей.

В 10 часов утра Набоков явится к вашему величеству.

К. Победоносцев.

Март 1881. [1]) Пятница, 2 часа ночи.

---

[1]) Месяц и год приписаны карандашом.

Библиотека "Руниверс"

259.

Уезжая сегодня до пасхи в Сергиеву пустынь, позволяю себе представить вашему императорскому величеству стихотворение на кончину в бозе почившего государя императора, написанное кн. Н. П. Мещерским, бывшим попечителем университета. Его прислала из Москвы Екатерина Фед. Тютчева с просьбой обратить на него внимание вашего величества.

Простые люди так свято относятся к памяти усопшего государя, что иные приезжают сюда на сороковой день, чтобы помолиться на гробе. Сегодня был у меня крестьянин, приехавший для того из Павловского посада.

Дай боже вам, государь, со всем вашим домом в мире встретить святую пасху христову, и да воскреснут в этот день все наши надежды и наболевшая душа да утешится.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 7 апреля 1881.

260.

Имею честь представить вашему императорскому величеству всеподданнейшее письмо Бориса Чичерина с приложенною к нему запискою по важному вопросу, состоящему ныне на рассмотрении государственного совета.

Кто-то позаботился прислать мне по почте номер газеты „Gaulois“ с корреспонденцией из Петербурга. Почитаю не лишним обратить на нее внимание вашего величества. Она показывает, какие вздорные сплетни и слухи распространяются в обществе и принимаются на веру многими.

Вчера я провел целый вечер в объяснении с графом Лорис-Меликовым, и рад, что мог, наконец, говорить с ним. Сегодня он, конечно, доложит вашему величеству вновь о крайней необходимости установить как можно скорее в общем совещании те начала, которыми должно руководствоваться новое правительство в своей деятельности.

Вашего императорского величества верноподданный

К. Победоносцев.

15 апреля 1881.

Библиотека "Руниверс"

261.

Ваше императорское величество.

Пока не установился еще новый порядок, о коем буду иметь честь доложить вскоре, благоволите не погневаться, что смею еще утруждать ваше внимание пространным списком лиц, удостоиваемых к награде камилавками и скуфьями.

Позволяю себе еще обратить внимание вашего величества на прилагаемую статью „Московских Ведомостей“.

Последнее известие о судах Добровольного флота пришло с „России“. Она прибыла с грузом под командою Валицкого во Владивосток 13 апреля, сделав переход из Одессы весьма скоро—в 44 дня. „Владивосток“ вышел из Одессы с грузом 15 числа. „Нижний-Новгород“ должен выйти с арестантами 21 апреля.

Вашего императорского величества верноподданный

К. Победоносцев.

17 апреля 1881.

262.

Ваше императорское величество.

Дозвольте еще утруждать вас следующим представлением.

Вашему величеству благоугодно было призвать завтра в Гатчину всех министров, с некоторыми исключениями.

Иные из этих исключений не покажутся удивительными: так, напр., Посьет, Сольский, по специальности вверенных им управлений, могут оставаться в стороне от общего совещания. Но есть министерство, представитель коего не может принять это исключение иначе, как за выражение высочайшего недоверия и неудовольствия. В таком положении министру нельзя и оставаться в своей должности. Смею думать, что исключение министра юстиции из совещания, в коем нельзя не коснуться судебных вопросов, будет поистине ударом и для него, и для всего министерства. Доколе Набоков остается министром юстиции и будет продолжать ездить с докладами к вашему величеству, — нравственное положение

Библиотека "Руниверс"

его, при таком исключении из общаго совещания, станет невыносимо, и, что̀ всего важнее, авторитет его власти относительно подчиненных будет разрушен, что должно отразиться вредом на действии целого ведомства, столь существенно важного в общем государственном механизме.

Я знаю, что в таком же смущении по поводу сего распоряжения находится и граф Лорис-Меликов, но он не решается беспокоить ваше величество новым представлением. Простите, что я решаюсь, ради достоинства власти и ради общего блага, умолять ваше величество: прикажите пригласить к совещанию и Набокова, на что телеграф дает полную возможность. Не ради Набокова я забочусь об этом, но ради самого дела.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 20 апреля 1881.

263.

Ваше императорское величество.

Спешу возвратить с глубокою признательностью письмо Е. Н. Карамзиной. Оно очень понравилось мне: написано горячо, ясно, просто и выражает собой, что чувствуют истинно русские люди, люди с сердцем и неиспорченною мыслью. Слава богу, таких осталось еще не мало; они ничего не могут, но ждут в волнении и страхе, в чем выскажется, куда направится новое правительство.

Заседание 21 апреля у вашего величества имело результатом покуда сближение между лицами. На первый раз я и этому радуюсь, что со мной говорят без принуждения те, которые до сих пор избегали меня. Обратное наше путешествие в вагоне было образцом непринужденного друг с другом обхождения, тогда как ехавши в Гатчину мы сидели по углам с угрюмым видом. Жду, когда мы соберемся для общего совещания. Великий князь Вла-

Библиотека "Руниверс"

димир Александрович заметил, что все бывшее доныне разногласие происходило от недоразумений; но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаруживаться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и распоряжениям. Рассуждать между собою нетрудно, при чем для избежания разногласий сглаживаются посредством фразы резкие оттенки взглядов и мнений; но когда надобно приступать к решительному действию, тут обнаруживается рознь, и сила действия парализуется.

В публике ходили и продолжают ходить самые странные слухи и ожидания по случаю этого совещания. Многие были уверены, что 15-го, потом 17-го числа произойдет и объявится нечто необыкновенное. Поднялись вновь толки о представительстве,—авось, теперь несколько стихнут. Но смущение не успокоится, я убежден в том, покуда правительство не заявит себя такими действиями, которые ни в ком не оставляли бы сомнения или раздвоенной мысли.

Смею думать, ваше императорское величество, что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей. Первый манифест был слишком краток и неопределителен. Часто указывают теперь на прекрасные манифесты императора Николая 19 декабря 1825 и 13 июля 1826 года.

Вместе с тем продолжаю думать, что вашему величеству необходимо появиться в Петербурге. Безвыездное пребывание ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов, самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Иные из народа уже спрашивают, правда ли, что государя нет и что это скрывают от народа? Распространение и усиление таких слухов может быть очень опасно в России, и люди злонамеренные, которых ныне так много, пользуются ими, чтобы смущать народ.

Дела так много в России—созидательного, великого дела для всех и каждого; и когда мы дождемся, что каждый может

Библиотека "Руниверс"

спокойно посвятить себя **своему** делу и сидеть у него? Я не обманывался, когда говорил, что ныне никто не может спокойно делать свое дело. От государственного человека до сельского дьячка и до последнего гимназиста все заняты толками о политических делах и государственных переменах, сплетнями и слухами, раздражающими и смущающими душу. Главная причина,—я убежден в том,—газеты и журналы наши, и не могу надивиться слепоте и равнодушию тех государственных людей, которые не хотят признать этого и не решаются на меры к ограничению печати. Я был всегда того мнения, что с этого следует начать, но никто не хочет согласиться со мною.

Боже мой! Дождаться бы тихой поры и сказать: ныне отпущаеши раба твоего, владыко!

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 23 апреля 1881.

264.

Ваше императорское величество.

Вчера получено мною из Лемберга письмо на польском языке, неизвестно от кого, так как подпись неполная. Письмо, к удивлению моему, очень разумного содержания; писал его, вероятно, кто-нибудь из польских изгнанников. Согласно желанию писавшего, имею честь представить перевод письма вашему величеству.

Сегодня суббота, а общего совещания у г. г. министров еще не было: доходит до меня слух, что хотят собираться в понедельник. С прошлого вторника я и не видал никого: знаю только, что видаются между собой и совещаются люди одной партии. Я знаю также, что на совещание у вашего величества 21 числа Лорис-М. и Абаза ехали с волнением и страхом, которому я не видел основания, а вернулись из

Библиотека "Руниверс"

Гатчины с великим торжеством, которому я тоже не вижу основания. Слышу, какое толкование дается результату совещания,—будто правительство будет сосредоточено в совете министров, который будет решать вопросы большинством и докладывать силою большинства вашему величеству.

Итак, я с грустным и неловким чувством пойду в совещание, когда позовут меня. Чувствую, что меня не захотят понять и не будут слушать, а я не понимаю их. Между тем, я не могу уступить им того, во что верую, как в истину. Столько раз еще при жизни покойного государя, в долгих спорах с Лорис-Меликовым, когда он укорял меня в упорстве, я говорил ему: я верую в единого бога,—вы поклоняетесь, по моему убеждению, идолам, ложным богам: как же вы хотите, чтоб я с вами согласился?

Грустно мне и то, что в. к. Владимир Александрович тоже, видно, не хочет серьезно объясниться со мною. Правда, он никогда не показывал мне искреннего отношения, но теперь, кажется, гр. Лорис-Меликов особенно усиливается действовать на него. Зная наши разногласия, вел. князь, еслиб имел ко мне доверие, конечно, ради общего дела, искренно объяснился бы со мной, и ему, как всем, я, конечно, сказал бы все, что думаю. Не о себе, конечно, я забочусь, а об том, чтобы выяснилось прямое дело и явилось бы правительство, основанное на ясной, искренней мысли и на твердой воле, а не на недоразумении, на какой-то лживой сделке, в которой каждый, не веря другому, оставляет при себе заднюю мысль свою.

Между тем, вся Россия ждет, все честные люди в смущении. С другой стороны, все безумные, которые ждали конституции,—журналисты, профессора, чиновники-либералы,—проклинают меня на всех перекрестках, так как пущен слух, будто я помешал конституции.

Вчера я писал вашему величеству о манифесте и не отстаю от этой мысли. Состояние нерешимости не может длиться,—в таком случае оно будет гибельно. А если принять решение, то необходимо высказаться. Я сижу второй день, обду-

Библиотека "Руниверс"

мывая проект манифеста, посоветуюсь с графом С. Г. Строгоновым и представлю на ваше усмотрение. Да благословит бог решение ваше.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 25 апреля 1881.

265. *)

Ваше императорское величество.

Вновь являюсь и всеподданнейше прошу не погневаться за настойчивость и ежедневную докуку. Не по своей воле и не по своему вызову стал я известен вашему величеству и увидел доверчивое ваше к себе расположение. Итак, в нынешние часы, когда душа моя ежеминутно болит и трепещет за вас и за Россию,—как могу я молчать или бездействовать и покоиться?

Спешу представить вашему величеству выработанную мною редакцию манифеста, в коей каждое слово мною взвешено. По моему убеждению, редакция эта совершенно соответствует потребности настоящего времени. Вся Россия ждет такого манифеста и примет его с восторгом, разумеется, кроме безумных людей, ожидающих конституции. Граф С. Г. Строгонов вполне согласен с этим и вполне доволен редакцией, которую я сегодня ему показывал. Кроме его, никто не знает об этом.

Вы изволите усмотреть, что тут с намерением выражена твердая воля охранять самодержавную власть,—самое существенное, после чего должны уже замолкнуть толки, что сегодня или завтра явится конституция,—выражено желание не творить еще новые учреждения, но водворить порядок

*) К этому письму приложен проект манифеста, обнародованного без изменений 29 апреля 1881 года.

Библиотека "Руниверс"

и правду в существующих, выражена безвозвратность освобождения крестьян, в опровержение злостных толков о том, что хотят отнять свободу.

И в России, и за границей этот манифест должен произвесть самое благодетельное действие. Я знаю, что и там ждут с нетерпением и удивляются, как ничего нет до сих пор. Такое слово вашего величества будет иметь решительное значение.

Постараюсь завтра утром представить вашему величеству другой экземпляр, переписанный не моей рукой, а рукой писца.

Итак, если ваше величество подлинно имеете,—в чем не сомневаюсь,—твердую волю не допускать учреждений безумных, гибельных для России, умоляю вас, не остановитесь заявить свою волю всенародно; как изволите увидеть, в редакции нет ничего резкого.

Случай к этому представляется прекрасный. В среду вы изволите приехать в Петербург, на парад, в первый раз после погребения. Молчание, бывшее до сих пор, и уединение объясняется естественным впечатлением после такой катастрофы. Но, в первый раз после погребения появляясь в столицу, вы являетесь с словом к народу, содержащим в себе как бы общую программу царствования и призыв к ободрению сил и к деятельности. Понятно становится, что в первую минуту манифест 1 марта был только формальным заявлением.

Смею сказать еще: нет надобности и советоваться о манифесте и о редакции. Дело ясное до очевидности само по себе: я боюсь, что если призовутся советники, то многие из них скажут: Зачем? Не лучше ли оставить намерения государя в неизвестности, дабы можно было ожидать всего от нового правительства.

Но в этой-то неизвестности и состоит величайшее зло в настоящую минуту и великое смущение для всех русских людей.

Ведь слышал же я, в присутствии вашего величества сказано было, что вся Россия ждет новых учреждений,

Библиотека "Руниверс"

которые были предложены. Смею уверить ваше величество, что это ложь, ненамеренная, по всей вероятности, но горькое, роковое самообольщение мысли, не знающей вовсе России и народа. От такого-то заблуждения в правительстве мы теперь шатаемся как пьяные, и его может разрушить только слово вашего величества, не допускающее двоякого толкования.

Манифесту следует, кажется, быть данным из Петербурга, 29 апреля.

Мне представляется дело так. Если вы изволите одобрить мысль и редакцию, благоволите накануне призвать к себе министра юстиции и вручить ему бумагу для изготовления манифеста к вашему подписанию.

Если бы вашему величеству было угодно спросить у меня личных объяснений по поводу редакции, я готов явиться во всякое время.

С волнением спешу отправить это письмо. Благослови боже мысль и решение вашего величества.

Верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 26 апреля 1881.

266.

Спешу возвратить вашему императорскому величеству письмо неизвестного лица из Парижа; мне кажется, что это письмо писано женской рукой. Печатное к нему приложение и я получил третьего дня, только не из Парижа, а из Вены, и сам был намерен представить его вашему величеству, но думал, что по всей вероятности, быв адресовано в ваши руки, оно и без меня было вам доставлено. Письмо весьма хорошо и разумно написано.

Слышу, что на сегодняшний вечер соберут нас к совещанию. По моему мнению, дело это ведется не так, как было предположено. Я ожидал, что мы соберемся немедленно и будем

Библиотека "Руниверс"

между собой объясняться и сговариваться, а выходит, что нас соберут и, вероятно, будут предлагать нам заранее приготовленные предположения, т.-е. вносить в совещание проекты. Говорят мне со стороны, что и сегодня будет предложено какое-то учреждение местных земских комитетов для обсуждения вопросов разного рода. Если так, то я принужден буду возражать,—если не против существа меры, то против ее своевременности. Потребность настоящей минуты совсем не та: теперь дело не в новых учреждениях, а в восстановлении нормального течения дел, в восстановлении порядка, в успокоении взволнованных умов. Всякое предположение о новых учреждениях в настоящую минуту будет только возбуждать новые толки и даст пищу смущению, которое прежде всего необходимо успокоить. Когда оно успокоится, тогда можно будет обсуждать и эти вопросы.

Константин Победоносцев.

Петербург. 28 апреля 1881.

267.

Ваше императорское величество.

Вчера вечером Набоков принес в заседание министров манифест, который был прочитан по отъезде в. к. Владимира Александровича. Смущение было общее, но, кроме смущения, у некоторых явно выказывалась досада. Лорис-Меликов и Абаза прямо сочли себя обиженными,—они с Милютиным удивлялись, можно ли было после того заседания 21 марта, где государь „выразил доверие к ним“ и так сказать вступил с ними в „соглашение“, издать такой акт без совещания с ними. И Лорис, и Абаза заявили свое намерение просить об увольнении.

Спрашивали, кто писал манифест. Разумеется, я сказал, что писал я по приказанию вашего величества. Затем я молчал, пока они говорили,—не потому, что я не имел что сказать,

Библиотека "Руниверс"

но для того, чтоб они не подумали, что я говорю от вашего имени.

Но теперь хочу доложить вашему величеству, что нравственное ваше отношение к этому делу и к министрам совершенно незыблемо, и напрасно они хотели бы, может быть, выставить, что вы как будто нарушили какой-то мнимый завет ваш с ними. Никакого завета в этом смысле, сколько я знаю, не было: он существует в их воображении.

Я сказал бы им: если вы столь легкомысленны, что обижаетесь, то вам же хуже. Вы не конституционные министры. Какое право имели бы вы требовать, чтобы государь обращался в важных случаях к народу не иначе, как через вас или по совещании с вами. Он считает себя самодержавным государем и хочет иметь к народу прямую волю и прямое слово. Еслиб еще слово его противоречило ходу вашего управления и мешало вам делать ваше дело,—вы были бы в затруднении. Но что̀ вы находите в этом обращении государя к народу, кроме того, что в народе само собою разумеется, что составляет связь его с государем, и что в последнее время смущало всех русских людей под каким-то тяжким сомнением. Это слово государя не может мешать вам, и вы можете только ему радоваться. Изъявлять претензию на то, что государь предоставляет в важных случаях самому себе держать слово к народу,—по меньшей мере странно.

Вот что сказал бы я им и что теперь хочу выразить вашему императорскому величеству. Только что встало утро 29 числа,—многие за вас молятся, да сохранит вас господь и да благословит!

Верноподданный

Константин Победоносцев.

29 апр. 1881.

Библиотека "Руниверс"

268.

Ваше императорское величество.

Опять берусь за перо, чтобы беспокоить вас, потому что всякую минуту об вас думаю.

После вчерашнего совещания не знаю, о чем будут совещаться Лорис-Меликов с Абазою, но они, несомненно, совещаются, что им делать. Вчера они совещались уходить, сегодня, может быть, придут к иному решению. Но я убежден, что своей политики они не переменят, и отношение их к вашему величеству не станет искреннее. А теперь для вас, по крайнему моему разумению, всего важнее и всего дороже, чтоб у власти были люди, которым вы верите. Насильственное, натянутое продолжение тех же отношений поведет только к усиленному раздражению. Они чувствуют, что вы им не доверяете, и раздражены, а раздражение—плохой советник. Итак, если они заговорят о желании отойти от дел, ради бога, ваше величество, не удерживайте их: удерживая их, вы им сделаете уступку и тем ослабите нравственное свое положение. Если не будет на ту минуту готовых людей на их место,—это не беда: можно подождать и удовольствоваться на первый раз временным состоянием. Важнее всего, чтобы поле было расчищено, чтоб не было людей с раздраженным и раздразненным самолюбием и властолюбием, преследующих свои цели; важно, чтобы прекратилась, наконец, эта глухая борьба ваша с министрами и восстановилось, сколько можно, правильное и спокойное течение дел. Нельзя забывать, что в этой игре остается еще до сих пор еще человек с раздраженным властолюбием,—в. кн. Константин Николаевич. А Лорис чувствует себя глубоко оскорбленным и раздражен сильно,—это видно по всему. Время, в которое мы живем,—смутное время. Опасно оставлять у кормила правления людей, потерявших голову. Они вообразили себе теперь, что в заседании 21 марта вы связали себя с ними

Библиотека "Руниверс"

взаимным обязательством и что вы нарушаете его. Ссылка на самодержавие в манифесте представляется им обидою.

Останусь навсегда вашего императорского величества верноподданным и вернопреданным.

Константин Победоносцев.

Петербург. 29 апреля 1881.

269.

Ваше императорское величество.

Позвольте мне еще раз обезпокоить вас по тому же делу.

От появления высочайшего манифеста доныне продолжается недоумение. На другой день мне стало известно, что ваше величество приняли просьбу Лорис-Меликова об увольнении и в том же смысле отвечали на просьбу Абазы. И слава богу. Слух об этом распространился в городе, но указы до сих пор еще не появились, чем поддерживается общее недоумение. Жаль, что они не появились тотчас же.

Сегодня, к удивлению моему, я видел Абазу в государственном совете, а потом узнал, что ваше величество, по просьбе Бунге, изволили согласиться, чтоб Абаза продолжал исполнять свои обязанности до закрытия сессии в государственном совете.

Простите, ваше величество, если я скажу, что это известие привело меня в крайнее смущение. Бунге мог не знать все предшествовавшие обстоятельства, но вашему величеству они были известны. По крайнему моему убеждению, необходимо было немедленное увольнение Абазы.

Ваше величество, не извольте обманываться. С 29 апреля эти люди—враги ваши. Они хотят доказать во что бы то ни стало, что они были правы, а вы неправы, и средства для этого не следовало никак оставлять еще на две недели в руках у Абазы. У него в руках биржа, и он стал с первого

Библиотека "Руниверс"

же дня действовать на падение курсов. Он поддерживает слухи, что партия, желавшая свободы и блага, проиграла, и что настает, хотя и временно, период реакции. А теперь он стоит в таком положении, как будто его просили из одолжения остаться.

Что касается до Милютина, то он, конечно, не покажет на лице своем знаков раздражения. Но он раздражен до крайности и озлоблен: я так и думал, но все, что слышу об нем от гр. Игнатьева, подтверждает мое предположение. Верьте, ваше величество, эти люди могут быть только опасны для вас в настоящую минуту.

В среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. Зато все здравые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование,—вчера там читали его в соборах и было благодарственное молебствие с торжеством. Из городов приходят известия о всеобщей радости от появления манифеста. Слышно, что из Москвы готовится благодарственный адрес вашему величеству.

Лишь бы только не замедлили теперь явственные знаки той политики, которая возвещена в манифесте. Теперь подступили люди новые, во всяком случае с прямою и честною мыслью, которые не будут говорить одно, а думать другое. Гр. Игнатьева вы изволите знать, а Островский подлинно честный человек и с сердцем.

Еще у меня на душе мысль, которую осмелюсь высказать. По газетам вижу, что Скобелев должен быть на-днях. Я знаю, что он не нравился вашему величеству; лично я не знаком с ним, но мне кажется, что на него многое наговорили вам напрасно. Между тем, Скобелев—с и л а в армии и в народе, и, по всем отзывам,—человек очень способный и одушевляющий людей. Мне думается, что преданное содействие и служение этого человека может еще во многих случаях понадобиться вашему величеству, и потому о ч е н ь в а ж н о, как он будет принят. Смею сказать: пусть этот человек выйдет от вас довольный, с чувством не холодным, а с чувством горячей к вам преданности.

Библиотека "Руниверс"

Время тяжкое. Я не успокоюсь, покуда здесь еще остаются и граф Лорис-Меликов, и Абаза, и великий князь Константин Николаевич. Дай бог, чтобы все они ушли и разъехались как можно скорее. Толки в обществе улягутся, как скоро сделано будет решительное действие, не допускающее возврата. Но сегодня уже распространился слух в городе, что все вновь переделалось, что Л.-Меликов и Абаза остаются на своих местах. Надобно спешить, чтобы положить конец этой смуте.

Боюсь еще, как бы граф Игнатьев не разошелся с Барановым, если они не поймут друг друга. Это будет бедствие, и Игнатьев останется без рук в деле первой важности. Баранов в эту минуту необходим; к счастью, он, кажется, сошелся и с новым директором полиции, Плеве. Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь мог теперь заменить его.

Простите, ваше величество, за все мои писания. Они вызваны одной заботой об вас, не дающею мне покоя.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 4 мая 1881.

270.

Имею честь представить вашему императорскому величеству слово, сказанное в Москве епископом Амвросием после прочтения высочайшего манифеста.

Покойный принц Ольденбургский,—добрая и чистая душа,—много заботился о том, что будет предпринято правительством. Он несколько раз приезжал ко мне беседовать об этом и с жаром говорил, что следовало бы не медлить изданием слова к народу от государя и от свят. синода. Однажды—с месяц тому назад—он привез с собой примерный манифест, им самим написанный и переписанный. Прилагаю при сем эту бумагу, как памятник заботливой души принца Петра Георгиевича.

Завтра, 7 числа, у меня на квартире назначено в 12 часов общее собрание общества Добровольного флота. С грустью

Библиотека "Руниверс"

заявлю в нем о кончине лучшего нашего командира, Алексея Орестовича Балка; он скончался 2 мая в Ницце от жестокой болезни, которую схватил на нашей службе в последнем рейсе с грузом и с десантом от Кронштадта до Владивостока.

Константин Победоносцев.

Петербург. 6 мая 1881.

271.

В Воронеже у нас случилось печальное событие в семинарии.

Семинария была распущена, и года три тому назад принялись поправлять ее. Назначили нового инспектора, стали вводить строгий порядок.

Но Воронеж—неспокойное место. Там развелось немало социалистов, там по соседству был Липецкий съезд. Семинаристов стали подстрекать, чтоб они потребовали уничтожения дисциплины и запугивали террором свое начальство.

В 1879 году подложили порох в печку к инспектору и взорвали печь в его квартире. Тогда, еще при харьковском генерал-губернаторе Лорис-Меликове, производилось следствие. Виновного не открыли, но исключили несколько человек. Исключенные, оставаясь в Харькове, продолжали мутить семинарию. Теперь, 7 мая, произошел новый взрыв. Взорвали печь в квартире ректора. По счастью, он не был дома, иначе был бы убит. Вслед затем ночью появились внутри семинарии наклееные печатные прокламации о том, что принято решение действовать энергически к уничтожению врагов и добиться отмены стеснений.

Перепуганное начальство стало допрашивать учеников, коих масса была неповинна и тоже перепугана. Открыли виновника первого взрыва, обнаружили, у кого готовился состав для взрыва, дознали, что возмущение шло от исключенных семинаристов и от приехавших из Петербурга студентов. Оказалось в числе семинаристов до 10 человек опасных, которые ходили с револьверами.

Библиотека "Руниверс"

Начальство потеряло голову и не знает, что делать без помощи от властей. А местные власти стали уклоняться. Губернатор изъявлял намерение замять дело. Жандармский начальник объявил, что он связан распоряжениями гр. Лорис-Меликова, вследствие коих не может без особого разрешения производить аресты и обыски у подозреваемых лиц.

Мне дело это представляется весьма серьезным. Петербургские динамитные взрывы—страшное орудие; но когда оно в силу нравственной заразы перейдет в руки мальчишек и станет у них игрушкою против начальства,—это может повести к ужасным последствиям, и зараза пойдет дальше и дальше. Необходимо в Воронеже, где она началась, искоренить ее.

Я телеграфировал кн. Мирскому в Харьков о принятии мер немедленно; совещался здесь с гр. Игнатьевым и Плеве, которыми сделаны соответственные распоряжения, но не имею еще известий, что приступлено энергически к следствию и аресту подозреваемых. Кроме того, для распоряжений в семинарии и для наблюдения за ходом дела намерен на-днях командировать в Воронеж от себя правителя канцелярии.

Константин Победоносцев.

Петербург. 16 мая 1881.

272.

Позволяю себе обратить внимание вашего величества на прилагаемую статью „Московских Ведомостей", написанную по поводу сумасшествия в петербургской думе с адресом Лорис-Меликову. Статья очень сильная и правдивая.

А в образчик того, что пишется в здешних газетах, прилагаю сегодняшний номер „Голоса", весь наполненный злостными внушениями и сочиненными известиями. Теперь они принимаются снова раздувать известие о голоде: появляются телеграммы о голодной смерти,—и все это заказное или основанное на лжи и сплетне. Теперь эта гнусная газета осмеливается пускать слух, что она состоит под особым покровительством. Издатель ее Бильбасов хвалится, что держит

Библиотека "Руниверс"

в Гатчине особого корреспондента, который допущен к получению известий от гр. Воронцова, и что оказывает услугу вашему величеству, печатая известия о том, кто был в Гатчине и имел доклады. Есть наивные люди, которые верят этим рассказам.

Константин Победоносцев.

Петербург. 21 мая 1881.

273.

Ваше императорское величество.

До сих пор я ни разу не брал на себя доводить до сведения вашего многочисленные просьбы о милостях разного рода, которые и в прежние годы многие пытались направить через мое посредство.

Теперь в первый раз решаюсь представить вниманию вашего величества прилагаемые при сем письма Петра Чайковского. Смею доложить притом, что, по моему мнению, стоило бы поддержать его в настоящей его нужде. Имя и талант его известны не только в России, но и за границей: пособить ему теперь значит дать ему возможность работать спокойно для искусства. Зная его лично, могу свидетельствовать, что денежное его затруднение происходит не от беспорядков в жизни. Он не игрок и не мот, и не мастер наживать деньги. Он ведет жизнь вполне скромную и порядочную. Кажется мне, что высочайшая милость в настоящем случае была бы у места. Предлагаемый им заимообразный способ едва ли был бы удобен: вместо погашения ссуды из поспектакльной платы можно было бы предложить ему возвратить деньги, когда будет в состоянии, или оказать ему пособие безусловно.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 26 мая 1881.

Библиотека "Руниверс"

274.

У нас в церковном мире случилось весьма прискорбное событие.

Митрополит киевский преосвящ. Филофей, получив увольнение в епархию, должен был уехать в Киев около 20 числа и уже сбирался в путь, отпустив свиту свою и певчих. Но третьего дня ночью, в 12 часов, к удивлению моему, приехал от него послушник и привез прилагаемый при сем листок, писанный на имя вашего величества. Странное содержание этой бумаги испугало меня, и вчера утром я отправился к митрополиту. Я убедился, что он совсем расстроен в рассудке, заговаривается, имеет какие-то странные представления, что его считают еретиком, что его осудил синод, что он получил от вашего величества какую-то телеграмму, которую не может отыскать.

Он вел чрезвычайно строгую монашескую жизнь в уединении и очень ослабел. В последнее время, как можно заключить, на него сильно подействовали известия из Киева о бывших там беспорядках. Видно, его мучила забота о том, что делать по прибытии в Киев, и бедная голова его не выдержала этой заботы. Вот уже ночей 8 он проводит без сна, и эта бессонница еще более его расстроила. Не лечившись никогда у доктора, он и теперь не хотел принимать его. Сегодня утром я сам уже привез к нему доктора Балинского. Старик тотчас послушал меня, доктор долго исследовал его и наблюдал за его разговором со мною. Результат исследования мало утешителен: трудно ожидать, чтобы 76-летний старец мог поправиться совершенно. Будем теперь, сколько возможно, лечить его. Очень жаль: это был почтенный, всеми уважаемый, благочестивый архиерей, самой строгой жизни.

Константин Победоносцев.

29 мая 1881.

275.

Возвращаю с душевною признательностью адресы крестьян. Такия заявления отрадны и утешительны. Народ сам

Библиотека "Руниверс"

по себе всюду таков,—если бы только не смущали его при темноте и невежестве, с одной стороны, злодеи, с другой стороны, газеты наши, которые не знаю уже когда и как приведутся в порядок.

По поводу беспорядков в южных губерниях обращаются ко мне с указаниями, что священники в церквах должны были бы разъяснять народу всю бессмысленность подобных движений. Распоряжения по этому предмету давно уже сделаны и приведены в исполнение, но странно было бы предполагать, что все зависит от одних проповедей, и что правительство может бездействовать, полагаясь на проповеди. Едва получил я об этом бумагу из министерства внутренних дел, как принесли мне № харьковской газеты „Южный Край“, где я прочел самую возмутительную прокламацию, возбуждающую народ против хозяев, помещиков и евреев; а внизу подпись: „Дозволено цензурою. Харьков, 8 мая“. Вот злая ирония: священники будут проповедывать, а правительство за своим штемпелем цензуры выпускать возмутительные воззвания. Необходимо всем действовать в одном духе.

Великим постом я счел нужным поехать в здешнюю семинарию и духовную академию и сказать воспитанникам несколько слов по поводу нынешних событий (это был день казни преступников). Потом, записав то, что было сказано, я издал нёбольшую книжку, которая вышла вчера и которую позволяю себе представить вашему императорскому величеству. Она напечатана в 20.000 экземплярах и будет разослана во все епархии.

Несказанно благодарю ваше величество за сердечное внимание к нуждам Чайковского. Деньги уже отосланы ему, и он пишет мне горячее письмо, преисполненное благодарных чувств к вашему величеству.

Вот краткое сведение о судах Добровольного флота: „Нижний-Новгород“ 3 числа пришел благополучно во Владивосток; по отзыву Кази, каторжные в течение всего пути держали себя безукоризненно; трое умерли от чахотки.—„Россия“ и „Петербург“ на обратном пути из Ханькоу в Одессу с полными грузами чая (3.200 тонн и 2.800 тонн);

Библиотека "Руниверс"

„Москва“, снимая военный флаг, готовится в обратный путь; покуда без груза. „Владивосток“ с грузом на Николаевск, прошел Гон-Конг. „Ярославль“ продолжает стоять бесплодно и жалостно в Севастополе, где был недавно посещен великим князем Константином Николаевичем. Дело о приобретении „Ярославля“ в морское ведомство нисколько не подвигается. Я пробовал говорить об этом с Пещуровым, но встретил с его стороны отпор: он согласен с охотою взять „Ярославль“ в ведение морского министерства, но бесплатно. Великого князя Алексея Александровича, несмотря на все мои усилия, не могу видеть. Был у него несколько раз в назначенный час, $11^1/_2$ часов, но не заставал его, а затем он целый день не бывает дома. На сих днях беру смелость представить вашему императорскому величеству особую записку о „Ярославле“.

Константин Победоносцев.

Петербург. 6 июня 1881.

276.

Баранов прислал мне записку, поданную им в комиссию по устройству полиции. В ней изложено особое мнение его по предмету, в коем, как вижу, произошло существенное разногласие между ним и прочими членами комиссии.

Предмет этот представляется мне столь важным, что я позволяю себе представить эту записку на воззрение вашего императорского величества, если она уже не дошла до вас иным путем. И мне кажется, что объединение полицейской власти—необходимое условие для водворения порядка; если же ответственные представители власти — губернаторы — лишены будут непосредственного распоряжения полицейскими силами и для всякого распоряжения должны будут обращаться к содействию отдельного жандармского управления,— то едва ли можно ожидать от такого раздробления власти и сил добрых последствий.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 18 июня 1881.

Библиотека "Руниверс"

277.

Усерднейше благодарю ваше императорское величество за доставление возвращаемой при сем записки. Писал ее, видно, разумный человек, который прямо смотрит на дело и видит настоящую причину зла. Все, что он говорит, совершенно справедливо: все зло у нас шло сверху, из чиновничества, а не снизу. Путь указываемый есть путь верный. Чистить надобно сверху. Но и то правда: в том состоянии, до которого мы дошли, надобно быть Геркулесом, чтобы очистить всю нечистоту и весь разврат сердца и мысли, накопившиеся в нашем чиновничестве.

С 1862 года я вижу с глубокою скорбью, как все оно постепенно развращалось, как разрушались все начала и предания долга и чести, как люди слабые, равнодушные, ничтожные заступали место крепких и нужных, превращались в скопцов. Вместе с тем, — о чем не упоминает записка, — систематически переделывались все наши учреждения на фальшивый лад, не соответствующий ни экономии государства, ни быту народа и его потребностям. Оттого в критическую минуту почти ни одно из этих учреждений не в силах служить службу государству. Сначала люди легкомысленно развратили учреждения, потом сами учреждения стали портить людей массою. Для примера укажу хотя на с у д, который всегда, а тем более теперь, должен бы служить первою опорою и первым орудием о т в е т с т в е н н о с т и всех и каждого перед законом. Что же сделало наше законодательство? Оно отделило суд от государства, поставило судей, юных, слабых, неопытных, в какую-то ложную независимость от государства, которая их самих развратила ложным призраком невозможной свободы; устроило выборных местных судей, которые ничего не знают и ни за что не отвечают, развело густую сеть учреждений и форм, тягостную для народа, невыносимую для казначейства, создало полк новых чиновников,—и все это возвело на степень какой-то святыни права и свободы. Подобно тому и всякое новое учреждение имело ближайшим своим последствием страшное распложение

Библиотека "Руниверс"

того же чиновничества, мало-по-малу привыкавшего представлять себя властью, все позволять себе, жить на счет государства и не отвечать ни за что.

Больно писать все это, ваше императорское величество, и собирать перед вами новые черты ужасной картины, которая и без того видна слишком ясно.

Наболевшая ото всего этого душа находит утешение и надежду только в простых людях, сохранивших в себе простоту мысли и горячность сердца. Мне приходится видеть таких людей и говорить с ними. Все они являются с горячей заботой об вас, не дающею им покоя. Все они ждут и жаждут крепкого и строгого правления и не понимают, в простоте душевной, как может быть иначе в России. Простые люди не знают, к счастью, не знают еще, как это дело стало ныне трудно. Сколько простых душ ныне за вас молятся!

Вашего императорского величества верноподданный

К. Победоносцев.

Ораниенбаум. 10 июля 1881.

278.

Ваше императорское величество.

Сегодня день вашего отъезда. Да благословит господь путь ваш и благополучное возвращение. Радуюсь за Москву, радуюсь мысли о первом вашем выходе на Красное крыльцо, но буду провожать вас тревожною мыслью и молитвой, да хранит господь вас со всем вашим домом.

Думаю, что в Москве на большом выходе во дворце необходимо будет вам сказать несколько слов, которых будут ждать от вашего величества. На всякий случай я приготовил образец небольшой речи, который смею представить на ваше благоусмотрение.

Если бы что еще потребовалось, благоволите приказать мне. Если будет нужно что̀ написать или исполнить, благоволите дать мне знать.

Библиотека "Руниверс"

В Москве, кроме митрополита, которого вы изволите знать, смею обратить внимание вашего величества на обоих викариев, которые, без сомнения, будут просить позволения представиться вам. Оба они—очень заметные люди в числе наших архиереев. Один—Амвросий, замечательный проповедник, едва ли не первый в России, человек живой, деятельный, распорядительный, умеющий выбирать и привлекать людей и организовать дело. По миссионерскому обществу он работает много. В последнее время он устроил в Москве общество церковного пения,—замечательное учреждение, много обещающее в будущем. Оно собирает со всей России старинные местные напевы и поставило себе целью поддерживать и распространять вкус к церковному пению, который много уже испортился от новой бесвкусной музыки.

Другой викарий—Алексий, из бывших профессоров академии, человек святой жизни и чистого сердца и кроткого нрава, глубоко церковный. Он пользуется в Москве глубоким уважением, и многие к нему обращались за советом и утешением.

Если бы было время в Москве, я просил бы государыню императрицу обратить внимание на Покровскую общину сестер милосердия, состоящую под покровительством ее величества. Нынешняя настоятельница, игуменья Зинаида, хозяйственная и деятельная женщина, прекрасно содержит в ней лечебные и воспитательные заведения, которые доставляют большую пользу, особливо местному рабочему и фабричному населению.

В Троицкой лавре я усердно прошу ее величество обратить внимание на странно-приимный дом и училище с богадельнею, устроенные на счет лавры и состоящие также под покровительством императрицы, в заведывании очень умной и деятельной женщины, г-жи Кротковой; попечителем там викарий Амвросий. Эти учреждения были в замечательном порядке и стоят внимания и поощрения. Затем позволю себе обратиться к вашему величеству с просьбой. Опасаюсь я, что в Москве будут искать случая представиться вашему величеству раскольничьи ходатаи Рогожского кладбища. Я слы-

Библиотека "Руниверс"

шал, что они уже подбирались к гр. Воронцову, а как он неопытен в людях и доверчив, то легко может быть, что через него они будут стараться добыть себе случай. Если бы пришлось говорить с ними, усерднейше прошу ваше величество избегать таких слов, которые они могли бы истолковать в виде обещания или разрешения. Ходатаи эти принадлежат большею частью к особому классу ловких людей, которые эксплуатируют своих единоверцев; между тем дело их не простое и не малое, и то, чего они добиваются, то-есть открытое богослужение с австрийскими архиереями,—грозит большою опасностью для церкви. Графу Игнатьеву люди эти известны.

Итак, дай боже вам путь добрый. Будем ждать с молитвою благополучного вашего возвращения.

Вашего императорского величества вернопреданный

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 16 июля 1881.

Радуюсь, господа, что бог привел меня в Москву. Сердце мое стремилось сюда с первых дней тяжкого нашего бедствия. Русские государи всегда искали в сердце земли русской ободрения сил в годину испытания. Я приехал к вам и привез императрицу и детей помолиться у кремлевской святыни со всею Москвой и принять благословение на предстоящий мне подвиг. Здесь, в Москве, никогда не истощалось живое чувство любви к отечеству и преданности законным государям; здесь русские люди не переставали чувствовать, что кто враг русского царя и законной его власти, тот враг народа, враг своего отечества. Здесь, посреди живых памятников божия промысла над Россией, я исполняюсь новою надеждою на помощь божию и на победу над беззаконными врагами. Бог поможет мне на святое дело, а вам укажет путь служить верой и правдой мне и государству.

Библиотека "Руниверс"

279.

Ваше императорское величество.

Не в моем обычае мешаться в чужие дела, когда я к тому не призван. Но не могу я считать чужим для себя делом заботу о безопасности вашего величества. Вот единственное объяснение и оправдание настоящего письма, которым осмеливаюсь утруждать вас, всемилостивейший государь.

Дошло до меня, что Баранов готовится оставить должность градоначальника, и не по своему желанию, а по воле вашего величества. Я знаю от Баранова, что граф Н. П. Игнатьев имел с ним объяснение и объявил ему в этом смысле волю вашу, предлагая ему место губернатора в одной из губерний.

Мне совершенно неизвестно, какие могли быть побудительные к этому причины. О самом Баранове я не забочусь, но не могу скрыть, что на меня напал страх при этом известии. Дело охранения порядка в столице и безопасности в ней вашего величества есть дело страшно трудное и ответственное в настоящую минуту: оно требует большой решительности, распорядительности, энергии, готовности на все, требует сноровки, опыта, уменья обращаться с людьми и руководить их. Смею повторить то же, что говорил и прежде: едва ли есть возможность в настоящую минуту приискать на это дело человека, кроме Баранова. Он только что принялся за дело, только что вошел в него, и в такую минуту заменить его человеком новым—значит расшатать на первых парах важнейшее дело полицейской организации в Петербурге. Это очень страшно. Страшно в таком деле и в такое время начинать вновь опыты с людьми неизвестными и неиспытанными.

Напрасно было бы льстить себя надеждой на то, что спокойствие уже водворено и порядок уже восстановлен. Весьма легкомысленно поступили бы те, кто решился бы уверять в этом ваше величество. Напротив: ничего прочного и цельного еще не сделано для водворения по-

Библиотека "Руниверс"

рядка, и элементы его существуют во всей своей силе. Армия беспорядка организована, а со стороны правительства только что делаются нерешительные и отрывочные опыты для организации властей и учреждений противодействующих. Никакого нет сомнения в том, что с наступлением осени начнутся повсюду заговоры, смуты, дикие проявления и попытки, а власть ни к чему надлежащим образом не приготовлена. Петербург служит центром всех этих заговоров и смут,—и кто же в эту опасную пору будет править Петербургом? Новый человек, неизвестно с каким планом, с какими фантазиями,—и человек, во всяком случае не приготовленный к такому страшному и сложному делу. Мое воображение отступает в ужасе перед этой мыслью, и неудивительно, после всех тех страшных и невероятных явлений, коих мы были свидетелями в последнее время. А все это случилось после того, как говорили: „порядок утвержден, спокойствие восстановлено“.

Простите же меня ваше величество, что я являюсь со своим непрошенным словом: не могу я удержать его, когда приливает к сердцу такая тревожная забота о вас.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 13 августа 1881.

280.

В исполнение воли вашего императорского величества, я виделся с принцем Александром Петровичем Ольденбургским и с принцесою Терезой Петровной. От обоих получил еще некоторые бумаги, относящиеся к делу. К сожалению, обе стороны с самого начала избегали личного между собой объяснения по этому предмету: еслиб они объяснились, не было бы недоразумения. Зато лица, при них состоящие, кажется, более способствовали к возбуждению недоразумений и неосновательных подозрений, нежели к разъяснению их. Принц Александр Петрович, приступая к разделу, оче-

Библиотека "Руниверс"

видно, и не подозревал, что сестра его может иметь претензию, и потому не пригласил ее к участию; а некоторые из его советников, вместо того, чтобы напомнить ему об этой предосторожности, молчали, но забегали на другую сторону и напоминали ей на ухо, что она может иметь претензию. Вот последствия недостатка откровенности и личных сношений между родными.

По указанию вашего величества я пригласил к обсуждению этого дела Д. Н. Набокова и, вероятно, придется еще пригласить третьего, сенатора Маркуса, заведующего II отделением в отсутствие кн. Урусова, который вернется не ранее, как в начале сентября. Делопроизводство с перепиской я поручил помощнику управляющего синодальной канцелярией Мордвинову, одному из воспитанников покойного принца, близко ему известных.

Надеюсь, что окончание дела не замедлится: необходимо еще достать из удельного департамента некоторые бумаги, относящиеся до устройства удельных имений.

Не смею еще выразить окончательного мнения по этому делу. Скажу только, что претензия принцесы Терезы Петровны с первого взгляда представляется не лишенною основания, так что едва ли можно нравственно упрекнуть ее в том, что она возбуждает вопрос.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 22 августа 1881.

281.

Прошу прощения у вашего величества, что дождался напоминания о рескрипте. Я хворал эти дни и дожидался формулярного списка графа Адлерберга.

Впрочем, черновой набросок был у меня готов. Спешу представить его заранее вашему величеству. Завтра, в 2 часа, явлюсь сам и, если что угодно будет заметить, тут же исправлю.

Библиотека "Руниверс"

Вы изволили выразить желание, чтобы рескрипт был не длинен. Он написан и в умеренном тоне.

Я думаю, нечего заботиться о приурочении рескрипта к известному дню. Повод и без того есть достаточной. А число, выставленное у Рихтера,—5 сентября,—и прошло уже, да и неудобно считать (ему) в нынешнем сентябре 45 лет, полагая в счет и время с 1 марта.

Прилагаю и формуляр графа Адлерберга. Некоторые выражения взяты мною из прежних рескриптов, напечатанных в формуляре.

Константин Победоносцев.

Петербург. 12 сентября 1881.

282.

Завтра исполнится пятнадцать лет счастливого супружества вашего императорского величества. Да благословит господь день ваш и век ваш тихим миром и радостью в семье, посреди мятущегося мира. Все кругом так темно, да будет все ясно у вас дома. Это дорого для верного народа вашего: добрые русские люди радуются любви и миру в царственной семье, в которой все хотят видеть самое светлое и чистое место.

Завтра будет представляться вашим величествам мокшанская депутация, с добрым приношением, внушенным этою мыслью. Складень, ими подносимый, действительно, красив художественно, и состав его с надписями придуман заботливо, как изволите усмотреть из представляемого при сем протокола, который сообщен мне одним из членов депутации, г. Араповым, состоящим при мне на службе.

Имею честь представить при сем вашему величеству четыре экземпляра только что изданного свят. синодом „Нового Завета" на двух языках; в том числе один экземпляр для государыни-императрицы, два—для наследника цесаревича и для великого князя Георгия Александровича. Это

Библиотека "Руниверс"

издание предпринято в особенности для снабжения всех воспитанников семинарий, так, чтобы каждый из них имел свою книгу „Нового Завета“ и по-русски, и по-славянски.

Завтра же или в пятницу будет иметь честь представиться вашему величеству прибывший сюда седлецкий губернатор Москвин, сопутствовавший мне в поездке по Седлецкой губернии; он живой свидетель всех событий в этом крае за пятнадцать лет и знает близко подробности униатского дела и нынешнее его положение, о коем буду иметь честь в непродолжительном времени представить особую записку вашему императорскому величеству.

Константин Победоносцев.

27 октября 1881.

283.

Возвращенная мне от вашего императорского величества докладная моя записка по униатским делам передана мной с высочайшей резолюцией графу Игнатьеву и сообщается министру юстиции.

Общее с ними совещание, без сомнения, не замедлит, но этого еще недостаточно. Важное это дело соединено неразрывно с общим направлением нашей внутренней политики в польских губерниях. Никакие меры, на бумаге положенные, не получат действительного осуществления без соглашения с П. П. Альбединским и без его содействия, сознательного и искреннего, а некоторые меры не могут быть приняты без его участия. Переписываться—значит затягивать дело, которое требует немедленного разрешения. Вот почему присутствием здесь Альбединского я дорожил особенно и надеялся на общее с ним совещание.

К сожалению, надежда эта не осуществилась. Я предупреждал П. П. Альбединского неоднократно о необходимости общего по делу совещания, и он, повидимому, сознавал ее вполне; а я надеялся по отзыву гр. Игнатьева, что вашему величеству, может быть, угодно будет собрать нас и при всех нас объявить генерал-губернатору волю вашу по неко-

Библиотека "Руниверс"

торым существенным предметам. Между тем Альбединский собирался уже ехать отсюда, не предупредив меня, и успел на-днях откланяться вашему величеству. Узнав о его намерении, я был у него, но не заставал его, а сегодня узнал, к удивлению, что он выехал уже сегодня в Царское Село, откуда завтра сядет прямо на поезд. Я телеграфировал ему в Царское Село, но сомневаюсь, чтобы он захотел еще остаться. Крайне сожалею об этом: многие предметы без него трудно будет определить окончательно.

Не смею скрывать перед вашим императорским величеством и других своих опасений относительно мероприятий по Царству Польскому. Ныне, за уничтожением польского комитета, все дела законодательного свойства будут направляться в государственный совет: так, и вчера из комитета министров туда направлены два дела—о преподавании польского языка и о народных школах. Там дела эти пойдут в департамент законов под председательство графа П. А. Шувалова, направление коего в делах этого рода никак нельзя признать твердым. Между тем время для русского дела в том краю,—да и повсюду,—самое критическое. До очевидности ясно, что противу России и русского дела предпринят теперь с Запада систематический поход, которым руководит католическая церковная сила в тесном союзе с австрийским правительством и польской национальной партией. На западную границу нашу выслана целая армия ксендзов, тайных и явных, действующая по искусному плану для окатоличения и ополячения, и пользующаяся искусно всеми ошибками и слепотой наших государственных деятелей, которые с улыбкой готовы уверять, что все спокойно. Другие отряды той же армии подрывают нашу силу и народность и церковь,—в союзе с той же Австрией,—в Боснии и Герцеговине, в Болгарии, в Венгрии, наконец, в Сербии. Нельзя обмануться в разгадке последней истории с сербским митрополитом. Австрия очень хорошо поняла вместе с Римом, что подорвать Россию и ее влияние на Востоке можно, только подорвав православную церковь. Князь Милан—человек без сердца, без патриотизма, без благородной мысли; министерство его

Библиотека "Руниверс"

состоит из либералов, безнародных космополитов, ни во что не верующих. Они выдумали вести в Сербии Kulturkampf, не имеющий смысла в православном государстве: очевидно, что во всем этом они—только бездушное орудие австрийской политики. А наши собственные ошибки в нашей политике, к несчастью, неисчислимы, с тех пор как мы вдались в жалкую привычку строить себе чужую физиономию и мало-помалу перестаем быть русскими и по вере, и по обычаям, по чувству.

Простите, ваше императорское величество, за откровенное выражение моих ощущений.

Константин Победоносцев.

11 ноября 1881.

284.

Ваше императорское величество.

В нынешнее смутное время всего необходимее твердость правительства и всеобщая уверенность в том, что установленный порядок и направление правящих лиц остаются неизменными.

К несчастию, нельзя сказать, что эта уверенность утвердилась. Ежедневно возникают и разносятся по Петербургу, а потом и по всей России слухи и известия, за верное выдаваемые, о том, что тот или другой из высших правительственных лиц сменяется и на место его назначается другое лицо другой, как говорят, партии. Рассказываются истории о той или другой придворной интриге, о замыслах и разговорах тех или других приближенных к вашему величеству лиц,—и всему этому люди верят; и всеми этими речами и слухами подрывается уверенность в твердость правительства и в неизменность принятого направления.

Нет сомнения, что слухи эти иногда распространяются людьми неблагонамеренными, с умыслом поддерживать в обществе колебание мысли; иногда—людьми, недавно бывшими во власти и желающими возвратить ее себе путем интриги.

Библиотека "Руниверс"

И пусть бы этим слухам верили только газетные и салонные болтуны. Нет,—им верят и повторяют их друг другу с недоумением и смущением сами высшие правительственные лица; слухи эти волнуют биржу и производят колебание ценностей, переходят за границу и разносятся в политических телеграммах. Но всего хуже то, что сами представители власти подчиняются влиянию этих слухов и не имеют той уверенности в твердости своего положения, которая так необходима для всякой деятельности. Может ли действовать с твердостью министр, когда весь город говорит, что на-днях его сменяют, когда все чиновники у него в министерстве говорят о том же; когда повсюду распространяются слухи об интригах и замыслах какой-то придворной партии? Нередко сам я бывал свидетелем крайнего смущения самих министров по поводу усилившегося слуха: очень прискорбно было видеть это,—ибо чем может смущаться министр, когда он уверен в личном к нему доверии вашего величества? Между тем и эти люди как будто считаются еще с какими-то другими силами и влияниями и их опасаются.

Эта неуверенность, это тревожное ожидание каких-то новых перемен в правительственных лицах оказывают самое вредное действие, производят самое тяжелое впечатление.

Вот уже три дня, как упорно держится и распространяется с силой повсюду слух о том, что на-днях последует перемена в министерстве внутренних дел, и что граф Игнатьев уходит. Третьего дня об этом говорили в гостиных и рассказывали целую историю о неудовольствии, выраженном вашим величеством графу Игнатьеву. Вчера и сегодня об этом серьезно говорили между собой министры; известие перешло на биржу и произвело крайнее смущение; все заняты этим, все говорят об этом и волнуются. Я не видал Игнатьева, но Островский видел его и сказывал, что сам Игнатьев—в некотором смущении. Стало быть, есть что-то нетвердое и шаткое в положении правительственных лиц, когда министр внутренних дел и начальник государственной полиции чувствует себя нетвердым по поводу слуха, неизвестно откуда возникшего.

Библиотека "Руниверс"

Я позволяю себе довести до сведения вашего величества об этом всеобщем смущении, которое, по всей вероятности, и не доходило до сведения вашего, и обратить внимание вашего величества на великий вред, от этого происходящий. Каждый день с утра до вечера я вижу многих людей из всевозможных классов общества и убеждаюсь, что никто не спокоен, что все смущены опасением каких-то перемен; все приходят в смущение от возобновляющихся слухов о назначении новых лиц, имена коих не всегда внушают к себе доверие.

Если я решаюсь и на сей раз утруждать ваше величество, то не извольте осудить меня. Меня побуждает к тому чувство глубокой и всегдашней преданности и заботы сердечной об вас, которую я храню в себе на всякий час нераздельно с заботой о благе отечества.

Вашего императорского величества верноподданный.

Константин Победоносцев.

20 ноября 1881.

285.

Имею честь представить вашему императорскому величеству только что отпечатанный 4 выпуск известий о деятельности общества Добровольного флота. В нем находится, между прочим, хронологическая роспись по дням всего движения наших пароходов с января по 1 декабря.

Настоящее положение судов следующее:

1. „Ярославль“, быв занят в течение декабря перевозкою новобранцев из Севастополя в Поти, готовится теперь к сдаче в морское министерство, что должно последовать после утверждения сметы.

2. „Россия“, немедленно по прибытии в Севастополь из заграничного плавания, поставлена на ту же перевозку солдат, чем занята и в настоящее время.

3. „Нижний-Новгород“, сдав в Ливерпуле груз сахара, взятый с Маниллы, следовал в декабре обратно и находился в Константинополе на сих днях, в то самое время, когда

Библиотека "Руниверс"

ожидался туда и „Петербург“, следовавший из Шанхая, с грузом чая 3-го сбора. Но близ Галлиполи „Петербург“ наскочил на мель и сел довольно глубоко. „Нижний-Новгород“ немедленно пошел на помощь, и „Петербург“ в тот же день снялся с мели без повреждения. Ежедневно ждем известия о приходе обоих в Одессу [1]).

4. „Москва“ с 28 августа стоит близ Марселя, на заводе, для постановки новой машины. Около 10 января она должна выйти в Одессу.

5. „Владивосток“ занят на зиму перевозкою грузов между японскими портами по контракту с купеческою фирмою в Нагасаки.

В нынешнем году мы имели неудачи в своих операциях. Главнейшая из неудач постигла „Россию“ в исполнении контракта о перевозке богомольцев в Джедду по случаю открывшейся в тех местах холеры. Вследствие того от нашего медицинского департамента последовало предписание не заходить в Джедду, и мы понесли убытку в контрактной плате до 3.000 фунтов; кроме того, для „России“ было много карантинных задержек. С другой стороны, „Владивосток“ имел крайнее замедление в перевозке грузов из Владивостока в Николаевск по случаю сильных туманов и штормов. Чайная перевозка удалась вполне, и все грузители весьма довольны, так что в будущем году предложения от московских купцов усиливаются, и придется, по всей вероятности, послать за чаем три парохода. „Нижний-Новгород“ пойдет с арестантами раннею весною, а „Россия“, по контракту с военным министерством, должна взять 800 нижних чинов для перевозки во Владивосток.

Итак, дело, начавшееся под покровительством имени вашего императорского величества, продолжает итти безостановочно, при немаловажных затруднениях. Затруднения эти не уменьшаются. Правда, что Добровольный флот в течение 4-летнего почти существования своего заявил себя нужным и полезным для России учреждением; служит он не своим

---

[1]) Сейчас получено известие о приходе их (Прим. Победоносцева).

Библиотека "Руниверс"

интересам и выгодам, а интересам государственным первостепенной важности. Но он скоро не в силах будет сам питать себя. По роду нашей деятельности мы не можем иметь прибылей и почитаем себя счастливыми, когда сводим концы с концами в исходе года. Оборотного капитала нет у нас, и быть не может: невозможно, действуя на таком громадном районе с пятью только судами, рассчитывать на образование капитала. В начале следующего года мы должны получить миллион из бюджета морского министерства за „Ярославль"; из этой суммы уплатим 500.000 р. в государственный банк за сделанную нам ссуду. У нас останется 500.000 р.,—все наше достояние.

С восшествием на престол вашего императорского величества общество Добровольного флота перестало именоваться драгоценным для нас именем „состоящего под покровительством государя наследника цесаревича". Может быть, вашему величеству, по всегдашнему вниманию вашему к сему учреждению, благоугодно будет дозволить, чтоб оно именовалось „состоящим под высочайшим покровительством"?

Константин Победоносцев.

Петербург. 24 декабря 1881.

286.

Ваше императорское величество.

Сегодня оканчивается ужасный 1881 год; воспоминание о нем давит грудь точно кошмаром. На границе нового года останавливаюсь с молитвою за вас, за государыню императрицу и за детей ваших. Сохрани вас боже, спаси и помилуй и с вами все наше милое отечество, весь добрый и несчастный народ наш. Примите, всемилостивейший государь, горячее поздравление от человека, который любит вас и предан вам всей душою, и чувствует себя каждую минуту несчастным, доколе не перестанет страдать душою за вас и за свое отечество.

С утра до ночи вижу я людей, отовсюду приезжающих, всякого чина и звания; до меня доходит много известий о явлениях, совершающихся в местной жизни. Скажу по

Библиотека "Руниверс"

совести: не перечислишь всякого зла и лжи, всех болезней и пороков—так их много. Но много вижу я и добрых дел, много знаю крепких работников, много великих сил, которых только некому поддержать и ободрить; полагаю главное свое призвание в том, чтобы служить этому делу ежедневно, в мере сил своих и возможности. Простые люди, с коими говорю,—люди, исполненные веры в добро и в действенность власти,—внушают мне великую надежду на будущее. Но здешние люди повергают меня в уныние и безнадежность. Итак, колеблясь между тем и другим чувством, молю бога, в деснице коего и сердце царево, и ход событий, и судьбы племен и народов.

Когда-то, в минуту уныния, я представлял вашему величеству письма Рачинского, в виде утешения, чтобы показать, какие есть люди, работающие в темных углах, с бодростью духа и с верою в успех делающие великие дела в малом круге своем. Осмеливаюсь и теперь предложить вам последнее его письмо,—простой голос простого человека: может быть, эти слова хоть на минуту освежат мысль вашу, утомленную официальными докладами.

Год оканчивается для меня и для нашего управления печальным событием. Вчера мы опустили в землю почтенного председателя духовно-учебного комитета, протоиерея Иосифа Васильева. Он заведывал у нас очень важным делом—ходом и направлением учения и воспитания во всех наших учебных заведениях—мужских и женских. В среду утром он был у меня с докладом, веселый, и поехал к дочери в Гатчину,—и тут, на улице, поразил его внезапный удар. Потерю эту заменить очень трудно: когда уходит старый человек, некого ставить на его место. Я крайне озабочен теперь приисканием опытного ему преемника.

Благослови боже наступающее лето великого дня — нас милостью.

Вашего императорского величества

верноподданный и вернопреданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 31 декабря 1881.

Библиотека "Руниверс"

287.

Ваше императорское величество.

Прошу прощения, что вновь являюсь с делом, которое прямо до меня не относится. Но как оно связано с именем вашего величества, то почитаю долгом довесть до сведения вашего толки, по поводу его поднявшиеся.

Сегодня газеты, может быть, не без задней мысли, спешат сообщить новое распоряжение: что по приказанию вашему, данному министру императорского двора, половина здания адмиралтейства отбирается под помещение придворных служителей.

До меня доходят вести о крайне тяжелом впечатлении, которое это распоряжение производит в морском ведомстве. В той половине здания, которая должна быть отобрана, помещается канцелярия министерства, инспекторский департамент и другие учреждения. Слышу, что в министерстве происходит суматоха: не знают, куда перевесть все эти учреждения, куда девать и некоторых чиновников, имевших тут квартиры. Спрашивают: как это потребовалось отрезать помещение министерства для того, чтобы поместить придворных служителей, притом возле громадного Зимнего дворца? И есть люди, которые по этому поводу рады делать свои неблагонамеренные толкования и внушения.

Я ничего не знаю об этой мере и о побудительных ее причинах и не смею судить об них, а слышу одни толки, которые меня тревожат. Мне приходит на мысль, не состоялось ли это распоряжение по одностороннему докладу министра двора, без сношения с морским министерством. Припоминаю слова вашего величества, что дела морского министерства продолжают оставаться в неопределенном положении, что нет в нем лица, которое в глазах ваших считалось бы прочным ответственным правителем и пользовалось бы вашим доверием, и что вы принимаете от Пещурова лишь доклады

Библиотека "Руниверс"

по текущим делам, не вступая с ним в объяснение об общих вопросах министерского управления. Смею думать, что продолжение такого неопределенного состояния крайне вредно может отозваться на управлении, и без того уже расшатанном и теперь не имеющем твердого представителя, который пользовался бы доверием вашего величества.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

(Без даты).

Библиотека "Руниверс"

1882 г.

288.

С великою благодарностью возвращаю вашему императорскому величеству письмо неизвестного лица. Оно весьма любопытно, и я желал бы знать, кто писал его (из гор. Белы, Седлецкой губ.): наверное, это человек убежденный и энергичный. Письмо очень хорошо написано и дышит искренностью. В сущности, он говорит правду, и я уверен, что именно так думают в России многие люди, издавна с горьким чувством смотревшие вдали от дел на события и успевшие сохранить в себе неповрежденное и беспристрастное чувство русской благочестивой души.

Горько, горько останавливаться на всем этом. Что было, что совершилось, того не вернешь назад. О, когда бы дал бог не повторять прежних ошибок!

Благодарю, ваше величество, за письмо на новый год. Я прослезился над ним и долго сидел в тяжком раздумьи. Молюсь богу,—и все добрые души в России молятся со слезами; но благословен будет тот день, когда корабль наш получит твердую руку кормчего, перестанет путаться в волнах и течениях, и опять двинется по верному пути, рассекая волны!

Константин Победоносцев.

Петербург. 5 января 1882.

289.

Ваше императорское величество.

Управление Сабурова министерством народного просвещения останется памятным надолго. Оно посеяло такие ядовитые семена, что бог знает когда удастся заглушить их.

Библиотека "Руниверс"

Граф Лорис-Меликов, человек умный, но легкомысленный и не знавший России, подчинившись влиянию болтунов и журналистов, вздумал собирать отовсюду пеструю толпу так называемых *земских* людей, дабы привлечь их к участию в важнейших государственных вопросах, которые сам он понимал очень смутно. Уходя, он оставил этот же рецепт в наследие после себя и, к сожалению к нему еще продолжают прибегать, ему еще верят. Эту же тему раздувают всеми силами журналисты. Всякий болтун, ничего не делавший в жизни и умеющий говорить только фразы, всякий либеральный чиновник прикрывает себя именем земского человека. Можно сказать наверное, что такие именно люди получат верх, если правительство отдаст важнейшие вопросы государственные на решение смешанных собраний.

К несчастию, при неправильной постановке земства, правительство предоставило ему возможность хозяйничать в народной школе. Легкомысленный Сабуров много этому способствовал. Но он провел еще одну меру, внушенную ему пустыми либералами: он предпринял отдать на обсуждение так назыв. земских людей вопрос об организации средней школы, т.-е. гимназического образования, то-есть дело, которого ни одно правительство в мире не выпускало из рук своих, так как устройство школы есть дело жизненного интереса для государства. По увольнении графа Толстого, чернить его, осыпать его и его систему проклятиями и оскорблениями стало любимою темою нашей разнузданной печати. В этой форме все листки проповедывали ученикам гимназий, что их мучили и мучат, что надобно разрушить строгую дисциплину ученья и завести какую-то новую, свободную. В земских собраниях явились ораторы, проповедывавшие такие же безумные мысли, а высшее учебное начальство, торжественно заверяя государя, что начала принятой системы не будут ни в чем поколеблены, в то же время под рукой поощряло болтовню в газетах и в общественных собраниях. В гимназиях поднялась смута; трудно стало справляться с учениками, и начальники заведений опускали руки и приходили в отчаяние.

Библиотека "Руниверс"

С увольнением Сабурова, слава богу, смятение начало было утихать и нормальное течение учебной жизни могло восстановиться. Агитация в печати тоже несколько утихла, но только на время: агитаторы выжидали благоприятной поры, и вот теперь, кажется, рассчитывают, что пора настает.

Дело в том, что в последние месяцы минувшего царствования Сабуров, по соглашению с Лорис-Меликовым, успел испросить высочайшее повеление, которое до сих пор оставалось в неизвестности и только теперь обнаружилось, в минуту приведения его в действие. Именно—положено приступить к пересмотру устава реальных училищ и гимназий, в комиссии, составленной из чинов разных министерств, с участием представителей земств и общественных городских управлений, то-есть с привлечением к делу учебного порядка элементов бродячих и беспорядочных. Дело это огласилось только на-днях, когда уже готова собраться комиссия. Сам барон Николаи не подозревает, что дело это у него ведется по обдуманному плану его же чиновниками. Как тихо оно велось, доказательством тому служит, что здешний попечитель Дмитриев, человек вполне разумный, только на-днях с изумлением узнал об участии в этом деле каких-то земских деятелей и городских выборных. Из каких элементов составлено будет это собрание, можно судить по следующему примеру. Городские думы—московская и здешняя—выбрали от себя: первая—проф. Герье, известного московского агитатора и оратора, а здешняя—редактора „Голоса“ г. Краевского, владельца газеты, которая не переставала и не перестает смущать родителей и воспитателей самыми безумными и разнузданными статьями об учении.

Первоначально предполагалось товарищу министра председательствовать в этом собрании, но Марков уклонился, и будет председателем барон Николаи. Он уверяет, что во всяком случае результат совещания не послужит к колебанию прежней системы; но здесь важны не столько результат, сколько способ и процедура совещания. Никакого нет сомнения, что вся эта процедура рассчитана на смуту, которую неблаго-

Библиотека "Руниверс"

намеренные люди желают произвесть в умах. Как только соберутся люди из земств и городов, послышатся самые беспорядочные речи и на газетных листах появятся рассуждения невежд и болтунов о таком предмете, который можно обсуждать лишь в тишине людям, знающим дело на опыте. Смута эта перенесется немедленно в учебные заведения, и можно будет опасаться самых плачевных последствий.

В нынешнее тяжкое время для правительства всего нужнее—успокоить умы, угомонить мысль общественную, сбитую с толка, возмятенную до безумия, прекратить невообразимую болтовню, которою заняты все,—чтобы меньше было праздных слов и явилось бы дело. Вот почему я был всегда того мнения, что невозможно предпринять ничего прочного и существенного для водворения порядка, покуда останется полная разнузданная свобода сплетни, болтовни и смуты для газет и журналов. К сожалению, никто еще не принялся за это необходимое дело твердою рукою, и не только [не] делается ничего для обуздания печати, но и разрешаются беспрерывно новые издания.

В таком состоянии правительство должно по крайней мере само не вызывать поводов к новым смутам и к новой болтовне,—не призывать толпу болтунов и писак к обсуждению таких важных и специальных предметов, как устройство учебных курсов.

Я осмелюсь беспокоить ваше императорское величество указанием на этот предмет, потому что вижу в нем большую ошибку правительства и новую, очень важную опасность для общественного спокойствия, которое теперь в особенности так дорого. Благоволите обратить внимание на все вышеизложенное. Я знаю, что в понедельник и гр. Игнатьев, и Островский будут докладывать вашему величеству о том же предмете. Мера, принятая по докладу Сабурова и только теперь обнаружившаяся, весьма опасна и беспримерна. Гибельные ее последствия можно было бы отвратить, когда бы вашему величеству благоугодно было повелеть министру внутренних дел, в видах охранения общественного спокойствия, о т л о ж и т ь впредь до особого распоряже-

Библиотека "Руниверс"

ния созвание вышеозначенной комиссии и открытие ее действий.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 16 января 1882.

290.

Я исполнил сегодня же приказание вашего императорского величества: был у барона Николаи сам, не обращаясь к гр. Игнатьеву, и, кажется, хорошо сделал, что объяснился с ним непосредственно. В противном случае могло бы произойти недоразумение.

Из предосторожности,—чтоб уяснить себе прежде всего расположение барона Николаи,—я не говорил ему, что приехал по приказанию вашего величества. Я говорил с ним как бы сам от себя, передавая то впечатление, которое осталось в мысли у вашего величества после вчерашнего объяснения с ним. Вы изволили сказать мне, что никак нельзя было убедить его: он упорно держится своего и почитает себя как бы оскорбленным тем, что другие министры вмешались в дело, до него одного относящееся.

Но сегодня я уже не нашел в бар. Николаи такого упорного расположения. „Правда,—говорил он,—я был под весьма тяжелым впечатлением и сильно негодовал на то, что мои коллеги, особливо Островский, который давно меня знает, не спросивши меня и не объяснившись со мною, вошли к государю с представлением по делу моего ведомства. Может быть, это чувство побудило меня выражаться не так, как бы следовало, и мне казалось, что в таких обстоятельствах можно видеть признак недоверия ко мне государя императора.

Вернувшись домой и несколько успокоившись, я прямо написал записку Островскому с откровенным вопросом,— и очень рад, что теперь дело между нами объяснилось. Он был у меня сегодня утром. И он указал мне на одно упущение с моей стороны, которого я не мог не признать: тех

Библиотека "Руниверс"

министров, которые извещены были Сабуровым о первом высочайшем повелении, я упустил известить об изменении его по моему всепод. докладу 5 декабря. Это изменение я и предложил в тех видах, чтобы предотвратить неудобства и вредные последствия от собрания депутатов по первому предположению; участие же некоторых, состоящих уже в должности, почетных попечителей казалось мне полезным для дела. Затем я должен сознаться, что я переступил границы, обозначенные в докладе 5 декабря,—и в этом вина моя. Я был вовлечен в нее желанием польстить Москве, пожертвовавшей 300.000 руб. на устройство реального училища, и Петербургу, сделавшему тоже значительное пожертвование. И мне показалось простым делом отнестись к гор. головам обеих столиц о присылке от них депутатов. Когда я узнал о выборе Краевского, это смутило меня, но потом я подумал, что большой беды не будет.

Разумеется, — продолжал он, — я с полною готовностью подчиняюсь воле его величества,—что угодно будет ему приказать в этом деле. Но я желал бы только, чтоб решение не замедлило, так как очень неудобно держать здесь долго съехавшихся начальников учебных заведений и почетных попечителей. По моему мнению, может быть двоякое решение. Или государь император приказывает вовсе оставить это дело до другого времени. Признаюсь, что это было бы нежелательно, так как вопрос очень важен и не терпит промедления, да и трудно будет вновь вызвать людей, теперь уже собранных. Или государь изволит дать знать мне, что признается неудобным участие в обсуждении специальных учебных вопросов лиц, выбранных от думы. В таком случае пришлось бы устранить всего двух. Относительно московского Герье требуется только написать попечителю, чтоб он не приезжал. Относительно Краевского я тоже мог бы написать гор. голове Глазунову соответственное письмо".

Вот сущность того, что я слышал от бар. Николаи. Увидев такое его расположение, я не решился вступить с ним в переговоры об оставлении им нынешней должности и переходе на нынешнюю должность Делянова. Я счел за лучшее

Библиотека "Руниверс"

донести о всем вышеписанном вашему величеству и ждать вашего приказания, так как, очевидно, нынешнее расположение бар. Николаи не вполне соответствует тому впечатлению, которое осталось у вас после разговора с ним. Если вашему величеству угодно будет вновь подтвердить мне в прежнем смысле, я сочту долгом немедленно исполнить приказание, но в таком случае дело получит прямой вид — не ответа на предположение бар. Николаи, но высочайшего распоряжения о его увольнении.

Во всем этом имею в виду главным образом—оберегать ваше величество от всяческих толков и перетолкований воли вашей, коих и без того много. Смею думать, что в настоящем положении дела нет основательной причины, которая для всех была бы очевидна, к увольнению бар. Николаи. Вашему величеству известно, и я могу свидетельствовать, что он принудил себя с неохотою принять эту должность только для того, чтобы в минуту крайнего затруднения исполнить волю вашу и отозваться на призыв ваш. Бедность в людях наша великая. Кроме Делянова, назвать некого, и вы изволите припомнить, что еще прошлою весною я называл прежде всех других имя Делянова. Но тогда Делянов не был избран, а теперь, и в настоящем положении дел, я затрудняюсь решить, чтобы с назначением Делянова произошла быстрая перемена к лучшему. А быстрая перемена министра всегда производит колебания и толки.

Итак, если позволено будет, я смею предложить, для выхода из настоящего затруднения,—если вы изволите признавать, что нет настоятельного повода к увольнению бар. Николаи теперь, — не благоугодно ли будет, с возвращением бумаг, оставшихся у вашего величества, написать бар. Николаи: или что вы изволите признавать за лучшее распустить собранных членов и отложить открытие комиссии до другого времени, или,—что было бы, кажется, правильнее,—что комиссия может открыться, но вы изволите находить неудобным и несоответственным участие выборных от думы членов в обсуждении специальных вопросов учебного дела. Эта резолюция отвечала бы прямо и той погрешности, которая, как признает

Библиотека "Руниверс"

сам барон Николаи, была им допущена в исполнении по высочайше утвержденному докладу 5 декабря.

Вместе с тем, желательно было бы указать, что рассуждения и прения в комиссии желательно не предавать гласности опубликованием в газетах.

Вот, по крайнему моему разумению, самый правый исход из настоящего затруднения.

Еслиб вашему величеству благоугодно было, явлюсь по приказанию вашему для дальнейших объяснений.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

22/23 янв. 1882, ночью.

291.

Дай боже вашей милой имениннице цвести и расти на радость вашим императорским величествам. Завтра я лишен радости видеть ее, потому что должен присутствовать на освящении церкви св. Бориса и Глеба на Калашниковской пристани, о коей имел честь докладывать вашему величеству.

Имею честь представить при сем отчет, присланный на имя вашего величества из Костромы игуменьей Богоявленского монастыря Марией. На этот раз он особенно интересен. Игуменья очень грустила о том, что в бытность ваших величеств в Костроме вам не привелось посетить лечебницы, которые монастырь особенно льстился показать вам. Тогда они и придумали представить вашему величеству н а г л я д н ы й отчет о лечебницах в картинах, из коих одни фотографии, и работаны при участии послушниц, а три последние нарисованы случайно бывшим в Костроме доктором Пясецким. Мать Мария надеялась лично представить этот альбом, но, к несчастью, занемогла, и серьезно: в последнее время здоровье ее сильно ослабело, и я очень боюсь за нее, — эта женщина замечательная по уму и энергии. Она прислала альбом с доктором Ивановым, заведывающим костромскими лечебницами и главным ее сотрудником. Если б вашему величеству благо-

Библиотека "Руниверс"

угодно было б принять его, это было бы для него новым возбуждением к деятельности.

Ключ от ящика с альбомом прилагается при сем.

Константин Победоносцев.

Петербург. 23 янв. 1882.

292.

Ваше императорское величество.

Опять являюсь беспокоить вас: простите меня. Пусть говорят, что мешаюсь не в свое дело: дело такой важности, что ни для одного русского человека с сердцем не может быть чужим.

Благоволите прочесть прилагаемое письмо из Москвы, сейчас мною полученное. Оно от друга моего—Екатерины Федоровны Тютчевой, женщины вполне разумной. Сухотина я очень хорошо знаю: это человек добрый и честный, но пустейший из пустых и без малейшего характера. Ему ничего нельзя доверить, кроме салонной болтовни. При Ламздорфе он мог быть советником конторы, но распоряжаться не в состоянии. Не мог я не пожалеть, что Ламздорфа взяли: он был неприятного характера, но хозяин был неугомонный. Могу себе представить, что делается в кремлевском дворце при Сухотине. Много патриархального спокойствия, но никакого надзора. В виду предстоящей коронации это очень страшно. Время было бы послать туда крепкого, надежного человека. Найдет ли его гр. Воронцов,—вот вопрос, который многих смущает и тревожит.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 28 января 1882.

При сем речь нового московского головы, хорошо сказанная и достойная внимания.

Библиотека "Руниверс"

293.

Осмеливаюсь представить на воззрение вашего императорского величества записку, полученную мною от архиепископа литовского. Ее показания согласуются вполне со сведениями, доходящими до меня в последнее время из других достоверных источников.

Я уже имел случай обращать внимание вашего величества на систематическое и энергическое наступление на русскую народность и на церковь православную, как бы по заказу поднявшееся отовсюду. Совершенно очевидно, что его направляют соединившиеся в одно три силы: римская курия в союзе с австрийским правительством и с польской национальной партией. На это указывают, несомненно, все прошлогодние и настоящие явления в славянских землях под австрийскою рукою: в Сербии, в Буковине, в Боснии и Герцеговине, в Галиции, где недавние аресты имеют целью подавить окончательно русскую церковь и народность. Что делается австрийскими властями в Боснии для полного окатоличения, описано явственно в недавней депеше тамошнего русского консула.

Из того же лагеря и то же движение распространилось и на наши западные окраины, о чем я пространно объяснял генерал-адъютанту Альбединскому, но он не входит в смысл этих явлений. Враги наши действуют все смелее и смелее,— у нас, дома, а иногда, к сожалению, под покровом русского закона и русских властей. С прошлого года особенно усилилась агитация в Литовском крае, особливо в Виленской губернии. Первым ее орудием было, как справедливо указано в записке, искусственное возбуждение ходатайств о переходе в католичество. В Вильне есть контора для дел этого рода; здесь главный их двигатель—адвокат Спасович. К несчастию, наши суды, не разбирая суть дела, основанную на интриге и обмане, провозглашают при всяком случае этого рода так называемую свободу совести и производят этим на месте новую смуту. Так, решение сената по делу Малиновского, о коем упоминает записка, с речью Спасовича,

Библиотека "Руниверс"

подхваченная всеми нашими газетами, отразилась в Литве и в Привислинском крае очень вредно. Народу внушают, действительно, ксендзы, что русский царь покровительствует латинству, и в Седлецкой губернии я слыхал уже в прошлом году пущенную в народ басню, что государь после коронации едет в Рим на поклонение папе. Теперь почти ежедневно поступают ко мне просьбы из Литвы и из Польши от крестьян о дозволении быть католиками. Все они писаны от неграмотных и подписаны неизвестною рукою, а нередко по исследовании оказывается, что поименованные просители и не знают о подаче просьбы от имени их.

К новому году в Вильне издан (к сожалению, за пропуском русской цензуры) литовский календарь на польском языке, с явно возбудительными статьями, такою речью, какою доныне не осмеливались говорить.

Особенно прискорбно то обстоятельство, что во многих местностях местные власти, и полицейские, и волостные, состоя в том же заговоре, оказывают давление в польском смысле на православное население и духовенство.

Константин Победоносцев.

15 февраля 1882.

294.

Литовский архиепископ Александр прислал мне копию с ответа, полученного им от генерал-адъютанта Тотлебена, на записку уже известную вашему императорскому величеству. Согласно выраженному вашим величеством желанию— знать о распоряжениях гр. Тотлебена, имею честь представить при сем означенную копию.

Между тем, сведения о явном польском движении на Литве подтверждаются отовсюду. Приехавший сюда попечитель виленского учебного округа Сергеевский сообщил мне поразительные факты, относительно его ведомства. Повсюду заводятся поляками и польками тайные школы, открываются тайные пансионы для обучения в польском духе, по краковским учебникам. К несчастью, еще от Сабурова получено

Библиотека "Руниверс"

было предписание разрешать полякам и полькам учреждение школ и обучение, вопреки прежнему запрещению. Попечитель, зная, какое зло и какие интриги соединены с этим, до сих пор задерживает исполнение этого распоряжения, но уже не в силах противиться и готов в отчаянии сложить оружие. Он надеется только на формальное требование, которое гр. Тотлебен хотел послать на сих днях министерству народного просвещения.

Завтра г. Сергиевский будет представляться вашему величеству, и если вам благоугодно будет спросить его, может объяснить ближе черты настоящего положения.

Ваше императорское величество! Сохрани боже, благослови и помилуй вас и наше возлюбленное отечество.

Константин Победоносцев.

Петербург. 2 марта 1882.

295.

Вчера вечером и сегодня исполнял приказание вашего императорского величества и спешу к последнему поезду представить вкратце свое донесение.

Вчера имел объяснение с бароном Николаи. Он, понимая затруднительность своего положения, готов оставить свой пост совершенно спокойно. Я не заметил в нем ни малейшего следа раздражения или желчи. Многого он не понимает в делах наших, но он, без сомнения, человек достойный уважения и прямой, и справедливо было бы отпустить его с честью.

Но когда я стал ему говорить о переходе на место Делянова, он с искренним волнением объяснил мне, что считает это для себя невозможным делом, так как вопросы женского воспитания для него совершенно чужды, и он чувствует себя вполне неспособным заведывать организацией, которая, по его убеждению, не может быть оставлена в нынешнем виде. Он просил меня доложить вашему величеству, что он просит себе, как милости, не требовать от него этой жертвы, которая свыше сил его.

Библиотека "Руниверс"

Итак, комбинация, которую ваше величество имели в виду, не удается. За всем тем я счел долгом не останавливать объяснения с Деляновым, так как вы изволили приказать объясниться с обоими. Делянова я видел сегодня и встретил в нем совершенную готовность исполнить волю вашего величества. И я думаю, что в настоящую минуту невозможно найти другого на это место кандидата. Притом имя его сразу может показать, какому направлению правительство намерено следовать.

Сам Делянов должен быть завтра, в 12 часов, с докладом у вашего величества.

Затем остается еще пустота, которую требуется заместить,—должность Делянова.

Позволяю себе прибавить, что я вчера и сегодня долго думал об этом. Вашему величеству достаточно известна та скудость в людях для высших назначений, которою господь бог нас наказывает. Я перебирал в уме множество имен и изо всех наиболее подходящим представляется Н. В. Исаков. Мне известны его недостатки, но при сравнении с другими именами они бледнеют. Но у него есть и положительные качества. Он спокойного характера, невозмутим в самых трудных обстоятельствах, доброго сердца, религиозен, в нравственном отношении незапятнан, имеет такт и хорошую манеру в обращении (что немаловажно при личных докладах ее величеству), сам принадлежал всегда к кругу умных, воспитанных и серьезных людей, от которых заимствовал многое. Мне кажется, что, при некоторой вялости своей натуры и других недостатках, он все-таки более способен к этой должности, нежели барон Николаи. Смею представить эти соображения на усмотрение вашего величества. Завтра я предполагал лично представиться вашему величеству в 2 часа с докладом о наградах по духовному ведомству.

Константин Победоносцев.

Петербург. 14 марта 1882.

Библиотека "Руниверс"

296.

Христос воскрес.

Ваше величество, да сохранит вас господь в мире и радости с государыней императрицей и со всем домом.

До сих пор я лишен был счастия лично поздравить ваше величество с пасхою. В первые дни ожидали все вашего сюда приезда к гробу графа Строгонова. Сегодня я собрался ехать, но захворал ночью и принужден остаться и принесть вашему величеству письменно свое поздравление.

Вчера мы опустили в землю графа С. Г. Строгонова. Поистине, это был последний русский боярин в лучшем смысле слова. Другого такого не осталось.

Он каждый день ждал смерти и встретил ее спокойно, торжественно. Еще утром, в великую субботу, он раздавал вещи своим внукам и детям и на слезы их отвечал спокойно: Разве вы не знаете, что умереть надобно и что нечего бояться смерти? Еще вечером он диктовал письмо внучке своей, ходил по комнате и в раздумье повторял: „Pauvre pays, pauvre pays!“ Это были почти последние слова его. Смерть застигла его мгновенно и над телом его тотчас запели: „Христос воскрес“. Я пришел туда в понедельник утром,—и в этом отсутствии траура над умершим было что-то торжественное, праздничное. Он лежал еще не в гробу, а на кушетке у себя в кабинете, точно живой; на стене над кушеткой—два портрета покойного Николая Александровича; напротив его сидели дочь и внучка, в светлых платьях, всматриваясь в черты умершего.

Ему было 87 лет. Нельзя было ожидать, чтобы он прожил долго, но терять таких старцев очень прискорбно, особливо в нынешнее время. С ним закрывается целый мир исторических воспоминаний для многих; а меня с ним связывали особенно те ощущения и заботы, которые делил он со мной при воспитании незабвенного нашего Николая Александровича и во время поездки нашей по России.

Константин Победоносцев.

Петербург. 1 апреля 1882.

Библиотека "Руниверс"

297.

29-го апреля происходило у меня общее собрание членов общества Добровольного флота, ныне уже закончившего третий год своего существования. Ему предшествовала годовая деятельность комитета, так что существование Добровольного флота вообще считает уже себе четыре года.

По уставу, надлежало через три года производить новые выборы председателя и его товарища, и казначея. Сверх того, надлежало баллотировать еще 3-х выбывающих членов главного правления.

По силе § 22 устава, на должность председателя выбирается два кандидата; утверждение в сей должности зависит от августейшего покровителя общества. То же относится к товарищу председателя.

В собрании 29 апреля выбраны на должность председателя: первым кандидатом нынешний председатель К. П. Победоносцев; вторым кандидатом—М. С. Каханов. Товарищем председателя избран вновь М. С. Каханов; вторым кандидатом—гр. Комаровский; казначеем избран вновь г. Фальке. В члены правления избраны: гр. А. Е. Комаровский, Н. М. Гедеонов, Д. З. Головачев.

Таким образом, нынешний состав членов правления состоит из следующих лиц:

Гр. Комаровский, Гедеонов, Селифонтов, Головачев, Веселаго, Н. М. Баранов, Ермаков — от минист. финансов, Мамонтов — от морского министерства.

В заседании объявлено было только что полученное известие, что ваше императорское величество соизволили на принятие общества Добровольного флота под высочайшее ваше покровительство.

Приняв это известие с великой радостью, собрание постановило: всеподданнейше принесть вашему императорскому величеству выражение благодарных чувств за милостивое расположение к обществу, возникшему и поднявшемуся под августейшим вашим покровительством и защитой.

Константин Победоносцев.

Петербург. 1 мая 1882.

Библиотека "Руниверс"

298.

В числе членов общества Добровольного флота состоит, с самого начало записавшийся, скромный человек, некто Линдквист, часовой мастер, имеющий свой магазин на Фурштатской улице, небогатый.

Он постоянно выказывал свое скромное, но горячее участие к делу Добровольного флота: являясь постоянно на общие собрания, он от времени до времени приходил в правление и приносил свои небольшие пожертвования: то приносил билет кредитного общества за сто рублей, то стенные часы для правления, и на этом собрании он тихонько передал мне сторублевый билет.

Затем, отойдя со мною в сторону, выразил мне желание и просьбу,—нельзя ли от его имени поднесть вашему величеству серебряные часы его работы. „Вещь недорогая,—говорил он,—но вся, кроме коробки серебряной, моими руками сделана—и все в ней колеса и части машины отточены мною. Я всю жизнь свою трудился,—прибавляет он,—много бедствовал, но теперь, слава богу, поправился и вижу, что бог труды любит. Я не прошу себе никакой милости, а желаю только поднесть государю императору дело рук своих: это лучшая моя работа“.

Я не мог отказать доброму человеку в исполнении его просьбы и имею честь представить при сем вашему величеству часы в футляре, где положены еще запасный циферблат и запасные ключики.

Константин Победоносцев.

Петербург. 1 мая 1882.

299.

Ваше императорское величество.

Прочитав эти бумаги, я пришел в ужас при одной мысли о том, что могло бы последовать, когда бы предположение графа Игнатьева было приведено в исполнение. Не могу подивиться, как он решился с такою легкостью и быстротою на дело такой великой важности.

Библиотека "Руниверс"

Одно появление такого манифеста и рескрипта произвело бы страшное волнение и смуту во всей России. Люди, смущенные и теперь положением дел, пришли бы в окончательное смущение. Общество не только не ободрилось бы, но еще больше упало бы духом: радовались бы только политические мечтатели и газетные болтуны. Ведь для того, чтобы объяснить людям, что значит, по мнению заводчиков этого дела, земский собор,—надо было бы читать им курс древней русской истории. Простые люди не имеют об этом понятия, серьезные люди этому не верят, а пустые фантазеры не иначе поймут это и примут, как в смысле конституции.

С первого раза поражает слог, которым написаны проекты манифеста и рескрипта: это нечто пестрое и нестройное, смесь старинных слов и фраз с новыми, равно как смесь предметов и понятий, взятых из древней истории, с новыми. Если б верховная власть заговорила с народом на таком языке, вышло бы нечто страшное, уродливое и совсем несообразное с достоинством верховной власти. Русские люди здравого смысла пожимали бы плечами со скорбью и ужасом; иностранцы, читая эту речь в переводе, смеялись бы. Я узнаю в этом изложении любимые фразы Аксакова и сильно подозреваю, что он участвовал в редакции. Я узнал сегодня, что Аксаков прислал сюда к гр. Игнатьеву Голохвастова, издавно занимающегося историей земских соборов (которого письмо из Воскресенска против конституции я представлял вашему величеству несколько лет тому назад). Этот Голохвастов прибежал ко мне сегодня ночью в ужасе: услышав, что гр. Игнатьев пускает уже дело в ход теперь же и что на-днях могут появиться акты, он испугался и в волнении обдумывал уже, как найти доступ к вашему величеству—умолять вас остановить это дело.

По истинной правде и по долгу совести и присяги, по здравому смыслу, по любви к отечеству обязываюсь сказать, что считаю это дело безумным! Не диво, что Аксаков проповедует его на листах газеты: диво, что государственный человек вдруг решается пустить его в ход.

Библиотека "Руниверс"

Еслиб я и веровал в земские соборы древней России, то остановился бы в недоумении перед такою мыслью. Древняя Русь имела цельный состав, в простоте понятий, обычаев и государственных потребностей, не путалась в заимствованных из чужой, иноземной жизни формах и учреждениях, не имела газет и журналов, не имела сложных вопросов и потребностей. А теперь нам предлагается из современной России, содержащей в себе вселенную двух частей света, скликать пестрое разношерстное собрание. Тут и Кавказ, и Сибирь, и Средняя Азия, и балтийские немцы, и Польша, и Финляндия! И этому-то смешению языков предполагается предложить вопрос о том, что делать в настоящую минуту. В моих мыслях—это верх государственной бессмыслицы. Да избавит нас господь от такого бедствия!

Радуюсь, ваше императорское величество, что вы изволили остановить это дело в самом его начале. Надеюсь вполне, что все здравомыслящие люди будут согласны с моим мнением. Вместо всего этого, нашему правительству следует составить себе ясный и определительный план, что делать и как действовать. Если мысль эта не определится в самом правительстве,—никакое собрание ее не выработает и не даст правительству твердой воли, без которой невозможна деятельность. А если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание,—это будет революция, гибель правительства и гибель России.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 4 мая 1882.

300.

Позволяю себе выразить пред вашим императорским величеством еще некоторые мысли по известному проекту гр. Игнатьева, который не перестает волновать меня и озабочивать.

Библиотека "Руниверс"

Чем более думаю, тем более меня ужасает чудовищность этого проекта и,—скажу прямо,—то легкомыслие, с которым он решился прямо от себя, ни с кем не посоветовавшись, предложить такой акт к подписанию вашего величества. Ведь это был бы роковой шаг, после которого не оставалось бы ничего больше делать для спасения.

После этого ни один серьезный человек в составе министерства не решился бы остаться и продолжать свою деятельность, ибо всякая разумная деятельность оказалось бы при этом невозможною.

Как мог гр. Игнатьев решиться взять на себя такую страшную ответственность перед лицом всей России и перед вашим величеством,—это я отказываюсь понять.

Я не говорил об этом ни с кем и гр. Игнатьева не видал совсем, но слышу, что он уже говорит о моей оппозиции проекту. Слышу, что он имел в виду сегодня еще раз убеждать ваше величество, но все, что я имел утешение слышать от вас, удостоверяет меня в том, что согласия вашего величества не будет.

Теперь у меня на мысли следующее. Если будет, по предположению вашего величества, совещание о проекте гр. Игнатьева, и все, как я не сомневаюсь, осудят несчастную мысль его, положение гр. Игнатьева будет трудное. Когда ему не удалось достигнуть сразу своей цели, он будет считать себя пристыженным, скомпрометированным (хотя, с другой стороны, он может украшать себя некоторою славою перед партией безумных мечтателей,—вот я-де хотел созвать земский собор, но мне помешали). Итак, по человеческому чувству, надобно предполагать, что он признает свое положение в правительстве после этого неудавшегося проекта невозможным и предложит оставить его.

Ваше величество, смею думать, что в таком случае не следовало бы его удерживать. Деятельность министра с таким грехом или с такою ошибкою на душе не может быть полезною; не может быть прямым и дальнейший образ его действий. Кто мог придумать такое распоряжение и принять такой план,—способен и на другие планы, не менее безумные.

Библиотека "Руниверс"

Смею думать, ваше величество, что все это необходимо иметь в виду заранее, на случай, если нынешнее положение гр. Игнатьева окажется невозможным.

Первый человек, который заговорил со мною об этом деле, был Островский, заехавший ко мне сейчас: он был в сильном беспокойстве, что̀ может выйти из этого предположения, о котором он мог заключить из слов вашего величества и которое ему представляется, равно как и мне, безумным.

Наконец, смею повторить снова, что имел уже честь докладывать вашему величеству о необходимости отделить должность министра внутренних дел от должности начальника государственной полиции. Может быть, при нынешнем случае, удобно опять поднять этот вопрос и решить его. Нынешнее совмещение обеих должностей в одном лице— положительно чудовищное учреждение. Нет человека, которому оно было бы под силу в России, и нельзя иметь надежды на водворение порядка во внутреннем управлении, пока он будет продолжаться.

Константин Победоносцев.

Петербург. 6 мая 1882

301.

Исход вчерашнего заседания можно признать благоприятным как для морского министерства, так и для Добровольного флота при нынешнем стесненном состоянии государственного казначейства. Морскому министерству совещание не признало возможным обеспечить в назначенные сроки всю исчисленную сумму, но, приняв за основание общий план предположенных сооружений, положить назначить на первый год 3 миллиона и во все последующие года продолжать назначать в меру средств госуд. казначейства.

Добровольному флоту министр финансов признал удобнейшим назначить помильную плату за дальние рейсы, так, чтобы могли быть удовлетворены потребности, выставленные в записке. Такое предложение можно было принять только с благодарностью, хотя я доказывал, что наше предложение выгоднее для казны, ибо мы просили на десять лет $7^1/_2$ мил-

Библиотека "Руниверс"

лионов, а помильная плата бессрочна и будет увеличиваться с увеличением числа судов общества.

Вчера же получено известие, что „Нижний-Новгород“ благополучно довез и высадил на Сахалине партию каторжных, а затем, спустив военный флаг, идет во Владивосток.

Константин Победоносцев.

Петербург. 14 мая 1882.

302.

Простите, ваше императорское величество, что посреди множества важных дел и докладов, которые приходится вам читать, смею утруждать ваше внимание выписками из писем. Но они относятся к очень важному вопросу — об униатах, вновь присоединенных, и весьма важно, чтоб ваше величество имело верное и прямое понятие об этом деле.

Дело это прямо было положено испортившими его чиновниками в руки духовенства, и затем эти же чиновники обвиняют духовенство, зачем оно каким-то волшебством не умеет сразу сделать православным население, бывшее 300 лет под влиянием польских панов и ксендзов.

Но духовенство, сознавая всю трудность положения, никогда не сомневалось в успехе дела, — лишь бы не мешали те же гражданские власти.

С населением трудно потому, что оно окружено целою сетью скрытой агитации ксендзов и польской шляхты,—агитацией, с коей трудно бороться. Тем не менее, там, где действуют ревностные люди, церковь наша сама по себе привлекает народ, несмотря на то, что против нее восстановляют народ всякими наговорами, клеветами и угрозами польские агитаторы, и что во многих местах крестьяне, желающие ходить в церковь, подвергаются преследованию.

Всякое большое церковное торжество поднимает в этом краю вопрос: что будет? Задолго еще поднимается сильная польская агитация и повсюду внушает народу, чтоб не ходил на русский праздник.

Эти письма содержат в себе рассказ о том, как провалилась такая агитация в Лесно на Троицын день. Стечение

Библиотека "Руниверс"

народа было громадное, и вместо посрамления вышло торжество. Каждое такое событие есть шаг вперед для русского дела и для православной церкви. К счастью, у нас теперь там человек поистине бесценный—преосв. Модест; он привлекает к себе народ благочестием, чистотою жизни, любовью, ревностью, неутомимым служением, простотою апостольскою. К сожалению, П. П. Альбединский не умеет ценить этих качеств и не оказывает достаточного к ним внимания.

Константин Победоносцев.

Петербург. 24 мая 1882.

303.

Ваше императорское величество изволили сказать, что соберете у себя совещание из нескольких министров для решительного обсуждения предложения графа Игнатьева.

Думаю, что это совещание необходимо не только в виду того, что относительно сего предложения возникает сомнение, но и в виду того, что граф Игнатьев продолжает на нем настаивать. Со мною он не говорил ни слова об этом предмете, но продолжал говорить с Островским и некоторыми другими, утверждая, что мысль его совершенно основательна и что он видит в ней единственное средство для правительства.

Смею доложить вашему величеству, что оставлять долее в неизвестности этот предмет и предложение министра внутренних дел под сомнением — крайне неудобно. Все уже знают об этом и говорят. В газетах появились статьи, высказывающиеся косвенным образом за земский собор и против,— и эта полемика, в высшей степени неудобная для правительства, может только поддерживать самого графа Игнатьева в его проекте, с коим он соединяет, кажется, свое самолюбие и, может быть, свою славу. Необходимо вывесть это дело в присутствии его на чистоту, чтобы при нем высказались откровенно о всем безумии этого предприятия другие лица, призванные доверием вашего величества. В противном случае молва будет расти и продолжать смущать умы, не знающие в точности, что происходило. Осмеливаюсь доложить об этом вашему величеству.

Константин Победоносцев.

Петербург. 25 мая 1882.

Библиотека "Руниверс"

304.

Сегодня утром я исполнил приказание вашего императорского величества: был у графа Толстого и объяснился с ним.

Я объяснил ему решительное намерение вашего величества отделить управление министерством внутренних дел от заведывания государственною полицией.

При этих условиях граф Толстой готов исполнить волю вашу, — готов, как я мог заметить, с охотою и усердием. Когда вашему величеству угодно будет призвать его, он почтет долгом доложить вам свой взгляд на некоторые существенные предметы в этом ведомстве.

Лично я возлагаю надежды на это назначение. Министерство внутренних дел занимает центральное положение, в нем сосредоточены главнейшие предметы внутренней политики, и потому чрезвычайно важно, чтобы управление здесь утверждалось на крепких началах, исходило из определенной, ясной мысли и воли. В последнее время ничего подобного здесь не было, и в этом недостатке надобно искать главную причину усилившейся и дошедшей до крайних пределов расшатанности и в управлении, и в обществе. Граф Лорис-Меликов приступил к этому делу без подготовки, без образования, без опыта, с искусством интриги, и потому вскоре же по всем главным вопросам управления сбился с толку и пошел на буксире всевозможных пустых фантазеров. Граф Игнатьев, к прискорбию, оказался не лучше него во многих отношениях. Правда, что и бремя, возложенное на них обоих и созданное слишком самонадеянно графом Лорис-Меликовым, было не по силам и богатырской натуре при нынешнем положении дел в России.

Граф Толстой — человек с основательным образованием и знаком близко с многими капитальными вопросами, о коих оба прежние графа имели лишь легкое понятие. Это дает надежду, что по существенным предметам он станет твердо.

Библиотека "Руниверс"

О, если бы бог помог вашему величеству выбрать знающего, опытного и твердого человека на дело государственной полиции. Тогда можно было сделать важный шаг вперед для водворения единства в управлении.

Константин Победоносцев.

Петербург. 28 мая 1882.

305.

Ваше императорское величество.

Назначение графа Толстого произвело, повидимому, благоприятное действие, и одобряется всеми разумными людьми.

Но для того, чтоб это действие было прочное, необходимо, чтоб назначению министра внутренних дел соответствовало и другое назначение гл. начальника государственной полиции. Вот почему теперь, покуда не состоится другое назначение, нельзя успокоиться. Неудачным выбором здесь может быть парализовано действие первого назначения.

Трепов уклонился от назначения за болезнью. Я видел его сегодня и слышал от него такое слово, которое устрашило меня. Берусь за перо и осмеливаюсь вновь беспокоить своим писанием ваше величество.

Трепов от себя называет графа Павла Шувалова, и мне страшно, как бы это имя не было подхвачено. Трепов рассуждает, что гр. Шувалов честный человек, и что он будет руководиться указаниями и советами гр. Толстого.

Я думаю, что Трепов весьма ошибается, и что назначение гр. Павла Шувалова было бы очень опасно. Едва ли и для гр. Толстого оно представить гарантию согласия и единства действий.

Граф Шувалов—человек самой неопределенной физиономии. Он не имеет самостоятельного характера и склонен попасть под дурные влияния: тогда и гр. Толстой с ним не справится. Шувалов воспитался в кружке гвардейской молодежи и принял отсюда привычки несерьезные. Во время войны он имел репутацию человека неумеренно пьющего

Библиотека "Руниверс"

и приятного начальника. Этого очень мало для государственного правления.

В доме у себя он не мог водворить порядка. Хозяйка у него глупенькая молодая женщина, надутая тщеславием и совсем пустая. Около нее собирается у него пестрое сборище гвардейских болтунов, родня у него огромная и многие из его родных одержимы политическим честолюбием и проповедуют, ничего не понимая, политические глупости. Оратор этого кружка—Боби Шувалов, который всюду трубит, что конституция—единственное спасение для России. Сам Шувалов ленив и не в состоянии заниматься делами. Им не замедлят завладеть пустые и честолюбивые его родственники, особенно дамы—политические проповедницы, составляющие язву нынешнего петербургского общества. По совести, смею сказать вашему величеству, что меня очень устрашает мысль о возможности такого назначения.

Я не знаю имен, которые мог бы с уверенностью произнесть перед вашим величеством. Такие люди, как, напр., Янковский, могут быть годны для второстепенных мест. Люди из военного мира, кроме генерал-адъютантов, мне неизвестны. Может быть, военный министр в состоянии назвать людей, известных ему по характеру и разуму, на имени коих можно было бы остановиться.

Но если уже называют графа Шувалова, то несравненно основательнее назвать генерал-адъютанта И. В. Гурко. Правда, он не блестит своим умом, но я не слыхал от графа Шувалова ни одного умного рассуждения, а от Гурко слыхал разумные речи, и совесть у него прямая, солдатская. В делах политических он имеет некоторую опытность, он не упрям и, кажется, может действовать в согласии с гр. Толстым. Он не поддавался, сколько мне известно, действию политических болтунов и имел прямой взгляд на государственные потребности России. Хитрости в нем нет, к интриге он не способен, и никак не станет принимать свои впечатления от молодой резонерствующей гвардии. Нет у него стаи знатных родственников, которые стремились бы через него составить себе политическую карьеру; есть,

Библиотека "Руниверс"

правда, жена, несколько тщеславная, но это беда еще небольшая.

Имя его только потому приходит мне на ум, что заговорили о Шувалове. Может быть, все опасения мои напрасны; может быть, ваше величество изволили сделать другой выбор, достойный звания. Во всяком случае, прошу простить меня за эти слова, которыми осмеливаюсь, от сердечной заботы о благе вашем и России, утруждать внимание ваше.

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 5 июня 1882.

306.

Только что вчера я имел честь получить от вашего императорского величества записку Ливчака, представленную М. Д. Скобелевым. В записке не было ничего для меня нового, и я тотчас же написал по поводу ее объяснительное письмо Скобелеву.

Но не успел его отправить. Сегодня в Петербурге внезапно поразила меня весть о кончине Скобелева. Все точно ошеломлены и ходят повеся головы.

Видно бог прогневался на нас, что отнимает у нас лучших людей, одного за другим, людей с головою и сердцем.

Враги наши будут рады, что Скобелева нет. Это было военное имя, это было ручательство, что в случае войны будет кому командовать и вести полки к победе. В военном деле, в доверии и уверенности войска имя имееть великое значение.

Очень грустно. Мысль невольно обращается к вашему величеству и к судьбам России. Дай боже,—так теперь молятся все верные сыны России,—дай боже, чтоб явились у нас люди крепкие, бодрые духом на смену прежним деятелям!

Константин Победоносцев.

Петербург. 25 июня 1882.

Библиотека "Руниверс"

307.

Снова обязываюсь донести вашему императорскому величеству о скорбной для нас потере. Сегодня получил я из Сан-Франциско следующую телеграмму: „Епископ Нестор (алеутский и аляскинский) утонул; подробности посылаются почтой“.

Епископ Нестор был святой жизни, честный, добрый, образованный; душа чистая, младенческая; истинный подвижник своего дела. Немец и лютеранин по происхождению, из морской службы, по фамилии Зан, он принял православие и постригся в монашество. Семнадцать лет пробыл он настоятелем русской церкви в По, где все его полюбили. Он ходил постоянно в монашеской одежде, и жители, встречая его на улице, шли к нему под благословение. В 1878 году синод упросил его, ради крайней нужды, принять многотрудное епископство в Сан-Франциско. Тут настало для него время великого испытания. В этом ужасном месте все члены его клира развращались, и он окружен был ворами и разбойниками. Его оскорбляли, обманывали, покушались на его жизнь, однажды бросили ему под ноги склянку с серною кислотою. Никто из надежных людей не соглашался туда ехать. Выбиваясь из сил, три раза он умолял взять его оттуда, и три раза синод уговаривал его остаться, не имея кем заменить его.

Каждый год весною он предпринимал подвиги, поистине апостольские,—объезд приходов и миссионерских станов на Алеутских островах: эти объезды можно сравнить с военными походами в дикой пустыне. Только епископу странствовать почти одному или вдвоем—втроем, в голоде, в холоде, в непогоду, по непроходимым местам, посреди чуждого разноязычного населения, переплывать далекие расстояния в челноках и байдарах. В нынешнем году он отправился в путь в феврале и надеялся вернуться не ранее, как в августе 1883 года. Вероятно, на одном из своих переездов между островами он и утонул теперь.

Многие будут оплакивать его кончину, и особенно дядя его, дряхлый старик адмирал Лавров.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 3 августа 1882.

Библиотека "Руниверс"

308

Спешу представить вашему императорскому величеству подробности крушения „Москвы“ по описанию, появившемуся в „Новороссийском Телеграфе“ и перепечатанному в „Гражданине“. Немедленно по прибытии в Одессу экипажа „Москвы“, открылась там следственная комиссия, составленная изо всех прочих наших командиров, под председательством командира над портом Перелешина. Результаты этой комиссии везет сюда Вахтин, которого я ожидаю в воскресенье, вечером.

Князь черногорский Николай, вероятно, был уже у вашего величества. Я видел его третьего дня и думаю, что это— человек и мысли, и дела. Едва ли это не единственный в настоящее время князь славянского племени, на верность коего Россия может положиться. Он знает хорошо и Австрию, и Сербию, и его политическая деятельность в отношении к этим обеим державам имеет для нас, кажется, важное значение. Я мог заметить, что ему желательно в открытой беседе с вашим величеством изложить свои виды на будущее и выразить свою и народа своего преданность России. Ему хочется видеть теперь и Москву, и Киев; если ваше величество подтвердите ему это желание, он будет, конечно, польщен этим и обрадован.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 28 августа 1882.

309.

Вчера только узнал я о предстоящем во вторник отъезде вашего императорского величества в Москву и обрадовался. Да благословит бог путь ваш и благополучное возвращение!

Не зная плана и предположений вашего величества на время пребывания в Москве, осмелюсь представить на благоусмотрение ваше следующее. Кажется, не бывало еще случая царского приезда в Москву без торжественного выхода с Красного крыльца в соборы. Я знаю, что Москва всегда жаждет этих минут и очень дорожит ими; а теперь, когда

Библиотека "Руниверс"

там собрано довольно иногороднего купечества, царский приезд без выхода оставил бы народное чувство не вполне удовлетворенным. Слышу, что ваше величество изволите остановиться в Кремле и что приезд назначен в день рождества богородицы (храмовый праздник в большом кремлевском дворце), в 12 часов пополудни. Может быть, в то же утро мог бы состоятся выход. Воображаю себе, как это будет хорошо и торжественно, если, бог даст, утро будет такое же тихое и ясное, как сегодня.

Если ваше величество изволите пробыть в Москве несколько дней и будете посещать заведения, осмелюсь вновь обратить внимание ваше и государыни императрицы на состоящую под покровительством ее величества Покровскую общину, которую стóит видеть и ободрить высочайшим посещением.

Сам я, как докладывал вчера вашему величеству, имел намерение отправиться на сих днях в Москву и, может быть проехать дальше, до Нижнего.

Приношу вашему величеству глубокую благодарность за внимание к просьбе моей о единоверческой школе.

Константин Победоносцев.

Ораниенбаум. 6 сентября 1882.

310.

Простите, ваше императорское величество, что я снова являюсь нарушать ваш покой; но могу ли я молчать в деле, важном для чести вашего имени и для вашего, а следовательно, и общего благосостояния.

Дело касается предмета, о котором в прежнее время я осмеливался несколько раз докладывать вашему величеству. Некоторые недавние события понуждают меня вновь прервать молчание об этом предмете.

Года два тому назад, еще при Макове, главным управлением по делам печати сделано было распоряжение странное, удивившее многих благомыслящих людей.

Человеку, заведомо подозрительному, заявившему свою неблагонамеренную деятельность, некоему Родзевичу, дано

Библиотека "Руниверс"

было разрешение издавать в Москве еженедельную газету под названием „Московский Телеграф", в связи с редакцией „Голоса". Мало того, ему предоставлена была особливая привилегия. По контракту с телеграфным ведомством, ему предоставлена в распоряжение особая проволока.

В таком привилегированном положении эта газета тотчас заявила себя самою вреднейшею из вредных в политическом отношении и, кроме того, органом и польской, и социальной партии. Пользуясь проволокой, она завела самую гнусную игру сплетнями и слухами, намеренно распространяемыми посредством телеграфа. Министерству внутр. дел пришлось очень сожалеть о легкомысленном данном разрешении.

Наконец, статьи и выходки газеты стали таковы, что и благодушное к печати управление не могло терпеть. После второго предостережения и запрещения розничной продажи дано было третье предостережение, и газета приостановлена в прошлом году на 6 месяцев. А как издатель не имел своих средств и деньги на издание получал от известной партии, то можно было надеяться, что это зловредное издание не возобновится.

Срок приостановки кончился летом, но газета не появлялась. Родзевич отправился в Петербург хлопотать, чтоб ему разрешили розничную продажу, признавая в противном случае невозможность продолжать издание.

Итак, стоило только главному управлению держаться твердо, чтоб вредная эта газета не появлялась; таково и было, как мне известно, намерение министерства.

Итак, я был изумлен и огорчен крайне, прочитав в начале ноября объявление, что „Телеграфу" разрешена розничная продажа, и что он появился. Тогда же стало известно, что ему,—так сказать, ведомому вору,—возобновлена министерством прежняя телеграфная привилегия. „Телеграф" появился и сразу же заявил торжественно, что он восстановил прежнее свое положение относительно правительства и будет продолжать свою деятельность, ничего не изменяя, в прежнем направлении.

В недоумении я спрашивал у гр. Толстого, что это значит? И вот что сказал мне в ответ гр. Толстой:

Библиотека "Руниверс"

„Что же мне делать? Его взяла под свое покровительство **дружина**! Ко мне приехал гр. Воронцов и стал просить меня, заявляя что **они** за него ручаются, вносят за него залог и дают ему деньги“.

Итак, продолжается то же печальное недоразумение. Слово „дружина“ продолжает оказывать и на властных в государстве лиц действие, подобное старинному „слово и дело“. Всякое требование Воронцова, Шувалова и пр. принимается, как выражение воли вашего величества. Очевидно, что Родзевич при помощи людей или неблагонамеренных или ничего не понимающих успел подделываться под Воронцова, и вот он, человек заклейменный, с своею газетою самого **анти-правительственного** направления, нагло выступает теперь в Москве, выставляя на вид, что находится под охраною дружины гр. Воронцова,—и все это по воле вашего величества. Деньги, которые вы великодушно жалуете на охранение (будто бы) безопасности,—употребляются на искусственное поддержание самых гнусных изданий.

И все это—ни для кого не тайна, конечно, потому что сам Родзевич не держит секрета и хвалится своими связями с каким-то **тайным** правительством, грозящим стать сильнее явного. Что это не тайна, о том свидетельствует прилагаемая статейка из „Московских Ведомостей“.

Ваше величество! Вы всегда смотрели на вещи прямо и здраво. Извольте рассудить, возможно ли потерпеть такой государственный обман и такое легкомысленное соединение темных, анти-правительственных предприятий с именем вашего величества.

Мало того. На деньги вашего величества совершаются такие дела, которые можно приписать или злодейскому умыслу, или крайнему безумию. Не угодно ли вашему величеству взглянуть на распространяемые листки нового женевского революционного издания „Правда“. Они должны быть в д-те госуд. полиции.

Известно ли вашему величеству, что этот гнусный и лживый листок основан и поддерживается на царские деньги дружиною, т.-е. Шуваловым, Щербатовым и К°? Что они

Библиотека "Руниверс"

держат там своего будто бы агента из бунтарей, который смеется над ними, получая ваши деньги? И все это не секрет, все это известно и в Женеве, и в Париже, и в Москве, и в Петербурге, и все это возбуждает у православных русских ужас и страх, а у иностранцев и доморощенных врагов — злобную насмешку.

Ваше величество! Вам не известно, что̀ эти люди делают. Одни из них (как Шувалов — главная пружина) безумцы, одержимые бесом политического честолюбия (страшный бес); другие (как Воронцов) ничего не понимают... И этим людям дана власть повелевать, производить аресты требовать насильственных мер, составлять политические совещания,—и в силу какого-то рокового обмана безумные действия их и их агентов принимаются за выражение воли вашего величества.

Некоторые из них потеряли уже голову и предъявляют к установленным властям такие дерзкие и наглые претензии, что власти в недоумении останавливаются и спрашивают себя, где же, наконец, власть? Я знаю, что вследствие этих выходок отношения между правительством дружины и законным вашим правительством до того обострились, что вскоре законные представители власти признают свое положение в государстве невозможным.

Ваше величество! Вы знаете, что никакие личные цели никогда не бывали на уме у меня, когда я обращался к вам со своим словом. Но в нынешнюю тяжкую годину меня снедает скорбь о делах и людях моего отечества и забота о вас и о вашей безопасности. Верьте моему прямому слову: если такое положение в государстве, подобное какому-то кошмару, еще продлится, вам лично и августейшему семейству вашему угрожает великая опасность. Около вас составится заговор, против которого существующие власти преданных вам людей, сбитые с толку, окажутся бессильными... Пока еще не поздно, это положение надобно прекратить, во что бы то ни стало, решительными мерами.

Давно уже хотел я, скрепя сердце, говорить об этом и о прочем, чего не напишешь, вашему величеству, но слу-

Библиотека "Руниверс"

чая—и вам досуга—не было. Но я вижу, как с каждым днем обостряется положение, и не могу молчать долее. Итак, не погневайтесь, всемилостивейший государь, что прихожу нарушать покой ваш. Время страшное, и враг не дремлет, а теперь, озираясь вокруг, я убеждаюсь больше и больше,—что как бы ни была велика опасность вашему величеству от злодеев-заговорщиков,—еще серьезнее опасность от дружины...

Вашего императорского величества верноподданный

Константин Победоносцев.

Петербург. 23 ноября 1882.

311.

В надежде на милостивое внимание вашего императорского величества к судьбам Добровольного флота спешу доложить, что у нас решена уже покупка по осмотру Валицкого в Гласгове парохода „Микадо“ постройки Пирса с его верфи и с его ответственностью. Судно строено в 1873 году, но теперь исправлено заново, с новою машиною, котлами и всеми принадлежностями. Длина его 370 фут., ширина—36; машина в 2.500 сил. Цена—60.000 фунтов. Сегодня вернулся из Гласгова Вахтин, ездивший смотреть его. Фирма ручается за 14 узлов хода. Пароход будет готов к сдаче 3—15 января. Надобно будет на-днях отправлять туда командира и команду. К назначению в командиры я намерен предложить Чирикова, несмотря на несчастие с „Москвою“. Это большое несчастье для него и для нас, но несправедливо было бы в данных обстоятельствах ставить его в вину командиру. Это признала у нас и комиссия (Головачев и Веселаго), обсуждавшая обстоятельства крушения. Лучшего же командира мы в настоящее время не имеем в виду.

Надобно дать русское имя новому пароходу. Думали назвать его сразу „Москвой“, вместо потерянного нами парохода. Но мне говорят, что у моряков в обычае не давать сразу имя погибшего судна тому, которое назначается заме-

Библиотека "Руниверс"

нить его. В таком случае придется искать другое имя, и мне приходит на мысль „Кострома“, по преимуществу русский город и имя достойное. Желательно было бы знать мысль об этом вашего императорского величества.

Завтра переводим в Англию первый платеж—20.000 фунтов, что при нынешнем курсе очень убыточно. Остальное, по условию, надобно платить при сдаче судна. Пароход нужен и нельзя медлить. Но средств у нас недостаточно. Наличных денег всего 488.000 рублей, да в долгу на министерствах—морском, военном, внутренних дел и финансов—164.000. И, кроме того, предстоят платежи и расходы. А дело о помильной плате с весны еще затянулось и только что готовится ко внесению в комитет министров; не теряем надежды, что она пройдет благополучно и что нам дадут ее, считая с того времени, когда заявлено наше ходатайство. Между тем, приходится в виду крайней нужды просить ссуды, и я намерен завтра представить министру финансов просьбу об открытии нам, по прежнему примеру, текущего счета в банке на 500.000 р. сроком на год. Прежнюю ссуду мы погасили раньше срока в исправности. Ваше величество изволите оказать нам великую милость, замолвив о сем доброе слово министру финансов. Добровольный флот и возник, и еще держится единственно благодаря вашему высокому покровительству.

Константин Победоносцев.

Петербург. 14 декабря 1882.

312.

Нынешнее смутное время не дает успокоиться моим опасениям и заботам. Они побуждают меня обратить внимание вашего императорского величества на следующее важное обстоятельство.

В настоящую минуту в Москве и во всем торговом мире происходит сильное волнение с раздражением по поводу горячего вопроса о кавказском транзите по вновь открываемой Тифлисско-Бакинской железной дороге. С одной сто-

Библиотека "Руниверс"

роны, в интересах дороги — настаивать на необходимости открыть по ней провоз иностранных товаров. С другой стороны, торговые и промышленные люди в России уверены, что с открытием транзита весь обширный торговый рынок на Востоке завален будет английским товаром, русский товар будет вытеснен, и русской промышленности угрожает полное падение. С политической стороны, высказывают опасения, что если раз открыт будет свободный транзит по этому пути, то будет уже невозможно закрыть его, ибо придется уже рисковать открытою войной с Англией, которая привыкла во что бы то ни стало отстаивать свои интересы на рынках, уже открытых для ее господственного влияния.

К несчастию, этот горячий вопрос возбудился в самую критическую пору для русской торговли и промышленности. Торговля в полном застое, в деньгах страшный недостаток, курс падает; после неудачной ярмарки усилились банкротства; иногородные должники не платят, на хлеб нет никакого требования; общественные банки, оставленные без всякого контроля, лопаются. В таком напряженном состоянии распространилось в среде торгового мира мнение, подерживаемое сплетнями и статьями петербургских газет,—мнение, будто правительство намерено из одного принципа свободной торговли открыть свободный транзит.

Под влиянием всех этих слухов, толков и впечатлений съехались в Москву представители важнейших торговых и промышленных фирм, до 150-ти. На бирже, в собрании выборных, 29 ноября положено отправить к вашему величеству депутацию для всеподданнейшего ходатайства о спасении русской торговли и промышленности. Принятие этой депутации было бы, без сомнения, неудобно, и потому она отклонена. Это послужило поводом к новым толкам и к новому волнению, которое не успокаивается и питается вестями, привозимыми из Петербурга.

Я не позволяю себе судить о самом существе вопроса, но останавливаюсь на следующем обстоятельстве.

Когда волнение поднимается в жидких слоях интеллигенции, в среде журналистов или либеральных чиновников (как,

Библиотека "Руниверс"

например, по делу о женских врачебных курсах), можно не придавать ему большого значения. Но на этот раз волнение происходит в среде самой русской, самой консервативной, самой преданной государю, во имя русских и национальных интересов. Для правительства, особливо в нынешнюю пору, будет очень вредно, если эти люди получат повод жаловаться, что их не выслушали, что интересы русской торговли оставлены без внимания, что вопрос решили односторонне чиновники в канцелярии. Необходимо, чтоб они не имели к этому никаких поводов.

Поводы эти будут непременно, если этот важный вопрос будет направлен так же, как направлялись прежде важные вопросы о выкупных платежах, о Крестьянском банке, о питейном деле и пр. Дела вносились в государственный совет прямо, без общего обсуждения в собрании всех министров. Отсюда происходило в государственном совете принципиальное и даже раздражительное разногласие между министрами,—разногласие, не составлявшее ни для кого тайны. Думаю, наприм., что дело о Крестьянском банке, которое, по моему убеждению, получило совершенно неправильное решение, направлено было бы совершенно иначе и, может быть, совсем не вносилось бы в совет, если бы предварительно обсуждено было в главных основаниях совещанием министров. А в государственном совете министр, который внес свой проект по единоличному докладу, принужден защищать его и отстаивать во что бы то ни стало, хотя бы и сам получил сомнение.

После долгого колебания, я решился беспокоить ваше императорское величество настоящим письмом с целью представить вниманию вашему соображения, которые почитаю существенными для справедливого решения в этом важном деле и для охранения драгоценного для всех имени и блага вашего величества.

Константин Победоносцев.

Петербург. 18 декабря 1882.

Библиотека "Руниверс"

313.

Болезнь не позволяет мне быть завтра на выходе, и потому спешу на письме поздравить ваше императорское величество с наступающим новым годом. Останавливаюсь на пороге и молю бога, да хранит в мире вас, государыню императрицу и весь дом ваш, и с вами да утвердит милосердием и благостью судьбы нашего возлюбленного отечества. Да пошлет вам добрых советников, твердых в мысли, горячих сердцем, сильных разумом и опытностью, и да хранит и вразумляет, не отнимая от нас тех, которые еще остались.

Минувший год был все-таки полегче предыдущего, в котором господь бог за грехи наши наложил на нас каиново клеймо—в страшном событии 1 марта. Стало потише,—слава богу! Но еще нет света и разума в людях, и смешение языков продолжается. Пошли, нам боже, света и разума—и крепкой власти, о чем весь народ молит.

Радуемся все, что новый год встречаем в сознании вашего присутствия в столице. Сегодня извозчик, проезжая мимо Аничкина дворца, говорил седоку: „Ну, слава богу. Царь приехал. Тоска, барин, без хозяина. Без хозяина—все хозяева и толку нет. И в нашем быту, когда хозяин уедет из дому надолго, в избе бестолочь—всякий делает, что попало".

Благослови боже венец наступающего лета. Верьте, ваше императорское величество, и на сей год, и навсегда, неизменной и горячей преданности верноподданного.

Константин Победоносцев.

31 декабря 1882. 11$^{1}/_{2}$ час. веч.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМЕЧАНИЯ[1]).

1.

Письмо, датированное 22-м ноября, очевидно, написано в 1865 году. Упоминаемый в письме старший брат Александра III Николай Александрович умер 12 апреля 1865 года, и той же зимой Победоносцев, состоявший преподавателем покойного, приступил к чтению лекций по законоведению его младшему брату. С этого времени возникает и постепенно крепнет влияние Победоносцева на Александра III.

2.

Великая княгиня—Мария Федоровна (Софья-Фредерика-Дагмара), дочь датского короля Христиана IX, с 28 октября 1866 г.—жена наследника. Церемония, о которой говорится в письме, заключалась в обряде освящения часовни, сооруженной в Петербурге у Летнего сада, на том месте, где за год перед этим (4 апреля 1866 г.) было произведено Каракозовым покушение на Александра II.

4.

По получении этого письма, наследник усиленно просил у отца разрешения поехать на похороны Филарета, но тот решительно ему отказал в этом.

5.

Письмо не датировано. В 1867 году Самариным была выпущена в свет работа в 2-х выпусках «Окраины России». В ней автор упрекал правительство в ослаблении национальной политики на окраинах. Очевидно, об этой работе и идет речь в письме. Дальнейшие выпуски «Окраин» выходили за границей в 1871, 1874, 1875 и 1876 г.г.

---

1) Примечания относятся к соответственным №№ писем.

Библиотека "Руниверс"

8.

Полное название книги: Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 Нила Попова. (Гл.I до устава 1839 г., Гл. 2 — после устава 1839 г..) Москва. 1869 г.

9.

Брошюра Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену с приложениями. Москва. 1869 г.

10.

Байков был городским головой в Ростове-на-Дону дважды: с 1863 г. — до введения городового положения и в 1884—1889 г.г. В мае 1865 г. екатеринославскому губернатору была подана жалоба, где против Байкова было выставлено 16 обвинительных пунктов. Переписка, запросы и объяснения тянулись больше года, и в ноябре 1866 г. екатеринославское губернское правление определило жалобу оставить без последствий.

11.

Речь идет о рождении у наследника третьего сына Георгия (27 апреля 1871 г.).

12.

Письмо относится, очевидно, к январю 1873 года. Такое заключение позволяют делать следующие совпадения: в ноябре и декабре 1872 года наследник болел тяжелой формой брюшного тифа и только в январе поправлялся; упоминаемая печальная церемония несомненно — похороны вел. кн. Елены Павловны (13 января 1873 г.), на которых он присутствовать не мог.

13.

Письмо, датированое «2 февраля, вечер», повидимому, должно быть отнесено к 1873 году. В нем упоминается о выздоровлении наследника, из газет же того времени видно, что в январе и феврале 1873 года на имя наследника посылались поздравительные телеграммы по случаю выздоровления и всюду служились «благодарственные молебны»· к числу их, повидимому, относится и упоминаемые телеграмма старшины синагоги в Красноярске Берковича и молебен в Костроме.

16.

Поездка наследника с женой в Лондон находилась в связи с предстоявшей помолвкой великой княжны Марии Александровны с принцем

Библиотека "Руниверс"

Альфредом великобританским, сыном королевы Виктории. В день их отъезда из Царского Села на Вену их дети, Николай и Георгий, в сопровождении Победоносцева, были отправлены на яхте «Штандарт» в Копенгаген, откуда, по приезде из Вены, наследник с семьей отправился уже в Лондон.

16.

В 1873 г. вышла в свет новая книга этнографа Рольстона—Rolston. Russian Falk-Tales. London. 1873. В 1872 г. им были изданы «The songs of the Russian people».

17.

Роман Мельникова-Печерского «В лесах» печатался в журнале «Русский Вестник» с 1871 года. Отдельным изданием вышел в Москве в 1875 году.

2 октября 1873 года горизонт воды стоял на Неве на 10 футов выше нормального уровня, что не бывало со времени грозного наводнения 1824 г., когда вода поднималась на 18 футов.

В 1873 году разрабатывался гербовый устав, опубликованный в следующем году.

18.

Говоря о «семейных событиях» Победоносцев имеет в виду свадьбу (11 января 1874 г.) великой княжны Марии Александровны с принцем Альфредом великобританским и пребывание в Петербурге (с 1 по 11 февраля) австрийского императора Франца-Иосифа.

0.

Письмо написано 28 марта 1874 года, так как «великий четверг», которым Победоносцев пометил письмо, был в этом году 28 марта.

«Складчина» — литературный сборник, изданный в пользу пострадавших от неурожая в Самарской губернии. В нем приняли участие Гончаров, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Майков, Победоносцев (ст. «Дела и дни». Emerson. Society and Solitude.) и многие другие.

21.

Упоминается о рескрипте от 1 мая 1874 года на имя московского городского головы в связи с постановлением городской думы о готовности ее

Библиотека "Руниверс"

пожертвовать участок городской земли на Красной площади для возведения на нем здания Исторического музея.

22.

Письмо без даты. Приблизительно его можно отнести ко второй половине апреля месяца 1874 года (до 22 апреля), сопоставляя версию о прекращении издания «Гражданина» с появлением в № 16, от 22 апреля 1974 года, на первой странице этой газеты извещения от редакции такого содержания: «С настоящего нумера Ф. М. Достоевский, по расстроенному здоровью, принужден, не оставляя по возможности своего постоянного участия в «Гражданине», сложить с себя обязанности редактора журнала, которые и принимает на себя (временно) один из постоянных участников и сотрудников редакции В. Ф. Пуцыкович. Само собой разумеется, что направление журнала ни в чем не изменится».

25.

Обряд освящения пражской церкви состоялся в воскресенье 4(16) августа 1874 года.

Рейхенгаль (Reichenhall) — курорт в Верхней Баварии.

26.

Конгресс старокатоликов происходил в Фрейбурге 6—7 сентября (н. с.) 1874 г. На конгрессе присутствовало до 130 депутатов из различных мест Германии и много лиц, интересующихся старо-католическим движением из Англии, Франции, Италии и Америки.

29.

Речь идет об издателе Н. П. Полякове, у которого в 70-х годах был любопытный судебный процесс. Поляковым был издан I том сочинений Гартполя Лекки, под заглавием «История возникновения и влияния рационализма в Европе» в переводе А. Н. Пыпина. Цензурный комитет признал, что книга Лекки, трактующая о религиозных предметах, должна подлежать предварительному рассмотрению духовной цензуры. Приняв во внимание, что книга вышла без предварительной духовной цензуры, комитет арестовал вышедшие экземпляры и Поляков был предан суду по обвинению в преступлении, предусмотренном 1,024 статьей уложения о наказаниях. Дело слушалось в петербургском окружном суде 13 сентября 1871 г.; суд признал издателя Полякова не подлежащим наказанию по статье 1,024, так как арест на книгу был наложен до выхода ее в обращение. Книга по заключению суда была передана на рассмотрение духовной цензуры.

Библиотека "Руниверс"

30.

Письмо, несомненно, должно быть отнесено к 1875 году, так как упоминаемая в нем статья ориенталиста В. В. Григорьева о средне-азиатских делах помещена в I томе сборника Государственных Знаний, вышедшем из печати в конце 1874 года.

31.

А. Е. Тимашев был министром внутренних дел с 1868 года до конца 1877 года после ухода Валуева.

Е. П. Новиков с 29 мая 1870 года по 2 марта 1874 г. состоял посланником в Вене, а со 2 марта 1874 г. по 22 декабря 1879 года там же — послом.

32.

Письмо датировано 3-м февраля и не имеет года. Следует его считать написанным в 1875 году, так как по содержанию оно является продолжением предшествующего письма от 29 января 1875 года.

34.

В статье, написанной в форме письма к генералу Фадееву, Ю. Ф. Самарин представил характеристику той небольшой партии, которая проявляла себя в конце 50-х и начале 60-х годов своей отрицательной позицией к крестьянской реформе. Выразителем этой партии был генерал Р. А. Фадеев.

38.

Катков хлопотал о субсидии на окончание постройки здания для лицея имени цесаревича Николая, строившегося с 1868 года в Москве на средства М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева и главным образом С. С. Полякова. Покровитель лицея наследник и министр финансов М. Рейтерн поддержали это ходатайство Каткова. Субсидия была отпущена из средств государственного казначейства в размере 23.000 руб. в год до заверешения всех строительных работ.

39.

Славянский благотворительный комитет основан в 1858 г. группой московских славянофилов во главе с М. П. Погодиным. В 1868 году открыт петербургский отдел Славянского благотворительного комитета и при нем учреждена издательская комиссия под председательством историка-славянофила А. Ф. Гильфердинга. В 1875 году петербургским отделом был

Библиотека "Руниверс"

издан I том «Славянского сборника», имевшего целью способствовать изучению нравственной, умственной и художественной жизни славянских народов. Мысль об издании сборника возникла в 1874 году, при чем тогда же решено было обратиться к русским и заграничным ученым и литераторам, писавшим по славянскому вопросу. В I томе приняли участие: А. Ф. Бычков, В. И. Ламанский, И. Наумович, Н. А. Попов, Пич, Уриил Матсор и Я. Ф. Головацкий.

40.

«Исторические исследования и статьи К. П. Победоносцева, действительного члена московского общества истории и древностей российских и императорского исторического общества». СПБ. 1876 г.

Это ряд прежде опубликованных в различных журналах статей Победоносцева по истории крепостного права в России и учреждений. За год до издания книги автор ее был избран в действительные члены московского общества истории и древностей российских. «Это лестное избрание побудило его собрать напечатанные прежде в журналах труды свои», говорится в предисловии, «и издать их отдельной книгой».

Упоминаемое Победоносцевым дело Жуковых об убийстве жены и дочери пензенского воеводы Жукова, живших в Москве, относится к 1754 году и для своего времени являлось громким судебным процессом. Виновником убийства был родной сын Жукова с женой и тещей, а исполнителями—крепостные. Дело тянулось до 1766 года. Алексей Жуков был сослан в Соловки, а жена его в один из монастырей Сибири.

41.

Ю. Ф. Самарин умер в одной из больниц Берлина 19 марта 1876 года.

43.

«Озими». Новый сборник стихов Я. П. Полонского. ч. 1 и 2 СПБ. 1875 и 1876 г.г.

44.

В 1875 году Босния и Герцеговина восстали против турок, в следующем году вспыхнуло восстание в Болгарии. Сербия и Черногория выступили им на помощь и объявили Турции войну в июне 1876. В России Славянский комитет устроил сбор пожертвований повстанцам, отправил на театр войны санитарный отряд и организовал вербовку русских добровольцев, которые и приняли участие в войне в составе сербской армии под командованием генерала Черняева.

26 июня 1876 года Александр II и Франц-Иосиф имели совещание в замке Рейхштадт (в Богемии), обсуждая положение на Балканах в связи

Библиотека "Руниверс"

с происходившей там войной. На совещании присутствовали русский и австрийский министры иностранных дел Горчаков и Андраши. Было постановлено, что Россия и Австрия будут держаться строгого нейтралитета по отношению к воюющим сторонам, но когда перевес окажется на стороне одного из противников, то оба договаривающиеся государства согласуют результаты войны с интересами России и Австрии.

50.

«Говорят Игнатьеву велено потребовать от Порты решительного ответа в 48 часов».

Здесь имеется в виду ультиматум от 19 октября 1876 г., врученный Турции русским послом в Константинополе ген.-адъют. Н. П. Игнатьевым. В нем Россия требовала от Турции заключения перемирия с Сербией на один месяц или на 6 недель и немедленного прекращения с нею военных действий, угрожая в противном случае немедленным разрывом дипломатических сношений. 20 октября Турция ответила о своем подчинении этим требованиям.

52.

В начале сербско-турецкой войны ген.-м. С. К. Новоселов отправился на сербский театр войны и в сентябре 1876 года заменил серба Чолонкотича в должности командующего Ибарской армией.

Письма Мещерского «На пути в Сербию» и «В Сербии» печатались в «Гражданине» (№№ 30—42) с 11 октября 1876 года.

54.

«Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, ежемесячное издание 1876—1877, 1880 (август) и 1881 (январь). В 1880 и 1881 вышли по одному выпуску.

55.

Рачинский, Сергей Александрович, профессор ботаники московского университета. По оставлении профессуры в 1867 году, выдержал экзамен на народного учителя и посвятил себя народной школе в селе Татеве, Смоленской губернии.

57.

Упоминаемая в письме статья «Новейшая английская литература по восточному вопросу» напечатана Победоносцевым без подписи в № 1 газеты «Гражданин» от 8 января. В ней он делает обзор следующих книг: Гладстон «Болгарские ужасы» (Bulgarian Horrors), Дженкинс «Shadow on she Cross», Свинборн «Заметка английского республиканца по поводу московского крестового похода» (Note of an english Republican on the Moscovite Crusade), Альфред Аустин «Россия перед Европой», Фримен «The Eastern question in its historical Bearing», «Славяне и турки или пограничные места Ислама в Европе» (Slaves and Turks or the Bordeerlands of islam in

Библиотека "Руниверс"

Europe), Генри Барклай «Между Дунаем и Черным морем или 5 лет в Болгарии» (Between the Danube and the Black Sea; or five years in Bulgaria. London, 1875), пастор Дентон «The Christians of Turkey», Беркер «Сирия и Египет в правление последних пяти султанов» (Syria and Egypt under the last five sultans of Turkey. London, 1876).

58.

Упоминаемая Победоносцевым корреспонденция из Праги помещена в №№ 8 и 9 «Московских Ведомостей» от 11 и 12 января за подписью «N» и под заглавием «Русский Новый 1877 год в Праге». В статье рассказывается о приезде 30 декабря 1876 в Прагу участника сербско-турецкой войны ген. Черняева, которому славянское население города с городским головой, членами городской думы и редакторами газет устроило почетную встречу. На 2 января подготовлялся банкет, но Черняев был арестован австрийскими властями в гостинице и выслан из Праги за пределы Австрии в тот же день в сопровождении полицейского комиссара.

60.

Мак-Гахан, корреспондент газет «New York Herald» и «Daily News», участвовал с русскими войсками в хивинской экспедиции 1873 года, результатом чего была книга «Campaigning on Oxus». Его корреспонденции в «Daily News» за 1876 г. заключали описания жестокостей турок в отношении славян. Жестокие расправы турок при подавлении восстания в Болгарии летом 1876 года произвели сильное впечатление в Европе и дали повод к написанию Гладстоном известной брошюры «Bulgarian Horrors».

61.

Письмо без даты. Очень возможно, что Победоносцев имеет в виду речь председателя московского Славянского комитета И. С. Аксакова, сказанную им в комитете 6 марта 1877 года.

63.

Упоминаемая в письме передовая статья помещена в № 117 «Московских Ведомостей» от 15 мая 1877 и посвящена обзору иностранной печати в связи с переговорами между Лондоном и Петербургом относительно военных и политических целей русско-турецкой войны и критике правил, составленных русским м-вом иностранных дел, соблюдение которых обязательно во время войны. В этом же номере газеты помещена выдержка из корреспонденции «Тифлиского Вестника» о «рекогносцировке ардаганских укреплений».

Библиотека "Руниверс"

64.

Плевна—город в западной Болгарии на реке Тученице; имела огромное влияние на ход русско-турецкой войны 1877 года. Первая неудача под Плевной имела место 8 июля 1877 года, когда атака русских войск была отбита турками. 18 июля русские войска вновь штурмовали Плевну, но были опять отбиты, потеряв при этом 6.000 убитыми и ранеными.

65.

«Генерал-адмирал спрашивал мин. ин. дел, можно ли в пределах международного права преследовать военную контрабанду», и т. д.

Декларация о морском праве от 4 (16) апреля 1856 установила неприкосновенность частной собственности в морской войне. но за исключением контрабанды и неприятельского груза под неприятельским флагом. В мае 1877 года были опубликованы правила, которыми русское правительство намерено руководствоваться во время войны с Турцией, как в отношении неприятеля и его подданных, так и нейтральных держав и нейтральной торговли. Правила состояли из 12 пунктов, из коих V подтверждал парижскую декларацию 4 (16) апреля 1856 года, а VI, ссылаясь на ту же декларацию, перечислял предметы, входящие в понятие военной контрабанды. Пункт VII опубликованных правил говорил: «наравне с торговлей военной контрабандой должны считаться следующие недозволенные действия нейтральных: перевозка неприятельских войск, неприятельских депеш и переписки, поставка и подвоз неприятелю военных судов. Нейтральные суда, застигнутые с подобного рода военной контрабандой, могут быть, смотря по обстоятельствам, не только захватываемы, но и конфискуемы».

Генерал-адмирал — в. кн. Константин Николаевич, главный начальник флота и морского ведомства.

В русско-турецкую войну наследник командовал Рущукским отрядом, сформированным в июне 1877 года.

66.

Бои под Шипкой происходили 9—14 августа 1877 г. Русские войска отстояли перевал против значительных сил Сулеймана-паши.

«Голос»—ежедневная политическая газета либерального направления, выходившая в Петербурге с 1863 года по 1883 под редакцией А. А. Краевского. В 1877 г. «Голос» после трех предостережений был приостановлен изданием на 1 месяц 14 дней и розничная продажа была запрещена в течение 40 дней.

67.

Имеется в виду бой между главными силами Кавказской действующей армии и войсками Мухтар - паши и занятие 20 сентября русскими

Библиотека "Руниверс"

войсками горы Большая Ягны, которая по стратегическим соображениям была вскоре русскими оставлена. Турки отступили к Авлияру.

68.

«Начнется на-днях обсуждение политического процесса целой партии молодых людей, которых держат вот уже 4 год без суда в тюремном заключении». Здесь имеется в виду процесс 193-х. «Дело о революционной пропаганде» началось слушанием в особом присутствии сената 18 октября 1877 года и закончилось 23 января 1878 года.

69.

«Мы видели эти флаги в грустные дни, когда возили по улицам Никопольские трофеи,—в то время, когда известны были ужасные результаты второй атаки на Плевну».

Никополь — турецкая крепость на правом берегу Дуная, взята русскими войсками 4 июля 1877 года. Трофеи: 7 тысяч пленных, 6 знамен и 113 орудий.

2-я атака русских войск на Плевну происходила 18 июля и была отбита с большими потерями.

«Казанской историей» Победоносцев называет демонстрацию перед Казанским собором в Петербурге 6-го декабря 1876 года, во время которой говорил речь Г. В. Плеханов. Арестованные за участие в этой демонстрации осуждены в январе 1878 года.

70.

Сергей Максимиллианович Романовский, герцог Лейхтенбергский, троюродный брат Александра III находился в Рущукском отряде и был убит 12 октября 1877 года во время рекогносцировки под Иован Чафтликом.

Молодая Строгонова — Елена Григорьена Строгонова, сестра С. М. Лейхтенбергского по матери (в. кн. Марии Николаевне, бывшей во 2 браке за графом Григорием Строгоновым).

72.

Статья «Пленные турки» Евгения Маркова помещена в № 267 газеты «Голос» от 5 ноября 1877 г.

73.

Крепость Карс три раза переходила в руки русских: 16 марта 1807, в 1828 году, 17 сентября 1855 г. и, наконец, окончательно 6 ноября 1877 года. По Берлинскому трактату 1878 года оставлена за Россией.

Библиотека "Руниверс"

Письмо князя Льва Владимировича Шаховского из Дольнего Дубняка (от 29 окт.) помещено в № 283 газ. «Московские Ведомости» от 15 ноября 1877 г.

Николай Саввич Абаза был в 1877 г. главноуполномоченным общества Красного Креста в тылу действующей армии (управление помещалось в Кишиневе). Упоминаемая «статья против Абазы» помещена в № 245 газеты «Голос» от 14 октября 1877 года за подписью А. Б. В. и под заглавием «Красный Крест в тылу армии». Объяснения Абазы по поводу этой статьи помещены в № 284 «Голоса» от 22 ноября.

74.

Имеется в виду передовая статья в газете «Московские Ведомости» о победе Рущукского отряда (Тростеники и Мечки), помещенная в № 286 от 18 ноября 1877 г.

«Ваша телеграмма произвела радость в Москве».

Речь идет о телеграмме наследника на имя московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова такого содержания: «искренно благодарю жителей Москвы и вас, любезеный князь, за принесенные поздравления. Господь услышал молитву москвичей и даровал моему отряду вчера блестящее отражение сильной неприятельской атаки на 12 корпус. Цесаревич Александр».

75.

«Несчастное дело Мирского» — имеется в виду поражение, нанесенное турками 21—22 ноября 1877 под Еленою (Болгария, Тырновский округ) отряду генерала князя Н. И. Святополк-Мирского.

76.

«События у Елены» — поражение турками отряда Святополк-Мирского.

Плевна пала 28 ноября 1877 г. Все защитники города во главе с командующим армией Осман-пашей попали в плен. В числе пленных были 40 пашей, 2.000 турецких офицеров и 44,000 солдат.

77.

Письмо следует отнести к 1877 г., так как упоминаемая в нем одиннадцатая книга «Архива князя Воронцова» вышла в свет в Москве в 1877 году.

81.

Имеется в виду оправдательный приговор суда присяжных по делу В. И. Засулич, ранившей выстрелом петербургского градоначальника Трепова (24 января).

Библиотека "Руниверс"

Приговор повлек за собой отставку министра юстиции графа К. Н. Палена и изъятие из компетенции суда присяжных дел о насильственных действиях против властей.

82.

«Вчера положено было обратиться к министру финансов с ходатайством об авансе».

Речь идет о ходатайстве о-ва Добровольного флота.

В 1878 году под влиянием ожидавшейся войны с Англией была открыта во всероссийском масштабе подписка под покровительством наследника на приобретение быстроходных пароходов, которые можно было бы превратить в крейсеры для преследования торговых судов противника. На собранные деньги были куплены пароходы за границей.

К концу русско-турецкой войны Добровольный флот имел 4 парохода («Россия», «Москва», «Петербург» и «Нижний-Новгород»). По заключению мира с Турцией опасность войны с Англией улеглась, и пароходы были исключены из состава Добр. флота с поступлением в ведение комитета Добр. флота. В следующем 1879 г. Комитет закрылся и возникло «О-во Доброфлота» поступившее в ведение министерства финансов. Общество поставило себе целью поддерживать пассажирско-товарное движение от Одессы до Владивостока и исполняло поручения правительства по перевозке войск с Балкан, грузов и ссыльно-каторжных на Сахалин.

83.

Письмо без даты.

Следует считать его написанным 11—16 мая 1878 г. Дата определяется временем пребывания в Петербурге персидского шаха Наср-Эддина, о котором говорится в письме.

84.

С. С. Лесовский управлял морским министерством с 1876 г. по 23 июля 1880 г.

«Приторгованные суда предполагается привести в Кронштадт по условию с продавцами и здесь уже совершить платеж и покупку».

Речь идет о трех пароходах, купленных Добровольным флотом в Германии. Пароходы эти получили названия: «Россия», «Москва» и «Петербург».

85.

«Первый пароход пришел вчера, и приемка его уже началась».

14 июня прибыл в Кронштадт германский пароход «Holsata», купленный Добр. флотом в Гамбурге за 85.000 фунтов стерлингов. Пароход был переименован в «Россию».

Библиотека "Руниверс"

86.

Имеется в виду речь И. С. Аксакова, сказанная 22 июня 1878 года в Славянском комитете по поводу Берлинского конгресса. За эту речь Славянский комитет в Москве был закрыт, а Аксаков выслан из Москвы в село Варварино, Владимирской губернии.

№ 88.

В начале 1878 казалась неизбежной война под стенами Константинополя между Россией и Англией, боявшейся захвата русскими турецкой столицы. Разрыва не произошло благодаря согласию России на созыв Берлинского конгресса, предложенного Германией для пересмотра условий мира между Россией и Турцией. Во время хода Берлинского конгресса, английский мин. ин. дел лорд Салисбери заявил русскому уполномоченному графу Шувалову, что Англия возьмет обратно выраженное ею в мае 1878 г. согласие на присоединение к России Батума. Англия на конгрессе держалась безусловно турецкой ориентации, но в английском обществе и печати тем не менее велась кампания против России, и Биконсфильд упрекался в уступках России. Русское общественное мнение, в свою очередь, было сильно раздражено против Англии и Австрии, повлиявших на изменение Сан-Стефанского договора. Об этом «глубоком раздражении против коварной английской политики» и говорит в своем письме Победоносцев.

90.

Ластовая пошлина — правительственный сбор, взыскиваемый с торговых судов, заходящих в порты для нагрузки и выгрузки товаров. Ласт — единица емкости судна=2 тоннам.

Журнальная полемика началась статьей лейтенанта З. П. Рождественского: «Броненосцы и купцы-крейсера», помещенная в «Биржевых Ведомостях» и передающая о неправильном освещении боя парохода «Весты» с турецким броненосцем в войну 77 года в реляциях командира «Весты» Н. М. Баранова. Баранов обратился к высшему морскому начальству, обвиняя Рождественского в клевете. Назначенное следствие не нашло состава клеветы, и дело было прекращено, так как Барановым в морском министерстве были недовольны за его статьи против «поповок» (по плану вице-адм. Попова в 70 годах строились крупные броненосные суда для береговой обороны Черного моря. Война с Турцией обнаружила полную непригодность «поповок»). Тогда Баранов написал и подал морскому начальству резкую записку, за которую был предан суду и отставлен от службы.

92.

«История Рождественского» — описана в предыдущем примечании. Несчастный случай, упоминаемый в письме, произошел на миноноске

Библиотека "Руниверс"

«Угорь» 31 июля 1878 на кронштадтском рейде: был убит наповал кочегар и четыре человека ранено (газ. «Голос», 2 авг. 78, № 212). В № 177 «Правительственного Вестника» от 9 августа 1878 г. сообщаются подробности гибели минного катера «Сулин» вследствие взрыва парового котла. Из команды катера спаслись только двое, остальные погибли.

94.

По заключению мира пароходы Добровольного флота принимали участие в перевозке войск из Сан-Стефано в Одессу; ими было перевезено 13.000 человек и 300.000 пудов груза.

95.

Археологическая комиссия образована в 1859 году и имела своей задачей производство археологических раскопок, исследование древностей, собирание сведений и памятников старины и ученую оценку открываемых древностей.

99.

Шеф жандармов и начальник III отделения Мезенцев был убит ударом кинжала на улице Петербурга 4 августа 1878 года. Убивший Мезенцева С. М. Кравчинский скрылся и эмигрировал за границу.

Председателем Государственного Совета с 1 января 1865 года по 1881 г. был вел. кн. Константин Николаевич. о его предполагаемом возвращении упоминает в своем письме Победоносцев.

107.

Статья под заглавием «Добровольный флот» без подписи помещена в № 41 газеты «Яхта» от 28 октября 1878 года.

110.

«Население целого местечка было подвергнуто истязаниям и военной экзекуции за то, что отстаивало права на свою собственность, которую отхлопотал себе местный губернатор». Имеется в виду следующий случай: Жители местечка Логишино, Минской губ., со времени владычества литовских великих князей владели землей в количестве 2.400 десятин с сенными покосами и были приписаны к сословию мещан. В 1870 году у логишинских мещан, отказавшихся переписаться в государ. крестьяне, земли, находившиеся в их владении, были описаны по распоряжению министра государственных имуществ и признаны казенными им были оставлены лишь усадебные участки и выгон. Из отобранных земель был образован продажный участок в количестве 2.631 десятины, который был продан минскому губернатору Токареву на льготных условиях. Когда Токарев был введен во вла-

Библиотека "Руниверс"

дение, логишинцы оказали вооруженное сопротивление, для подавления которого был выслан военный отряд, потребовавший с населения уплаты Токареву денег за хлеб и сено и подвергший часть логишинцев телесному наказанию.

113.

Упоминаемое в письме „радостное событие“ — рождение у наследника сына Михаила (22 ноября 78 г.) и назначенное на 26 ноября празднование орденского праздника Георгия Победоносца.

112.

С. А. Грейг был назначен 7 июля 1878 года министром финансов (вместо М. Х. Рейтерна). Занимал этот пост до ноября 1880 года.

Им был увеличен гербовый сбор и пошлины со страхований, обложен дополнительным налогом табак и спиртные напитки и введен налог с пассажирских билетов и товаров большой скорости.

124.

Сообщаемый слух об уходе Аркаса и назначении на его место Таубе не был верен. Николай Андреевич Аркас был главным командиром черноморского флота и портов с 1871 по 1881 год. Вице-адмирал бар. Василий Федорович Таубе был директором инспекторского департамента морского министерства с 1868 по 1880 г.

125.

Статья «По поводу проекта адмирала Чихачева» помещена в № 354 газеты «Голос» от 23 декабря 1878 г. за подписью «Старый моряк».

Статья «Народные крейсеры или Добровольный флот» за подписью графа А. А. Апраксина помещена в газете «Голос» от 20 января 1879 г.

Граф Апраксин доказывает невозможность торговой эксплоатации судов Добровольного флота и объясняет, что самая мысль о такой эксплоатации явилась только вследствие ошибки, сделанной московским обществом содействия русскому торговому мореходству, заменившим слово «крейсер» словом «флот» и открывшим подписку не на сооружение крейсеров, а на сооружение судов Добровольного флота.

131.

Корреспонденция «С берегов Невы» за подписью «Иногородний обыватель» помещена в номере «Московских Ведомостей» от 18 января 1879 года.

155.

Покушение 2-го апреля 1879 г. на Александра II произведено бывшим сельским учителем и студентом петербургского университета

Библиотека "Руниверс"

А. К. Соловьевым. Правительственное сообщение того времени передает обстановку покушения следующим образом: царь возвращался с прогулки, около Главного штаба навстречу ему «вышел человек весьма прилично одетый, в форменной гражданской с кокардой фуражке» и, подойдя ближе, «вынул из кармана пальто револьвер и выстрелил в его величество».

Дело разбиралось верховным уголовным судом под председательством С. Н. Урусова, Соловьев был присужден к смертной казни и повешен.

160.

Речь идет о праздновании в семье наследника дня рождения сына Николая.

162.

Подводная лодка, изобретенная Джевецким, была обшита сверху железом и имела яйцевидную форму в продольном разрезе, значительно суженую спереди и образующую к носу острый угол. Длина лодки около 2 сажен. В движение лодка приводилась посредством осообго винта, приводимого в действие ногами сидящего в лодке, отчего ход ее был очень медленный.

163.

Указом 5 апреля 1879 г. была утверждена должность временного петербургского генерал-губернатора, упраздненная 12 февраля 1880 года. Временным петербургским генерал-губернатором был И. В. Гурко, при котором и служил Баранов в 1879 г., командированный по служебным делам заграницу.

Урусов с Набоковым ездили в крепость вручать обвинительный акт Соловьеву, покушавшемуся 2 апреля 1879 г. на Александра II.

165.

23 мая 1879 г. состоялось собрание членов учредителей Добровольного флота для избрания главного правления общества. В этом заседании Победоносцев делал доклад о деятельности комитета за время его существования. Кандидатами на пост председателя были названы К. П. Победоносцев и А. Е. Комаровский, из них первый был утвержден в этом звании.

164.

Перед отъездом из Петербурга в Крым в апреле 1879 г. Александр II поручил особому совещанию под председательством П. А. Валуева с составе министров военного, финансов, юстиции, народного просвещения, внутренних дел, главноуправляющего III отделением и шефа жандармов выяснить

Библиотека "Руниверс"

«причины быстрого распространения в среде молодого поколения разрушительных учений и изыскать действительные практически меры положить пределы их растлевающему влиянию». О заседаниях этой комиссии и упоминает в своем письме Победоносцев. Особое совещание выработало следующие судебно-административные меры: предоставление полиции большей самостоятельности, согласие губернатора при назначениях должностных лиц в земских и городских учреждениях и т. д. 16 июня 1879 г. в развитие заключения особого совещания появился циркуляр министра внутренних дел Макова о переделе земли. В циркуляре опровергались ходившие в крестьянском населении слухи и надежды на дополнительный земельный надел.

«Ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может», говорилось в циркуляре и вменялось в обязанность «сельскому, волостному и полицейскому начальствам зорко и неослабно следить» за революционной агитацией.

168.

В письме упоминается брошюра Гончарова «Лучше поздно, чем никогда»,—очевидно, оттиск из 6-й книги ежемесячного журнала «Русская Речь» за 1879 год. Журнал издавался в Петербурге в 1879—1882 г.г. под редакцией Навроцкого.

175.

Война между Чили, с одной стороны, и Боливией и Перу с другой, велась в 1879—1883 г.г. и завершилась победой Чили. Мир с Перу был заключен 20 сентября 1883 г. и с Боливией 11 декабря того же года. Боливия по мирному договору потеряла провинцию Атокама.

176.

Упоминаемый в письме сын в. кн. Екатерины Михайловны — герцог Георгий Александрович Мекленбург-Стрелецкий, студент страсбургского университета.

Наследник был в Стокгольме с 12 (24) по 15 (27) августа 1879 г., после чего уехал в Данию.

178.

Наместником Кавказа с 1863 года по 1881 г. был вел. кн. Михаил Николаевич.

179.

Имеется в виду свидание Александра II с германским императором Вильгельмом I, происходившее в Александрове 22 и 23 августа 1879 года.

Библиотека "Руниверс"

182.

Упоминаемые в письме трения с Англией в Средней Азии возникли весной 1878 г.; ожидалась война (см. прим. к письму 78) и в Афганистан было отправлено русское посольство с генералом Столетовым и Разгоновым во главе, с целью привлечь эмира Шир-Али на сторону России.

В Лондоне заволновались, и в результате дипломатических переговоров Россия отозвала свое посольство из Кабула. Шир-Али не ладил с Англией и держался русской ориентации. Отправленная англичанами в Кабул миссия была задержана агентами эмира на границе, и только при поддержке посланного англичанами отряда миссия достигла Кабула. Шир-Али бежал в Россию, где и умер; его сын Якуб-хан подписал в мае 1879 г. договор с британскими оккупационными властями, по которому правительство Индии обязалось уплачивать новому эмиру ежегодно 60.000 фунтов стерлингов, в замен чего Афганистан согласился иметь в Кабуле английскую миссию и уступил часть своей территории для исправления границ. Вскоре прибыл в Кабул и новый английский резидент, который был убит. Тогда в Афганистан опять была отправлена сильная английская армия, Афганистан с Кабулом во главе был оккупирован и Якуб-хан смещен и заменен Абдурахманом. Для противодействия росту английского влияния в Средней Азии Россия решила раздвинуть свои средне-азиатские владения и предприняла летом 1879 г. экспедицию под начальством ген. Столетова для захвата Ахалтекинского оазиса. Экспедиция кончилась неудачей, была повторена еще раз под начальством генерала М. Д. Скобелева в 1880 году и закончилась взятием Денгиль-Тепе 12 января 1881 года.

Бисмарк приехал в Вену, и на следующий день в австрийском министерстве иностранных дел происходило совещание Бисмарка с австрийским министром иностранных дел Андраши. Бисмарк пробыл в Вене 2 дня.

7 октября того же года Германия и Австрия подписали союзный договор, направленный против России.

В сентябре 1879 г. в Баден-Бадене происходил разговор между русским канцлером кн. Горчаковым и французским журналистом, редактором орлеанистской газеты «Soleil» Луи Перамон (Loues Pehramont). Это интервью вызвало большой шум в немецкой и австрийской печати. Горчаков высказался за союз между Россией и Францией против Германии.

184.

Наследник должен был сопровождать Александра II в его поездке в Москву.

189.

Дело по обвинению флигель-адъютанта капитана 1 ранга Н. М. Баранова в употреблении в офицальной бумаге выражений, оскорбительных для начальства, назначено было к слушанию на 14 декабря 79 года, но было

Библиотека "Руниверс"

перенесено на 18 декабря за болезнью защитника Баранова прис. поверенного Хартулари.

190.

И. А. Гончаров совершил кругосветное путешествие на фрегате «Паллада» в качестве секретаря адмирала Путятина.

191.

Наследник недоброжелательно относился к представленным Александру II (в конце 1879 и янв. 1880 г.) конституционным проектам в. кн. Константина Николаевича и графа Валуева. В феврале 1880 г. по его настоянию была установлена временная диктатура в лице председателя Верховной распорядительной комиссии Лориса-Меликова.

«Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время». Исследование И. Е. Забелина. «Русский Архив» 1872. стр. 353, 581, 881.

Событие 19 ноября 1879 г., о котором упоминается в письме — покушение на Александра II, возвращавшегося из Крыма в Петербург. Была взорвана мина под полотном Курской ж. д. в Москве во время прохода свитского поезда.

192.

«Федор Адольфович» упоминаемый в письме — Ф. А. Оом.

193.

Обвинителем по делу Баранова выступал прокурор петербургского окружного суда камер-юнкер Н. Д. Никифоров.

194.

Гр. Павел Николаевич Игнатьев, председатель комитета министров (с 1872 г.) умер 20 декабря 1879 г. 1 января 1880 г. на его место назначен статс-секретарь П. А. Валуев (министр государственных имуществ).

196.

«Внезапное разрешение газеты «Голос» раньше срока». Распоряжением министра внутренних дел от 18 декабря 1879 г. разрешено продолжение издания «Голоса», приостановленного изданиям 18 ноября.

Петр Андреевич Шувалов был русским послом в Лондоне с 22 июля 1874 по 23 октября 1879 г.

197.

Имеется в виду статья «Литературный вечер» И. А. Гончарова, появившаяся в январской книге журнала «Русская Речь» за 1880 год.

Библиотека "Руниверс"

198.

Лев Савич Маков в 1878 г. управлял мин. вн. дел, в феврале 1879 г. утвержден и был министром внутренних дел до августа 1880 года.

202.

Валуев, назначенный председателем комитета министров, повторил попытку осуществить свой проект реформы государственного управления.

«Пустил в ход знаменитый свой проект о собрании представителей», пишет Победоносцев, имея в виду представление Валуевым проекта Александру II.

Валуев предлагал привлечь к участию в государственном совете при обсуждении некоторых дел представителей от населения, избранных земскими собраниями и городскими думами. Проект этот не получил одобрения.

«Варшавский Дневник»—ежедневная газета, издававшаяся варшавским учебным округом в 1864—1879, с 1879 г. газета была передана в ведение варшавского генерал-губернатора.

206.

Акциз на соль был отменен с 1 января 1881 года.

207.

Событие, о котором пишет Победоносцев, — взрыв в Зимнем дворце, произведенный служившим во дворце в качестве столяра, Ст. Халтуриным с целью покушения на Александра II.

211.

В 1871 г. Илийский край, принадлежавший Китаю, был временно занят русскими войсками под предлогом, что происходившее восстание угрожает спокойствию пограничных русских владений. Китай настаивал на возвращении оккупированных владений. 20 сентября 1879 г. в Ливадии был подписан чрезвычайным китайским посланником маркизом Тзенг договор, по которому Кульджа возвращалась Китаю, но Китай взамен обязался уплатить России 9 миллионов рублей вознаграждения и открыть для русских консульств Су-чензу и Турфан. Договор не был ратифицирован китайским правительством, и маркиз Тзенг, заключивший договор, был приговорен даже к смертной казни и получил помилование лишь по просьбе европейских держав. Обостренные отношения с Китаем тянулись весь 1880 год и только в феврале 1881 г. между обоими государствами был заключен договор в Петербурге.

Библиотека "Руниверс"

227.

Мария Александровна, давно болевшая туберкулезом, умерла 22 мая 1880 г.

Победоносцев, будучи преподавателем наследника Николая Александровича, сопровождал его в 1863 году в путешествии по России; поездка описана Победоносцевым в книге «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России».

229.

6 июля вблизи Филиппополя была убита разбойниками начальница лазаретов в войну 77—78 г.г. Ольга Николаевна Скобелева, мать генерала М. Д. Скобелева.

233.

Имеется в виду заметка в № 1624 «Нового Времени», в которой на основании сообщений из Лондона говорится, что яхта «Ливадия» вместо ожидаемой скорости в 14 узлов дала только 7 узлов. «Неужели это правда?», восклицает газета. «Ведь новая яхта стоит 5 миллионов рублей. Вместе с 2 поповками, «Генерал-Адмиралом», «Петром Великим» и другими затеями Попова означенная сумма составляет по крайней мере 25 миллионов рублей непроизводительного расхода. Считая хоть по 5% с этой суммы, получается ежегодно 1.250.000 р., т.-е. количество денег достаточное для содержания 5 университетов».

235.

В Киевскую и Черниговскую губернии был назначен ревизовать А. А. Половцев.

236.

«Ярославль» был задержан в Босфоре на 2 дня, так как на пропуск его не было испрошено предварительного разрешения, а конструкция возбудила недоумение, так как она совсем военная».

Босфор и Дарданеллы закрыты для военных судов всех наций, кроме турецких, по Лондонскому договору от 13 июля 1841 года. Пароходам Добровольного флота, плававшим под торговым флагом, Турция давала разрешение на проход через проливы.

237.

Сенаторские ревизии были назначены «для поверки действия местных властей». В задачу ревизующих сенаторов входила инструкция подвергнуть, между прочим, тщательному наблюдению вопросы о настроении крестьянского населения, об административных высылках и о размерах социалистического

Библиотека "Руниверс"

движения в России. Ревизовать были назначены следующие сенаторы: М. Е. Ковалевский (губернии Казанскую, Костромскую, Оренбургскую и Уфимскую), С. А. Мордвинов (губернии Тамбовскую и Воронежскую), А. А. Половцев (губернии Киевскую и Черниговскую) и И. И. Шамшин (губернии Саратовскую и Самарскую).

239.

«В военном министерстве заходит речь о возможности посылки десанта в китайские моря на случай войны с Китаем».

Отношения с Китаем продолжали быть крайне обостренными из-за отказа китайского правительства ратифицировать Ливадийский договор от 20 сент. 1879 г., в котором были определены условия возвращения Кульджи Китаю.

В Тихий океан летом 1880 г. была отправлена русская эскадра под начальством адмирала С. С. Лесовского и осенью того же года Россия предполагала отправить в ожидании событий сильный отряд.

Комиссия по пересмотру законов о печати под председательством графа П. А. Валуева была учреждена в октябре 1880 года. В состав ее входили следующие лица: кн. С. П. Урусов, гр. М. Т. Лорис-Меликов, А. А. Абаза, А. А. Сабуров, Л. С. Маков, Н. С. Абаза, К. П. Победоносцев, М. С. Каханов и Э. В. Фриш. 5 ноября 1880 г. состоялось особое совещание этой комиссии при участии по выбору комиссии редакторов некоторых петербургских и московских газет (ред. «Голоса» Краевский, ред. «Вестника Европы» Стасюлевич, ред. «Нового Времени» Суворин). Представителями печати было высказано мнение о необходимости отмены административных взысканий и замены их законом и ответственностью по суду.

243.

А. А. Сабуров управлял министерством народного просвещения с 24 апреля 1880 г. по 24 марта 1881 г.

При нем была ослаблена система классицизма, доведенная его предшественником Д. А. Толстым до крайностей, и недостатки этой системы отмечены официально министерством. Сабуров общался с представителями земских и городских учреждений, просил их высказывать м-ву свои взгляды и пожелания и выражал надежду на установление взаимного доверия. Все это коренным образом расходилось со взглядами Победоносцева, и в первый же месяц царствования Александра III Сабуров был отставлен.

250.

Ф. М. Достоевский умер 29 января 1881 года.

251.

Письмо написано под впечатлением событий 1-го марта.

Библиотека "Руниверс"

252.

После 1 марта и. об. Ковенского губернатора Н. М. Баранов был назначен петербургским градоначальником.

253.

Речь идет о подкопе на Малой Садовой улице в доме № 4.

257.

8 февраля 1881 г. в петербургском университете во время акта студент Подбельский дал пощечину мин. народного просвещения Сабурову, а студент Коган-Бернштейн произнес с хор речь о новом университетском уставе. Оба были сосланы в Якутскую область. Этот случай и имеет в виду Победоносцев, говоря об университетских беспорядках. Бар. А. П. Николаи был назначен управляющим минист. народн. просвещ. 24 марта 1881 г. вместо Сабурова, назначенного в сенат.

258.

Письмо не датировано, но слова: «я говорил с Набоковым, вернувшимся из суда в час ночи», заставляют отнести его к последним числам марта (26—29 марта), т. к. дело слушалось в особом присутствии сената с 26 по 29 марта 1881 года.

263.

На заседании комитета министров 21 апреля в присутствии Александра III и вел. кн. Владим. Алекс. министры Лорис-Меликов (внутр. дел), Милютин (военный) и Абаза (финансов) говорили о представительном начале для России. Великий князь возражал. «Мой брат Владимир правильно смотрит на вещи и совершенно, как я, не допускает выборного начала», пишет Александр III в тот же день Победоносцеву. Победоносцев защищал единовластие, считая нужным «обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия», и 29 апреля появляется составленный им манифест, выражающий программу нового царствования, где говорится о вере «в силу и истину самодержавной власти», которую Александр III призван «охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Манифест Николая I от 19 декабря 1825 г. сообщал о только что подавленном революционном движении 14 дек. 1825 года.

Манифест от 13 июля 1826 г. подписан в день казни декабристов П. Н. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. И. Муравьева-Апостола, М. И. Бестужева-Рюмина и П. А. Каховского.

Библиотека "Руниверс"

269.

Министр. вн. дел Лорис-Меликов и министр финансов Абаза получили отставку 4 мая 1881 г. Министром вн. дел был назначен гр. Н. П. Игнатьев, министром финансов Н. Х. Бунге. Великий князь Константин Николаевич был отставлен от всех должностей в июле того же года. Влияние Победоносцева в правительственных кругах стало первенствующим.

271.

Липецкий съезд происходил 17—20 июня 1879 года.

272.

В заседании петербургской городской думы 18 (30) мая 1881 г. большинством 140 голосов против 35 было постановлено поднести Лорис-Меликову звание почетного гражданина города.

274.

Говоря о киевских беспорядках, Победоносцев имеет в виду еврейский погром, происходивший 26—27 апреля 1881 г.

275.

Еврейский погром, начавшийся 15 апреля 1881 г. в Елизаветграде, продолжался около 3 недель, охватил семь южных губерний и достиг небывалых прежде размеров.

Польский комитет упразднен 10 июня 1881 года.

15 августа 1881 г. петербургский градоначальник Н. М. Баранов был назначен губернатором в Архангельск. Петербургское градоначальство упразднено и функции градоначальника поделены между полицеймейстером и губернатором.

276.

Письмо без даты, но в нем упоминается о докладах Пещурова. Алексей Алексеевич Пещуров управлял морским министерством с 23 июля 1880 по 11 янв. 1882 года, в виду чего надо полагать, что письмо написано между 1 марта 1881 и 11 января 1882 г.

278.

Лорис-Меликов был автором проекта об образовании в Петербурге особого подготовительного комитета из представителей администрации с участием земских и городских элементов. Комитет должен был разрабатывать и подготовлять государственные мероприятия и результаты своих работ передавать на рассмотрение государственного совета и потом царя.

Библиотека "Руниверс"

281.

Имеется в виду речь вновь избранного московского городского головы Б. Н. Чичерина в заседании московской городской думы 26 января 1882 г.

282.

27 сентября 1880 г. в сенате слушалось дело католика крестьянина Свислочского общества Осипа Малиновского по его частной жалобе на постановление Гродненской палаты, которым решено прекратить производством, по необнаружению виновных, дело, возбужденное Малиновским о подложном составлении в 1886 г. подписки, на основании которой он, в числе других, был против своей воли причислен к православию. Малиновский утверждал, что подписки не давал. Сенат признал подписку, писанную от имени Малиновского в 1866 году, подложной и прекратил дальнейшее производство дела за давностью.

288.

Мысль министра внутр. дел Н. П. Игнатьева о земском соборе изложена им в 1882 г. в проекте манифеста, представленного им Александру III, но не получившего движения. В состав земского собора, по проекту Игнатьева, должны были войти сверх губернских предводителей двор., городских голов Петербурга, Москвы, всех губернских городов и некоторых уездных, следующие выборные от населения:

1) по одному купцу от губернии, избранному общим губ. купеческим съездом;

2) по три представителя от Москвы и Петербурга, избранных столичными думами;

3) по два землевладельца от каждого уезда, избранных уездно-владельческим съездом;

4) от 2 до 7 крестьян — домохозяев от каждого уезда.

Означенный проект пошатнул положение Игнатьева, и он 4 мая 1882 года получил отставку.

294.

Гр. Дмитрий Андреевич Толстой был назначен министром внутренних дел вместо уволенного 4 мая Игнатьева.

295.

В «Голосе Минувшего» (1917, № 5—6. стр. 102) приводится версия о таинственной смерти генерала М. Д. Скобелева в связи с его планом свергнуть династию Романовых.

Библиотека "Руниверс"

297.

В «Новом Времени» от 29 ноября 1882 г. передаются подробности крушения парохода Доброфлота «Москва». Пароход «Москва» шел из Хань-Коу в Одессу под управлением кап.-лейт. С. Н. Чирикова и 7 июня 1882 года потерпел крушение у берегов Африки, севши на мель и разбившись. Для исследования крушения была назначена комиссия, которая установила, что крушение вызвано ошибкой, происшедшей от незнания командиром парохода направления в этом месте течения и существования ложного мыса Рас-Гафун.

Темнота и низменный одноцветный с водой берег, способствовали катастрофе. Главное управление Добров. флота в заседании от 9 ноября 1882 постановило крушение «Москвы» считать следствием несчастной случайности.

299.

«Священная Дружина» — возникшее осенью 1882 г. тайное общество для борьбы с террором и для охраны царя.

Библиотека "Руниверс"

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абаза, Александр Агеевич, (1821—1895), в 1871—1874 г.г. государственный контролер, в 1874 г. председатель департамента экономии гос. сов., с 1880 по 1881 — министр финансов. Стр. 98, 99, 276, 309, 329, 334, 336, 337, 339.

Августинович, Фома Матвеевич, (1810—1891), д. с. с., доктор медицины, в 1879 г. состоял при министерстве внутрен. дел. Стр. 211, 241, 278.

Агафангел (Алексей Соловьев), (1812—1876), архиепископ волынский и житомирский. Стр. 15, 16.

Адлерберг, Александр Владимирович, (1818 — 1888), министр. им. двора (1872—1881), близкий друг Александра II. Стр. 185, 226, 304, 352, 353.

Акимов, Павел Павлович, лейтенант, или **Михаил Ефимович,** отст. поручик корпуса инж. механиков; оба служили в Добровольном флоте. Стр. 215, 216, 229, 238.

Аксакова, Анна Федоровна, (1829 — 1889), рожден. Тютчева, дочь поэта Ф. И. Тютчева. Стр. 61, 66, 75.

Аксаков, Иван Сергеевич, (1832—1886), публицист-славянофил. Стр. 47, 66, 82, 124, 126, 127, 380.

Александра Петровна, в иночестве Анастасия (1838—1900), великая княгиня, дочь Петра Георгиевича Ольденбургского, жена в. к. Николая Николаевича-старшего. Стр. 297.

Александровский И., один из первых изобретателей подводной лодки в России. Стр. 254.

Александр Александрович, (1869—1870), в. к., второй сын Александра III.

Александр I, Стр. 106.

Александр III **Александрович,** (1845—1894), второй сын Александра II, с 1865 г. наследник престола; царствовал 1881—1894. Стр. 47, 74, 83, 95, 102, 107, 112, 126, 131, 162, 212, 229, 230, 249, 255, 257, 259, 334, 360, 368, 369.

Александр, архиепископ литовский и виленский. Стр. 374.

Александр II, (1818—1881), царствовал с 1855 по 1881 г.г. Стр. 5, 25, 46, 68, 70, 74, 87, 88, 103, 105, 107, 108, 118, 119, 125, 126, 128, 130, 131, 132, 133, 139, 157, 158, 159, 162, 164, 183, 185, 193, 194, 195, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 230, 231, 236, 237, 241, 249, 270, 271, 273, 275, 279, 280, 288, 293, 294, 304, 310, 316, 325, 330

Библиотека "Руниверс"

Алексей, викарный архирей в Москве в 1881 г. Стр. 348.

Алексей Александрович, в. к., (1850—1908), четвертый сын Александра II, с 1881 г. генерал-адмирал, чл. госуд. совета. 8, 71, 128, 129, 132, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 155, 158, 163, 181, 201, 204, 220, 221, 223, 224, 225, 229, 230, 235 237, 243, 248, 254, 265, 275, 279, 288, 345.

Альбединский, Петр Павлович, (1825—1883), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, варшавский генерал-губернатор. Стр. 354, 355, 373, 385.

Амвросий см.—**Ключарев.**

Амвросий. Стр. 306, 339, 348.

Англичанка—няня **Елизавета Районь.** Стр. 289.

Андраши (Andrassy), **Юлий**, (1823—1890), венгерский госуд. деятель. Стр. 236.

Анна Федоровна. Стр. 61. См. **Аксакова, А. Ф.**

Анненков, Михаил Николаевич, (1885—1899), с 1869 г. генерал-майор и заведующий передвижением войск по всем железным дорогам России. Стр. 61, 98, 138, 139, 141, 142, 152, 153, 156, 158, 159, 166, 176, 185, 186, 291.

Анучин, Дмитрий Гаврилович, генерал-майор, генерал-губернатор Восточной Сибири. Стр. 222, 313.

Апраксин, А. А. граф. Стр. 168, 184, 185.

Арапов, Александр Александрович, камергер, в 1881 г. состоял при обер-прокуроре синода. Стр. 353.

Аркас, Николай Андреевич, (1816—1881), генерал-ад., адмирал, 1871—1881 г.г. главн. команд. Черномор. флота. Стр. 130, 133, 134, 135, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 151, 152. 154, 155, 168, 179, 221.

Афанасий, иеромонах Троицко-Сергеевск. пустыни. Стр. 211.

Багговут, Карл Федорович ген.-лейт., комендант Гатчинского дворцов. управления. Стр. 253.

Байков, Андрей Матвеевич, ростовский городской голова. Стр. 10.

Бакунина, Екатерина Михайловна, (1835—1901), в 1855 г. работала в Севастополе в качестве сестры милосердия. Стр. 304, 305.

Балакирев, Милий Алексеевич, (1836—1910), композитор и музыкальный деятель. 18 марта 1862 г. вместе с Ломакиным основал «Бесплатную музыкальную школу». Стр. 173.

Балк, Алексей Орестович, капитан-лейтенант, командир одного из судов Добр. флота. Стр. 129, 135, 142, 145, 161, 214, 215, 225, 226, 227, 229, 251, 283, 287, 311, 340.

Балинский, Иван Михайлович, доктор медицины, т. с. в 1881 г. совещ. член военно-медиц. учебного комитета, совещ. член медицинского совета. Стр. 343.

Баранов, Александр Алексеевич, (1840—1882), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с 1863 г. управляющий артиллерийским ведомством. Стр. 122.

Баранов, Николай Михайлович, (1837—1901), ген.-лейт. и администратор. Во время войны 1877—1878 г. командовал пароходом «Веста» и за непра-

Библиотека "Руниверс"

вильные реляции о бое по суду был удален в отставку. После 1-го марта 1881—петербургский градоначальник. и том же году—архангельский губернатор. Стр. 124, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 163, 165, 166, 167, 168, 170, 172, 174, 175, 178, 179, 181, 182, 183, 185, 187, 189, 192, 199, 203, 206, 209, 210, 212, 213, 214, 215, 216, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 229, 230, 236, 237, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 252, 253, 254, 261, 263, 264, 265, 266, 270, 275, 279, 280, 284, 285, 289, 291, 294, 295, 299, 300, 305, 307, 315, 317, 339, 345, 350, 378.

Баранов, Эдуард Трофимович, (1811—1884); ген.-адъютант. Стр. 312.

Боранцев, Александр Алексеевич, (1810—1882), граф, генерал-адъютант, генерал от артиллерии, товарищ ген.-фельдцейхмейстера, председатель артиллер. инжен. комитета. Стр. 47.

Барятинский, Александр Иванович, (1815—1879), князь, генерал-фельдмар шал, наместник на Кавказе. Стр. 105.

Барятинский, Владимир Анатолиевич, кн., капит. Преображен. полка, адъютант наследника Александра Александровича. Стр. 90.

Баумгартен, Александр Карлович, (1815—1883), генерал-адъютант генерал от инфантерии, член военного совета, и председатель главного военного госпитального комитета. Стр. 165.

Безобразов, Петр Алексеевич, капитан-лейтенант. Стр. 72, 290.

Беклемишев, Василий Васильевич, бывший могилевский губернатор, член совета министерства внутренних дел. Стр. 58, 59, 60.

Беккарий, (1735—1794), философ и криминалист. Стр. 246.

Беркович, старшина синагоги в Красноярске. Стр. 14.

Беш. Стр. 169.

Бильбасов, Василий Алексеевич, (1838—1904), историк, с 1867—1871 г. проф. всеобщей истории в Киевском университете, постоянный сотрудник «Голоса» и «Отечественных Записок». Стр. 257, 341.

Бильрот (Billroth Theodor), (1829—1894). знаменитый хирург. Стр. 28.

Бисмарк, Отто-Эдуард-Леопольд (1815—1898), князь, имперский канцлер известный госуд. деятель Германии, вышел в отставку 20 марта 1890. Стр. 236.

Блудова, Антонина Дмитриевна, (1812—1891), графиня. фрейлина, благотворительница. Стр. 15, 39, 97, 162, 293.

Бобринский, Александр Алексеевич, (1823—1903) граф, с 1869—1872 г. петербургский предводитель дворянства. Стр. 142, 241. 323.

Боголюбов, Алексей Петрович, (1824—1896), художник, родоначальник русского маринизма. Стр. 285.

Боголюбов (Емельянов), Архип Петрович, род. 1852 г., был приговорен к 15-ти годам каторги за участие в демонстрации 6 декабря 1876 г. в Петербурге на Казанской площади; по распоряжению град. Трепова был наказан розгами (13 июля 1877 г.), отбывая наказание в харьковской центральной тюрьме, сошел с ума. Стр. 118.

Библиотека "Руниверс"

Болтин, капитан 1 ранга. Стр. 160.

Болюбаш. Стр. 278.

Борель содержатель одного из петербургских ресторанов. Стр. 239.

Боткин, Петр Петрович, глава чайной фирмы, один из учредит. о-ва Добровольного флота. Стр. 197.

Боткин, Сергей Петрович, (1832—1889), знаменитый клиницист, лейб-медик, профессор медико-хирург. академии, член военно-медиц. учебн. комитета и медиц. совета мин. вн. дел. Стр. 241.

Браунер, Франц-Август, (1810—1880), чешский политический деятель, видный представитель идеи славянского объединения. Стр. 25, 26, 27, 30, 63.

Брылкин, Дмитрий Николаевич, (1821—1882), контр-адмирал. Стр. 136, 138.

Будберг, Андрей Федорович, (1817—1881 г.), дипломат, с 1868 г. член госуд. совета. Стр. 206.

Будилович, Антон Семенович, (1846—1908), славист и славянофил реакционного направления. Стр. 39.

Бунге, Николай Христианович, (1823—1895), проф. университета, в 1880 г.— товарищ министра финансов, с мая 1881 по 1886 г.—министр финансов. Стр. 337, 397.

Бутаков, Иван Иванович, (1822—1882), контр-адмирал. Стр. 136.

Бутины, золотопромышленники. Стр. 235.

Валицкий, Святослав Станиславович, (1837—1885), капитан 1 ранга. Стр. 136, 265, 280, 284, 285, 290, 294, 295, 312 325.

Принцесса Валлийская, Александра - Каролина Мария, дочь Христина IX, жена Эдуарда, принца Валлийского. Стр. 8.

Принц Валлийский, (1845—1916), король Эдуард VII, сын королевы Виктории. Стр. 228.

Валуев, Петр Александрович, (1814—1890), с 1861 г.—член госуд. совета, с 1861—1868 г.—мин. внутр. дел, в 1871—1877—мин. госуд. имущ., с 1877—1881 г.—председатель комитета министров. Стр. 154, 194, 208, 209, 232, 233, 49, 254, 259, 263, 284, 303.

Валь, Виктор Вильгельмович, (1840—1904), с 1878—1879 гродненский губернатор, 1879—губернатор в Харькове и 1880—84 губернатор в Витебске. Стр. 194.

Васильев, Иосиф Васильевич, протоиерей, председатель учебного комитета при синоде. Стр. 361.

Васильевич, сербский министр народного просвещения. Стр. 159.

Васильковский, Антон Степанович, генерал-майор, состоял в 1879 г. при наследнике Александре Александровиче. Стр. 218.

Вахтин, М. В., капитан-лейтенант, завед. делопроизвод. конторы Добров. флота. Стр. 135, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143. 144, 145, 152, 154, 156, 165, 167, 175, 183, 202, 206, 215, 229, 238, 240, 282, 289, 291, 294, 298, 299, 300, 312, 391, 396.

Верхович. Стр. 136.

Верховский, Михаил Парфенович, лейтенант. Стр. 63.

Библиотека "Руниверс"

Веселаго, Федосий Федорович, (1817—1895), генерал, историк русского флота. Стр. 284, 378, 396.

Вильгельм, (1797—1887), король прусский, германский император. Стр. 230.

Винклер, Каролина Егоровна, камер-фрау императрицы Марии Александровны. Стр. 296.

Владимир Александрович, (1847—1909), в. князь, третий сын Александра II. Стр. 5, 96, 328, 330. 334.

Влангали, Александр Георгиевич, русский дипломат один из учредителей о-ва Добровольного флота. Стр. 187.

Воейков, Николай Васильевич, ген.-ад., ген.-лейт., управляющий делами императорской главной квартиры и соб. е. в. конвоя (1881). Стр. 185.

Вольский. Стр. 215, 216, 227.

Волхонский кн. ст. 282.

Воронов, Сергей Сергеевич или Павел Сергеевич, капитан-лейтенант, капитан парохода «Владимир». Стр. 264.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович, граф, заведующий охраной Александра III, с августа 1881 по 1897 г.—министр двора и уделов, с 1905 г. — наместник Кавказа, с 1881 г. — член гос. совета. Стр. 161, 174, 187, 342, 349, 372, 394, 395.

Воронцов, Семен Романович, (1744—1832), с 1785 по 1806 г.—русский посол в Лондоне. Стр. 106, 196.

Вульферт, офицер, шурин генер. Черняева, возможно, Густав Александрович, впоследствии ген.-м., военный писатель (умер 1894). Стр. 46, 47.

Гамбургер, Андрей Федорович, русский дипломат, в 70-х годах был упр. департ. личн. состава и хозяйств. дела членом совета минист. иностр. дел. С 1879 по 1896 г. чрезв. посл. и полн. министр в Швейцарии. Стр. 33.

Гедеонов, Иван Михайлович, (1816—1907), сенатор, управляющий межевой частью (1862—1870). Стр. 284.

Гедеонов, Н. М. стр 378.

Гейман, Василий Александрович, генерал. Стр. 93.

Гейман, правовед. Стр. 93.

Гейнс, Алексей Константинович, генерал-майор одесский градоначальник (1878). Стр. 143, 194, 267, 268, 269.

Гейден, Федор Логгинович, (1821—1900), граф, генерал от инфантерии, исполнял обязанности военного министра во время турецкой войны, с 1881 г. член госуд. совета. В 1881—1887 г. состоял финляндским генерал-губернатором. Стр. 78, 154, 236.

Георгий Александрович, (1871—1899), третий сын Александра III, наследник-цесаревич. Стр. 289, 353.

Герье, Владимир Иванович, (1837—1919), проф. москв. универ., гласный москов. городской думы. Стр. 366.

Гильфердинг, Александр Федорович, (1831—1872), славист, председатель петербургского отделения славянского благотворительного общества

Библиотека "Руниверс"

(1867), председатель Этнографического отделения Географического общества. Стр. 9.

Гирс, Николай Карлович, (1820—1895), управляющий азиатским департаментом (1876 г.), потом товарищ министра иностранных дел, с 1882 г.— министр иностр. дел. Гирс был сторонником сохранения тесных отношений с Германией. Стр. 70, 96.

Гирш, Густав Иванович, (1828—1907), д. ст. сов., лейб-хирург. Стр. 215.

Глазунов, Иван Ильич, (1826—1889), с 1881—1885 г. петербургский городской голова. Стр. 369.

Годефруа, Густав, (1813—1885), гамбургский сенатор. Стр. 138, 163, 164, 272.

Голицын, Николай Николаевич, (1836—1893) князь, в 70-х годах—подольский вице-губернатор, в 80-х годах—редактор «Варшавского Дневника», потом член совета Крестьянского банка. Стр. 44, 264.

Головачев, Дмитрий Захарович, (1822—1886), контр-адмирал, член правления общества Добровольного флота. Стр. 378, 396.

Головнин, Александр Васильевич, (1821—1886), с 1862—1866, министр народного просвещ., с 1862 член госуд. совета. Стр. 229, 230.

Голохвастов, Павел Дмитриевич, (1839—1892), землевладелец Москов. губ., писатель, занимался смутным временем и историей земских соборов, принимая участие по предложению Н. П. Игнатьева в разработке вопроса о созыве земского собора. Стр. 249, 380.

Гончаров, Иван Александрович, (1812—1891), писатель. Стр. 212, 259.

Горчаков, Александр Михайлович, (1799—1883), светл. князь, известный русский дипломат, государственный канцлер, с 1856 по 1882 г.—министр иностранных дел. Стр. 33, 34, 232, 233, 236.

Грейг, Самуил Алексеевич, (1827—1887), 1866 г.—товарищ министра финансов, в 1867 г.—государственный контролер; с 1878 по 1880—министр финансов. Стр. 90, 97, 131, 157, 190, 205, 214, 230, 231, 234, 205, 255, 257, 274, 279.

Грибанов, Владимир Ильич, (1822—1891), председатель петербургского биржевого комитета. Стр. 122, 123, 189.

Григорьев, Василий Васильевич, (1816—1881) ориенталист, проф. петербург. университа. Стр. 32.

Грот, Константин Карлович, (1818—1897), статс-секретарь, с 1870 г.—член госуд. совета. Стр. 97, 205.

Гурко, Иосиф Владимирович, (1828—1901), генерал-адъютант, принимал выдающееся участие в русско-турецкой войне 1877—1878 г., в 1879 г. помощник главнокомандующего войсками гвардии и петербур. военного округа, 12 января 1882 г. Гурко получил назначение генерал-губернатором в Одессу. Стр. 74, 109, 206, 215, 224, 225 236, 237. 388.

Гурчин, Александр Викентьевич, свиты е. в. ген.-майор, нач. кавк. стрел. бригады (1878). Стр. 167.

Данилович, Григорий Григорьевич, (1825—1906) генерал-адъютант, генерал от инфантерии, воспитатель б. имп. Николая Александровича и в. князя Георгия Александровича. Стр. 109.

Библиотека "Руниверс"

Дациаро, владелец художественного магазина в Москве. Стр. 27.

Де-Витт, генерал-майор, возможно **Виктор Павлович**, (1832 — 1882). Стр. 204, 211.

Делянов, Иван Давыдович, (1818—1897) гр., 1865—сенатор, 1866—товарищ мин. народ. просв., 1874 г.—член гос. совета, с 1882 г.—министр народного просвещения. Стр. 205, 206, 317, 369, 370, 375, 376.

Дехтярев, Филипп Александрович, главный бухгалт. морск. ведомства. Стр. 135, 152, 156, 171.

Джевецкий (мастерск.). Стр. 203, 243, 244, 245, 253, 254.

Джуркевич, старший офицер на пароходе «Нижний-Новгород» о-ва Добров. флота. Стр. 266.

Дмитриев, Иван Сергеевич, (ум. 1881), инженер-генерал, председ. корабл. отдел. морского технического комитета. Стр. 136, 182, 201, 202, 218, 233.

Дмитриев, Федор Михайлович, попеч. петерб. учебного округа. Стр. 366.

Добрянский, Адольф, галицко-русский писатель и общественный деятель. один из родоначальников угро-русского возрождения, представитель резко выраженного руссофильства. Стр. 34, 35, 39, 40.

Долгоруков, Владимир Андреевич, (1810—1891) генерал-адъютант, генерал от кавалерии, с 1856—1891 г.,—москов. генерал-губернатор, с 1881 г. член госуд. совета. Стр. 187, 234, 270, 271.

Долгоруков, Яков Федорович, (1659 — 1720), князь, сподвижник Петра I. Стр. 185.

Домбровский, генерал, заведующий морской перевозкой. Стр. 186.

Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович, (1820—1893) князь, генерал-адъютант и генерал от кавалерии; участник войны 1876—1878 г. В 1878 состоял российким комиссаром в Болгарии и в следующем году командующим оккупационными войсками в Болгарии. Стр. 75, 186.

Дорогобужинов, Владимир Ипполитович, костромской губернатор, Стр. 19.

Достоевский, Федор Михайлович, (1821—1881), писатель; состоял в дружественной переписке с Победоносцевым. Стр. 22, 60, 61, 62, 310, 311.

Дрентельн, Александр Романович, (1820—1888), генер.-ад., генерал от инфантерии, с 1878 по 1880 шеф жандармов и начальник III отделения, в 1881 г. генерал-губернатор Западного края и командующий войсками киевского округа. Стр. 206.

Дубасов, Федор Васильевич, (1845—1912). генерал-адъютант, адмирал, участвовал в войне 1877—1878 г., служил в Добровольном флоте, капит. парохода «Россия», с ноября 1905 по июль 1906 московский генерал-губернатор, руководивший подавлением вооруженного восстания 1905 г.; в 1906 г.—член госуд. совета. Стр. 129, 136, 137, 141, 148, 153, 156, 159, 160.

Дунаев, Сергей Степанович, прокурор саратовской судебной палаты. Стр. 100.

Библиотека "Руниверс"

Евгений Максимиллианович Романовский, герцог Лейхтенбергский (1847—1901). Стр. 89, 217, 232.

Евгения Максимиллиановна, дочь герцога Максимиллиана Лейхтенбергского, жена принца Александра Петровича Ольденбургского. Стр. 89, 217, 224.

Екатерина. Стр. 63.

Екатерина II, (1729—1796), императрица, царствовала с 1762—1796. Стр. 42.

Екатерина Михайловна, (1827—1871) в. кн., жена герцога Мекленбург-Стрелицкого. Стр. 224, 292.

Ермаков, Николай Андреевич, управл. петербург. практич. технол. институтом. Стр. 115, 131, 142, 174, 203, 209, 214, 272, 284, 309, 378.

Желябов, Андрей Иванович, (1851—1881), революционер, член партии «Народная Воля», организовал ряд покушений на Александра II: —18 ноября 1879 г., 5 февраля 1880 г. и 1 марта 1881 г.; 3 апреля 1881 г. был казнен по делу 1 марта. Стр. 324.

Жихарев, прокурор саратовской судебной палаты. Стр. 85.

Жуковы (упоминаются в книге Победоносцева «Историч. исследования и статьи»). Стр. 42.

Забелин, Иван Егорович, (1820—1908), историк-археолог. Стр. 250.

Завойко, Василий Степанович, (1809—1898), адмирал. Стр. 164.

Зарудный, Сергей Иванович, (1821—1887), госуд. деятель, сенатор. Стр. 246.

Засулич, Вера Ивановна, (род. в 1851 г.), 12 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Трепова, который отдал распоряжение наказать розгами политического заключенного Боголюбова. Судом присяжных была оправдана. В 1883 г. З. примкнула к группе «Освобождение Труда». Стр. 116, 120, 256.

Зеленой, Александр Алексеевич, (1818—1880), генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 1862 г. член госуд. совета и с 1862—1872—министр государственных имуществ. Стр. 27.

Зинаида, игуменья, настоятельница Покровской общины сестер милосердия. Стр. 348.

Зиновьев, Василий Васильевич, гофмаршал при в. к. Ал. Ал. генерал-лейтенант. Стр. 37, 242.

Зуров, Александр Ельпид., генер.-лейт., гродн. губернатор. Стр. 194.

Иванов, Сергей Сергеевич, помощ. попечителя москов. учебного округа. Стр. 280.

Иванов, доктор, заведующий костромскими лечебницами. Стр. 371.

Игнатьев, Николай Павлович, (1830—1908), граф, чрезвычайный посланник и посол при Оттоманской Порте, принимал участие в заключении Сан-Стефанского договора (19 ф. 1878). С мая 1881 г. по май 1882 г. —министр внутренних дел. Стр. 56, 250, 316, 338, 339, 349, 350, 354, 357, 367, 368, 379, 380, 381, 382, 383, 385.

Библиотека "Руниверс"

Игнатьев, Павел Николаевич, (1797—1879), гр., ген.-ад., генерал от инфантерии, с 1872 — 1879 г.—председатель комитета министров. Стр. 170, 254, 255.

Иосса, мичман. Стр. 290.

Ильин, капитан. Стр. 146, 157.

Имеритинский, Александр Константинович, (1837—1900), генер.-ад., генерал от инфантерии, участвовал в войне 1877—1878 г. в отряде Скобелева, в 1879—начальник штаба войск гвардии и петерб. военного округа. Стр. 186.

Иосиф II, (1741—1790), немецко-римский император, представитель просвещенного абсолютизма. Стр. 24.

Исаков, Николай Васильевич, (1821—1891), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с 1859—1863—попечитель москов. учебного округа, с 1863—1881 г.—главный начальник военно-учебных заведений, с 1881 г.—член госуд. совета. Стр. 376.

Кази, Сергей Ильич, капитан, командир парохода «Нижний-Новгород» о-ва Добров. флота. Стр. 197, 198, 199, 202, 203, 212, 213, 216, 221, 222, 225, 228, 232, 237, 238, 239, 241, 243, 344.

Карамзина, Елизавета Николаевна, (1821—1891), дочь историка Николая Михайловича Карамзина, фрейлина. Стр. 327.

Капустин, Михаил Николаевич, (1828—1899), профессор международного права в московском университете; в 1870 г., директор ярославского Демидовского лицея. Стр. 39.

Карпинский, Михаил Петрович, инженер, секретарь Добровольного флота. Стр. 191, 218, 237, 252.

Карье, главный инженер о-ва Forges et Chantiers de la Mediterrannée. Стр. 201, 202.

Катков, Михаил Никифорович, (1818—1887), профессор философии в Московском университете с 1845—1850 г.г., с 1851 г. редактор «Московских Ведомостей» и с 1856 г. издатель «Русского Вестника». Публицист консервативно-патриотического толка. Стр. 18, 39, 40, 176.

Кауфман, Константин Петрович, (1818—1882), генерал-адъютант, с 1867 г. командующий войсками туркестанского военного округа. Стоял во главе военной экспедиции, отправленной для захвата Средней Азии. Им взяты Самарканд (1868), Хива (1873) и покорено Коканское ханство. Стр. 65, 36.

Каханов, Михаил Семенович, (1833—1900), управляющий делами комитета министров (1872—1880), с 6 ав. 1880 г. товарищ министр внутренних дел, с 12 апреля 1881 г.—член госуд. совета. Стр. 123, 126, 137, 142, 143, 159, 174, 209, 254, 378.

Началов, Николай Николаевич, лейтенант. Стр. 264.

Началов, Николай Александрович, директор департамента таможенных сборов. Стр. 139, 142, 152, 174, 187, 209, 254.

Библиотека "Руниверс"

Кессель, Константин Иванович, товарищ прокурора петербургского окружного суда (1879). Стр. 120.

Ключарев, Алексей Петрович, (1821—1901), впоследствии в монашестве Амвросий (1877), епископ дмитровский и с 1882 г. архиепископ харьковский. Стр. 67, 140.

Кнооп. Стр. 290.

Кноринг, Александр Егорович, лейтенант. Стр. 141.

Колычев. Стр. 183.

Комаровский, Алексей Евграфович, граф, камер-юнкер. Стр. 159, 210, 378.

Комаров, купец. Стр. 204.

Константин Николаевич, (1827—1892), вел. князь, генерал.-адмирал, второй сын императора Николая I, с 1856 г. член государственного совета и с 1853 г.—управляющий морским министерством, с 1865 г.—председатель государственного совета. 13 июля 1881 г. был уволен от всяких должностей. Стр. 29, 70, 87, 240, 336, 339, 345.

Копытов, Николай Васильевич, капит. I ранга (1879). Стр. 142, 152, 163, 183, 184, 186, 190.

Корнилов, Иван Петрович, (1811—1901), попечитель виленского учебного округа (1864—1868 г.), представитель охранительной и руссификаторской политики, председатель Славянского комитета. Стр. 40.

Корф, Павел Леопольдович, (1837—1913), барон, в 1863 г. и 1874 г.—председатель петерб. уезд. управы, с 1878—1881 г.—петербургский городской голова. Стр. 209, 241.

Краевский, Андрей Александрович, (1818—1889), журналист, редактор издатель «Голоса», председатель комиссии по народному образованию в Петербурге. Стр. 255, 256, 257, 336, 369.

Крауклис, священник русского прихода в Лифляндии. Стр. 309.

Кроткова, Е. С. заведующая странно-приимным домом, училищем и богадельней в г. Сергиеве. Стр. 348.

Кротков, возможно, **Аполлон Семенович,** капит.-лейт. Стр. 247.

Крускопф, лейт., командир парохода «Петербург». Стр. 135, 138, 191, 227, 229.

Крынов. Стр. 199.

Ксения Александровна, великая княжна, старшая дочь Александра III, жена в. к. Александра Михайловича. Стр. 38, 96, 100, 109, 176, 293, 310.

Кузнецова. Стр. 111, 277.

Кутайсов, Павел Ипполитович, (1837—1901) граф, генерал от инфантерии, с 1883 по 1880—нижегородский губернатор. Стр. 250.

Лавров, (1837—1901), адмирал, 1873—1880—нижегородский губернатор. Стр. 340.

Лавров, протоиерей, сотрудник Алтайской миссии. Стр. 306, 307.

Ламанский, Евгений Петрович, (1825—1902), управляющий государственным банком. Стр. 121, 142, 174, 255.

Библиотека "Руниверс"

Лакост. Стр. 109.

Ламздорф, Александр, Николаевич, граф, гофмейстер, президент московской дворцовой конторы. Стр. 372.

Лангенау, барон, австро-венгерский посол в Петербурге. Стр. 33.

Лебедев, священник. Стр. 24, 30.

Лебедев. Стр. 275, 277

Левицкий, Казимир Васильевич, (1835—1890). ген. лейт., пом. нач. штаба армии (1877 г.) Стр. 71, 81, 103.

Леер, А. И. вице-командор, заведующий мореходным классом при яхт-клубе. Стр. 198, 199.

Леер, Генрих Антонович, генерал-лейтенант, известный военный писатель, профессор стратегии в академиях генерального штаба, артиллерийской и инженерной. Стр. 105.

Лейхтенбергский (Юрий) Георгий Максимилианович, (1852—1912), герцог. Стр. 232.

Леонтьев, Павел Михайлович, (1827—1874), профессор-филолог, основатель газеты «Москов. Ведомости». Стр. 278.

Лесков, Николай Семенович, (1831—1895), писатель. Стр. 44.

Лесовский, Степан Степанович, (1817—1884), генерал-ад., с 1871 г. состоял помощником управляющего морским министерством, с 1876 г. управляющий морским министерством, в 1886 г.—начальник тихоокеанской эскадры и член госуд. совета. Стр. 122, 130, 133, 139, 155, 157, 158, 161, 163 170, 197, 204, 223, 243, 251, 252, 283, 285, 288, 291, 292, 301.

Ливчак, быть может, **Иосиф Николаевич,** изобретатель. Стр. 389.

Ломакин, Гавриил Иоакимович (1812—1885), учитель пения и дирижер. Стр. 173.

Линдквист. Стр. 379, 380.

Лонг. Стр. 290.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, (1825—1888), граф, генерал-адъютант, главный начальник верховной распорядительной комиссии (12 февр.—6 августа 1880), министр внутрен. дел (с 6 авг. 1880—7 мая 1881). Стр. 280, 284, 291, 294, 295, 297, 298, 299, 302, 305, 311, 316, 325, 327, 329, 330, 334, 336, 337, 339, 440, 341, 365, 366, 386.

Лохвицкий, Аполлон Давидович, тайный советник, в 1872—1873 г. г.—енисейский губернатор. Стр. 14.

Лутковский, Иван Сергеевич, ген.-ад., ген.-от арт., член военного совета. Стр. 159.

Ляпунов, механик парохода Добровольного флота «Россия». Стр. 312.

Маков, Лев Саввич, (1830—1883), заведующ. канц. министра внутрен. дел, товарищ министра внутр. дел. с 1879 г.—министр внутрен. дел, с августа 1880 г.—министр почт, в 1881 г.—член гос. совета. Стр. 188, 201, 203, 204, 222, 233, 236, 242, 255, 259, 260, 278, 282, 392.

Мак-Гахан. (Mac-Gahan) **Януарий-Алоизий** (1844—1878), журналист. Стр. 65.

Малиновский. Стр. 373.

Библиотека "Руниверс"

Мальков, мещанин. Стр. 306, 307.

Максимов, лейтенант, быть может, **Николай Васильевич**, капи
Стр. 290.

Максимов, член главного правления Добровольного флота (от морского министерства). Стр. 296, 297.

Мамонтов, Николай Николаевич, ице-директор канц. морского мист. Стр. 214, 281, 343, 373.

Маргарита (Догмар), дочь чешского князя Оттокара. Стр. 2,

Мария Александровна, (р. 1853 г.), великая княгиня, дочь Александра II, с 1874 г., жена Авфреда великобританского. Стр.

Мария Александровна, (1824—1880), императрица, жена Александра II, дочь великого герцога Эдинбургского. Стр. 87 97, 102 126, 165, 197, 233, 286, 289, 291, 296, 304, 306.

Мария (Давыдова), игумения костромского девичьего монастыря, графиня Орлова-Денисова. Стр. 14, 15, 19, 20, 23, 309, 371.

Мария Павловна (р. 1854), великая княгиня, жена в. к. Влад. Александровича, дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского. Стр. 293.

Мария Федоровна—жена в. к. Александра Александровича. Ст 12, 27, 51, 76, 79, 96, 100, 102, 103, 111, 115, 122 156, 173, 191, 201, 206, 225, 226, 228, 237, 241, 259, 261, 274, 289, 293, 303, 304, 305, 306, 309, 310, 348, 349, 353, 36

Марков, Павел Алексеевич, тов. министра народного просвещения. Стр. 366.

Маркус, Федор Михайлович, (1828—1898), сенатор 1875 г., 1881 г.—товарищ главноуправл. II отдел. канцел. 1893 г. совета. Стр. 352.

Мартенс, Федор Федорович, (1845—1909), изв. профессор международного права петербургского университета. Состоял чиновником особых поручений при госуд. канцлере. С 1881— 1909 г.—член совета минист. иностр. дел. Стр. 197.

Мартынов, Алексей Николаевич, мичман. Стр. 290.

Мегмет-Али-Паша, (1837—1878), немец по происхождению (Karl Detroit), турецкий полководец. С 18 июля по сентябрь 1877 г.—главнокомандующий турецкой армией, участник Берлинского конгресса. Стр. 79.

Мезенцов, Николай Владимирович, (1837—1878), генерал адъютант, с 1876—1878 шеф жандармов и главный начальник III отделения; с 1877 г.—член госуд. совета. Стр. 85, 140.

Мейер, чиновник департамента полиции. Стр. 211, 241.

Мельников-Печерский, Павел Иванович, (1819—1883), беллетрист-этнограф. Стр. 18.

Менделеев, Дмитрий Иванович, (1834—1907) знаменитый ученый-химик. Стр. 127, 128.

Мещерский, Владимир Петрович, (1839—1898 , реакционный публицист, редактор-издатель газеты «Гражданин», автор ряда сатирических романов из великосветской жизни. Стр. 22, 45, 46, 53, 59, 63, 75, 76, 91, 97, 106, 167, 232, 233.

Библиотека "Руниверс"

Мещерский, Николай Петрович, (1829—1901), брат Вл. П. Мещерского, попечитель московского учебного округа. Стр. 271, 325.

Мещеринов, Григорий Васильевич, пом. нач. главн. штаба, генер-лейт., впоследствии ком. войсками казанского в. округа. Стр. 222.

Милан I, (1854—1901), король сербский, признанный Россией в 1882 г., австрофил, был вынужден отказаться от престола в пользу своего сына Александра (6 марта 1889), сторонник абсолютизма.

Милетич (из Пешта). Стр. 45.

Милютин, Дмитрий Алексеевич, (1816—1912) граф, с мая 1861 г.—управляющий военным министерством, а с ноября этого года по 1881—военный министр. Стр. 103, 108, 152, 153, 159, 164, 222, 241, 244, 245, 254, 260, 262, 263, 266, 272, 274, 279, 281, 298, 301, 305, 334, 338.

Мирский—см. Святополк Мирский.

Митрополов, миссионер, член москов. отд. о-ва распространения духовно-нравствен. книг. Стр. 204, 211, 217, 241, 278.

Михаил, митрополит сербский сторонник России во внешней политике Сербии.

Михаил Николаевич, (1832—1909), великий князь, четвертый сын импер. Николая I, с 1855 г.—член государственного совета, с 1862—1881 г. наместник Кавказа и главнокомандующий кавказ. армией, в 1878 г. генер-фельдмарш., с 1881 по 1905—председатель госуд. совета. Стр. 185, 195, 214, 215, 216, 227.

Мицкевич, Аркадий Николаевич, д. с. с. гофмейстер, директор общей канц. министр. финансов. Стр. 214, 309.

Модест, епископ люблинский, викарий Холмско-Варшав. епархии. Стр. 385.

Мольо, иностранец. Стр. 87.

Мордвинов, помощник управляющего синодальной канцелярией. Стр. 352.

Мориц, Петр Алексеевич, (1818—1898), секретарь собств. е. в. канцелярии (1880). Стр. 75, 296.

Морозов, Тимофей Саввич, (1823—1889), мануфактур-советник. Стр. 197, 240.

Москвин, Дмитрий Федорович, седлецкий губернатор. Стр. 354.

Муравьев. Стр. 106.

Мусницкий, М. У., штабс-капитан, завед. регистратурой канц. комит. «Добровольн. флота». Стр. 197, 226.

Мухтар-Паша, турецкий генерал, сын-султана Абдул Азиса, главнокомандующий войсками в Малой Азии. Стр. 83.

Набоков, Дмитрий Николаевич, (1826—1904), с 1876 г. член госуд. совета, с 1878 по 1885—министр юстиции. Стр. 206, 324, 325, 327, 334, 352.

Найденов, Николай Александрович, председатель московского биржевого комитета. Стр. 187, 234, 240.

Наполеон III, (1808—1873), император французов. Стр. 119.

Напретек, чешский обществ. деятель и благотворитель. Стр. 26.

Нарышкина (Чичерина) **Александра Николаевна,** (р. 1839), с 1871 за обер-камергером Эммануилом Дмитриевичем Нарышкиным. Стр. 80.

Библиотека "Руниверс"

Нахимов, лейтенант, племянник адмирала Нахимова. Стр. 285.

Нахимов, Павел Степанович, адмирал защитник Севастополя. Стр. 285.

Нестор, епископ алеутский и аляский (в мире Зан, немец по происхождению, лютеранин, принявший православие). Стр. 390.

Николаи, Александр Павлович, (1821—1899) барон, с 1875 г. член госуд. совета, в 1881 г. был министром народного просвещения. Стр. 82, 317, 319, 320, 321 323, 366, 368, 370. 371, 375. 376.

Николай Александрович, (Николай II) (1868—1919), старший сын Александра III и Марии Федоровны. Стр. 7, 8, 12, 22, 27, 100, 101, 102, 109, 154, 288, 353.

Николай Александрович, (1843—1865), старший сын Александра II и Марии Александровны. Стр. 7, 115, 173, 287, 377

Николай I, (1796—1855), старший сын императора Павла I, царствовал с 1825 по 1855 г. Стр. 65, 106, 328.

Николай (Касаткин), (1836—1912), архимандрит с 1870 г. начальник учрежденной синодом русской православной миссии в Японии, с 1880 г. ревельский епископ. Стр. 261, 262, 278.

Николай Максимилианович, герцог Лейхтенбергский, кн. Романовский, (1843—1890), генерал-от-кавалерии, президент Минералогического общества, один из учредителей о-ва Добров. флота. Стр. 28, 232.

Николай I Негош, князь Черногорский. Стр. 391.

Николай Николаевич, (1821—1891), в. кн. третий сын императора Николая I, с 1855—член госуд. совета, во время восточной войны (1877—1878) был главнокомандующим армией, действовавшей на европейском театре войны, После войны произведен в генерал-фельдмаршалы. Стр. 71, 168.

Новиков, Евгений Петрович, (1826—1903), магистр славянской истории. Состоял посланником в Афинах (1865—1870), в Вене (1870—1874) и, послом в Константинополе (1879—1888). С 1882—член госуд. совета. Стр. 33, 34.

Новоселов, Семен Кириллович, генерал-майор. Стр. 58.

Оболенский, Владимир Сергеевич, князь, ротмистр кавалерг. полка, флигель-адъютант. Стр. 216, 217.

Оболенский, Дмитрий Александрович, (1822—1881), князь в 1862—1863 г. г. председатель комиссии о цензуре, с 1870 г.—товарищ министра государств. имуществ и сенатор, с 1872 г.—член гос. сов. Стр. 229, 310.

Обручев, Николай Николаевич, (1830—1904), генерал-от инф., генерал-адъютант, боевой генерал, с 1881 г.—начальник главного штаба, с 1893—член гос. совета. Стр. 187.

Олсуфьев, Александр Васильевич, адъютант наслед. Алекс. Алекс. Стр. 246.

Ольга Федоровна, (1839—1891), великая княгиня, жена Михаила Николаевича, дочь великого герцога баденского Леопольда. Стр. 71, 218, 223, 225, 227.

Библиотека "Руниверс"

Ольденбургский, Александр Петрович, принц (1844—1918), генерал-адъютан, попечитель училища правоведения. Стр. 93, 351.

Ольденбургский Петр Георгиевич, главноуправл. IV отд. с. е. в канцелярии. Стр. 302, 339.

Оом, Федор Адольфович, (1826—1898), секретарь собственной канцелярии цесаревны Марии Федоровны. Стр. 8, 251.

Орлов, возможно, **Николай Алексеевич,** (1827—1885), князь, дипломат. Стр. 224, 229, 230.

Осман-Паша, (1837—1900), турецкий генерал, защитник Плевны. Стр. 93, 101, 105.

Остен-Сакен, Федор Романович, барон, дир. депар. вн. снош. мин. ин. дел, один из учредит. о-ва Добровол. флота. Стр. 146, 174, 193, 284.

Остолопов, Алексей Аполлонович, мичман. Стр. 290.

Островский, Михаил Николаевич, (1827—1901), с 1878 г.—член госуд. совета, в 1881—1893 г.—министр государств. имуществ. Стр. 209, 338, 357, 367, 368, 383, 385.

Оттокар, чешский князь. Стр. 27

Оффенберг, Альберт Киприянович, барон и. о. губернатора Амурской области, полков. фл.-адъютант. Стр. 248.

Павлов, Платон Петрович, начальник штаба на Кавказе, генерал-лейтант. Стр. 166, 167, 227, 272, 283.

Павел Александрович, (1860—1919), великий князь, младший сын Александра II. Стр. 109, 233, 242, 288, 292.

Павел I, император, царствовал с 1796—1801. Стр. 106.

Палацкий, Франц, (1796—1876), чешский ученый-историк и видный деятель чешского национального возрождения, председатель славянского съезда в Праге в июне 1848 г., с 1863 г. член богемского ландага. В 1867 г. во главе чешской делегации ездил на славянский съезд в Москву. Стр. 25, 26.

Пален, Константин Иванович, (1833—1912), граф, министр юстиции с 1867—1878 г., когда из-за дела Веры Засулич был вынужден уйти в отставку, реакционный деятель. Стр. 82, 85, 86, 87, 118, 119.

Паллазен, Иван Оттович, ком. сов., старшина петерб. биржевого комитета. Стр. 162.

Панин, Никита Петрович (1770—1837), дипломат, вице-канцлер. Стр. 106.

Паренаго, возможно, **Александр Николаевич,** контр-адмирал. Стр. 160.

Пашинин, главный механик Добровольного флота. Стр. 161, 164, 165, 167, 172, 182, 183, 187, 188, 312.

Пашков, Василий Александрович, полковн., основатель «Обществ поощрения духовно-нравствен. чтения», основатель религиозной беседы, в 1877 г. ему было запрещ. устройство религиозно-назидательных бесед. Стр. 284.

Перелешин, командир Одесского порта. Стр. 391.

Перовская, Софья Львовна, (1853—1881), член партии «Народная Воля»,

Библиотека "Руниверс"

принимала активное участие в покушении 19 ноября и 1 марта 1881 г. Была казнена 3 апр. 1881 г. Стр. 324.

Перовский, Борис Алексеевич, (1814—1881), граф, ген.-ад. генер. кавал., с 1874 г. член госуд. совета, в 60 годах воспитатель в.-князей Александра Александровича и Владимира Александровича. Стр. 246.

Петр Георгиевич, Ольденбургский, (1812—1881 г.) попечитель училища правоведения, генерал-адъютант, главно-управляющий IV отд. с. в. канцелярии.

Пещуров, Алексей Алексеевич, (1834—1891), вице-адмирал, в 1880—1882 г. управл. морским министерством, с 1890 г.—член госуд. совета. Стр 163, 283, 288, 301, 313, 345, 362.

Пиганьский. Стр. 273.

Плеве, Вячеслав Константинович, (1846—1904), в 1881 директор департамента полиции, с 1902 г.—министр внутрен. дел и шеф жандармов. член госуд. совета. Стр. 339.

Платон, (1803—1890), архиепископ херсонский, вик. киев митроп. (Николай Иванович Городецкий). Стр. 246.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907), член государственного совета, с 1880 г.—обер-прокурор святейшего синода. Стр. 25. 209

Победоносцева (двоюродная сестра К. П. Победоносцева), монахиня Костромского монастыря. Стр. 20.

Погодин, Михаил Петрович, (1800—1875), историк и публицист охранительного националистически-славянофильского оттенка, был профессором в москов. университете (всеобщей и русской истории). В 1841 член второго отделения Академии наук. Стр. 10.

Поленов, Василий Дмитриевич, (р. 1844) художник, в 1877 г. состоял главной квартире наследника цесаревича. Стр. 176.

Поленов, Дмитрий Васильевич, (1806—1878), сенатор сост. при II отд. собст. е. в. канцелярии. Стр. 176.

Полонский, Яков Петрович, (1820—1898), лирический поэт после-пушкинского периода. С 1860 г. служил секретарем в комитете иностранной цензуры. Стр. 44, 45.

Поляков, Самуил Соломонович, (1837—1888), известный железно-дорожный деятель. Стр. 181, 254.

Поляков, издатель. Стр. 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37.

Пономарев. Стр. 286, 294.

Попов, Андрей Александрович, (1821—1898), адмирал. Стр. 111, 136, 221, 223, 284, 297.

Попов, Нил Александрович, профессор московского университета, славист. Стр. 9.

Порецкий, ревизор на пароходе Добров. флота «Москва». Стр. 193, 195.

Пороховщиков, Александр Александр, член московского славянского комитета. Стр. 50.

Посьет, Константин Николаевич, (1819—1899), генерал-адъютант, адми-

Библиотека "Руниверс"

с 1874 по 1888 г.—министр путей сообщения. Стр. 105. 130, 140, 141, 143, 147, 155, 182, 187, 188, 202, 247, 326.

Потапов, Александр Львович, (1818—1886) генерал-адъют., с 1874 по 1876—шеф. жандармов и главный начальник III отделения, с 1876 член государ. совета. Стр. 85, 87, 118, 154.

Потемкина, Татьяна Борисовна, (1797—1869), рожд. княгиня Голицына, жена д. т. с. А. М. Потемкина, статс-дама. Стр. 292, 206.

Путятин, Ефим Васильевич, (1803—1883), граф, адмирал, генерал-адъютант с 1867 г. член государ. совета и министр народ. просвещения (1861)., Стр. 248, 280.

Пятков. Стр. 197, 198.

Пясецкий, Павел Яковлевич, доктор и путешественник. Стр. 371.

Раевский, Михаил Федорович, (1811—1884), протоиерей русской церкви в Вене. Стр. 24, 25.

Рачинский, Сергей Александрович, (1863—1891), ботаник, известный деятель по народному образованию, основатель школы в селе Татеве, Бельского уезда, Смоленской губернии, сторонник национально-религиозной школы. Стр. 61, 276. 361.

Рейтерн, Михаил Христофорович, (1820—1890), граф, с 1862 г. член госуд. совета, с 1862—1878—министр финансов с 1881—186—председатель комитета министров. Стр. 121, 254.

Рейхтер, Оттон Борисович, ген.-ад., ген.-лейт., командир 7 арм. корпуса, 1881—команд. императорской главной квартирой.

Римский-Корсаков, Николай Андреевич, (1844—1912), известный композитор, с 1874—1880 г. директор бесплатной музыкальной школы. Стр. 173.

Рихтер, Петр Александрович, главноуправ. «Красн. Креста», член совета депар. уделов. Стр. 91, 353.

Родзевич, Игнатий Игнатьевич, издатель газеты «Московский Телеграф». Стр. 392, 393, 394.

Рольстон-Вильям, (1828—1889), библиотекарь Британского музея. Стр. 17,?

Рождественский, Зиновий Петрович, лейтен.,впоследствии свиты е. в. контр-адмирал. Стр. 131, 133, 219, 225, 246, 247.

Романов, Вадим Владимирович, делопроизводитель в комитете Добр. флота. Стр. 124. 245.

Ротгольц, Д. М., стат. совет. городской голова в Севастополе. Стр. 171, 172.

Саблин, Федор Федорович, лейтенант. Стр. 160, 161, 164, 172, 175, 213.

Сабуров, Андрей Александрович (1838—1916), с окт. 1880 г. по март 1881 г. управлял министерством народного просвещения, сенатор, с 1899 г. член государ. совета. Стр. 305, 318, 321, 364. 365, 366, 367, 369, 374.

Самарин, Юрий Федорович, (1819—1876), один из видных славянофилов. Стр. 6, 36, 43.

Святополк-Мирский, Николай Иванович, (1833—1898), князь, генерал-от кавалерии, генерал-адъютант, командовал дивизией во время войны 1877—1879 г. г. участвовал в Шипкинских и Плевнинских боях. В 1881—

Библиотека "Руниверс"

1898 г. был назначен наказным атаманом войска Донского. Стр. 101, 109.

Святополк-Мирский, Дмитрий Иванович, (1825—1899), князь, генерал-адъютант, генерал-от инфантерии, с 1886 г. член гос. совета, в 1881—1882—временный харьковский генерал-губернатор. Стр. 341.

Себаша (Sebascha). Стр. 273.

Селифонтов, Николай Николаевич, (1836—1900), 1863 г. нач. отд. канц. комит. министров, 1869 г. помощ. управляющ. делами комитета министров, с 1872—1880 г. товар. министра путей сообщения. Стр. 126, 159, 174, 209, 378.

Семека, Владимир Саввич, команд. войсками одесского военного округа генер.-лейт., впосл. генер-от-инфант., генер.-адъют. Стр. 231.

Семечкин, Леонтий Павлович, капит-лейт., адъют. в. кн. Конст. Никол. Стр. 139, 181, 300.

Сергей Александрович, (1857—1905), великий князь, четвертый сын Александра II, генерал-ад., впоследствии командующий войсками Московского военного округа, и Моск. ген-губ. Стр. 109, 233, 288, 292.

Сергей Максимилианович, герцог Лейхтенбергский, (1849—1877). Стр. 89, 95.

Сергеевский, Николай Александрович, попечитель Виленского учебного округа. Стр. 375.

Сиверс, Петр Александрович, д. ст. сов. Стр. 222.

Сиденснер, Александр Карлович, команд. парохода «Петергург», впоследствии—адмирал. Стр. 136, 145, 176, 214, 227, 229, 251, 290.

Скайлер, Евгений консул Сев. Ам. Соед. Шт. в Москве, секретарь амер. посольства в Петерб., писатель. Стр. 31.

Скаловский, капитан. Скаловский сын капитана. Стр. 165.

Скальки, инженер, итальянец. Стр. 232.

Скобелева, Ольга Николаевна, вдова генерала Скобелева, убита 6/18 июля 1880 близ Филиппполя. Стр. 292.

Скобелев, Михаил Дмитриевич, (1843—1882), генерал-адъютант, участвовал в экспедиции в Хиву (1872) и Коканд. (1875), принимал активное участие в русско-турецкой войне (1877—1878). Стр. 70, 74, 103, 104, 236. 333, 389.

Смирнов, протоиерей, наст. русской посольской церкви в Лондоне. Стр. 271.

Соловьева. Стр. 239.

Соловьев, Сергей Михайлович, (1821—1879), проф. русской истории в моск. универ., представитель историко-юридического направления в науке. Стр. 239.

Сольский, Дмитрий Мартынович, (1833—1910), с 1867 г. государственный секретарь в 1878-1889 г. — госуд. контролер и член госуд. совета. В 1905 г. председат. госуд. сов. Стр. 326.

Сорочинский. Стр. 291.

Спасович, Владимир Данилович (1829—1906), известный юрист и разносторонний писатель по истории Польши, польского права и славянских литератур, был сторонником сближения русского и поль-

Библиотека "Руниверс"

ского обществ присяж. повер. и проф. уголовн. права петерб. университета. Стр. 373.

Спиропуло, греческий волонтер на корабле «Веста». Стр. 247, 253, 264.

Стекль, возможно, **Эдуард Андреевич,** русский дипломат. Стр. 147.

Строганова, Елена Григорьевна, графиня, ее мать в. кн. Мария Николаевна была в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, а во втором браке за гр. Григорием Строгановым. Стр. 89.

Строганов, Сергей Григорьевич, (1794—1882), граф, государственный деятель; был главным воспитателем великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей. Стр. 180, 305, 318, 331, 377.

Сулейман-Паша, (1838—1883), турецкий генерал, командовавший южной турецкой армией во время русско-турецкой войны 77—78 г. г. Стр. 79, 82, 103, 105.

Сухотин, Сергей Михайлович, гофмейстер, в.-презид. моск. дворцовой конторы. Стр. 372.

Таубе, Василий Федорович, барон вице-адмир., ген.-ад., директор инспекторского департамента морского министерства. Стр. 144, 147, 168, 205.

Тереза Петровна, (1852—1883 урожд. принцесса Ольденбургская), жена Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского. Стр. 351, 352.

Тимашев, Александр Егорович, (1818—1893), в 1856 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением, 1867 г.—министр почт и телеграфа, член госуд. совета, с 1868—1878 г. министр внутренних дел. Стр. 33, 35, 37, 38, 59, 67, 76, 82, 88, 102, 232, 260.

Титов, Владимир Павлович, (1803—1891), воспитатель цесар. Николая Александровича, 1862—председатель археографической комиссии, с 1865—член госуд. совета. Стр. 292.

Тихон, (Александр Павлович Покровский), (1820—1885), епископ, выборгский, потом саратовский, архиеп. волынский и житомирский. Стр. 197.

Тихонравов, Николай Саввич, (1832—1893), историк русской литературы, проф. москов. унив., с 1877—1883 г.—ректор университета. 1890—ординарный академик. Стр. 271.

Токарев, Владимир Николаевич, минский губернат., член сов. мин. вн. дел. Стр. 59, 154.

Толстой, Дмитрий Андреевич, (1823—1889), граф, обер-прокурор синода и министр народного просвещения (1865—1880), член госуд. совета, министр внутренних дел с 1882 г. до конца жизни. Стр. 82, 197, 306, 365, 386, 387, 388, 393.

Тотлебен, Эдуард Иванович, (1818—1884), граф известный военный инженер, принимал участие в инженерных работах во время Севастопольской войны (1853—1854) и русско-турецкой (1877—1878), с апреля 1878—главнокомандующий действующей армией. Стр. 75, 83, 111, 130, 186, 231, 299, 374, 375.

Трапезников, Александр Константинович, коммерции-советник. Стр. 197, 240.

Библиотека "Руниверс"

Трепов, Федор Федорович, (1803—1890) петербургский градоначальник, отдавший приказ летом 1877 г. наказать розгами за неснятие шапки перед ним Архипа Петровича Боголюбова (Емельянова), приговоренного к 15 годам каторги за участие в демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6 дек. 1876 г. Стр. 87, 88, 116, 117, 118, 119, 120, 387

Третьяков, Павел Михайлович, (1832—1898), московский крупный фабрикант, основатель картинной галлереи. Стр. 187, 240.

Трубецкой, возможно, **Николай Николаевич**, князь, генерал-майор (для особых поручений при военном министерстве). Стр. 185.

Тютчева, Дарья Федоровна, (1834—1903), фрейлина императрицы Марии Александровны, дочь Ф. И. Тютчева. Стр. 126, 147.

Тютчева, Екатерина Федоровна, (1835—1882), дочь Ф. И. Тютчева от первого брака с графиней Ботмер, фрейлина импер. Марии Александровны. Стр. 325, 372

Урусов, Сергей Николаевич, (1816—1883), князь, статс-секретарь, с 1872—1882 г. председатель департамента законов гос. совета, главноуправляющий II отделения собств. е. в. канцелярии. Стр. 97, 140, 206, 236, 263, 352.

Устинович, курский городской голова. Стр. 30.

Фадеев, Ростислав Андреевич, (1824—1883), генерал, автор книги «Чем нам быть», издатель реакционного жур. «Русский Мир». Стр. 36, 47, 50.

Фальке, Мор. Николаевич, гоф-маклер петербургского биржевого комитета, казначей Добров. флота. Стр. 209, 378.

Федор Адольфович. См. Оом.

Филарет, (1773—1867), митрополит московский (в миру Василий Михайлович Дроздов). Стр. 5.

Филиппов, Тертий Иванович, (1825—1899), 1878—товар. госуд.-контролера с 1889 г.—член госуд. совета и госуд. контролер. Стр. 284.

Филофей, митрополит киевский (**Тимофей Григорьевич Успенский**, (1807—1889). Стр. 348.

Форбс (Forbes) **Арчибальд**, (1838—1900), британский военный корреспондент во время русско-турецкой войны газеты «Daily-News». Стр. 101.

Франц-Иосиф, (1830—1914), император австрийский, сын эрцгерцога Франца-Карла, внук императора Франца. Стр. 25.

Фредерикс, Платон Александрович, генер-ад., генер.-губер., и командующий войсками Вост.-Сиб. округа. Стр. 222, 248.

Фредерикс, офицер. Стр. 130.

Фридрихс, Александр Карлович, ген.-инф. моск. комендант. Стр. 198.

Хартулари, Константин Федорович, прис. повер. Стр. 246.

Худояр-хан. Стр. 105.

Библиотека "Руниверс"

Хованский, князь, может быть, **Николай Николаевич**, (1836—1886), женатый на Екатерине Николаевне Безобразовой. Стр. 321.

Цветков, Константин Николаевич, один из учредит. о-ва Добров. флота Стр. 187.

Чайковский, Петр Ильич, (1840—1893), известный русский композитор. Стр. 342, 343.

Чайковский, начальник морского музея. Стр. 277.

Чапов. Стр. 203.

Черкасский, Владимир Александрович, князь (1824—1878), славянофил, во время войны 1877—1878 г. уполномоченный центрального управления общества Красного Креста, впоследствии устроитель гражданской части в Болгарии. Стр. 78, 81.

Черняев, Михаил Григорьевич, (1828—1898), генерал, принимал участие в севастопольской войне, в средне-азиатских экспедициях, и в 1876 г. правительством Сербии был назначен главнокомандующим сербской армией против турок. Стр. 46, 51, 58.

Чертков, Михаил Иванович, (1829—1905), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1877—назначен генерал-губернатором и командующим войсками киевского военного округа, с 1901 — член гос. совета. Стр. 297, 298.

Чириков, Сергей Николаевич, старший офицер, в 1882 г. командир парохода «Москва». Стр. 160, 193, 195, 90, 396.

Чихачев, Николай Матвеевич, (род. 1830 г.) в 1862 г. состоял директором русского общества пароходства и торговли, в 1877—1878 г.—участник операции русской флотилии в устьях Дуная, с 1888 г. до 1896 г. управ. морским минист. Стр. 153, 158, 160, 168.

Чичерин, Борис Николаевич, (1828 — 1908), проф. госуд. права в москов. университете, автор ряда трудов по истории западно-европейского и русского права, в 1882—1883 г. — московский городской голова. Стр. 147, 196, 305, 325.

Шамиль, (1797—1871), вождь кавказских горцев. Стр. 105.

Шанзи (Chanzy), **Антуан-Эжен-Альфред**, (1823—1883), французский генерал; с 1879 по 1881—посол при русском дворе. Стр. 202.

Шаховской, Лев Владимирович, князь, писатель, чиновник минист. иностр. дел, секретарь о-ва Добров. флота. Стр. 97, 176, 09, 278.

Шатилов, Иосиф Николаевич, один из учредит. о-ва Добр. флота. Стр. 187.

Шварц, Михаил Павлович, (1826—1896), контр-адмирал. Стр. 136.

Швейниц-Лотар, (1822—1901), прусский генерал и дипломат, состоял. с 1876—1893 г. послом в Петербурге, был сторонником тесного союза России и Пруссии. Стр. 65.

Шевелев, купец, пароходовладелец (пароходство между Шанхаем и Амуром) Стр. 235.

Библиотека "Руниверс"

Шелашников, Константин Николаевич, иркутский губернатор, генерал-лейтенант. Стр. 222.

Шереметев, Сергей Дмитриевич, (1844—1918), граф, с 1868 г. адъютант наследника Александра Александровича, с 1881 г.—флигель-адъютант. Стр. 94, 111, 112, 234, 239, 287.

Шишкин, Николай Павлович, (1830—1902), в 1875—1880 посланник в Соед. Штат. Стр. 163.

Штокфич. Ф. Э. комендант Баязета. Стр. 167, 168.

Шувалов «Боби». Стр. 388, 389, 394, 395.

Шувалов, Павел Андреевич, (1830—1908) граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1885—1894 г. посол в Берлине, сторонник русско-германского сближения. Стр. 255, 355, 387.

Шувалов, Петр Андреевич, граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1827—1889), 1863 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения, с 1866—член государ. совета; в 1874—1879 посол в Великобритании. Стр. 257.

Щербаков, жертвователь на благотворительные дела. Стр. 42, 43.

Щербатов, Александр Алексеевич, князь. Стр. 394.

Эрдман, Густав Федорович, контр-адмирал, военный губ. и команд. войск Приморской области (1880). Стр. 280.

Юзефович, Михаил Владимирович, (1802—1889), председатель киевской археографической комиссии. Стр. 95.

Юрий (Георгий) Максимилианович, герцог Лейхтенбергский. (1852—1912). Стр. 232.

Янковский. Стр. 388.

Янышев, Иоанн Леонтьевич, (1826—1900), протопресвитер, профессор богословия, ректор петербургской духовной академии (1866—1883), в 1864 г. был приглащен в Копенгаген преподавать закон-божий принцессе Дагмаре, невесте наследника Николая Александровича. Стр. 400.

Библиотека "Руниверс"